

Л 2017

4510к

Тамара Павленко

Шиповник цветет...

(повести, очерки, рассказы)

Тамара Павленко

Шиповник цветет...
(повести, очерки, рассказы)

Алматы – 2017

УДК 821 (574)

ББК 84 (5 каз-рус) - 44

П 12

«Выпущено по программе «Повышение конкурентоспособности сферы культуры и искусства, сохранение, изучение и популяризация казахстанского культурного наследия и повышение эффективности реализации архивного дела», подпрограмме «Приобретение, издание и распространение социально-важных видов литературы» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан».

П 12 **Павленко Тамара**
Шиповник цветет... повести, очерки, рассказы. / Тамара Павленко – Алматы: Издательство «Асыл сөз» 2017. – 424 стр.

ISBN 978-601-80552-9-4

T2 - 2017 - 424 с.

ISBN 978-601-80552-4-9

Как говорит о себе автор: «О чём бы я ни писала — это всегда о любви...» О радостях, печалях и надеждах любви рассказывают две повести Тамары Павленко «Шиповник цветёт...», «Поздние яблоки» и три рассказа, помещённых в книгу. Десять очерков книги написаны в 1991 — 2008 годах, и это тоже своеобразные рассказы о путешествиях, о людях, о времени, в котором нам всем довелось жить.

Они написаны ярким, образным языком, выдают острую наблюдательность автора, умение сделать простой бытовой эпизод штрихом времени, читаются легко и с большим интересом. Они тоже рассказывают о любви — ко всему существу на земле.

УДК 821 (574)

ББК 84 (5 каз-рус) - 44

ISBN 978-601-80552-9-4

ISBN 978-601-80552-4-9

© Павленко Т., 2017

© Издательство «Асыл сөз», 2017

Повесть

Шиповник цветет...

*... в память той неустрашимости
шиповник посажу.
Анна Ахматова*

Она ждала и боялась этого вопроса пятьдесят лет. А спросила об этом девчужка, выпускница ее последнего класса, который она вела перед пенсией, семь лет назад. Впрочем, девчужка уже окончила институт, и за руку ее держался молодой человек лет трех отроду. Вдруг пришла навестить свою старую учительницу и просто так, ровненьким голоском спросила о тайне ее жизни: «Скажите, Мария Карповна, ваша девичья фамилия Данько?» И она почувствовала, как ударило ее тем давним страхом, будто распрямилась сжатая ржавая пружина. Казалось, время, как вода, смыло все следы прошлого, да и бояться-то уже нечего — все быльем поросло, полвека прошло. Сейчас это не имеет никакого значения. Чего это она испугалась?

— Почему ты спрашиваешь, Галочка, откуда ты знаешь?

— Я недавно вернулась из Сибири. Была там в отпуске. Мы пошли в гости в один дом, к знакомым моих родственников. Очень хорошая семья, в отдельном коттедже живут. И все так со вкусом... Хозяин такой красивый, шевелюра седая, а глаза молодые, смеются. Ухаживать умеет. Повели нас показать дом. А в кабинете хозяина висит ваш акварельный портрет. Помните, вы болели, а мы почти всем классом приходили вас навестить? Еще ваш семейный альбом смотрели. И там была фотокарточка, где вы молодая-молодая! В украинской расшитой кофточке. Помните? Так вот этот портрет с вашей фотокарточки сделан. Вы такая там красивая!

— Ты ошиблась Галя, Как это мой портрет, которого не было, мог оказаться в Сибири? Это просто похожее лицо.

— Ой, Мария Карповна, я хорошо запомнила эту фотокарточку, вы там такая красавица, мы с девчонками просто ахнули! Я посмотрела на портрет и сказала, что я знаю кто это — это моя учительница математики, Мария Карповна! Я видела такую фотокарточку... Тут хозяин, Иван Степанович побледнел, вцепился в меня, за плечи трясет:

— Где вы видели фотокарточку, что это за учительница?

— Какой Иван Степанович? — удивилась она.

— Неведомый Иван Степанович. Помните такого?

— Он умер, Галя, утонул пятьдесят лет назад...

— Да что вы, Мария Карповна! Жив он! Он рассказывал, что спасли его, а когда он вернулся в Харьков, найти вас уже нигде не мог. Всю жизнь искал. Да вот он письмо вам передал, возьмите.

Она взяла конверт, ошеломленно смотрела на надпись: «Марийке Данько». Это она, Данько Марийка. Только пятьдесят лет об этом никто не знал — ни муж, ни дети, а дядько Юхим давно умер...

— Я пойду, — сказала Галя. — Напишите ему. Позвоните. Он ждет.

Она прочитала письмо, машинально сложила листочек по сгибам, сунула в конверт. Снова вынула из конверта, снова прочитала. Еще не ощутила ни радости, ни боли. С ней все уже давно случилось, и все произошло — и плохое, и хорошее. Двадцатый век не поленился, растоптал ее родительскую семью, попинал ее жизнь, вытер ноги о судьбу мужа, — была она и дочерью кулака, и женой изменника родины, — и вот, наконец, на последнем своем двадцатилетии выдохся, словно задремал. Людям, пережившим страшные его годы, в эту благодать не очень верилось. Опасались, вот сейчас проснется зверюга, и опять начнется безумие... Она привыкла молчать и молчала... Хоть и затянулись раны, а отметины, бывает, ноют к душевной непогоде. Вот сидит она сейчас на нежарком солнышке, кажется, ну что плохого может с ней случиться, кроме болезни и смерти, впрочем, и ничего хорошего она тоже не ждет.

Это письмо... Смысл его, наконец, дошел до сознания. Странное ее бесчувствие оборвалось — обида вспыхнула мгновенно, как порох, охватила жаром душу и дрожью тело. Как же так, Иванко, ты остался в живых и не нашел меня?! Как же так?! За что?! Вся жизнь!.. Пятьдесят лет назад это было, полвека... Ей было девятнадцать. А Иванку двадцать три. А внутри уж против воли ее запело, зазвучало:

Иванко, ты Иванко!

Сорочка – вышиванка,

Высокий та стрункый, высокий та стрункый,

Ще й на бороди ямка!

Это она пела, а он подхватывал:

Маричка, ты Маричка!

Люблю я твою вроду,

Люблю дывытыся, люблю дывытыся,

Як ты идешь по воду.

И оба вместе на два голоса продолжали:

На гори два дубочки,

Обыдва зэлэнэньки,

Мы так паруваны, мы так паруваны,

Обое чорнявеньки!

Так они пели во весь голос, когда к вечеру после сдачи последних экзаменов вышли за город, спустились к речке, перешли ее по мосту и брели по степи, счастливые, ведь навсегда они будут вместе и вся жизнь у них впереди. Иванко вернется с практики, она в детском доме свою отработку закончит, и поедут они в село к ее родителям просить благословения. А ему некого спрашивать, сирота, в детском доме вырос. Рассказывал Марийке, что шести - семилетнего, голодного, замерзшего, в лохмотьях его подобрали на улице, принесли в сиротский дом. Сердобольная женщина дала ему стакан морковного чаю с сахарином, забелила молоком, протянула кусочек хлеба, остригла наголо, искупала. Кто он и откуда, он не помнил. Когда директор детского дома спрашивал, как его зовут и как его фамилия, он не мог ничего сказать, кроме того, что зовут его Ваня. Директор, с виду

суровый, безногий инвалид на деревянном протезе, все добивался, помнит ли он хоть что-нибудь и кто его родители. И приготовился записать что-то с его слов в карточку — вдруг да родители найдутся, хотя, конечно, вряд ли. Мальчик только вспомнил, что мама играла на пианино и желтое колечко на пальчике, пытался что-то вспомнить еще, но директор, опасливо оглянувшись, тихо сказал: «Цього не трэба!» И громко посетовал:

— Ничого не знае хлопчик, ничого не ведає! Напышем тобі — Нэвэдомый! А отчество, як у всіх нэпомнящих, будэ мое — Степанович. Доки тут живэшь — я твий батько, а титка Ганна — твоя маты. Слухайся, не балуй».

Он «слушался и не баловал». Когда начали учиться, оказалось, что он умеет читать и считать, но откуда это знает, он не помнил, ему казалось, что он умел это всегда. Возможно, он был так мал и худ, что возраст ему занизили, а на самом деле он был старше. А потом, как у многих, — рабфак, институт. Иванко учился и постоянно подрабатывал на стройке грузчиком, летом в ближних селах на сенокосе и уборке, и голодным уже никогда не был, и одет был с фасоном, всегда у него брюки наглажены, рубашка чистая. Все умел делать сам. Вот уже сдал экзамены за четвертый курс, и его послали на практику, в Киев, на механический завод.

Марийка после семилетки умолила отца, чтобы отдал ее учиться дальше. Хотела стать учительницей. У них в селе учителя, муж и жена, были самыми уважаемыми людьми, знали все на свете, о чем ни спроси. И Марийка хотела стать такой же. Отец привез ее в Харьков, устроил на квартиру. Она тоже окончила рабфак, поступила в университет, жила в студенческом общежитии. Однажды, на празднике, она тогда училась на первом курсе... да-да... первого мая это было... музыка играла, цветы... все веселые, светлые какие-то... У Марийки ремешок на самодельных босоножках — деревянная подошва на ремешках — оторвался, пришлось из рядов демонстрации выйти. И подружка Надийка с ней. Тут же к ним двое парней подошли, помощь предложили. Один из

них был Иванко. Разорванный ремешок какой-то провололочкой закрепил — можно было идти дальше. Но не спешили, познакомились, поболтали. Товарищ Иванка, Василь, заметно было, тоже на Марийку поглядывал. Но она уж, кроме Иванка, не видела никого. Помнится, на каруселях катались, мороженое ели и пили газированную воду с сиропом. Оба выбрали вишневый сироп. Друг на друга поглядели и улыбнулись...

Да... больше года встречались... Иванко четвертый курс окончил, она второй. Любила его так, что самой страшно становилось. Знала про себя, скажет он: «Мне надо, чтоб ты с моста кинулась!» — кинется, не спросит зачем. И он не просто любил — трепетал. Все нужные слова сказали друг другу, хотя и без слов все было ясно. И вот в этот день перед недолгой, казалось, разлукой шли они по степи счастливые, веселые... Месяц практики пройдет быстро. А потом уж вместе на всю жизнь!

Шли куда глаза глядят. Остановивались, целовались. Кругом — ни одной души. Устали. Где бы посидеть?.. А вон перелесок! Добежали наперегонки. Смеялись. В траву упали. У Марийки с собой булка и вода. Иванко колбасы домашней успел прикупить на базаре. Вкусно как! В глубь перелеска пошли. А тут заросли шиповника колючего в цвету. Обходить надо. Иванко вдоль кустов пошел, кричит: «Марийка, скорей сюда!» Марийка на голос пошла, а не видит его. А он смеется, за кустами прячется. Потом откуда-то вынырнул сзади нее, позвал: «Пригнись, Марийка, тут проход есть». Пролезла Марийка между колючими кустами, поцарапалась немного и застыла, слова сказать не может. Перед ней полянка круглая, уютная, как комнатка. И стены ее — живые высокие кусты с ветвями в густых розово-алых цветах. Июнь был в разгаре, и шиповник цвел. Душа ее благоговела и радовалась. Как у ребенка в церкви... Иванко тоже притих, думал о чем-то. А потом повернулся к ней и сказал:

—Только ты не обижайся на меня, Марийка, я хочу тебя попросить...

А сама уж знала, что он скажет, и вспыхнула, как шиповниковый цвет. И он продолжил, тоже смутившись:

— Покажись мне Марийка, я хочу тебя видеть...

— И я хочу тебя видеть, Иванко...

Они отвернулись друг от друга, разделись. Марийка попросила:

— Закрой глаза, потом повернись.

И она тоже закрыла глаза. Потом повернулись друг к другу. Марийка сказала тихо, и голос ее прерывался:

— Смотри!

Они одновременно открыли глаза и увидели друг друга — молодые, красивые обнаженные юноша и девушка, любящие и любимые, и не было у них стыда, как у Адама и Евы в раю до грехопадения. Они обнимались, ласкали друг друга так долго и нежно, и сердца их стучали так, что, казалось, вот-вот вырвутся из груди. Он говорил:

— Какая ты красавица, Марийка! Как жаль, что нет здесь большого зеркала, чтобы ты могла себя увидеть. Я буду этим зеркалом, которое запомнит тебя такой на всю жизнь. Я твой навсегда, а ты моя. Потом распишемся, и никто никогда не узнает, что сегодня мы повенчаны перед небом. А в свидетели возьмем шиповник.

Село солнце, и стало зябко. Они оделись и легли рядом, подстелив его пиджак, потом задремали, потом просыпались, снова задремывали. И проснулись окончательно, едва только заалел восход и поделился своим светом с Марийкой, Иванком и с шиповником, пламенеющим вокруг них.

Они вернулись в город и расстались. Иванко вечером уезжал в Киев. Еще забежал к ней в общежитие, занес для сохранности свои рисунки. Хорошо рисовал Иванко, мог и художником стать. Она проводила его на вокзал. В Киев ехали на практику человек десять, и друг его, Василь, тоже. Иванко при всех ребятах обнял Марийку, поцеловал. Из-за его плеча она поймала взгляд Василя, смущенный и грустный. Ну, что ж тут поделаешь...

Скоро от Иванка письмо пришло — веселое, нежное, че-

рез день еще, потом еще. Часто писал он, и Марийка ему отвечала. Писал Иванко про практику, про жизнь. Писал, что встает рано утром, до рассвета и идет на Днепр купаться. Вода холодноватая, но после купанья весело и бодро себя чувствует. Пообещал, что обязательно научится так хорошо плавать, чтобы одолеть Днепр. Цель себе такую поставил. А в конце каждого письма был легкий такой, изящный набросок пером — ветка цветущего шиповника. И Марийку каждый раз в жар бросало от смущения и счастья.

Уже месяц разлуки подходил к концу. Как-то вечером, по дороге в общежитие вдруг встретила она Василя. Тот с вокзала шел, печальный такой, задумчивый. Она к нему подошла, спросила, почему он с практики раньше уехал. Даже сердце забилося, может, Иванко тоже с ним вернулся. А у него лицо какое-то потемневшее, серое. Поздоровался с ней, показалось, небрежно и глаза в сторону отвел. Говорит, вызвали его — мать очень больна. Доктор велел детей вызвать. Марийка стала его утешать. А он говорит:

— Марийка, и я тебя утешать должен...

— Почему?! — сердце у нее тревога сжала.

— Нет больше твоего Иванка, утонул он!

— Когда?!

— Позавчера утром. Он всегда утром купаться ходил, все мечтал Днепр переплыть. А предупреждали его — не зарывайся, Днепр река серьезная, легкомыслия не прощает. Долго искали. Нашли только одежду на берегу. К вечеру я уехал. Вот такие дела, Марийка...

— Неправда! Врешь ты все! — закричала Марийка, словно за соломинку схватилась, — это ты нарочно говоришь, потому что на меня поглядываешь, хочешь разбить нас с Иванком!

— Да, Марийка, люблю я тебя, это правда. Да только никогда тебе между нами не встать. Иванко — друг мой единственный!

Сел прямо на землю Василь и зарыдал. Поняла Марийка,

что он говорит правду. И пошла она, куда глаза глядят, целый вечер по городу ходила, как в беспамятстве. Пришла в комнату, повалилась на кровать, всю ночь проплакала, хорошо девчата уже все разъехались, никого не беспокоила. Потом сном забылась. Вдруг утром стук в дверь. На пороге сама секретарь университетского ректора. И к ней:

— Это вы, Мария Данько?

— Я... — удивилась Марийка тому, что такая важная дама к ней в общежитие пришла. Бывало, на козе не подъедешь.

— Александр Васильевич приглашает вас немедленно к нему придти!

— Зачем? — удивилась Марийка.

— Ничего не знаю. Но велел срочно вас привести.

— Да вы идите, я сейчас приду.

— Нет уж! Я с вами пойду.

Так и шла с ней Марийка, как под конвоем. Всю дорогу голову ломала, зачем она могла самому ректору понадобиться. Даже горе ее куда-то в сторонку отодвинулось, место освободило для другой тревоги. С ректором лично она и знакома-то не была. Кто он, а кто она... Будет он помнить каждую свою студентку, как же... Если успеваемость, так у нее все отлично... Если практика, так тоже все нормально. Непонятно!..

Она ошибалась, думая, что ректор ее не помнит. Пожилой профессор очень хорошо ее запомнил. Удивлялся, что простая крестьянская девушка может быть так изысканно красива. И учится отлично. И даже подумывал, старый либерал, может, не зря революция открыла народу дорогу к образованию. И, может, в России схлынет эта кровавая пена, и жизнь еще наладится. Сам с собой пошучивал — если б эту Марию еще приодеть, да в Париж... Темно-русые волосы, серо-голубые глаза. Физиономисты считают — признак страстной натуры. М-да...

Марийка робко приоткрыла дверь в кабинет:

— Можно?

— Заходите, садитесь. Мария Данько?

КОЛО
ПЕЧАТ
С

— Да, — едва прошелестела в ответ Марийка
Ректор посмотрел. Бледна что-то девочка. Но все равно
— хороша необыкновенно. Эх!..

— Мария, — сказал он, держа в руках какой-то листок, —
вашего отца зовут Карп Филиппович Данько. Так?

— Так, — тихо сказала она.

— Он богат, как сейчас говорят, он кулак? — спросил ректор
и поморщился от отвращения к себе.

— Нет, что вы! Он середняк, ему дали твердое задание
по налогам. Да он говорил, что скоро все равно придется в
колхоз вступать.

— Вот, возьми, почитай.

И ректор протянул ей листок, как-то неровно вырванный
из тетрадки в клеточку. Марийка прочла раз, потом другой,
руки ее задрожали, голова закружилась. Это было заявление,
адресованное лично ректору. Мол, у вас в университете учит-
ся дочь кулака и врага народа Данько Мария. Отец ее аресто-
ван за поджог колхозного амбара, а вся семья выслана в Си-
бирь. И не место этому кулацкому отродью, Марии Данько, в
советском университете. Чему научит рабоче-крестьянских
детей такая учительница. Это, мол, письмо, а копия отпра-
влена в ОГПУ. Пусть эту Данько исключат из университета и
отправят куда положено.

— Что твоя семья сделала этому голове сельской рады?

Марийка от волнения вставляла украинские слова:

— Прошлым летом сватался. Я гарбуза вынесла... Батько
ще сокрушався, казав, щось будэ...

— Значит месть за отказ. Благодородный мужчина, ничего
не скажешь... Вот что, деточка, пиши заявление об уходе из
университета и поставь позавчерашнее число. Мы проведем
в приказе вчерашним. Антонина Гавриловна, секретарь,
свой человек. Ушла, мол, по собственному желанию — знать
ничего не знаем. И ты, Машенька, в село не езд, твоих род-
ных там уже нет. Уезжай из города, куда-нибудь подальше,
скройся. Я знаю, ты стипендию еще не получила. И не полу-
чай, не ходи в кассу. Вот возьми у меня. Бери-бери. Сочтем-

ся... на том свете. И никому, никогда, слышишь, Маша, не говори о том, что здесь произошло. И ты пропадешь, и меня погубишь. Ты тоже ничего не знала, взяла да уехала. Даже подружкам не говори. Сейчас иди, собери вещи, и чтобы через два часа тебя в городе не было. Страна большая. Езжай в большой город, в Киев, например. И никогда, никому... ты меня понимаешь?

Марийка вышла из кабинета, как в тумане. Одно только поняла – надо бежать, спастись. Куда?! К кому? Она догадывалась, что вокруг происходит что-то непонятное и страшное, бывало, ждут преподавателя на лекцию, а приходит важный парторг и говорит: «Лекция пока отменяется, профессор взят, как враг народа». В аудитории – молчание. Об этом вслух между собой не говорили. Даже с Иванком не говорили, как будто этого ничего не было. Вот и до нее очередь дошла. Отец был хороший хозяин, работал себе и работал. А этот голова сельрады из голытьбы ледащей. Да разве теперь кому докажешь! Как под гипнозом — ректор велел — пошла в общежитие. Собрала вещи в свой деревянный чемоданчик. Положила на дно Иванковы письма и рисунки, да его фотографию. Связала в узел пальто, платок и теплую кофту, «маты вязала», и вышла на улицу. Вахтерше только сказала, что уезжает домой – отец болен.

Она брела по улице, не разбирая дороги. Куда идти, с кем посоветоваться, она не знала. В два дня потеряла она своих родителей и своего любимого Иванка. Одна она осталась, одна против неба на земле, как говорила мать. Ректор сказал, надо уехать. Это значит, надо на вокзал. Потом сообразила, если на вокзал, то надо на трамвай сесть. Значит, надо площадь перейти. Она пошла через площадь, снова погрузившись в свое странное, словно полусонное состояние. Что-то сильно толкнуло ее в бок, в плечо. Она упала, ударилась другим плечом о землю. Чемодан и узел вылетели из рук. Люди сбежались, толпятся, в лицо заглядывают. Кто-то кричит: «Милицию! Врача!» А рядом с ней суетится сельский

дядька и приговаривает: «Нэ трэба милицию! Цэ моя племяшка — Марийка! Мы сами разбэрэмось!» Она встала, закивала головой: «Не надо милиции!», поморщилась, голова покруживалась. Дядька посадил ее в телегу, уложил вещи, тряхнул вожжами: «Но! Поихалы!», и они поехали, оставив позади разочарованно расходившуюся толпу.

Через некоторое время дядька свернул в переулок, остановился. Повернулся: «Куда тоби, доця?» Она не ответила, и он, внимательно всмотревшись в ее неподвижное, какое-то полумертвое лицо, воскликнул: «Шо такэ з тобою, доня моя?!» И неизвестно, понимал или не понимал дядька — спросив, что с ней, он уже взял на себя человеческое обязательство выслушать и принять участие. Может, понимал, иначе мог бы просто из телеги вытряхнуть — и пошла вон! Он был похож на отца, от него так же пахло, как от отца, — каким-то деревенским, родным запахом — табаком, сеном, лошадью. И она вдруг рассказала ему, что случилось с Иванком и с родителями, что добрый человек посоветовал ей уехать и скрыться, а куда ехать, она не знает. Она не плакала, слез у нее не было, она их выплакала ночью, но без слез было еще страшней. На средину груди словно положили камень, он давил невыносимой тяжестью и не давал продохнуть.

Дядька выслушал, покряхтел и сказал:

— Поихалы зи мною, доня моя! Мы з бабкою самы живэмо, сыны в гражданьску войну сгынулы, дочка замиж пишла в другэ сэло. Поживэш з намы, побачимо, що робыть. В мене за Харкивом у брата дочка, така ж гарна, як ты, тэж Марийка. Я кажу, що племяшку у гости прывиз. Зовуть мэне дядько Юхим. Поживэш трохи, там побачим...

Он разровнял в телеге сено, подложил ей под голову ее узел, подоткнул сено под бока. Поехали! На какое-то время судьба ее определилась, и Марийка вдруг заснула, как провалилась.

В доме дядьки Юхима Марийка прожила почти год, и так пришлось старикам по сердцу, что не хотели ее отпускать. Деревенская работа была ей привычна, Марийка была на руку

быстрая, на работу спорая. Осенью дядько Юхим простыл, и бабка его прихворнула, вся скотина была на Марийке, да еще и за больными ухаживала. Выходила стариков. Марийка тяжелой работе была рада, к вечеру с ног валилась, засыпала мгновенно и радовалась, что не успевала о горе своем подумать. Зимой съездил дядька Юхим в ее родное село, хотел разузнать про Марийкину семью. Да ничего толком не узнал. Выслали не только одну ее семью, а куда — никто в селе не знал. А у начальства не спросишь. Но верила Марийка, что рано или поздно найдет своих. Привязались старики к Марийке. Да пришла опять та же беда. Хоть почти никуда Марийка не выходила со двора, однако ж, ее увидели и намекнули, что сватов зашлют.

Вот уж, правда — «не родись красивой, а родись счастливой». Марийкина красота уже принесла несчастье всей семье. Она рассказала все дядьке Юхиму. Он собрался и поехал к брату за Харьков. Когда вернулся — положил перед Марийкой бумаги с печатями. Это были документы его племянницы и ее ровесницы Марии Ковальчук, окончившей в своем селе семь классов. Даже отчество у нее было, как у Марийки. Дядька Юхим выпросил у родственников эти документы, а настоящая Мария Ковальчук подала в сельсовет заявление, что документы у нее в Харькове украли. И это стоило ее отцу поросенка, подаренного голове сельрады. Дядько Юхим возместил брату убыток. А Марийке сказал: «Езжай, доця, у город. Та не в Харкив, дэ тэбэ знают, а у Кыив. Ховаться трэба там, дэ багато людэй».

Собрались в дорогу. Присели, помолчали. Дядько Юхим повез ее до ближайшей железнодорожной станции, где она должна сесть в поезд до Киева. Расписания, конечно, не знали, ехали не торопясь. По дороге дядька Юхим учил ее жить. На всю жизнь запомнила она его простые житейские наставления:

— Марийка, на довгим вику, як на довгий ныви... Я тобі кажу — нэ высвайся, не беги упереди, нэ кричи громче усих — людэ позавидують и голову знесуть. Нэ оставайся у

хвосты — тэбэ стопчуть. Держись, Марийка, усередке, шоб не завидувалы тэбэ и не стопталы. Живи, як уси живутъ. А то зараз будуть выдвигать, а потим проверять... Цэ тоби нэ трэба. Хай, доця, воны грають у свою революцию, доки голову не зломьять. То ж все пройдэ, як нэ було, а нам надо хлиб сиять, дитэй ростыть. Чи щастя, чи горэ — гарна ты дивка. Дай Боже тоби доброго мужа и справных диток. Николы, никому, ни мужу, ни диткам не кажи про наши з тобою дила, про чужи бумагы.

Они приехали на станцию и узнали, что поезд на Киев прошел час назад. Марийка посмотрела расписание — через два часа подходил поезд в другую сторону — на Москву. И она купила билет до Москвы. Дядько Юхим сначала закручинился, а потом сказал философски:

— Може, то судьба! Москали тэж люды... С Богом, доця!

Они обнялись на прощанье. Потом Марийка поклонилась ему низко- низко, до самой земли. И отец родной не смог бы сделать для нее больше.

* * *

Не доезжая до Москвы, на одной из остановок она увидела на вокзале щит с крупной надписью — «Требуются». Поддаваясь неясному порыву, схватила вещи и выскочила из вагона.

Она поступила на местную ткацкую фабрику, поселили ее в общежитие. Сначала была ученицей, через положенный срок стала работать самостоятельно. Помня заветы дядьки Юхима, рекордов не устанавливала, держалась честной середины. Хотя мастер Саша Петров однажды ей сказал: «Мне кажется, Мария Ковальчук, ты не в полную силу работаешь!» Она засмушалась, покраснела, тихо пролепетала: «Я стараюсь...» По-русски она говорила хорошо, только, как все южане, выговаривала мягкое «г». Но у нее был хороший музыкальный слух, и она скоро избавилась от южного акцента, научилась говорить твердое «г» и даже по-московски

акала. Подмосковные девчонки были светленькие, симпатичные, но не красавицы. Марийка прятала свою красоту. Низко наклоняла голову, редко улыбалась, одета была, как все, бедновато. Но особенность такая была — что ни наденет, все на ней ладно и красиво смотрится. Соседки по комнате просили: «Маруся, дай свою кофточку, на танцы сходить». Марийка никогда не отказывала. Но эта кофточка на другой девушке смотрелась совсем иначе — ничего особенного.

Вечерами возле общежития клубились толпы кавалеров. Марийка ни на танцы, ни на свидания не ходила. Иногда с подругами в кино, а то уж вовсе стали поговаривать, что она, наверное, баптистка. И это тоже было опасно. Она записалась в библиотеку, стала брать книги, и чтение спасало ее от ужаса воспоминаний и тоски одиночества. К чтению книг приохотил ее еще Иванко. Сам и приносил ей книгу за книгой. Правились ей стихи. Особенно полюбившиеся она со второго чтения запоминала наизусть. Девчата смеялись, говорили, глаза, мол, испортишь, жениха не рассмотришь. В комнату провели радио, и вечерами, когда девчонки убегали на свидание, подсаживалась к черной тарелке репродуктора, слушала музыкальные передачи — песни, арии из опер, рассказы о певцах и композиторах. Новые знания и понятия впитывались жадно, семена падали на подготовленную почву. Она не вполне сама осознавала, что становится другой, что личность ее, как корабль, обретает остойчивость, что у нее даже появилось особенное выражение лица, какие бывают у людей, уверенных в себе и себя уважающих. Со своими семью классами по документам поступила в этом же городке в вечерний педагогический техникум, как и прежде она хотела быть учительницей математики. Вступила в комсомол. Сказала, что она сирота, родители погибли в гражданскую войну, с детства жила у дальних родственников. Поверили. Никто не проверял.

Конечно же, красота ее не осталась незамеченной, но никому не удалось тронуть ее сердца. Слишком свежи были ее раны. Постепенно все ее поклонники от нее отставали и бла-

гополучно женились на ее же подругах. Кроме одного. Это был тот самый мастер, Саша Петров. Он работал и учился заочно в текстильном институте. Небольшого росточка, худенький, остроносенький, он неустанно топтался возле нее. Подруги говорили: «Маруся, посмотри на Сашку – вот кто тебя любит, вот кто тебя будет холить и лелеять. Выходи за него замуж!» Марийка не спешила, хотя, усмехаясь, думала: «Иванов, Петров, Сидоров. Петров — как раз посередке. Как дядько Юхим учил».

После успешного окончания техникума, стала работать в школе, поступила в педагогический институт, заочно. От школы дали отдельную комнатку. Саша Петров и тут ее не оставлял. Она сдалась и стала встречаться с ним. Вместе ходили в кино, ездили в Москву, в театр. От страстных поцелуев уклонялась — он не волновал ее. Удавалось ему поцеловать ее вскользь, в щечку. Соседка по квартире, тетя Глаша, качала головой: «Ой, девка, не упusti парня! Не такая уж ты и молоденькая. Ты посмотри, как он тебя любит, ведь если ты с ним никуда не идешь, он целый вечер напротив на скамеечке сидит и уходит аж за полночь. А как-то до утра сидел, я увидела и ахнула!»

Саша окончил институт и сделал ей официальное предложение. Она ответила: «Я подумаю, завтра скажу». Целую ночь читала Иванковы письма, рассматривала его фотографии, рисунки. Плакала. На другой день, вечером сказала Саше, что согласна. Но очень твердо и даже немного заносчиво проговорила:

— Я тебе признаться должна, Саша, а ты уж сам думай, как поступить. Я любила одного парня, и все у нас с ним было...

Саша вдруг закрыл лицо руками и завыл, выкрикивая:

— Вот оно как! Вот оно что, оказывается! Я так и думал, что-то с тобой не так, уж очень святую из себя строила! А-а-а! Что, бросил он тебя?! Бросил?! Кто ж на такой женится?! А я, надеешься, чьи-то объедки подбирать буду?! А-а-а!...

Он сорвался с места и убежал. Марийка даже облегчение

почувствовала. Подумала, вот и вся великая его любовь. Не судьба ей, видно, замуж выйти.

А Саша пришел на следующий день, осунувшийся, под глазами темные круги от бессонницы. Вошел в комнату, на колени встал и сказал:

— Машенька, прости меня. Невинность девушки — это на одну минуту. А ты мне нужна на всю жизнь!

И этими словами он достал, наконец, до ее сердца. Расписались. Позвали друзей. Скромно отпраздновали событие. Она боялась первой брачной ночи. И не зря боялась. Было как-то оскорбительно торопливо, стыдно и неожиданно больно. Она не удержала крик. Он благодарно целовал ее, говорил изумленно и растерянно:

— Что это, что это Машенька?! Ты на себя наговаривала? Зачем?!

— Хотела испытать твою любовь! — нашлась она.

Не столько ради себя солгала, а ради него, Саши, ради будущей их жизни.

Потом муж, счастливый, заснул, а она лежала с открытыми глазами и думала, как же такое могло случиться? Ее невинность и наивность тому была причиной. Говорили подружки, что бывает при этом больно, она думала, что ей не было больно с Иванком от великой любви. Потом не раз жалела, что не забеременела в ту ночь, осталась бы ей от Иванка хоть кровиночка, а ей радость и утешение. Оказывается, Иванко поберег ее. А уж как ласкал, как целовал всю с головы до ног! Это была ее первая ночь близости с любимым. И больше такого не может быть никогда и ни с кем. Нет тебя на свете, Иванко! Она плакала и прощалась с ним навсегда. Утром мужа вызвали, как механика цеха на фабрику, что-то там случилось. Марийка достала плотный пакет, в котором были фотографии, письма и рисунки Иванка и бросила в горящую печку, все — до последнего клочка. Думала, пусть простит меня душа твоя, Иванко, — мне надо жить! Делить свою душу надвое я не смогу, да и нечестно это и по отношению к мужу, и к памяти о тебе. Живое живым... Все!

После замужества она неожиданно почувствовала себя защищенной. Она была Мария Карповна Петрова, учительница математики, замужем за уважаемым человеком, и у нее были настоящие, ее, а не чужие документы. У мужа в недалекой деревне жили родители, братья и сестры. У Марийки появились родственники. Все как у людей. Саша человек был очень непростой, и было ей с ним нелегко. А кто простой? А с кем легко? Так она утешала себя, когда обнаружилось, что муж вспыльчив и несдержан. Все свои неприятности на работе, свое там приниженное молчание он вымещал на жене. Приходил, сердитый, и начинал ко всему придирааться — то котлета подгорела, то пыль на зеркале, то цветы не политы. Еще он был бешено ревнив. С какой бы супружеской парой они не начинали дружить, через некоторое время, он начинал ее ревновать к чужому мужу. Сцены устраивал с криком и битьем посуды: «Ах, ты, такая разэтакая, я все видел! У меня вилка упала — я наклонился поднять, видел, как ты быстренько ногу убрала с его ноги! А-а-а!» Так дружба и расстраивалась. И однажды она догадалась, что он допоздна дежурил у ее дома, не столько от любви, сколько от ревности и подозрительности — а вдруг да она с кем-то гуляет по ночам. Ей даже казалось, что такая ревность не очень-то нормальна.

Обнаружилось, что муж весьма скуповат. Всеми семейными деньгами распоряжался сам. Если она шла в магазин, он выдавал ей деньги на покупки, а потом она писала отчет, на что потратила. Как южанке, ей все время хотелось фруктов. Фрукты были дороги, на рынок муж ходил сам. Иногда она ходила с ним в качестве советчика, хотя он сам лучше ее знал, где, что и почем. Шли и во фруктовые ряды, не обращая внимания на призывы кавказских продавцов из первых рядов, где уже после войны, в благополучные годы, стояли ровные пирамидки безупречно красивых яблок, груш, мандаринов. Они проходили в дальний ряд, где настырно и стыдно торгуясь, он покупал яблочки с бочком, груши с изъёмом, или стекшие ягоды, но все подешевле. И она думала,

с печальным интересом, кто ж такие эти счастливые люди, которые покупают сказочные фрукты в первых рядах.

Даже после грандиозных скандалов ей не приходило в голову оставить его, развестись, так сильна была установка патриархальной деревенской семьи: вышла замуж — живи. Это твоя судьба. Живут же люди без рук и без ног, можно жить и без счастья... Он любил ее, как умел, просто таков он был, и такова была его любовь. Никогда она не подозревала его не только в измене, но не замечала в нем даже мимолетного интереса к другой женщине.

Немного легче стало, когда родилась первая дочь. Свет в их семейном окошке. Так и называли — Светланой. До войны это было модное имя. Дочку Сталина тоже так звали. Хоть и говорил Саша, что хочет сына, а в дочке души не чаял. Он стирал пеленки, вставал к ребенку ночью. Нет, были-были все-таки у них хорошие минуты...

А война! А извещение, что он пропал без вести... Кончилась война, вернулся из плена — кожа да кости, да язва желудка. Но радости, радости-то было — живой вернулся! Выживала, как малое дитя. А он тихий был, ласковый. Сил на вспыльчивость не было. И она так жалела его, что почти любила. Даже еще родила дочку. Ждали сына, и имя выбрали — Валерий. А родилась девочка, назвали Валерией. Также красивое имя.

А потом пришли ночью с обыском люди с нечеловечески-ми, застывшими лицами, перерыли все в квартире, забрали какие-то книги и мужа с собой увезли. Кто-то донос на него написал, что видел, как в оккупированном Воронеже он выходил из немецкой комендатуры и немецкий солдат рядом шел, а не вел его под конвоем. Мог бы и убежать. А он в лагерь вернулся. Сколько людей погибло, а он в живых остался. Тут явно что-то нечисто. Как изменнику родины дали ему 25 лет. Суд был закрытый. Родственников не пускали. Уже из лагеря он ей писал: «Маша, не верь, что я изменник. Меня в тот день забрали в немецкую комендатуру полы мыть. Жди

меня. Разберутся и отпустят». Ее уволили с работы, как жену изменника родины. А у нее двое детей, и младшей дочке годик. Это уж был конец учебного года, ей не дали даже принять школьные экзамены. Уехала в деревню, к свекрови. Работала в колхозе. К осени вернулась, а директор школы домой к ней заявился и, понизив голос, хотя в квартире кроме них никого не было, сказал:

— Выручайте, Мария Карповна, такого преподавателя, как вы, нам не найти. И родители беспокоятся.

— Так ведь не разрешат вам меня принять на работу. Сами пострадаете!

— А мы потихоньку! Коллектив так решил, — полушепотом отважно и отчаянно заявил директор, — вас все любят и уважают!

Она с радостью согласилась и проработала все годы до пенсии в одной и той же школе. Да... А в пятьдесят пятом году муж вернулся. Реабилитировали. Сказали, извините, это все культ личности виноват. А шесть лет жизни отняли, и здоровье потерял окончательно.

Взяли его опять на фабрику. Так же механиком цеха. Характер у него стал просто невыносимый, может быть, его раздражало постоянное недомогание. И только за это она прощала его безумные выходки.

В школу пришел новый преподаватель физики. Молодой, темноволосый, красивый. Его взяли в армию уже в конце войны. И повоевать пришлось недолго, в первом же бою раздробило осколком правую руку, и ее пришлось отнять. Честолюбивый, гордый, он учился заочно на четвертом курсе пединститута, все умел делать левой рукой, даже завязывать шнурки на ботинках. Он вдруг так напомнил ей Иванка, что сердце сжалось. Особенно этот быстрый неожиданный взгляд прямо в глаза. Она не могла себя удержать и невольно на педсоветах на него посматривала. Нет, она не влюбилась, куда там — человек на семнадцать лет моложе ее... Ее притягивало это лицо. Не любовь это была, а воспоминание о

любви. Как отсвет далекой зарницы. Но и этого было достаточно, чтобы вдруг подумать — она начала жизнь не только по чужим документам, но и не свою жизнь. Иванко, Иванко, что ты наделал, зачем ты меня покинул?!

Как-то он попросил консультацию по математическому институтскому заданию. Они разговорились, задержавшись после уроков. Вместе вышли из школы. Был гололед. И он предложил ей взять его под руку. Она сказала: «Нет-нет!» Он вспыхнул, и она поняла, что он обиделся, расценив ее отказ, как снисхождение к инвалиду. Она сказала: «Впрочем, пожалуй, так действительно надежнее». Взяла его под руку. Так и шли, продолжая разговор. Подходя к дому, она увидела мужа, который стоял, поджидая их. А когда подошли, внимательно посмотрел в лицо ее спутника и сказал: «Благодарю Вас за заботу о моей жене». Тот смутился: «Да я... да вы не подумайте...» Муж потянул ее за руку, а когда вошли в дом, тут такое началось... Боже мой, как она хотела это забыть, ведь уж двадцать лет Саши нет. А вспомнится — обиды всплывает, как тина, со дна души. Ударил он ее. А потом кричал, как, наверное, она себя вела во время войны, и когда он был в лагере. Она почти перестала с ним разговаривать. Только самое необходимое. Уйти с детьми от него было некуда, а сам он никуда уходить не собирался. Все делала, подчинялась его притязаниям, убирала, готовила, стирала. Он, вероятно, понял, что перегнул палку. Вот тогда, чтобы помириться, он и купил ей тоненькое колечко с бриллиантом. Украшения тогда вошли в моду, уже носили обручальные кольца. Он знал, что ей этого хочется, и на Новый год принес ей коробочку. Она открыла и ахнула. Застеснялась: «Саша, зачем, это же так дорого! Сколько же это стоит, ведь это же, бриллиант?» «Конечно, бриллиант, сколько стоит — тебя не касается!» Оттаяла...

Потом он заболел. Рак. Начались еще более мучительные два года. О диагнозе он догадался, и, должно быть, ему невыносима была мысль, что она останется жить без него. Он измучил ее придирками. Она делала все, что велел ей долг.

Но сердце ее было запечатано обидами. Незадолго до конца он, очнувшись, тихо сказал ей: «Прости меня, если можешь. Я сам не понимаю, я так тебя любил, а делал все, чтобы испортить нашу жизнь. Прощаешь меня?» «Бог простит, — вдруг сказала она и, помедлив, добавила: — и я прощаю». Через несколько дней он скончался. Она испытала странное облегчение и стыдилась этого. За время его болезни словно истаяла, весила она тогда всего сорок килограммов. Через сорок дней она стала разбирать его вещи, бумаги и нашла в дальнем ящике стола коробочку из под кольца, а в ней чек из магазина. Это был не бриллиант, а страз. И цена колечка была небольшая. Наверное, выбрал самое дешевенькое. Ах, Саша-Саша, и тут сэкономил!

С годами обида таяла, образ его словно очистился временем, и она чаще вспоминала только хорошее — его хлопотливость по хозяйству, его странную любовь. Болезненное, исковерканное, но искреннее чувство, испытывал он к ней. Без него же по настоящему никому до нее не было дела. То, что называется личной жизнью, счастливой или несчастливой, для нее закончилось. Она стала жить жизнью своих дочерей.

* * *

Две дочери у них с Сашей, про себя она их в шутку определяла — Правильная и Неправильная. Старшая, Светлана — Правильная. Лицом вышла в нее, а характером в отца. А Неправильная, Лерочка, была ей ближе, характером мягче, в нее, а внешностью пошла в отца. Неправильная, Лера, все делала не так, как надо — тому, кому надо было сказать «да», сказала «нет» и потом каялась. А когда надо было сказать «нет» сказала «да» и долго расхлебывала заваренную кашу. У Правильной Светланы была безошибочная интуиция, и она говорила «да» и «нет» тем, кому нужно, не ошибаясь, не растрачивая энергию и время на исправление ошибок. Она гордилась Правильной, но душа болела о другой, Лерочке. Лера замужем побыла недолго, детей у нее не было, и жили

они вместе с матерью, больше разговаривали, может быть, поэтому младшая дочь была ей как-то ближе. С работой у дочери тоже не очень ладилось — инженерная профессия ее разочаровала, она мечтала стать художником, где-то еще училась, бегала по выставкам, дружила со странными людьми, неприкаянными, иногда бездомными, но, по ее словам, безумно талантливыми художниками и поэтами. Они часто толклись в их доме, зная, что тарелка борща, чашка чаю и бутерброд здесь для них найдется всегда.

Светлана выбрала мужа, заранее угадав в нем большие возможности, и сейчас была женой директора «почтового ящика». Сама сначала окончила торговый техникум, потом заочно институт и уже заведовала торговой базой в городе. Дом — полная чаша. Когда мать в свое время пыталась посомневаться в выбранной ею профессии, она сказала жестко и насмешливо: «Мама, жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно, когда мимо тебя, «дыша духами и туманами», в шелках и бриллиантах пройдет чужая тетка, которая, может, и ногтя твоего не стоит, а нос будет задирать!» Это был камушек в огород матери и сестры, которые все читали, читали, стихи на память помнили, да что с этого толку! Самые элегантные наряды в городе — у Светланы. Чуть что-то появлялось новое и модное — это уже на Свете. Прежние свои наряды она жаловала с барского плеча, — благо все трое были примерно одной комплекции, — своей сестре за совсем небольшую плату. Просто чтоб понимала, — даром никому ничего не достается. А то, что не выбирала Валерия, доставалось матери, уже даром, может быть потому, что когда дети Светланы ходили в школу, она приходила к ним в дом, встречала внуков после школы, кормила их, учила с ними уроки и читала им стихи, так насмешливо отстраняемые их матерью. Что там дальше будет — неизвестно, но пока что дети слушали бабушку внимательно и учились отлично.

Про письмо и так долго скрываемые обстоятельства жизни она рассказала сначала Лерочке. Та залилась слезами, ки-

нулась обнимать мать, сказала: «Мамочка, конечно же, позвони ему — немедленно!» Вызванная на совет Светлана недоуменно дернула плечом: «На фиг он тебе нужен?! Он уж, поди, совсем развалина — за семьдесят. Маразматик какой-нибудь. Только воспоминания испортишь! А ты молодец, даже не ожидала от тебя, что ты сообразила так спастись. Этот дядька Юхим был с головой. И в тех условиях папа был для тебя совсем неплохой вариант, хотя, конечно, характер был у него не сахар!» Как старшая, она хорошо помнила своего отца.

Мария позвонила. Но говорить не смогла. Только и сказала: «Иванко, это я, Марийка!» Заплакала и все время рыдала в телефонную трубку, чего совсем не собиралась делать. Он что-то говорил, она слышала только голос, совершенно прежний, молодой голос любимого своего Иванка. Потом сказала: «Иванко, я тебе напишу!» И положила трубку.

В письме она подробно написала о тех трагических днях молодости, когда узнала о его гибели и очень коротко о дальнейшей жизни: уехала, работала, училась, вышла замуж, двое дочерей, двое внуков. И получила в ответ письмо авиапочтой, и в нем такие подчеркнутые слова: «Марийка, прилетай немедленно. Я вышлю тебе деньги на билет. Нам уже нельзя откладывать встречу. Моя жена тебя тоже приглашает. Она о тебе знает все двадцать пять лет совместной жизни. Телеграфируй. Обнимаю. Твой Иванко».

У Марии ноги подкосились. Даже плохо стало. Дочь кинулась капли капать. Прочитала письмо, сказала: «Мама, лети! Пусть Светка возражает — мы с тобой сами денег раздобудем». Но Светлана неожиданно больше не противилась, особенно, когда узнала, что Иван Степанович руководит конструкторским бюро. Она уважала должности и регалии. И еще что-то такое в ней дрогнуло. Она цепко и критически осмотрела мать. Скомандовала: «Так! Завтра к одиннадцати часам, — когда у меня планерка кончается, — ко мне на базу. Экипируем тебя по высшему разряду!» Определились, что

нужно подобрать из одежды. Мария критически осмотрела себя в зеркале. Расстроилась. Включила телевизор. На экране пела и плясала вечная молодость. Может, правда, лучше не ехать...

Подчиненные Светланы, работницы базы, едва услышав для какой цели нужно одеть эту пожилую женщину, мать начальницы, завертелись вихрем, приносили коробка за коробкой, дружно примеряли, критически осматривали, советовались. И чувствовалось, что старались не для начальства, а от некоторого потрясения собственной души и неистребимой женской солидарности — подумать только! — встреча через пятьдесят лет! И тащили такие вещи, о которых и сама начальница забыла, что они лежат на складах. Подобрали серебристо-серый французский плащ, два шарфа: один шелковый, легкий, с какими-то серебристо – алыми цветами и листьями — на хорошую погоду и теплый мохеровый на холод, пушистый серо-голубой свитер, строгую, но эффектную юбку-годэ, нарядную кружевную блузку, итальянские осенние туфли на небольшом каблучке, удобные, мягкие, как тапочки, и домашние тапочки, красивые, как нарядные туфли. Еще убедили взять сумочку в тон туфлям, японский зонтик в серо-синих тонах. Все покупки сложили в большой красивый пакет.

Марию трясло от волнения: «Светочка, нам за год не расплагиться!» Светлана успокоительно приобняла мать:

— Знай наших! Успокойся, мама, я все оплачу. Завтра пойдем в парикмахерскую к моему мастеру. Попрошу взять тебя вне очереди. Такой случай...

В парикмахерской произошла похожая история. Светлана по телефону уже объяснила ситуацию, и парикмахерша приветливо заулыбалась им навстречу. Повертела Марию на кресле перед зеркалом, присмотрелась. Непререкаемым профессорским тоном изрекла:

— Старушечий пучок убираем! Волос у вас неплохой. Не у всякой молодой такой волос! Делаем стрижку. Эти седые прядки ни к чему, природный цвет — русый, так и покрасим,

это для вас лучше, чем модный каштановый — естественнее. Краска импортная у меня еще осталась.

Она долго и кропотливо щелкала ножницами, что-топравляла бритвой, красила волосы, мыла голову, укладывала феном. Потом сказала: «Все! Смотрите!» и отклонилась в сторону. Мария всмотрелась, заулыбалась. Почти такая же стрижка у нее была в молодости. И лицо как-то сразу изменилось... Парикмахерша сама была довольна делом рук своих:

— Вам ничего особенного делать не надо, у вас волос немного вьется. Когда вымоете голову, вот так немножко руками сделайте, и пусть высохнет!

Эту нехитрую науку Мария помнила еще с молодости. Потом пропололи, как сказала Светлана, брови, и они изогнулись двумя изящными дугами, и сразу, словно раскрылись глаза, сделали маникюр и педикюр. Мария протестовала:

— Не надо педикюр, Света!

— Надо! Тебе же будет легче, будешь не просто ходить, а летать!

После работы Светлана забежала к матери, принесла импортное белье, косметичку с косметикой, недавно появившиеся в продаже французские духи «Клема».

Мария смущалась:

— Зачем все это, Света?..

— Мама, запомни, женщина чувствует себя уверенно, когда у нее все до ниточки «тип-топ»! Смотри, запоминай, вот так будешь накладывать тональный крем. Вот этой кисточкой немножко сухих румян на скулы. Помаду я тебе принесла легонькую, естественную, не будем связываться с модным сиреневым оттенком. Вот так духи наносишь за уши, на запястье и вот сюда, в ямочку на шее...

Светлана вошла во вкус и явно чувствовала себя почти Пигмалионом. Они с Лерой разругались, разволновались, заставили Марию все примерить и походить в обновках. И когда она предстала перед ними, нарядная, помолодевшая, с сияющими большими серо-голубыми глазами, они обе замолчали, а потом Светлана тихо проговорила:

— Какая же ты у нас, мама, оказывается, красивая!.. Глаза у тебя, как мои хризопразы в серебре. Придется тебе дать еще и ожерелье, и кольцо.

Мария взяла только кольцо. На пальце мягким голубоватым светом засветился крупный хризопраз.

Дочери провожали ее в аэропорт. Мария вдруг заволновалась:

— А лекарства мы положили?

— Положили мама, — успокоила ее Лера, — и от давления, и от суставов, и валокордин, и от головной боли. Не волнуйся!

* * *

Она летела самолетом впервые в жизни. Как-то раньше не приходилось. Оказалось, не страшно. Ее сосед, мужчина лет сорока, был с ней так мил, так предупредителен, помог снять плащ, осведомился, удобно ли ей. Передал свежую газету, как-то незаметно заговорили о нашумевшем романе. Она читала роман в журнале, и разговор между ними состоялся легкий, необременительный, остроумный. Давно уже она не чувствовала такого уважительного человеческого внимания. Инстинктивно почувствовала, что внимание мужское. Это вдруг придало ей уверенности, она, наконец, ощутила себя «в своей тарелке». Она и не догадывалась, о мыслях соседа, а он думал: «Вот ведь, женщина в возрасте, но не старуха, а дама, ухоженная, стройная, уверенная в себе, интеллигентная. Наверное, муж и сейчас ее обожает. Такая женщина! Не то что моя... Сорок лет, а уже расплылась, туха тухой. Ни поговорить не умеет, ни одеться со вкусом...»

Объявили посадку в крупном сибирском городе. Ей нужно было выходить. Сосед ее летел дальше, но пассажиров попросили выйти. Он подал ей плащ, снял сверху сумку и повел к выходу. Ему было любопытно, кто же будет встречать эту элегантную даму — муж, дети? Он пробовал спрашивать ее, она уклонялась от ответа.

Они узнали друг друга сразу. Мария остановилась, а он

подошел к ней быстрыми уверенными шагами, она сразу вспомнила, что так он подходил пятьдесят лет назад. В этом не изменился. Они взялись за руки и смотрели друг другу в глаза. Стояли молча. Не решались обняться. Ее спутник растерянно топтался около них с сумкой в руках. Потом поставил ее рядом с Марией и тихо отошел в сторону. Почувствовал, что-то в этой встрече было такое, когда посторонние не нужны. Потом он оглянулся и увидел, что мужчина взял сумку, подхватил женщину под руку, и они медленно пошли к выходу. Шли словно по коридору между людскими взглядами. Даже в суматохе аэровокзала люди замечали их и оглядывались вслед. Они хорошо смотрелись вместе — мужчина и женщина, в хорошем возрасте, оба с похожим выражением радостного смущения на лицах. Красивые, элегантные, они явно были парой, ровней, как люди одной породы, одной касты.

На стоянке их ждала белая «Волга». Он открыл багажник, положил туда ее сумку, захлопнул багажник, открыл дверь, заботливо усадил ее, закрыл дверь, обошел машину, сел за руль. Посмотрел на нее, улыбнулся — поехали! В ней включилось особенное, цепкое, подробное зрение — каждое мгновение этой недели она должна запомнить, прочувствовать, чтобы потом, в воображении много-много раз пережить все мельчайшие события этой встречи.

Машина с тихим шелестом летела по шоссе, рассекающим лес с бархатно-зелеными елями и золотыми просветами желтеющих берез. Она подумала, что хорошо бы сейчас побродить по этому осеннему лесу. Он замедлил ход, остановил машину.

— Почему ты остановился?

— Ведь ты этого хотела, разве не так?

Она поняла, что их необъяснимая связь, которой они так удивлялись и радовались в молодости, уже восстановилась и действует между ними. Они вошли под кроны деревьев и оказались объаты острой, влажной, горьковатой свежестью осеннего леса с запахом хвои и опавших листьев. Их окру-

жали деревья, раскрашенные щедрыми красками осени, и это место казалось сейчас единственно возможным, где им назначено встретиться после долгой разлуки. Они молча обнялись и стояли тихо, вдыхая неизъяснимый немножко даже грибной аромат леса и узнаваемый запах друга друга, а старые деревья, затаив дыхание, как взрослые на детей, молча смотрели на этих людей, находившихся в таком же тихом и счастливом состоянии, в котором пребывали сейчас и эти деревья. Слово были все вместе одной семьей.

Машина миновала контрольно-пропускной пункт, где у Марии проверили документы, и въехала в красивый ухоженный поселок, свернула к двухэтажному коттеджу, окруженному белоствольными березами, стройными, словно свечи с не облетевшей еще густой желтой кроной, тут же полыхали оранжевыми кистями рябины. На крыльце стояла и явно ждала их молодая красивая женщина. Цапнула мгновенным, чуть ревнивым взглядом Марию, тут же отвела взгляд и сказала:

— Ну, наконец-то! Я уж тревожиться начала, не случилось ли чего... Здравствуйте! Меня зовут Аня, а вас, я знаю, — Мария Карповна. Муж мне о вас рассказывал. Проходите, пожалуйста!

Она провела Марию наверх, в отведенную ей комнату, мельком заметив, что это бывшая комната сына, который сейчас живет в Москве, сказала:

— Располагайтесь, вот ванная комната, туалет. Спускайтесь вниз, в столовую.

Мария умылась, надела новую юбку, кружевную блузку. Посмотрелась в зеркало. Припудрилась, подкрасила губы, ободряюще улыбнулась сама себе. Какая есть — такая есть, ей не замуж выходить.

На столе, покрытом белоснежной скатертью, по-праздничному теснились тарелки с закусками, серебрилось шампанское, сверкали хрустальные бокалы и запотевший графинчик с водкой. Хозяин умело открыл бутылку сдержанно вздохнувшего шампанского, разлил пенящееся вино по бокалам.

— Ну, за встречу, на которую я надеялся всю свою жизнь!

Вино ударило всем в голову, отодвинулась легкая неловкость, стало веселей, непринужденней. Говорили о пустяках, как гостя долетела, какая погода стоит. Аня спрашивала Марию про дочерей, чем они занимаются, с гордостью сказала о сыне, который отлично учится в аспирантуре физикотехнического института, потом воскликнула: «Ой, пельмени!» и метнулась на кухню. Мария встала, намереваясь пойти помочь. Он придержал ее за руку: «Сиди! Ты в гостях...» И задержал свою сильную теплую руку на ее руке.

Аня, вернувшись из кухни с блюдом дымящихся пельменей, тут же эту руку заметила. Под пельмени выпили водочки. Огненные пельмени остужали холодной густой сметаной. Это было очень вкусно, и удобно — можно просто есть и не принуждать себя к разговору.

Женщины заинтересованно поглядывали друг на друга, каждая думала о своем. Мария видела перед собой молодую красивую женщину и с острой печалью ощутила свой возраст. Иванко успел рассказать, что она вторая жена, моложе его на 25 лет. Значит ей около пятидесяти, но выглядит она чуть за тридцать, и, пожалуй, из этого возраста ее не скоро вышибешь. Короткая стрижка на густых пышных волосах, искусный макияж, немного ненатуральная оживленность и доброжелательность. Чем-то похожа на Светлану, то есть на нее, Марию, в молодости. Мария подумала, что напрасно она решила приехать, вот жене неловко, да и ей тоже.

Жена Аня думала свою думу, что, пожалуй, она поторопилась дать согласие на приезд этой женщины, с портретом которой ей пришлось жить всю свою замужнюю жизнь. Даже думала злорадно, мол, пусть придет старуха толстая, увядшая, квашня перекислая, пусть он посмотрит на свою великую любовь, благодаря сходству с которой он и женился на ней, Ане, оставив свою первую жену. Та тоже была на нее похожа, но она, Аня, больше. Оказалось, приехала изящная, умная женщина, воспитанная, красивая. В возрасте, но сло-

во «старуха» не про нее. Дама... Держится очень хорошо, с достоинством, ест изящно. По всем правилам. Аня сама этому с трудом научилась. Женщины на работе говорят: «Ой, Анна Васильевна, какая вы счастливая, муж вас, наверное, на руках носит, ведь вы на четверть века его моложе!» Как же, носит... Всю жизнь этих влюбленных в него баб хоть поганой метлой гоняй. Так и выются возле него, молодые и не очень, умные и дурочки, и мало таких, у кого не задрожат колени и не бросит в жар, когда он посмотрит вот так резко, быстро, чуть искоса, кажется, не просто в глаза, а в самую середину слабой женской души.

Она это по себе знала, когда устроилась к ним в бюро копировщицей. Мать умерла, с отчимом скандалы, институт пришлось бросить... тоска. Увидела его издали — красивый, вальяжный, как барин, даже влюбиться не посмела. Обожала издали. Вечер в КБ устроили на 8 марта. Волосы у нее пышные, слегка вьющиеся. Она косу заплетала, до пояса коса — женщинам на зависть, мужчинам на удивление. А в то утро решила голову вымыть перед работой. Вымыла. На дворе мороз и ветер. Как пойдешь с мокрой головой? Решила быстренько посушить над газовой плитой. Зажгла газ, встала над огнем, немножко посушила, вдруг прядь занялась огнем! Хорошо полотенце было на плечах — моментально потушила. Все в одну секунду случилось. Подошла к зеркалу, посмотрела на себя и завывала. Половина волос обгорела. Побежала в парикмахерскую. А там очередь! Спасибо, одна ученица сжалилась, долго и старательно делала ей стрижку. И хоть она сама себя не узнавала, но уже можно было показаться на люди. Опоздание ей простили ради женского праздника и, как сказала начальница, из-за форсмажорных обстоятельств. Бабы старательно жалели: «Ой, такая коса пропала! Не переживай, Анюта, еще вырастет». Знала бы она, давно бы подстриглась.

На торжественном собрании ее вдруг выбрали в президиум вместе с другими женщинами. Как лучшую в этом квартале копировщицу. Она сидела на сцене за столом, смуща-

лась своего нового облика. Когда же осмелилась посмотреть в зал, наткнулась на чуть удивленный, а потом какой-то особенный, радостный взгляд главного конструктора. И уж глаз не могла отвести. А потом начались танцы, и главный конструктор пошел через весь зал, на виду у всех приглашать ее, Аню Рогожкину, копировщицу КБ. Потом был роман. Потом его развод. Общественности очень хотелось, чтобы брошенная жена пожаловалась в местком и в партком. А она не пожаловалась. Только встретила Аню и сказала: «Я всегда знала, что мой брак временный, пока он не разыщет свою первую любовь, эту Марийку, чтоб ей пусто было! И с тобой будет так же. Просто сейчас ты на нее больше похожа, чем я. Поживи, пока, порадуйся. Потом придет третья. А я устала стараться этому образу соответствовать». Вот двадцать пять лет прожили, третьей вроде бы не видно. Сын вырос. В первом-то браке детей не было. Каждый день, как подвиг — надо хорошо выглядеть, быть в прекрасном настроении. Расслабляться себе не позволяла. Институт окончила, читала, всю жизнь до него тянулась, и было ей это в радость. Думала, куда теперь денется. Какая там первая любовь! А как взвился, когда узнал про нее! Может, она бы и попыталась не допустить эту встречу, если бы не ЭТО... Он еще об этом не знает. Пусть пока порадуется... Не могла она его этой встречи лишиться. Оказывается, она любит его больше, чем себя. Вот так со временем и про себя узнаешь что-то новое...

Хозяин дома смотрел на этих двух женщин за столом и думал, что, действительно, Аня похожа на Марийку. Он заметил ее тогда, за столом президиума. Они еще в кабинете с начальством немножко уже выпили коньячку за женский праздник. И сквозь веселый туман легкого опьянения он вдруг увидел, что из президиума смотрит на него молодая Марийка. Уж так была похожа! А сейчас видно, что только похожа... Это незаметно было, когда Марийки рядом не было. И хоть он Аню по-своему любит и ценит, а вот ведь видно стало, что она только копия, не совсем четкий оттиск настоящей Марийки. Аня наполнена суетой и беспокойством,

а какое спокойное благородное лицо у Марийки, теплой невидимой волной от нее идет свет и радость. Как, наверное, счастлив был ее муж!

На следующий день выяснилось, что вся эта неделя принадлежит им, двоим. Он взял неделю в счет отпуска и сказал жене за завтраком, когда та собиралась на работу, а Мария еще спала: «Анечка, я взял отпуск на неделю и проведу это время с Марийкой. Ты не ревнуй. Это совсем другое. Я ждал этого всю жизнь...» Он понятия не имел, что жена узнала об этом через пятнадцать минут после того, как он договорился об отпуске со своим заместителем и сообщил секретарше.

* * *

Это была удивительная неделя. Сначала они много говорили, не умолкая, до надсады голоса, торопясь рассказать свою жизнь внешнюю во временном порядке, потом раскрывали друг другу жизнь свою внутреннюю, суть свою по кусочкам, доверяя свои пристрастия и отторжения, пытаясь эти осколки соизмерить и один к одному приложить, словно прикидывая, получилась бы их этих кусочков мозаика их общей жизни? И оказалось, что кусочки эти совпадали ладно, без зазоров и так закономерно, как будто все эти годы они прожили вместе, развиваясь и влияя друг на друга, как два родных человека, — брат и сестра, как муж и жена в удачном браке. Это было невероятно радостно и больно сознавать. Она узнала, наконец, что случилось с ее Иванком тем страшным летом.

Ранним утром, после зарядки, когда его сокурсники спали сладким молодым сном, он решил все-таки переплыть Днепр. Считал, что достаточно для этого подготовлен. На середине реки быстрое течение повлекло пловца за собой, как он ни пытался его преодолеть и хотя бы вернуться на свой же берег. Потом он решил не противиться и плыть по течению, чтобы поберечь силы, Но сил уже не было, ногу схватило

судорогой, и его несло как щепку. Он начал захлебываться и скрываться под водой. На его счастье это заметили рыбаки и вытащили его в лодку. В лодке он потерял сознание, его приводили в чувство и, как говорили тогда, откачали. Он был очень слаб, и его отвезли в сельскую больницу на другом берегу реки. Ночью у него поднялась высокая температура — воспаление легких. Сутки он был, как в тумане, в бреду и окончательным выздоровлением своим обязан старенькому, еще земскому доктору и простой женщине, больничной няне, отпаивавшей его настоями трав и ягод. Доктор не возражал против такого дополнения к медицинскому лечению.

Едва придя в себя, он попросил доктора дать телеграмму руководителю практики. И на следующий день в больницу нагрянули его возбужденные, радостные сокурсники. Смеялись, шутили, обнимали, тормошили Иванка. Они нашли его одежду на берегу, всполошились, искали, думали, что он утонул. Он с удивлением не увидел среди них своего лучшего друга, Василя. Спросил про него. «А Василь вчера уехал в Харьков. Его вызвали телеграммой — мать заболела. Уж так он по тебе убивался... Вот обрадуется!» От смутного предчувствия дрогнуло сердце. Попросил дать срочную телеграмму Марийке: «Жив, здоров, люблю. Иванко». Телеграмму дали. Она опоздала на сутки. И на всю жизнь...

Они долго молчали, и это молчание было красноречивее всех восклицаний и слов сожаления. Потом он вспоминал, как искал ее, ходил в общежитие, в деканат, видел ее заявление об отчислении из университета, ездил в ее родное село. Ее семья там уже не было. Соседи рассказали, что Марийку с зимы не видели, но все равно ее исчезновение он связывал с этим событием. Он попытался узнать, куда выслана семья, но в соответствующих органах ему дали такой от ворот поворот, чтобы навсегда отбить охоту спрашивать. Он не терял надежду. И в ее селе, и ее подругам он оставлял свой адрес — вдруг напишет соседям или подругам. Переписывался с ними годами. Но она как в воду канула. Она. А не он.

Так они и жили. Она думала, что его нет на свете, а он

знал, что она где-то есть. И неизвестно еще, кому было тяжело. Слышал ли он новую песню, смотрел ли кино, читал ли книгу, понимал — она то же слышит, смотрит, читает. Пытался представить, нравится ли ей эта песня, что она думает об этом фильме, что ее задело в книге. Смотрел, как меняется мода, и представлял ее в модных платьях. Понимал, что вышла замуж, ревновал, представлял, какой у нее муж, и какие родились дети... Он никому не говорил об этом. Это была его тайная внутренняя жизнь. Иногда она снилась ему в эротических снах, и он просыпался счастливым и несчастным. Было и не было! В порыве любовной тоски он написал акварелью ее портрет с фотографии и повесил его в своей комнате. Тайно рисовал по памяти обнаженную Марийку на фоне цветущего шиповника. Его первая мысль после объявления войны была о ней: «Где ты, Марийка?!» И, слушая победный салют, он думал с радостью и горечью о ней. Спасала работа. Только она заставляла его не тосковать о несбывшемся счастье. Женщины в его жизни были, но не занимали в ней много места — ни одна не смогла его серьезно увлечь. Женился он уже после войны. Уж очень девушка его любила и чем-то напоминала Марийку. Но и ей он сказал, что если найдется Марийка... Сначала она была на все согласна, а потом чувство в ней перегорело. Она устала делить его с неведомой соперницей. И согласилась на развод без колебаний. Может, если бы были дети... Возможно, именно благодаря сыну брак с Аней был крепче.

Он рассказал Марии, как неожиданно узнал, из какой он семьи и свою настоящую фамилию. После окончания института его пригласили работать в военно-морское ведомство, он попал в отдел, где разрабатывались конструкции двигателей. Пришлось надеть и черную флотскую шинель. Однажды, еще до войны, он приехал в командировку в Ленинград, ходил по его улицам, и словно мороз по коже — у него было такое ощущение, что он знает этот город. Он объяснил себе это тем, что часто видел открытки с видами Ленинграда, и они ему очень нравились. Но ощущение «дежа вю» не по-

кидало его. Это чувство усилилось, когда он зашел в кондитерскую «Север», на Невском проспекте, которую горожане упорно называли «Норд». И это название тоже было почему-то знакомо. Он выбрал заварное пирожное, чашечку кофе. Ел, с наслаждением ощущая знакомый вкус. Взял с собой в пакет несколько разных пирожных. Вышел из кафе, прошел по Невскому, повинувшись смутному чувству, свернул на Литейный, прошел по нему, свернул еще раз на улицу и остановился у чугунных ворот, закрывающих арку, ведущую в колодец двора. Сердце его бешено колотилось — и этот дом, и ворота были ему знакомы. Недалеко от арки парадный вход. Он открыл парадную дверь и пошел по широкой лестнице с чугунными перилами вверх, разглядывая в пыли и паутине знакомую лепнину. Второй этаж... третий. Возле квартиры с номером 25 остановился и замер, не решаясь нажать кнопку звонка. Дверь вдруг открылась, из нее вышла старая женщина, спросила: «Вам кого?» И, всмотревшись в него, с изумлением произнесла: «Никак, барин, Павел Игнатьевич?» А у него неожиданно для самого себя вырвалось: «Няня...». И тогда она запричитала: «Ой, Ваня, Ванюшка!.. Да неужели это ты! Да как же на отца похож! Да как же это, да откуда?!» Они вошли в квартиру, и прихожая была ему знакома, зашли в комнатку, в которой и прежде размещалась няня. Няня заварила чай, пирожные оказались очень кстати. И тогда он узнал, что семья его жила в этой квартире и фамилия их Артемьевы. Тут няня спохватилась и достала семейную фотографию, на которой были дед с бабушкой, отец в военно-морском мундире, мать с высокой красивой прической, пятилетняя сестренка и он сам, годовалый, на коленях у моложавой, с простым крестьянским лицом женщины, вот этой самой няни. Он узнал всех, и его трясло, как в ознобе. Няня рассказала, что родился он в 1910 году, что дед и бабушка умерли, как германская война началась, что отец после революции пропал, что начался голод, и мать с детьми поехала к сестре на Украину. А в двадцать пятом году приходил какой-то человек и сказал, что его знакомые просили

узнать, нет ли каких известий о Ване, и что Ваня на вокзале в Харькове потерялся, а мать с сестренкой и отцом живут во Франции. Нашли, значит, друг друга. Она за хозяев порадовалась, а его, Ваню каждый раз поминала в своих молитвах. Услышал, значит, Бог ее и материнские молитвы. Он коротко рассказал ей о себе, попросил отдать ему фотографию. Няня слушала его со слезами на глазах, приговаривая: «Дитяtko мое ненаглядное!..» Она посоветовала ему шепотом, как будто кто-то мог их услышать: «Не ищи, милый, сейчас родителей и не говори никому ничего. Беду накличешь... Может потом когда... Знают, что ты сирота, пусть так и будет». Он и сам понимал, что няня права. Работал он на военных секретных предприятиях, и анкета его этому способствовала. Человек на полном доверии. Но с тех пор он знал про себя, что он Артемьев и скажет об этом сыну, и может, хотя бы сын возьмет, наконец, свою родовую фамилию, а может быть, найдутся и родственники. После войны он снова заходил в эту квартиру и спрашивал няню. Но она умерла в блокаду, и в ее комнате жили чужие люди...

Он выписал Марии пропуск, привел ее в свой кабинет, показал, где он работает, провел по отделам КБ, по испытательным лабораториям, немножко хвастаясь и красуясь перед ней — главный конструктор, лауреат Государственной премии, засекреченный специалист. Она видела, как здороваются с ним его подчиненные — уважительно, но без малейшего оттенка угодничества, все друг над другом немного пошучивали, легко пикировались, и она сразу уловила общую атмосферу товарищества, взаимопонимания и порадовалась за него и за людей, которые работают с ним. А он, счастливый, веселый, щелкал фотоаппаратом, радуя и смущая ее.

Они решили съездить в этот ближайший, знаменитый сибирский город, зайти в краеведческий музей, в картинную галерею. «Я сам там никогда не бывал, все не мог собраться!» — признался он. Выехали рано утром. Ночью был за-

морозок, и еще зеленая трава и ветки деревьев были присыпаны блестящим сахарком легкого инея. Но день занимался солнечный, милый и ласковый. Иней скоро растаял, машина мчалась по шоссе, она с волнением ощущала рядом, близко человека, которого любила — не того, с кем рассталась в юности, а этого седого, красивого, уверенного в себе мужчину она любила сейчас, сию минуту. Она ощущала запах его кожи, хорошего одеколона, и ее тянуло к нему, как магнитом. Хотелось положить ему голову на плечо и закрыть глаза. Она отдала бы всю оставшуюся жизнь за то, чтобы хоть ненадолго стать для него молодой, красивой, желанной...

Они сходили и в музей, и в картинную галерею. И важно было не то, что видели, а то, что пришли и видели это вместе. Купили по два экземпляра открыток. На память — ему и ей, и какая-то струнка в душе тревожно дрогнула, ведь время неумолимо проглатывает дни, которые им назначено провести вместе, и все это тоже скоро превратится в воспоминания. Они немного устали и, решив пообедать в ресторане, пошли по центральной улице. Возле ювелирного магазина он вдруг пожал ее руку, лежавшую на его руке, и, открыв дверь, естественным галантным жестом воспитанного мужчины, пропустил ее вперед. В магазине было пусто, и на прилавках было не густо — золото сметали в момент. Они подошли к продавщице, эффектной молодой женщине, он поздоровался и посмотрел на нее своим знаменитым взглядом с усмешкой, который так отмечали все женщины. Дама застыла в напряженном внимании. Он сказал доверительным и сердечным тоном:

— Я хотел бы сделать подарок своей любимой девушке. Понимаете, мы в молодости расстались и встретились, вот сейчас, через пятьдесят лет. Помогите мне сделать ей такой подарок, чтобы она помнила меня еще пятьдесят лет.

И, наклонившись, что-то прошептал ей на ухо. Дама взглянула на Марию, увидела ее огромные влажные сероголубые глаза, что-то в ней дрогнуло, сказала:

— Есть у меня колечко... для себя держала... Лишь бы размер подошел.

Она достала из кармана массивный ключ, явно от сейфа и скрылась в недрах магазина. Колечко подошло на безымянный палец правой руки. Как обручальное... Дама пояснила:

— Этот круглый камешек в середине — уральский изумрудик, видите, какой ясный, зеленый. А это бриллиантики маленькие вокруг него — очень красиво. Редкая модель. Недешево, конечно...

Он прервал ее на полуслове, отвел в сторону от Марийки, расплатился.

Они вышли на улицу. Мария была ошеломлена и все поглядывала на колечко. Даже голова кружилась. На здании драматического театра увидели афишу — «Госпожа Бовари». Билетов не было. Он сказал кассирше что-то невероятно убедительное и отошел с двумя билетами в руке — партер, третий ряд посредине зала.

— Будет уже темно, как же мы поедем?

— У машины фары есть, — засмеялся он. — Мы замечательно проедемся по темной дороге. Еще почти три часа до начала. Сейчас пообедаем и посидим в парке.

В ресторане они сели в уголке, сделали заказ. Редкие посетители их все же заметили и время от времени с любопытством поглядывали в их сторону. Официантки вытягивали шеи из кухни. Пожилая, красивая пара с выражением затаенного счастья на лицах привлекала внимание. Должно быть, на уставших друг от друга мужа и жену они не были похожи, а для любовников возраст неподходящий — время страстей позади.

После обеда они зашли в ближайший парк. Конечно, она не в первый раз была в парке и видела осень, но так как сейчас — впервые. Впервые слились в ней так гармонично и естественно острота зрения и зоркость души. Вдоль широкой аллеи стояли рядами клены, тополя, березы. Они сели на скамейку, слегка касаясь друг друга, и затихли, подставляя лица теплomu ясному солнышку. В аллее было безлюдно. Деревья в осеннем наряде стояли щедро облитые золотом,

не видно было еще заметного убытка и урона от уже слетевших листьев. Листопад покрыл землю сплошным желтым ковром, пружинящим под ногами и скрадывающим шаги, а зеленые скамейки были прихотливо расцвечены яркими пятнами из желтых, оранжевых, красных листьев. Под осенним солнцем все это сияло и светилось. Казалось, вся аллея была наполнена и пронизана золотистым сияющим светом.

Они молча сидели на скамейке, и каждый думал о своем. Мария думала, хоть бы годик ей с ним пожить, даже сейчас. Готовить ему обед, наливать борщ в тарелку, пододвигать хлеб, смотреть, как он ест, стирать и гладить ему рубашки, разговаривать о серьезных вещах и о пустяках. А он думал, что всю жизнь он искал Марийку в других и находил все по отдельности: женщину-страсть, женщину-друга, женщину-праздник, женщину-нежность, женщину-опору. А в Марийке было все вместе — она была бы и страсть, и праздник, и друг, и нежность, и опора. А сейчас она женщина-покой. Вот сидит она рядом, молчит. И не надо слов — посредников между ними. Все понятно. Такую теплую, умиротворяющую волну успокоения, которая идет от нее, он не ощущал ни от кого, с кем был близок. А это сейчас нужно ему больше всего в жизни. Он так и не сделал двигатель, о котором мечтал, идея которого вызревала в нем все эти годы, все откладывал на потом, все суетился, бросал все силы на сиюминутные задачи. Давай-давай! Так и не успел тщательно обдумать свою идею — механизма завтрашнего дня. Стеснялся об этом кому-то сказать. Но чувствовал — это возможно. Потому что в природе есть все. И все возможно. Нужно только догадаться... Руку протянуть. Так и не успел... Если бы не ЭТО... Аня еще не знает... Он перехитрил врачей и заглянул в карточку... Он бы бросил сейчас все и прожил бы с Марийкой сколько бы там Бог отпустил. Пусть несколько, но бесконечно счастливых лет. И он все-таки додумал бы этот двигатель. Уже сейчас, при Марийке, какая мысль пришла ему в голову, какая простая и ясная мысль! Как ступенька, встав на которую он дотянется до следующей. Это Марий-

кина заслуга. Ему так хорошо возле нее, как заблудившемуся ребенку, наконец, нашедшему родной дом. Ему так хорошо думается и работается ночью в кабинете, только оттого, что он знает — Марийка здесь, она спит рядом, в доме.

Тишина вдруг разбилась и зазвенела смехом. Мимо них по аллее шли, да нет, не просто шли, а кружились, играли, бросались друг в друга охапками листьев двое подростков, девочка и мальчик, лет двенадцати — тринадцати. Может, это были одноклассники, или брат с сестрой, в одинакового фасона стеганых курточках из болоньи, девочка в розовой, а мальчик в голубой. Они мельком взглянули на улыбающихся пожилых дяденьку с тетенькой и тут же забыли о них. Ребята были так наполнены своей сиюминутной, всепоглощающей радостью, что никто другой не был им нужен и интересен. Они следили за детьми взглядом долго, пока в конце длинной аллеи едва можно было рассмотреть только два пятнышка, кружащихся в золотистом свете, — голубое и розовое.

— Смотри Марийка, — сказал он, — это играют и кружатся наши молодые души. Ведь душа всегда молода...

Мария, улыбнувшись, согласно кивнула головой.

Спектакль Марии понравился, актеры играли с полной отдачей, особенно хороша была актриса, игравшая Эмму Бовари. Конечно, Мария читала книгу Флобера, но сейчас особенной болью отозвалась в сердце погоня этой женщины за любовью, ее неистовое желание любви. А кто ее догнал, эту любовь, кто ее удержал? Редко кому это удается...

После спектакля, на улице было уже по-осеннему темно, дул холодный ветер, моросил дождь, но в машине было тепло и уютно. Лучи фар рассекали осеннюю мглу, казалось, они неспешно плыли по узкому туннелю света, и тьма мгновенно смыкалась позади, вставала сплошной непроницаемой стеной. Хотелось замедлить время и ехать так долго-долго. Он включил приемник. Услышав музыку, Мария радостно отозвалась:

— Рахманинов! Второй концерт... Мой любимый!

— Ты тоже его знаешь и любишь?! Марийка! О чем ни говоришь с тобой... Как будто мы вместе прожили жизнь...

Темнота и музыка подтолкнули ее, она, наконец, осмелилась и склонила голову на его плечо. И они вдруг стали как одно существо из двух, наконец, нашедших друг друга половинок. Такая близость, такое единство молодым и не снились, даже им самим на той шиповниковой поляне. Он остановил машину, повернулся, обнял ее и впервые поцеловал в губы. Она закрыла глаза и забыла, сколько ей лет...

Когда подъехали к дому, Аня уже ждала их на крыльце.

— Что же так долго, я уж волноваться начала!

— Все хорошо, Аннушка, ты не волнуйся, — сказал он.
— Мы были в театре, на спектакле.

Ужин ждал их в столовой. Аня хлопотала, разливая чай в чашки. Они встретились глазами, и Мария поняла, что Аня все понимает, и все принимает. У нее такие непоколебимые права на этого мужчину, что она может себе это позволить. Мария подумала, что Иванко вытащил счастливый билет. Его жена — великая женщина. Ее любовь — для него, чтобы ему было хорошо, а потом уже для себя. Может быть, она, Марийка, и не смогла бы стать ему такой хорошей женой, как Аня.

Завтрашний день был последним, послезавтра, в воскресенье Мария улетала. Она вместе с Аней отнесла в кухню посуду, несмотря на протесты хозяйки, Мария помогла ей прибраться. Он смотрел на них из столовой, видел, как они о чем-то пошептались, что-то Аня показывала Марийке. Как странно... Каждая из этих женщин была ему по-своему близка и дорога.

Утром Аня проснулась от неизъяснимо прекрасного, уютного, домашнего запаха пирогов. Так просыпалась она в детстве, когда жива была мама... Спустилась в кухню. На столе под пуховым платком доходили два пирога — один с капустой и яйцами, другой с яблоками. Гостья, хлопотала, споро и ловко прибиралась на кухне, как будто всегда жила здесь и знала, что где взять и куда положить. Спустился в столовую хозяйин. На столе уже шумел, вскипая, самовар.

Они замолчали, прислушиваясь к его уютной песенке. Вдруг сделалось всем так хорошо, так родственно. На мгновение Марии показалось, что она в своей семье, что это ее муж, а это дочь. Она усилием воли отогнала странное ощущение.

На обед Мария сварила украинский борщ с чесноком и пампушками, на второе приготовила вареники с творогом. Хозяева ели и хвалили. Он говорил, что не ел такого борща с дней молодости, Аня же просила списать рецепт. Весь день они были дома, смотрели семейные альбомы. Марию тронуло и смутило, что ее фотография стояла в альбоме второй. Первой была семейная фотография, которую подарила Ивану няня. На нескольких пожелтевших фотографиях Марийка узнала его студенческих друзей. Вот Василь... Иван сказал коротко:

— Погиб в войну... Так казнил себя, что ты пропала. Он тоже искал тебя. Потом признался мне, что тоже тебя любил...

А потом шла жизнь, где Марийки уже не было. Ей интересно было рассматривать, каким был ее Иванко в разные годы жизни, но, оказывается, больно. На стене в его кабинете, действительно висел ее акварельный портрет, но Марии показалось, что Иванко написал ее красивее, поэтичнее, чем она была на самом деле.

Утром они сердечно простились с Аней, обнялись. Мария в который уж раз подивилась благородству этой женщины и ее пониманию. В аэропорт они выехали заранее. Машина словно плыла по шоссе в белых волнах еще не рассеявшегося утреннего тумана. Они молчали, слова были лишними. Туман скоро поредел, но стал накрапывать мелкий дождик. Капли, как слезы, медленно стекали по стеклу. Щетки настойчиво их вытирали, но они все текли и текли. Он остановил машину, и они вошли в лес, под кроны вековых хвойных деревьев. Дождь сюда почти не доставал, но было влажно и знобко. И деревья поглядывали на них с пониманием и грустью. Они обнялись и долго стояли молча. Потом она сказала:

— Теперь ты приезжай ко мне в гости. Девочки будут тебе рады...

— На следующий год. Непременно, — ответил он, зная, что на этот раз они уж точно прощаются навсегда.

В аэропорту они зарегистрировали билет, и была еще маленькая надежда, что рейс задержат. Но туман рассеялся, выглянуло солнышко, и объявили посадку. Они постояли, держась за руки и глядя друг другу в глаза. И опять люди оглядывались на них. Что-то было в этой паре особенное — хотелось посмотреть на них еще раз. На посадку она пошла последней... Оглянулась. Махнула рукой. Он вышел на галерею второго этажа и смотрел, как автобус подвез пассажиров к самолету, как они поднимались по трапу. Видел, как блеснул в последний раз серебристый Марийкин плащ... Прощай, Марийка! Прощай навсегда...

В самолете она села возле окна и смотрела на проглядывающую сквозь облака землю. Почему она улетает? Сейчас в лесу, она вдруг уловила идущую от него тревогу, которой в нем не было всю эту неделю. Она что-то почувствовала. Но не успела, не решилась спросить... Он был печален. Очень печален. Она почувствовала, что не только из-за ее отъезда. Что-то его гнетет... И об этой своей заботе он скажет своей жене Ане. Не ей, Марийке... Почему, почему судьбе было угодно разлучить их! Ведь так все сошлось, словно это кто-то специально подстроил. Кто? У нее могла бы быть совсем другая жизнь. Любимый муж, другие дети... Это она сейчас жила бы в этом удобном уютном коттедже, и они с Иванком старились бы вместе, не замечая этого. И вдруг она ужаснулась, что же это она такое думает?! Это же она в мыслях предаст своих девчонок — и хозяйку жизни Свету, и незадачливую Лерочку. А ведь роднее их нет никого на свете. И Сашу, выходит, предала. Ведь он любил ее, как умел. Может быть, чувствовал, что не принадлежит ему вся, до самого днышка, поэтому и ревновал. Не знал к кому, но ревновал... Он любил ее для своей радости. Она понимала его немного наивные, эгоистичные рассуждения — он ее сильно любит,

ему так с ней хорошо, что она должна это ценить, и быть ему за это благодарной. Он просто не мог себе представить, что бывает по-другому. И сейчас она подумала, что умение любить — это тоже талант от Бога. Иванко — Моцарт, а Саше медведь на ухо наступил. Не дано.

* * *

Дочери приехали встречать Марию во Внуково. Бросились ее обнимать, тормошить. В эту неделю они впервые почувствовали, что матери рядом нет, что она куда-то уехала, что без нее в их жизни, оказывается, пусто и холодно, и чего-то не хватает даже Свете, у которой есть все. Наперебой спрашивали:

— Мама, как ты себя чувствуешь?! Как сердце, давление, суставы?

И она вдруг осознала, что за всю эту неделю про сердце, давление и суставы она ни разу не вспомнила. Невероятно! Как будто ей отпустили эту неделю в подарок — поживи, порадуйся, хлебни счастья полной мерой хоть одну неделю в жизни. Заслужила...

Потом они сидели втроем на кухне, пили чай, Мария рассказывала подробно, как ее встретили, как проводили время. Глазастая Светлана заметила колечко на руке матери, заставила снять, померила, повертела в пальцах. Только и нашлась сказать:

— Ну, силен же дядечка, Иван Степаныч!.. Мама, да ведь он сейчас в тебя заново влюбился!.. Уж я в этом разбираюсь! Мама, а ведь ты и вправду у нас особенная — умница, красавица. И мы, дурочки, только сейчас это поняли. Думали, мама, да и мама — чего особенного. Вот теперь, пожалуйста, всегда будь такой, как сейчас!

Дней через десять пришла бандероль с фотографиями и письмо. Фотографий было много. Везде на них Марийка, изредка с Иванком — в ресторане, у него на работе. Вот с Аней дома. Вот их дом, вот кабинет с ее портретом. Вот она, Марийка, на скамейке в парке, вот на той же скамейке Иванко.

Безлюдно было, некого было попросить щелкнуть их вместе. Вот один Иванко, улыбающийся, счастливый. Светлана посмотрела, ахнула:

— Мамочка, да он же вылитый американский актер Пол Ньюмен! Хорош, дядечка!

Светлана с мужем в городе были людьми не последними, их часто приглашали на закрытые просмотры иностранных фильмов. Мария такого актера не знала, знала только, что Иванко лучше всех. В письме он писал, с каким замиранием сердца он проявлял и печатал эти фотографии, как из глубины ванночки с проявителем возникало ее любимое лицо. Она ответила, и началась переписка, причем он писал чаще и откровеннее, она реже и сдержаннее, предполагая, что письмо может прочитать Аня и опасаясь причинить Ане боль. Кто она такая, чтобы писать ее родному мужу?! Он писал ей о том, как прошел день, чем он занимался, что его заботит. Писал, что происходит на работе, всякие домашние мелочи, неизменно передавая приветы от жены.

Мария ожила, преобразилась. Появился интерес к своей внешности, к одежде, она ходила в парикмахерскую, делала прически, маникюр, применяла легкую косметику. Ей казалось, что каждую минуту она может встретить Иванка, ведь он обещал как-нибудь приехать к ней. И она высматривала его на улицах, радостно вздрагивая, если видела похожий силуэт. А вдруг да соскучится и прилетит неожиданно — она не имеет права плохо выглядеть. С молодым замиранием сердца она слушала музыку, песни о любви. Ей казалось, что все это о ней. Она стала ходить с Лерочкой по художественным выставкам, и восприятие ее было обострено, и суждения оригинальны. Давно прочитанные стихи, казалось, обретали новый, глубинный смысл. И она удивлялась, почему раньше этого не замечала. Знакомые, встречая ее, изумлялись: «Как вы помолодели!» Она чувствовала, что она точно, помолодела, недомогания случались с ней реже, и их стало меньше. Она понимала, что все это сделала с ней любовь. Она ни с

кем об этом не говорила, стеснялась даже дочерей, но они догадывались и радовались за мать.

Через полгода письма его стали короче и сдержаннее. Он писал, что хотел бы, чтобы она увидела, как садятся на подоконник снежинки, как прилетают синички и садятся на форточку, и как они красивы. Он договорился, и ему сделали кормушку, и он теперь насыпает синичкам корм, и птички весело клюют, а потом заглядывают в окно, словно благодарят. И когда она прочитала, про сделанную кем-то кормушку, — ведь у Иванка всегда были золотые руки, — она поняла, что он почти не встает с постели. Она написала письмо на имя Ани и спросила прямо о своей догадке. Аня ответила, что она догадалась правильно, и тяжело было смотреть на короткое страшное слово, написанное на листке бумаги. Аня писала, что она не перестает надеяться, что лечение мучительно, что они оба борются с мужем за его жизнь изо всех сил. И тогда Мария поняла, что она об этом догадывалась, только загоняла свою тревогу так глубоко, так прятала ее от самой себя, что она и проявлялась только в странных тревожных снах.

Она вышла на улицу в душевном смятении и брела, куда глаза глядят. Не поняла, как очутилась возле церкви, в которую не заходила со времен детства. В церкви было тихо и пусто. Мария упала на колени и не могла вспомнить до конца ни одной молитвы, которым ее учили в детстве. Она только плакала и надеялась, что Господь сам читает в ее сердце. И если, Господи, нельзя оставить его на земле, то пусть он хотя бы не мучается. Подошел батюшка, молоденький, годящийся ей во внуки, расспросил ее и говорил мудрые, утешающие слова. Мария стала прихожанкой этого храма, соблюдала установления верующего человека, и ей это приносило облегчение и надежду.

Осенью позвонила Аня и сказала, что муж скончался. И они обе долго плакали друг другу в телефонную трубку, осознавая, что никто больше не сможет до конца понять каждую из них, только эта женщина, находящаяся так далеко. Потом

Аня написала, как это случилось, прислала фотографию мраморной стелы, установленной на могиле, на которой была написана двойная фамилия «Неведомый - Артемьев», как желал этого муж. Мария ответила, они стали переписываться с Аней. И каждая с нетерпением ждала письма. Зимой Аня прилетела в Москву, к сыну. Позвонила Марии. Та пригласила ее приехать, и обе они отогрелись душой друг возле друга. Мария испытывала к Ане почти материнские чувства, а Аня дочерние. Светлана и Лера даже немножко заревновали.

Они продолжали изредка переписываться. Аня сообщила, что посадила в оградке куст шиповника, как муж завещал, только много с ним хлопот, сильно разрастается и приходится часто его подрезать и прореживать. А то и в ограду не войдешь. Потом письма стали реже, потом стали приходиться только открытки к Новому году и к 8 марта. А через три года Мария получила письмо, где Аня сообщала, что собирается выйти замуж за хорошего человека, и как на это посмотрит Мария Карповна. Словно спрашивала разрешения. Мария написала ей фразу, которой утешалась когда-то сама: «Живое – живым».

Она прожила еще десять лет и ушла из жизни тихой кончиной во сне, никого не беспокоя и не отягощая. Дочери похоронили ее достойно и сильно о ней горевали. Через сорок дней к Лере пришла Светлана и сказала:

— Лера, я так думаю, пусть тебе достанется колечко с изумрудиком, а себе я возьму простенькое, со стразом, просто на память. Ну-ка покажи, где они лежат?

Лера смутилась, вспыхнула и призналась:

— Я это колечко с изумрудиком потихоньку к маме положила. Думаю, пусть будет с ней. Никто этого и не заметил...

Светлана изумленно раскрыла рот, и Лера со страхом подумала, что сейчас услышит от сестры все, что та о ней думает. Но Светлана вдруг опустила на стул, закрыла лицо ру-

ками и заплакала так горько, так безутешно. Лера понимала, что это не о кольце. А о чем, могла только догадываться...

Светлана поставила матери красивый памятник, но на могилу чаще ходила Валерия. Весной заметила, что в оградке проклюнулся кустик шиповника — должно быть, птичка семечко уронила. А на следующую весну он уже зацвел алыми крупными цветами. Светлана настаивала, чтобы шиповник вырубил, но Лера убедила сестру оставить его. Сама подрезала и прореживала куст. После работы подолгу сидела на скамеечке и думала о жизни и смерти, о своей судьбе, и о материнской... думала... думала... думала...

И что же, это все?! Два холмика в разных концах земли, шиповник в оградке — и это конец всему?! Что же, нет их нигде, ни Марийки, ни Иванка, и нет даже следа их любви? Только тьма и беспмятство — небытие... А, может, там не беспмятная тьма, а муки адские, ведь не праведники они были, живые, грешные люди...

Они где-то есть! — в немислимых, иных мирах, откуда спускаются на землю великие идеи, гениальная музыка, счастливые озарения! Они где-то там! — в других измерениях, где нет ни зимы, ни лета, ни времени, ни пространства, ни жены, ни мужа, ни брата, ни сестры. Там, в ослепительном золотом свете счастья, ликуя, кружатся, играют, радуются нашедшие друг друга две родные души, две сущности, две невесомые пылинки, два пятнышка — голубое и розовое. Ведь невозможно же, чтобы после всех трудов, потерь, страхов, боли земной жизни там ждали нас вечные муки. Нет, не может этого быть! Не может быть...

Поздние яблоки

Началось бессмертие разлуки...

Андрей Мирошников

1

Жизнь, конечно, очень коротка, хотя поначалу и кажется длинной. Все зависит от того, откуда смотришь. Пятнадцатилетнему сыну Ольги она кажется бесконечной, а ее матери – три четверти века! – как одно мгновение. Ольга по возрасту была посередине между ними и просматривала жизнь в оба конца. И хотя Прошрое уже обжигало непоправимостью Сделанного и Несделанного, Будущее еще заманивало иллюзией, что Самое Главное – впереди. Так уж устроено – на каждом отрезке жизни свое Самое Главное что и не позволяет угасать интересу к жизни, для сына – это девчонка из соседнего подъезда, для матери – кровяное давление, а для Ольги – движение к успеху. Ольга считала, что не достигла еще своей вершины. При всех объявленных равенствах Ольга была жертвой двух неравенств необъявленных: она была женщиной, и она была беспартийной. Первое препятствие на пути к успеху она преодолевала благодаря волевому характеру, а второе, казавшееся незыблемым, вдруг стало как то истончаться, туманиться, размываться, и наконец, рухнуло, исчезло в волнах недавно прозвучавшего «Лебединого озера».

Начальник Ольги, у которого она была заместителем, уезжал в Москву на повышение, и Ольга должна была, наконец, стать первой не только по существу, но и по должности. Однако появились соперники, желающие тоже быть первыми, имея Ольгу второй. И плелась административная интрига с тайными переговорами, умалчиванием, перешептыванием, многозначительными усмешками. Ольга занервничала. Зевать было нельзя, и руку нужно было держать на пульсе событий.

И тут позвонил брат из Ленинграда и спросил, помнит ли она, что их матери на днях исполняется семьдесят пять. Ольга обиделась. Конечно же, помнит, уже послала подарок и даст поздравительную телеграмму. И тогда он вдруг сказал, помедлив:

– Слушай... давай встретимся через три дня у матери, ведь мы с тобой не виделись лет пять. У меня отгулов неделя, я приеду на машине, а ты прилетай.

– Давай встретимся! – горячо отозвалась Ольга и тут же пожалела о сказанном. А как же новое назначение? Без нее все могут переиграть. Но слово не воробей. Тем более – ее слово. Она всегда держала свои обещания и безропотно терпела все связанные с этим неудобства.

Мать упрямо жила одна в городе их детства, в прежней квартире, никак не хотела перебираться к детям, а если приезжала погостить, то вскоре начинала томиться, хандрить и капризничать и, наконец, уезжала домой, где сразу приободрялась и переставала недомогать. Должно быть, в том и сущность Дома, даже если это просто хрущевская квартира, – и стены, и старая мебель впитывают энергию молодости, а к старости возвращают ее, продляя жизнь и бодрость.

Через три дня Ольга была уже у матери. Брата ждали к обеду, бросались к окну на звук затормозившей машины, прислушивались к шагам на лестнице. Уже отмякли под полотенцем и пуховым платком пирожки с мясом и с капустой, томился румяный борщ в кастрюле, курица в золотистой хрустящей корочке распалляла воображение. Пообедали.

Тревога вползала в квартиру вместе с сумерками, затаивалась в углах, проникала в душу. Надежда была сильнее, держалась на свету, боролась с тревогой, оттесняла ее, приговаривая: «Все хорошо, все нормально, просто небольшая поломка, или бензина нет на заправках». Искали себе занятие, смотрели семейные альбомы. Ольга неторопливо переворачивала плотные, как годы, листы,

рассматривала прошедшие мгновения своей жизни, и каждое включало память: вдруг слышался смех, шелковый шелест нового платья, вспоминался тугой бант, вылетающая из фотоаппарата «птичка». Молодые беспечные лица родителей и родственников обретали степенность, жесткость, глаза – усталость и мудрость. На белых простынках лежали голенькие младенцы, вытягивали шеи из воротников смешные подростки. Белые облака фаты окутывали счастьем головки невест, темные костюмы женихов подчеркивали глубину торжества. И вот уже новые младенцы, и новые невесты с женихами. Поколение набегало на поколение, догоняло и теснило, как волна волну, и вот уже нет новых фотографий отца и бабушки – ушла волна в песок, разбилась, растеклась по берегу...

Утром Ольга пошла в магазин. Над домами и деревьями разливалась безмятежность, до холодов еще было далеко – ни желтинки в густых темно-зеленых шевелюрах скверов. Нежаркое сентябрьское солнце, ласковый теплый воздух – тихая благодать! – казалось, никто в мире не страдает, и не случается нигде никаких несчастий, иначе это было бы просто предательством со стороны природы. А, может, это просто ее равнодушие?

В магазине Ольга нечаянно ударила локтем о какой-то ящик. Пронзенная болью рука безвольно опустилась вниз, онемела. И она вдруг поняла, что с братом случилось несчастье.

Возвращаясь, Ольга увидела у подъезда молодую девушку с телеграммой в руке, разглядывающую номера квартир. Ольга ничего не спросила у нее, стараясь продлить минуты неведения и надежды. Перескакивая через две ступеньки, обогнав Ольгу, девушка легко и весело несла чужое горе. Ольга окликнула ее, спросила о том, что уже предчувствовала. Девушка протянула белый с синей полосой срочности листочек, легкий для ладони, но тяжелый для души. Ольга расписалась и некоторое время стояла, не раскрывая

телеграммы. Потом развернула листок. Брат находился в больнице города Кротова... в тяжелом состоянии... жив...

2

Город Кротов, о котором Ольга прежде слыхом не слыхивала, однако же существовал и обозначался на карте в географическом атласе точечкой посередине России, рядом с голубой вилушкой безымянной речки. Невдалеке тянулась толстая нитка междугородного шоссе, связывающего Север с Югом. Ближайшая железнодорожная станция с заливчатским названием Веселая была километрах в пятидесяти.

Позднее Ольга не могла вспомнить никаких подробностей дороги. Она ехала сначала автобусом, потом поездом, потом снова автобусом, потом на попутной машине. И это были вообще автобус, поезд, машина, какие-то люди вокруг без отличительных признаков, потому что она не видела того, что рядом, а старалась мысленно рассмотреть, что там ждет ее впереди. Билетов нигде не было, но как только она предъявляла свою телеграмму - пропуск в страну скорбей - билеты для нее находились поспешно, вручались не глядя, с безмолвным заклинанием – чур меня! – чтоб не перекинулась чужая беда.

Белея стенами, больница возвышалась среди одноэтажных частных домиков на окраине города Кротова. Собираясь с духом, Ольга постояла во дворе больницы, потом решилась и вошла в вестибюль. Сидевшая за столом дежурная в белом халате долго искала в тетрадке с номерами палат фамилию брата, не нашла, объяснила, что только заступила на дежурство, и закричала гардеробщице:

– Зина! Не слыхала, жив мужик, которого привезли с аварии?

– Жив, – сказала Зина, прожевывая пирожок, – в реанимации...

Наверное, здесь в больнице у них срабатывала необходимая защитная система - привычка захлопывать душу, все равно

всех не пережалеть. Зина пустила Ольгу в гардеробную, задвинула под стол ее дорожную сумку, повесила плащ, выдала халат побелей, тапочки поновей, и Ольга поняла, что ей выразили сочувствие.

Брат лежал голый на узком высоком столе, и Ольга мгновенно отметила – руки-ноги целы, нигде не видно никаких повреждений, только живот был закрыт белой пленкой, очевидно, она и скрывала самое главное. Рядом на стойке стоял большой перевернутый флакон с жидкостью, от него тянулась к руке брата тоненькая трубочка, через которую капала в его тело жизнь. Глаза брата были закрыты. Ольга подошла ближе, молча смотрела в его лицо со ссадиной над бровью. Должно быть, почувствовав взгляд, он открыл глаза, губы его дрогнули: «Алене не сообщай... Они с Катькой у бабки в деревне». Наверное, фраза стоила ему сил, и он опять прикрыл глаза.

Им отвели отдельную палату, маленькую комнатку на две кровати. На одну положили брата, на другой поместилась Ольга. Пришел хирург Ванюшин – коренастый, кругленький, румяные щеки над бородкой, весь в белом. Не глядя на Ольгу, подошел к брату и снял пленку. Она посмотрела и ужаснулась. Шов тянулся от желудка до лобка, должно быть, хирург разрезал живот, тщательно все пересмотрел, подштопал, что нужно, а потом зашил. Из живота торчали упругие стебли резиновых трубок. Хирург Ванюшин показался Ольге человеком неприветливым, он как-то хмуро, словно сомневаясь в ней, давал указания, что и как делать, коротко отвечал на ее уточняющие вопросы, потом продиктовал назначения медсестре Гале и вышел, ни на кого не глядя.

– Какой суровый, – сказала Ольга.

– Что вы! – вспыхнула медсестра Галя. – Просто он озабоченный. Вы даже не представляете, как повезло вашему брату, что дежурил именно Ванюшин. Он просто гений! – пылко заключила Галя.

Началось Ольгино топтанье возле брата – умыть, приподнять, обтереть, обмыть, поправить, унести, принести, измерить, записать. К вечеру она еле таскала ноги. Очевидно, понятие «выхаживать» имеет буквальный смысл. Всегда ощущавшийся вокруг огромный мир вдруг съезжился до размеров палаты – три на четыре метра, и небо над ним казалось с овчинку. Центром этого мира стал брат.

В больнице было, как везде: что-то в достатке, а чего-то не хватало. Потом кончалось то, что было, зато появлялось то, чего не было. Таково было устройство общества, а больница, хотя и была отгорожена забором, соединялась с океаном жизни по закону сообщающихся сосудов. Теперь, к счастью был самый удачный вариант «хватает-нехватает». Когда Ольга заикнулась Ванюшину, что оплатит любые лекарства, он поморщился и с гордостью сказал: «Лекарства у нас есть, и превосходные! И я сделал все, что мог. Будем надеяться...» Он не уточнил, на кого.

Зато в больнице не было тарелок, ложек, стаканов, горячей воды, белья, и больные приносили все необходимое из дома. Ольга, привыкнув к достаточно высокому положению в своем городе, впервые за много лет почувствовала себя человеком зависимым. Все вокруг были начальниками. Начальник – дежурная медсестра, начальник – повариха, начальник – санитарка. Первой дала понять ей это сестра-хозяйка. Повязка на животе у брата быстро намокала, и, как сказал хирург Ванюшин, это было хорошо. И коротко бросил: «Меняйте!» Ольга, озабоченная надвигающейся ночью, пошла добывать пеленки в запас.

Сестра-хозяйка, тетка с фигурой снежной бабы, сидела за столиком у окна. За занавесками на стеллажах угадывалось больничное добро.

- Здравствуйте, - вежливо сказала Ольга, - выдайте мне пожалуйста пеленки на ночь.

Сестра-хозяйка холодно смотрела на нее и молчала. Это было что-то новенькое. Красивая стройная женщина стояла

и разговаривала с ней, как королева. Просила по форме, но требовала по содержанию. и вообще все было как-то не в резонанс. Сестра-хозяйка сидела со своим, а Ольга пришла со своим, и каждую свое донимало и жгло.

– А пеленок нет, – наконец спокойно сказала она и отвернулась, глядя в окно. Кто-то же должен был ответить за пьющего мужа, за гулящего зятя, за боли в коленках и вообще за все, что в стране творится. В комнате повисло молчание. Ольга прочувствовала паузу и свою вину в неудавшейся теткиной жизни и содрогнулась. Она испугалась, что за все придется ответить брату, которому она вовремя не сменит повязку. Она поняла, что пеленки у тетки есть, можно было пойти к дежурному врачу и пожаловаться, и тетка будет вынуждена уступить; но она представила, какая энергия ненависти выплеснется на нее и на брата. Сама Ольга этого не боялась, но судьба брата колебалась между жизнью и смертью, и она не хотела бросить на чашу весов хотя бы пылинку чужого недоброжелательства. Никогда ради себя не унижавшаяся, она вдруг дрогнула голосом, опустила глаза и беспомощно сказала:

– Что же мне делать? Помогите же...

И это было, как если бы она встала на колени. Должно быть, сестра-хозяйка ждала именно этой дрожи, трещинки в голосе, должно быть, ее часто унижали, и она отыгрывалась, на ком могла. Она молча встала, открыла шкаф и подала Ольге стопку новеньких мягких пеленок.

– Спасибо, – сказала Ольга, униженно улыбаясь и, повернувшись уходить, увидела свое лицо в зеркале, прикрепленном на двери. На нее смотрели глаза побитой собаки.

Просить приходилось все и у всех. Чашку, ложку, тарелку пришлось просить на кухне, кипятильник у больного из соседней палаты, постоянно прижимающего к животу грелку и нянчившего свою боль. И еще много-много – прошу вас... разрешите, пожалуйста... будьте добры... А Ольга никогда,

ни у кого ничего не просила. Она совершенно не признавала беганий по соседям за хлебом, за луковицей. Забыла купить - обойдись без хлеба, без луковицы. Все надо иметь свое и все делать самой. И так как она ни к кому не обращалась, то и у нее постепенно перестали просить. Муж смеялся:

- Это про тебя сказано: «У ней не посмеет соседка ухвата, горшка попросить.»

- Ну что ж, - ответила Ольга, - там еще есть строчки: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».

- Да, - согласился муж, - это тоже про тебя...

Болезнь входит пудами, а выходит золотниками, говорила Ольгина бабушка. Золотники выздоровления накапливались медленно, никак не могли перевесить пуды несчастья. Ольгу неотвязно мучила мысль: как же так, почему это случилось с ним, с ее братом, таким хорошим, умным, красивым, таким родным. Она, шестилетняя, раз и навсегда получила статус старшей сестры, помнила крошечный сверток, который принесли из роддома, прониклась щемящей нежностью к его беспомощности, и в заботах о нем, в покровительстве зависящему от нее существу вызревала ее женская душа.

Как же так произошло, что не на такой уж загруженной трассе, ранним утром, случились эти секунды, когда серая «Волга» вдруг вылетела на встречную полосу и сшибла «Жигуленок» брата в кювет?!

Виновник аварии лежал в другом отделении с сотрясением мозга. В город Кротов слетелась его грузинская родня на лаковых иномарках, сверкала кожей курток и металлических заклепками на джинсах. Один из них, смуглый, высокий, крепкий, зашел к ним в палату. Неуверенно переминаясь, молча постоял у двери, потом, наконец, выдавил из себя:

- Я – брат Гиви...

- А я сестра Александра...

- Мы купим вашему брату новую машину!

- Лучше купите ему новый живот.

Брат Гиви опустил глаза, потоптался на месте.

– Что вам нужно, скажите...

– Лимоны, – сказала Ольга без надежды на удачу. Лимонов давно как бы не существовало. Тем более в этом захолустье.

К вечеру усталый и запыленный брат Гиви принес большой пакет с лимонами и гранатами.

– Благодарю, – сказала Ольга, чуть смягчившись. Она винила во всем этого Гиви, но брата его вполне могла понять.

– Если что нужно, говорите, из-под земли достанем! – горячо отозвался брат Гиви на некоторую смягченность ее голоса и пожаловался: – У Гиви из носа кровь идет. Никак не остановится.

Ночью брат проснулся в страхе, ей показалось, что он бредит:

– Не выключай свет. Они придут и выбросят меня в окно!

– Я их не пушу, – заверила Ольга, – спи спокойно.

– Хорошо, – сказал брат, – только никуда не уходи...

Он привык, что она его защищала. Ольга затенила свет от лампы, смотрела в лицо брата и думала, что если бы пришлось, она отстреливалась бы до предпоследнего патрона. А потом пустила бы себе пулю в лоб. И даже улыбнулась – какие страхи лезут в голову ночью.

– Они не придут?! – несколько раз за ночь вскидывался брат.

– Никогда! – заверяла Ольга.

Утром она рассказала об этом Ванюшину. Он сделал новое назначение. Оказывается, есть лекарство и от страха.

Но температура все держалась. Опасались перитонита.

Ей никогда не говорили о Боге – ни дома, ни в школе, но смутное ощущение Его, как жажда любви, добра и высшей справедливости, бессознательно присутствовало всегда. Ночью она вспоминала тихие бабушкины слова: «Отче наш... да святится имя Твое...». Нет, она не знала этой проторенной поколениями словесной дороги к Нему. Она стала шептать

свои слова: «Господи, прости меня, грешную... спаси моего брата... он должен жить... Господи... Помогите ему, пожалуйста...» Слова не поднимались высоко, осыпались сухими листьями. Для нее небеса были пусты, холодны и безответны...

Она вспомнила брата маленьким мальчиком, он часто падал и разбивал коленки, в слезах бежал к ней; она мазала ему коленки йодом, и он кричал: «Дуй, дуй сильнее!» И Ольга заплакала горячими, беспомощными слезами и плакала долго, до изнеможения. В полутьме, в ощущении опасности душа ее металась в четырех стенах, в бессилии билась о них и вдруг бессловесно и безмолвно рванулась вверх в тоске, надежде и горячей мольбе о помощи. И это нельзя было уложить в слова. Последние силы ее ушли на этот порыв, и она словно бы забылась, а когда очнулась – тишина заполняла комнату, тишина заполняла душу. Странное чувство владело ею, и она не могла его обозначить словом, и лишь несколько дней спустя, вспоминая об этой ночи, она нашла его – это было Утешение. Дыхания брата не было слышно. Она со страхом подошла к его постели, прислушалась. Впервые за эти дни он спал тихо и спокойно. Утром температура немного спала, она поняла, что ему хоть чуточку, да стало полегче.

– Дай зеркало, – сказал он и, посмотрев в него, попросил: – помоги мне побриться...

Наконец наступило утро, когда Ольга увидела ясные, словно промытые, глаза брата. Температура была нормальная. Хирург Ванюшин вытащил трубки и приказал понемножку вставать. Был он улыбочивым и совсем не напоминал угрюмого типа первых дней. Немножко по-мужски рисуясь, взглядывал Ольге в лицо, распорядился дать брату немного нежирного куриного бульона. И хорошо бы попить настоем шиповника.

Больничный суп – рататуй даже отдаленно не напоминал куриный бульон. И шиповника у нее не было. Пришла Галя делать укол, и Ольга стала ее расспрашивать, как проехать на городской рынок.

– Сегодня там уже ничего нет, – сказала Галя, – да и неизвестно, будет ли завтра. Сейчас никто ничего не продает, все обходятся своим хозяйством. Я тут рядом живу. Сбегаю, попрошу маму. Она сварит кусок цыпленка. И шиповник принесу. И термос!

Ольга, смущаясь, предложила Гале деньги, но та энергично замотала головой. Хотелось сделать ей что-то приятное, а это значило, поговорить о Ванюшине.

– А он, оказывается, не такой уж вредный, этот Ванюшин.

– Да что вы! – всплеснула руками Галя, – я же говорила, что вам повезло! Он хирург в четвертом поколении. Еще его прадед работал здесь земским врачом. Представляете?!

– Невероятно! – сказала Ольга. – И он после института сюда вернулся?

– Не сразу... Он работал в Москве, в клинике, и диссертацию там защитил. Потом у него что-то с женой разладилось, – покраснела Галя. – А тут его отец умер, хирург нашей больницы. Он приехал на похороны и остался здесь. Всего полгода назад. Теперь сидит в ординаторской на месте отца. А я скоро на курсы поеду. Буду его операционной сестрой. Обещал взять.

Галя ловко развернулась на одной ножке и выпорхнула из палаты. Она любила хирурга Ванюшина, а заодно с ним и весь мир.

Впервые за эти дни Ольга осмысленно посмотрела в окно и увидела там начинающийся день и в нем разлитое по земле парное молоко тумана, недостроенный новый корпус больницы и кучу кирпичей возле него. В отдалении виднелись шагающие по своим делам опоры линии электропередачи, за ними угадывалась проселочная дорога, через десяток километров впадающая в междугороднее шоссе. Мир вокруг стремительно расширялся, и она снова была в его центре.

Нужно было жить в этом новом дне, и Ольга пошла на кухню за завтраком. В конце коридора она увидела спешащую

ей навстречу Алену, жену брата. Она шла стремительно, полы накинутаго белого халата развевались, было видно, как тревога заплетала ей ноги, а надежда вздымала крылья, и Алена была похожа на подбитую птицу, пытающуюся взлететь. Помогая надежде, Ольга издали замахала рукой, заулыбалась. Они обнялись и вошли в палату. Брат ахнул и засмеялся. Алена заплакала и взяла мужа за руку. А он кричал Ольге:

– Скорее, дай же мне электробритву! – Жена была моложе его на десять лет, вторая по жизни, но первая по сердцу.

– Почему вы мне не сообщили?! – сокрушалась Алена. – Я бы сразу примчалась!

– Не велено было, – улыбнулась Ольга, – а ты как узнала?

– Узнала. Душа заболела. Поехала в райцентр. Позвонила на работу, сказали, что уехал к матери. Позвонила матери, долго никто трубку не брал, потом ответила соседка, сказала, вот только уехала «скорая», мать лежит с высоким давлением, а ты разбился. Я чуть в обморок не упала. Потом долго от нее добивалась, где ты находишься. А как сюда добиралась – не описать...

Ольгу охватила тревога за мать. Ведь она ничего не сообщала ей. От брата было невозможно отойти. И из больницы никак не дозвониться, а почта далеко, в центре города.

– Я поеду позвоню матери, – заторопилась Ольга.

– Да-да, иди! – охотно отозвались брат и Алена. Они смотрели друг на друга, сияли глазами, и Ольга почувствовала себя лишней. Когда мужчине плохо – ему нужна мать, а когда хорошо – возлюбленная. Большая удача для мужчины, если в жене совмещаются эти ипостаси.

3

Ольга долго сидела на остановке возле больницы, ожидая автобус. Постепенно теряя терпение, собралась было идти пешком, но люди отсоветовали, сказали, что до центра не

меньше пяти километров и лучше все-таки подождать. Наконец автобус пришел – старенький, горбатенький, он чадил выхлопными газами, трясся, гремел и дергался, будто намереваясь вот-вот рассыпаться. Однако автобус достаточно резво продвигался вперед, никуда не сворачивая, пылил по прямой улице, заросшем спорышем. Куры, заполошно, плебейски кудахтая, разлетались в разные стороны, а важные гуси, возмущенно гогоча, уступали ему дорогу, не теряя своего гусиного достоинства.

Вдоль улицы стояли одноэтажные дома – и большие, добротные, и маленькие, поскромней, но все они утопали в зелени садов. Над оградами возвышались могучие яблони, увешанные красными, зелеными, желтыми плодами. Кое-где выглядывали аккуратно выложенные поленицы дров – солнечных консервов. Бросят люди поленья в печь и греются солнечным теплом, пролившимся на землю полвека назад.

Автобус вдруг стало меньше трясти – под колеса стелилась уже асфальтированная улица, и попадались стандартные коробки «хрущевок». Ольга вышла на центральной площади возле административного трехэтажного здания, как писали журналисты – маленькой поэмы из стекла и бетона, очень собой гордившегося и пренебрежительно посматривающего на стоящий напротив старинный двухэтажный особняк со следами былой красоты. На нем было написано: ПОЧТА – ТЕЛЕГРАФ – ТЕЛЕФОН.

Ольга перешла через площадь, балансируя на перекинутой доске, преодолела траншею глубиной не менее метра, с осыпающимися краями и поблескивающей на дне водой. Ее поразило, что и на этой глубине не кончался слой чернозема, жирного и блестящего – хоть на хлеб намазывай.

Она поднялась на второй этаж по гулкой чугунной лестнице с ажурным ограждением. Прежняя большая гостиная была разделена стеклянной стенкой на две неравные части: служебную и зал ожидания. Вдоль стен стояло несколько телефонных кабин. Ждать пришлось больше часа. Муж

кричал: «Оля, я тебя потерял, я чуть с ума не сошел!» И ей было очень приятно, что он из-за нее чуть не сошел с ума,

– Оля! Я тебе сразу скажу, чтобы ты подготовилась. Вышел приказ, на ту должность – зам. директора – назначили Николаева! Николаев был великий комбинатор и пролаза. – Ольга молчала. Прислушивалась к себе. В себе было тихо и спокойно.

– Что ты молчишь! Не расстраивайся! – кричал муж.

– Да наплевать, – равнодушно сказала Ольга, слегка удивленная тем, что в мире существуют должности, интриги и честолюбивые устремления. Это было не про нее.

Потом ее вызвали по второму заказу. Материнский голос в трубке просил пощады, и Ольга торопливо выпалила: «Жив! Температура нормальная! Разрешили бульон!»

В трубке замолчали, и Ольга обеспокоенно звала:

– Мама! Мама! Говори громче, плохо слышно!

– Она плачет, – сказала телефонистка.

Ольга снова сидела на остановке и ждала автобус в обратную сторону. Ожидание не раздражало ее: с мужем и матерью она поговорила, брат пошел на поправку, и она сдала вахту в надежные руки Алены. Автобус все не появлялся, а людей на остановке прибывало. Рядом с Ольгой сели грустная девушка в черном платье и усталая женщина с сумкой. Подошел удачливый рыбак с удочкой и связкой свежих карасей, он явно был навеселе. Подходящие к остановке мужчины окружали рыбака, травили рыбацкие байки, курили. Явно с передачей в больницу подтягивались женщины с сумками. Подлетела стайка щебечущих старшекласниц. Ольга неожиданно проговорила вслух: «Пожалуй, все в автобус не войдут...»

– Войдем, не сомневайтесь, – заверила ее сидящая рядом женщина, – а вы, я вижу, нездешняя?

– Да, – сказала Ольга, – издалека приехала в больницу, мой брат попал в аварию.

– А-а-а... – догадалась женщина, – это молодой мужчина с

того «Жигуленка», что сшибла «Волга» на прошлой неделе? Весь город говорил. Как его здоровье?

– Поправляется, – сказала Ольга и немного удивилась, что первая вступила в разговор. Обычно она избегала бесед с незнакомыми людьми.

– Ну, дай Бог здоровья, – сказала женщина.

– Спасибо, – отозвалась Ольга.

Автобуса все не было, и лица людей, как подсолнухи в поле, были повернуты в одну сторону – откуда он должен был появиться. Но автобусы, видимо, здесь ходили не по расписанию, а как дождик – когда Бог пошлет.

Ольга рассматривала площадь: гордое, с немытыми запыленными окнами здание бывшего райкома партии, гипсовую фигуру Ленина, выкрашенную бронзовой краской, пустые витрины универмага; прикрывающий какой-то долгострой ветхий забор, на котором яркой масляной краской было написано: «Борис, ты прав!» Город Кротов тоже понимал, что зашли куда-то не туда, что надо бы поискать новую дорогу, и очень хотелось, чтобы нашелся человек, который на эту новую дорогу выведет всех. И тогда все само собой образуется – в магазинах появятся еда и товары, автобусы будут ходить по расписанию, а канаву, наконец, засыпят. И уже верилось, что такой человек нашелся.

Внезапно Ольга ощутила среди ожидающих некое движение, перемену направления взглядов. Она тоже повернула голову и увидела человека, который стоял и не смотрел никуда и ни на кого. Он смотрел внутрь себя на что-то невероятно важное. Его глаза были словно тонированные стекла автомобиля – внутри что-то происходило, но неизвестно что. Ольге показалось, что он страдает от чудовищного давления мыслей, запертых в голове. Мысли не могли облечься в слова и вырваться наружу, как свет из черной дыры. Он словно разговаривал с кем-то, кому-то что-то доказывал, что-то спрашивал, улыбался, шептал. И вдруг вскинул левую ладонь к лицу в жесте удивления и несогласия.

Ольга внутренне ахнула, внимательнее присмотрелась к странному человеку. Он был невероятно худым. Старый костюм висел на нем, как на вешалке, вероятно с утра костюм был чистым и отглаженным, но, наверное, человек споткнулся и упал - левая брючина и рукав в пыли, отряхнуть которую хозяину не приходило в голову. На вид ему было лет шестьдесят, большую лобастую лысоватую голову окаймлял венчик седых пушистых волос.

– Кто это? – спросила у соседок Ольга.

– Да!... – пренебрежительно махнула рукой грустная девушка. – Это Лесик... ну, ненормальный. Опять на него накатило, значит, скоро увезут в больницу.

– Он не всегда был таким, – сказала усталая женщина. Это бывший учитель из нашей школы. Такой был хороший учитель. Все, кто у него учился, поступили в институты. С физикой и математикой у ребят все было на высшем уровне. Он приехал сюда лет десять-двенадцать назад. Здесь его тетка живет. А раньше он каким-то важным человеком был. Да что-то на работе не заладилось. Жена его бросила, ушла к другому, да еще украла какие-то записи, дневники. У него были неприятности. Приехал-то он нормальный, только выпивал.

– А с кем он живет?

– Да с теткой же! Так и не женился, хотя поначалу его сватали. Тетка уже старенькая. Жалеет его, обихаживает. Ей уже под восемьдесят, и сил у нее мало. Придется его совсем отдать к хроникам. А бывает, подлечится, совсем нормальный. Некоторые родители в это время приглашают его репетитором. Да вот обострения все чаще. Такая болезнь. Не зря говорят, от сумы, да от тюрьмы не отказывайся...

– Он словно разговаривает с кем-то?

– Да. Его спрашивали, с кем он разговаривает. Он ответил – с Богом. Вот так-то.

Лесик постоял-постоял, попрепирался со своим невидимым собеседником и двинулся через площадь. Ольга с жалостью

смотрела ему вслед. Какая-то неровная подпрыгивающая походка... Только один жест - а как ударило в сердце! Она же надеялась - все давно прошло. Лет пять после разлуки с Игорем она вдруг угадывала во встречных мужчинах какие-то черточки сходства с ним и обмирала душой. Должно быть, ждала. Потом прошло. А, оказывается, все еще тревожит призрак несбывшейся жизни... Этот кусок молодости, запертый для воспоминаний усилием воли, заваленный хламом обыденности, вдруг явился сразу, целиком. И хотя ум сопротивлялся, праздное ожидание запустило память, и Ольга окунулась в запретное для себя прошлое.

4

Ольга была самой умной и самой красивой девушкой в школе, и ей так часто приходилось об этом слышать, что стало казаться, будто она самая умная и самая красивая на свете. Золотая медаль, тяжелая русая коса до пояса, большие серые глаза, стройная фигура – являли собой тому весомое подтверждение. И после окончания школы не было другой дороги – только туда, в первые ряды жизни – в Москву, в физики. Заниматься физикой было модно и престижно, как в свое время быть шофером или летчиком.

Впервые они встретились во время вступительного собеседования. Ольга обратила внимание на высокого, худенького – даже не скажешь юношу – мальчика с копной рыжеватых вьющихся волос, стоящих торчком, словно тоненькие медные проволочки, с яркими веснушками на бледном лице северянина. Она не могла сказать теперь, был ли он хорош собой – его лицо притягивало, хотелось посмотреть еще раз. Она посмотрела и столкнулась с его встречным взглядом, и так было еще и еще раз.

Собеседование гораздо труднее экзаменов. Мальчика вызвали в числе первых. Он вышел не скоро, задумчивый и немного отрешенный. Потом нашел ее глазами и ободряюще покивал головой. Ольга вышла растерянной и смущенной,

понимая, что судьба ее висит на волоске. Но ее приняли. Позднее секретарша Ляля, желая сделать ей приятное, рассказала, что некоторые члены комиссии были против ее приема, но декан сказал:

– Давно я не видел такой красивой девушки. И не лишена способностей. Аккуратная. Учиться будет прилично. У физиков так ограничено поле поиска, а такая обязательно вдохновит кого-нибудь на великое открытие! Я думаю, надо ее принять.

Члены комиссии засмеялись и согласились с деканом. Ольга была уязвлена и поклялась, что докажет всем и себе в том числе, что ее взяли не только за счастливую внешность, как по-старинному говорила бабушка. А тогда она, ни на кого не глядя, выскочила на улицу.

С мальчиком они встретились первого сентября, они оказались в одной группе. Увидев Ольгу, он радостно заулыбался, подошел к ней и сказал:

– Как я рад, что ты поступила! – и смутился.

– И я рада, – сказала она и тоже смутилась.

Он протянул руку первым:

– Игорь.

– А я – Ольга.

Он повел глазами по аудитории:

– А это наша дружина! – И ей стало невероятно радостно и весело.

И началась волшба: круженье и касанье, мерцание и трепет, сиянье и полет! Влюбленность плела свои кружева и сети. В день первого снега он впервые поцеловал ее, и губы его трепетали, как крылья испуганной бабочки. Они всюду ходили вместе, вместе сидели на лекциях, вместе занимались. Собственно, занималась Ольга, а Игорю наука давалась легко. Человеку свойственно приукрашивать предмет своего увлечения, но скоро не только она, но и группа, и курс, и преподаватели поняли, что он человек особенный. Он не учился физике и математике – он в этом жил. Он почти не

записывал лекций, молча слушал, делал редкие пометки в тетради маленькими буквами, писал формулы, изредка покачивая головой в знак согласия, или вдруг резко вскидывал левую ладонь в знак удивления, сомнения или восхищения. То, что он услышал или прочитал однажды, ему не нужно было повторять – запоминал навсегда.

Ольга жила на квартире у своей тетки. Тетя Муся была старой девой с туманной легендой о какой-то драме своей молодости. Любимым словом ее было «боюсь». «Ой, боюсь, будет дождик... боюсь, несвежая колбаса... Олечка, не приходи поздно, боюсь, как бы чего не случилось...» Ольге приходилось с трудом протискивать свою жизнь между теткинскими «боюсь», и это ее тяготило.

Игорь провожал ее вечером, оба замирали в прощальном поцелуе – скорее... скорее... а то тетя боится! Они были отчаянно влюблены друг в друга. Когда он просто брал ее за руку, ей казалось, что она взлетает. На них оглядывались на улице. В группе их звали уважительно и, чуть посмеиваясь, – «князя». И кричали:

– Князя! Гоните рупь на киношку!

Игорь родился на Севере. Мать его была из семьи сосланных и жила в поселке на самом краешке земли, где полгода день и полгода ночь, а небо полыхает северным сиянием. Об отце он долго ничего не рассказывал, но, решившись и сказав главное, говорил о нем с Ольгой часто. Отец, собственно, только бросил семя. Он был начальником геологической партии, в которой его мать работала поварихой. Он знал о ее беременности, но у него была семья. Кончился сезон, и он уехал. Мать сообщила ему о рождении сына, он несколько раз посылал деньги, потом все заглохло. Как только Игорь стал что-то понимать, душа его облилась обидой и недоумением, как это можно было не то чтобы бросить будущего сына, но хотя бы не поинтересоваться, что представляет из себя этот человек – его сын? Он собирался когда-нибудь найти своего биологического отца и посмотреть

ему в глаза. Ольга в глубине души думала, что напрасно он так сердится на человека, который, сам того не желая, стал его отцом. Ведь кости брошены очень удачно – он получил жизнь и талант.

На каникулах Ольга часто получала от него сдержанные, короткие, как шифровки, письма. И в каждом – хотя бы одна фраза, которая воспринималась, как странные стихи. Ольга помнила некоторые до сих пор: «Счастливый, я коронован дважды – северным сиянием и твоей любовью». И еще: «Вспорхнула птица, заяц пробежал, гудок тоскует паровозный – все о тебе...» Получив письмо, Ольга быстро пробежала его глазами, искала ключевую фразу. Она разила сладким болевым ударом – он передавал ей свое чувство концентрированным сгустком энергии. Позднее ей попал в руки сборник японских стихов «хокку». Это было очень похоже. А когда при встрече она показала сборник Игорю, он пришел в восторг. Вот это поэзия – ничего лишнего. Все, что хотел сказать, – сказал коротко, остальное – оборочки! «Так и надо, – говорил он, – кто принял – тот понял, а кто не понял, значит, не ему адресовано. Ты понимаешь меня, значит, я не ошибся – это тебе».

5

На втором курсе в группе объявилась новенькая. Зоя. Зоенька. Зайка. И это прозвище ей невероятно шло – такая она была беленькая, светленькая, хрупкая, так и просилась под крыло. Большие, голубые, в косину глаза на каждого смотрели доверчиво и с обожанием. Этим глазам невозможно было отказать. Хотя она была на год их старше – отстала от своего курса по болезни, – каждому казалась младшей сестренкой. Дюймовочка. Тихий ангел.

Скоро обнаружилось, что новенькая в своем роде феномен. Она знала всех, и все знали ее. Она была своим человеком в профсоюзе и в комсомоле. Она доставала группе билеты на лучшие спектакли и выставки. В магазинах она мгновенно

входила в контакт с продавцами, словно подавала знак – «мы одной крови – ты и я!» – и могла выпросить любой дефицит. Ольга не успела оглянуться, как Зайка выбрала ее в подруги, уговорила уйти от тетки, чему Ольга особенно не противилась, выбила у коменданта общежития одну комнату на двоих, и они поселились вместе.

Они были абсолютно разные, даже внешне. Ольга, высокая, статная, с чуть откинутой назад – под тяжестью косы – головой, производила впечатление холодноватой гордячки, хотя ее сдержанность была скорее застенчивостью. Но это держало людей на расстоянии. Зайка же, живая, подвижная, вращала вокруг себя вселенную. К ней постоянно приходили знакомые со всех курсов, обменивались какими-то тряпками, сплетничали, пили чай и приглашали к себе. Ольга постепенно втянулась в эту дружбу со всеми. Ей все больше нравилась Зайка. У нее не было сестры, у нее никогда не было задушевной подруги – девчонки избегали показываться с ней рядом, слишком она была для них невыгодным фоном. Зайка же не боялась ничего. Она претендовала на свой кусок жизни, никому не позволяла посягать на него, а при случае могла оттяпать и от чужого.

Ольга существовала за загородками «нельзя».

Нельзя лениться и не учить уроки, нельзя опаздывать, лгать, брать чужое – и еще много-много разных табу. Она не помнила, чтобы ее учили этому впрямую, но так жили поколения ее предков, честно тянули свой воз и вместе с генами передали Ольге свою упряжку. Загородки ее оберегали, но в то же время отъединяли от живой реальной жизни. Она выглядывала из-за них робко, с недоумением, интересом, а иногда с неосознанной завистью. Зайка была зверь вольный, никаких загоронок для нее не существовало – ходила, где хотела, делала, что хотела, себе на пользу и удовольствие. Ольга тянулась к Зайке, как к запретному плоду.

Игорь очень радовался, что Ольга перешла в общежитие и стала еще ближе, но был недоволен появлением Зайки.

Ольга принадлежала ему и только ему, и он ни с кем не хотел ее делить. Он не воспринимал Зайку всерьез и относился к ней весьма иронически.

– Почему ты не любишь ее? – спросила как-то Ольга, обидевшись на очередную насмешку Игоря.

– Ее стало слишком много в моей жизни. Она меня утомляет.

Зайка же преданно служила им обоим: занимала очередь в столовке, бегала за пирожками, увязывалась с ними в кино. И гордо говорила: «Наша троица». Потом что-то поняла. Стала сдержанней. Когда приходил Игорь, под каким-нибудь предлогом оставляла их одних. А однажды сказала:

– Оля, если вам нужно, скажи прямо, я уйду ночевать к Галке.

– Что ты мелешь?! – возмутилась Ольга, – как тебе не стыдно?

– А что, у вас еще ничего не было? – изумилась Зайка.

– О чем ты говоришь?!

– Извини, – кротко сказала Зайка. И посмотрела на Ольгу как-то очень внимательно.

Скоро выяснилось, что при всех своих талантах Зайка в учебе, как говорили студенты, «не тянет». И Ольга потянула за двоих, решала свои и Зайкины контрольные, передавала ей шпаргалки, они вместе занимались, при случае дружно прибегая к помощи Игоря. После зимней сессии, которую Зайка еле одолела с помощью друзей, Ольга спросила ее: «Зайка, зачем ты пошла в этот институт? Я же вижу, как ты мучаешься».

Зайка посмотрела на нее с неожиданной злостью и, помолчав, ответила:

– Я поклялась себе, что у меня в жизни все будет самое лучшее: профессия, столица, муж, положение. Я хочу вырваться из своего райцентра, от пыли, грязи, пьяных мужиков и теток в бумазеевых халатах и шелухой от семечек на губах...

– Как ты смогла поступить?

– У меня тоже золотая медаль... потом у отца здесь, в Москве, очень высокопоставленный друг. Очень. Еще с войны. Посодействовал.

– Но ты понимаешь, что дальше будет еще трудней?

– Уже поняла, – вздохнула Зайка, – мне бы второй курс закончить, и уйду в пединститут. Буду, как мать, училкой.

– Мне тоже трудно, – примиряюще сказала Ольга, – такой институт!

– Нет, ты счастливая. Ты – умница, ты – красавица. И ты зацепила самого перспективного парня... А это самое главное.

– Почему главное?

– Ну, женщина – это вагон, ей просто необходимо прицепиться к мощному паровозу, и пусть везет.

– Я его не цепляла. Я влюбилась, и он тоже. Так что ни паровоза, ни вагона.

– Да, Игорь умный и талантливый. Но характер непростой. Может, и его придется, если не тянуть, то толкать. Создавать условия. А как это у вас получится вместе... Ты тоже скорее паровоз. Как бы не потянули в разные стороны, – засмеялась Зайка. И, увидев явное огорчение на лице Ольги, спохватилась: – Шучу-шучу!

Разговор скоро забылся. Да и стоит ли сомневаться в будущем, когда настоящее так прекрасно! Игорь занимал все ее мысли, они почти не разлучались, и любовь неотвратимо приближала их друг к другу, требовала все новых и новых приношений. Их поцелуи длились все дольше, а объятия становились все жарче.

Это случилось в марте. Да, в конце марта. Игорь влетел к ней в комнату. Ольга была одна. Зайка бегала где-то по своим профсоюзным делам. Игорь захлопнул дверь, резко закрыл задвижку: «Чтоб не мешала эта балаболка!» Они целовались, как сумасшедшие, счастливые, что вдвоем, тихо смеясь и прислушиваясь к шагам в коридоре. А за окном слышались девчоночьи голоса. Они подошли к окну и открыли форточку. Две девушки внизу махали руками и кричали:

– Э-э-й! Люди-и-и! Земляне-е-е! Весна-а-а! Откройте же окна, впустите весну!

Ольга засмеялась, стала срывать оклейку окна, дергала шпингалет. Игорь помогал ей. Разбухшие рамы не поддавались, но Игорь поднажал, и створки, наконец, распахнулись. Весна ворвалась в комнату влажным тугим ветром, запахом оттаявшей земли, закружила голову, шептала на ухо юношескими губами невозможные, сумасшедшие слова. И губы искали губы, и тело тянулось к телу...

Но поколения Ольгиных бабок и прабабок с их трепетом первой брачной ночи приказали: «Нельзя!» Ольга услышала приказ и повторила:

– Нельзя... пожалуйста... не надо...

Он словно очнулся и сказал:

– Хорошо, не будем... – и долго молчал, отстранившись и спрятав лицо в ладонях. Потом сказал: – Давай поженимся!

– Давай, – согласилась Ольга, – хотя родители будут против.

– А что родители? – задиристо спросил Игорь.

– Родители – все. Мы от них зависим.

– Так надо не зависеть!

И они уже не целовались, а наивно мечтали, что летом заработают кучу денег и поженятся, доказав тем самым родителям свою взрослость.

Зайка, посвященная в их планы, прыгала и верещала, как обезьянка.

– Я знаю, что делать! – кричала она. – Надо ехать в стройотряд. Поедем всей группой! Я все организую! Мы поедем в самое выгодное место, я вам гарантирую! Заработаем кучу денег! Сыграем комсомольскую свадьбу! Ур-р-а! Ребята, как я за вас рада!

Зайкино ликование было так искренне, так неподдельно, что Игорь явно подобрел к ней. Он почти перестал насмешничать, и если Зайка, умильно вытаращивая голубые глаза, – Ольга уже знала, что это называется «прикинуться

ландышем», – просила его о чем-нибудь, Игорь спокойно и охотно исполнял просьбу.

– Приручила? – смеясь, как-то сказала ей Ольга. Зайка в полном восторге завизжала, повалилась на кровать и задрогала ногами. Ах, какое это было счастливое для всех троих время! Медовый месяц! Он и продолжался почти месяц...

Раньше Ольга никогда не задумывалась, что у нее есть руки, ноги и все такое прочее. Ее тело служило ей так безотказно и весело, что, казалось, его вовсе нет, и душа ее несется над землей сама собой. Момент, когда у нее потемнело в глазах, тело покрылось испариной и подогнулись коленки, был неожиданным и неприятным. Это состояние скоро прошло, потом повторилось еще и еще... Игорь и Зайка встревожились – каждый по-своему. Игорь уговаривал пойти к врачу, а Зайка спросила прямо:

– Оля, может, ты беременна? Скажи мне, мы успеем что-то предпринять.

– Что ты говоришь?! – ужаснулась Ольга. – У нас ничего не было!

– Тогда иди к врачу! Это не шутки.

Потом стало словно бы полегче, и показалось – есть дела поважнее, вот закончит курсовую, вот сдаст зачеты, тогда можно и к врачу выбраться. Но однажды в лаборатории ей стало так плохо, что пришлось вызвать «скорую». Ее вынесли на носилках, и она, как в тумане, видела бледное лицо Игоря и крупные слезы, катившиеся по Зайкиным щекам.

Дежурный хирург вошел стремительно, осторожно и уверенно исследовал живот, напряженно посмотрел серьезными глазами и, обозначив губами подобие улыбки, сказал:

– Ничего страшного. Обыкновенный аппендицит. – И бросил кому-то в сторону: – На стол. Срочно!

Но аппендицит оказался особенным. Ольга выкарабкивалась после операции медленно и трудно.

Ходила, держась за стенку, как тень. На самое тяжелое время приехала мать и уехала, когда опасность миновала.

Зайка и Игорь приходили часто, но ненадолго – зачеты, экзамены. Ольга отчаивалась, потихоньку плакала от слабости и от тревоги, что отстанет от курса.

– Осенью сдашь экзамены, не волнуйся, – утешал Игорь, – я тебе помогу.

– Помоги пока Зайке, она просто трясется от страха.

– Да я уж и так взял ее на буксир. Память у нее отличная. Чего не поймет – запоминает, а потом барабанит с умным видом.

Зайка при встрече с упоением трещала, как идет подготовка стройотряда. И Ольга опять потихоньку плакала, что не сможет поехать, и завидовала однокурсникам. Она еще никогда так много не плакала.

– Не уезжай, прошу тебя! – говорила она Игорю.

– Ну что ты! Мы же решили! Это же для нас с тобой! Я заработаю деньги, и осенью мы поженимся. Я приеду к тебе домой сразу же после окончания работ. Я так этого хочу!

Время молодость делали свое дело. Ольга выздоравливала. Шов наконец – то заживал. Она уже не плакала, повеселела, ходила уверенно. Врач пообещал ее выписать на следующей неделе, и Зайка дала телеграмму ее родителям. Ребята сдали сессию, уезжали на Алтай. Вся группа. Они были очень дружны – им не хотелось расставаться. Они пришли в больницу проститься с ней – двадцать ребят и две девушки. Она вышла к ним во двор, стесняясь больничного линялого халата, несуразных тапочек.

– Извините меня за этот вид, – пробормотала она, – но здесь разрешают носить только это. – Все одновременно заговорили, загалдели, стали совать цветы, конфеты.

Потом все ушли, кроме Зайки и Игоря. Они обнялись с Зайкой. У обеих были мокрые глаза.

– Оля, ты не волнуйся, – сказала Зайка, – все вещи твои я собрала, сдала на хранение, выпишешься – получишь. У нас все будет хорошо. За Игорем я присмотрю...

– Еще чего! – фыркнул Игорь, – как бы за тобой не пришлось присматривать!

– Присмотри и ты за ней, – засмеялась Ольга.

Помолчали.

– Ну, я пошла, до свиданья, Оля! – сказала Зайка.

– Спасибо тебе, Зайка, за все.

– Пустяки, – сказала Зайка, клюнула ее в щеку и пошла к воротам.

Они стояли с Игорем посреди двора, из открытых окон на них глазели больные.

– Пойдем куда-нибудь, – поморщился Игорь.

Он взял ее за руку и повел. Они вошли в какую-то служебную дверь на первом этаже, шли по коридору, куда-то сворачивали. Она понимала, чего он хочет, и послушно шла за ним, желая того же. Они были, как звери, искавшие нору, и, наконец, нашли ее в подвале, где были свалены старые кровати, поломанные стулья, пахло пылью и неистребимым больничным запахом. Они нашли укромное местечко под лестницей и прильнули друг к другу губами, телами, душами. Она словно потеряла сознание, которое возвращалось к ней короткими вспышками, и в эти мгновения она осознавала, что ее тело принадлежит ему – его губы, его руки были везде, и каждое касание было, как ожог, сладостный и желанный. Под ливнем его прикосновений ее сотрясала дрожь. Недра ее готовы были разверзнуться, и противиться этому не было ни воли, ни желания... Вдруг боль незажитой раны заставила ее вскрикнуть. И все рассыпалось – они сорвались с облаков и очутились в грязном пыльном углу под лестницей.

– Прости меня, прости меня, дурака, Оля! Я просто потерял голову! Тебе очень больно?!

– Не-ет, ничего, – говорила она, и ее трясло, как в лихорадке. Игорь нашел два стула попроще, они сели рядышком, и тут уж он успокаивал ее, отвлекал и что-то говорил, говорил о будущем, о любви. Но что именно он говорил, Ольга потом никак не могла вспомнить, только шум

в ушах и звук его голоса, словно в каком-то помрачении ума, а может, так оно и было.

Она не знала, сколько прошло времени, страсть улеглась, и осталась только нежность. На душе было счастливо и тихо.

– Пора идти, – с досадой сказал Игорь, – поезд сегодня вечером, надо еще кое-что сделать...

Они поцеловались в последний раз и выбрались из подвала. Ольга вернулась в палату и подошла к окну. Игорь стоял под деревом и смотрел на ее окно. Маленькая фигурка отделилась от стены и приблизилась к нему. Зайка! Они стояли и смотрели на нее, улыбаясь, махали руками, посылали воздушные поцелуи. И Ольга вдруг ощутила смертно-тоскливый, щемящий момент ясновидения: «Я их больше никогда не увижу». И ей захотелось нырнуть вниз головой с четвертого этажа. Ее позвали: «Оля! Ужинать!» Она махнула им в последний раз и отошла от окна. За ужином, размазывая по тарелке постылую кашу, удивлялась: с чего это ей пришла в голову такая ерунда?

Через неделю Ольга выписалась из больницы. К этому дню приехал ее отец и увез домой. Дома ожидало письмо от Игоря. Он писал его в дороге, лежа на верхней полке. Скупые строчки были полны любовного томления, словно он еще не остыл от объятий под лестницей. И вот она, вот, ключевая строчка: «Я удаляюсь от тебя в пространстве, но время приближает нас друг к другу». И внизу листа кружок и стрелка с надписью: «Здесь я тебя поцеловал». Она засмеялась и потихоньку поцеловала кружок.

Потом пришел конверт, какой-то грязный, переклеенный, обратный адрес залит водой, буквы смазаны. Неожиданно пространно Игорь описывал, чем они занимаются, что едят, как он устает. Слов было много, они были какие-то вялые, безжизненные, в них не звенело чувство. И ни кружочка с поцелуями, ни ключевой фразы. Зато письмо продолжала Зайка, весело и остроумно писала о житье-бытье, сообщала,

что, как повариха, взяла шефство над Игорем, заставляет его есть добавку и вообще «пасет». Ольге стало досадно, что Зайка писала на одном листке с Игорем. Должно быть, мешала ему, смущала, заглядывая через плечо, кривляясь и прыгая. Какие уж тут кружочки с поцелуями... Куда отвечать, Ольга не знала, обратный адрес было не разобрать. Оставалось одно – ждать следующего письма, которое, несомненно, она должна получить со дня на день.

Она пыталась готовиться к экзаменам, но ничего не шло в голову. Она уходила в дальний малолюдный днем сквер и мечтала о встрече с Игорем, вспоминала его поцелуи, его руки, думала о близости. Она улыбалась, краснела, стеснялась, хотя вокруг были одни только роскошные летние розы, пахнувшие любовью и желанием.

Шло время, а письма все не было, и она сама себе назначала срок: письмо придет в среду. И до среды успокаивалась. В среду письма не было, и она говорила себе, почему это обязательно в среду, когда оно придет в субботу? И представляла себе конверт, и марку, и штемпель на конверте, и почерк Игоря. Это помогало ей терпеливо дожидаться субботы. Проходили среда за средой, суббота за субботой, а письма все не было. И тогда она решила, что скоро он придет сам. С ним ничего не могло случиться, потому что ребята сообщили бы ей, значит, ему просто некогда, он очень устает, или письма не доходят из такой глуши, ведь и Зайка ничего не пишет. Он придет к ней домой сразу. Она открылась матери, и они долго разговаривали, и мать плакала и сердилась – рано! – но все-таки склонялась к тому, чтобы разрешить этот брак, обещала подготовить отца и потихоньку запасала какие-то яства в холодильнике, чтобы угостить будущего зятя, которого она уже любила с Ольгиных слов и думала о нем и о дочери – «бедные дети».

Ольга строила предположения, когда придет Игорь. Сейчас начало сентября, занятия начнутся с октября, стройотряд должен закончить дела к концу августа...

значит, Игорь должен появиться со дня на день. Она вихрем срывалась с места на каждый звонок, обмирала сердцем, увидев похожий силуэт. Игоря все не было. Однажды она проснулась и поняла, что с Игорем и Зайкой что-то случилось. Упала ли на них крыша, или провалилась под ними земля – это уже подробности, но, несомненно, что-то случилось с ними обоими, одновременно. Она побежала на почту и дала тревожные телеграммы матери Игоря и родителям Зайки с уведомлением о вручении. На следующий день она получила два ответа. Из северного поселка сообщили, что адресат отсутствует, а от Зайки пришла телеграмма: «Только что вернулись жди письмо целую Зоя». Ольга выдохнула: «Живы!» И тут же стала выстраивать версию, наверное, что-то все-таки случилось с Игорем, он лежит в больнице, мать поехала к нему, а ее, Ольгу, не хотели волновать из-за недавней болезни, поэтому не писали. Главное – он жив!

Дня через четыре пришло письмо от Зайки. Ольга схватила конверт, сердце ее колотилось. Она заметалась в поисках одиночества и побежала в сквер, на свою любимую скамью, на которой так хорошо всегда мечталось.

Ольга нетерпеливо разорвала конверт, побежала глазами по строчкам. Потрясла головой в недоумении. Не поняла. Начала читать снова и словно выпала в другую реальность: остановилась на лету птица, воцарилось безмолвие. Воздух словно окаменел, и она никак не могла вытолкнуть из легких его отвердевший комок. Перед глазами стояла фраза: «У нас с Игорем будет ребенок».

Потом ее отпустило, и она услышала звуки: птичье щебетанье, удары по мячу, детский смех. В жалкой надежде, что, может быть, это очередной Зайкин розыгрыш, она стала читать снова. Зайка уведомляла ее, предваряя философским «так случилось», что у них с Игорем любовь и «все было». Теперь она ждет ребенка, и они с Игорем решили пожениться. И Зайка сообщает ей об этом честно и открыто, как друг. Пусть Ольга не волнуется, Зайка ее по-прежнему любит, и они

будут по-прежнему дружить втроем, конечно, Зайка с Игорем получают отдельную комнату. В конце она утешала Ольгу, что бы та не расстраивалась, ведь у них с Игорем «ничего такого не было», следовательно, Ольга особенного урона не понесла. И еще: «Ты такая красавица, найдешь себе в сто раз лучше Игоря». И снова подтверждала свои дружеские чувства. Ольга не поверила бы письму, зная Зайкину склонность к вранью, если бы в конце не было приписки Игоря: «Оля, это все правда, но это не ВСЯ правда». Вся правда ее не интересовала, ей эту правду не перенести. Значит все, о чем она тайно мечтала, все, что у него должно было случиться с ней, у него случилось с Зайкой. Ей казалось, что ее облили помоями, и все это увидят. Она слышала о таких поворотах судьбы, она об этом читала в романах, но чтобы это могло случиться с НЕЙ?!

Она перечитывала письмо несколько раз, пытаясь заглянуть за слова в поисках другого смысла. И нашла. Зайкино письмо дышало скрытым торжеством, и Ольге еще предстояло долгие годы размышлять и догадываться, за что Зайка ее так ненавидела.

Она не помнила, сколько просидела в сквере. Потом встала и пошла, не оглядываясь, подальше от этого места, где розы смердели предательством и изменой. Ей надо было начинать новую жизнь, нужно было как-то отделить себя от прошлого, сделать что-то ритуальное, чтобы утвердиться в новой реальности. И она пошла в парикмахерскую.

Пожилая парикмахерша ахнула и отказалась резать косу. Кресло окружили другие мастера, повернулись клиентки. Ольга настаивала. И под дружный выдох-стон всех присутствующих на стол легли тяжелые русые пряди. И кто-то в тишине сказал: «Пострижение»... Слово оказалось пророческим. Под этим знаком прожила она следующие восемь лет своей жизни. Ольга не поднимала глаз. Над ее головой лязгали ножницы, сверкала бритва. Наконец, мастер сняла накидку, сказала: «Готово!» И Ольга взглянула

в зеркало. Оттуда смотрело на нее бесслезное, стриженое отчаяние. Ольга расплатилась и пошла к выходу.

– Подождите! – закричала женщина, – я заверну вам волосы, тут на три шиньона!

– Я вам дарю, – сказала Ольга.

Через три дня она входила в свой деканат.

– Коса! – ахнула секретарша Ляля вместо приветствия и тут же добавила: – Впрочем, так тоже хорошо – модно, современно. Но коса была достопримечательностью факультета!

– Что такое?! – поднял лохматые седые брови декан. – Как это забираете документы? Я не отдам! Что с вами случилось?! – он внимательно всмотрелся в ее лицо.

– По состоянию здоровья я должна жить с родителями, – сказала Ольга и протянула медицинскую справку, которую оформила подруга матери.

– Возьмите академический отпуск, – предложил декан.

Ольга была непреклонна. И такая в ней была отчаянная решимость и сила, что уговаривать ее было бесполезно.

– Сдайте хотя бы экзамены за второй курс, – посоветовал декан.

– Это мне не нужно, – сказала она, – меня берут на второй курс экономического факультета в нашем городе.

– А как же ваш Игорь? – тихо спросила Ляля, когда все формальности были исполнены, и Ольга просталась с ней.

– А я замуж выхожу, – сказала Ольга, – за школьную любовь. Знаете, старый друг всегда лучше новых двух.

6

Четыре года учебы в другом институте вспоминались нечетко, как четыре серых пятна... или одно большое. Она вынесла из этих лет только диплом с отличием - любовь и дружба как-то не случились. Хотя, конечно же, вокруг нее были люди, достойные того и другого. В первый год мучали неотвязные мысли об Игоре, о Зайке, как последним летом,

только со знаком минус. Перевернутая любовь. Несколько раз за эти годы на нее находило затмение, накатывало мучительное желание немедленно ехать в Москву, увидеть Игоря хотя бы издали, а может быть, упасть на колени и плакать: «Я не могу без тебя жить!» Но она представляла себе, как увидит их ребенка, встретит насмешливо-снисходительный взгляд Зайки, и тогда минута слабости проходила и сменялась выжигающей душу ненавистью к обоим. На этом пепелище новой любви невозможно было зацепиться и прорасти, хотя вокруг нее и носились флюиды молодых желаний и страстей.

На четвертом курсе начались сначала тихие, робкие, потом все набирающие силу вопросы родственников и знакомых:

– Ваша Олечка замуж не собирается?

Олечка замуж не собиралась. После окончания института она поступила в аспирантуру, и вопрос стал определенной: «Олечка замуж не вышла?» Мать передавала ей эти разговоры и вздыхала – дочь не желала следовать заведенному порядку жизни. Через три года, когда Ольга защитила диссертацию, вопрос превратился в утверждение: «Олечка замуж не вышла».

Отец плохо себя чувствовал и как-то сказал ей:

– Если бы я знал, что ты устроила свою жизнь, мне легче бы было оставлять вас...

– Папа! – рассердилась Ольга. – Моя жизнь устроена! Но сама она чувствовала – что-то не получается, что-то не так. Все ее раздражало: родители, работа, ленивые студенты. Сверстницы отправляли детей в школу, а ей мать кричала вслед: «Олечка, вернись, ты забыла шарфик! Простудишься!» И когда Ольга сердилась и выговаривала матери, та оправдывалась: «Ведь о тебе некому позаботиться!»

– Вот выйду замуж за первого встречного, доставлю вам удовольствие!

Но с первым встречным было непросто. Большинство мужчин были уже женаты, а если и находился кто-то, обойденный брачным поиском, и даже если он был и не

так уж плох, и неглуп, и Ольга соглашалась пойти с ним на вечеринку, в театр или в ресторан, то в конце концов дело все равно не клеилось, так как Ольга уклонялась от попыток поцелуев и объятий. «Должно быть я просто фригидна», - думала она про себя, но если вспомнить, что с ней тогда творилось под лестницей, в больнице, то пожалуй, с ней было все в порядке. Просто душа и тело были в ней нераздельны и ничего не могли порознь. Пуста была ее душа и молчало тело. Душу вообще нужно во что-то вкладывать: в любовь, в работу, в ребенка - тогда она становится больше, как будто бы от этих вложений нарастают проценты. В своей специальности Ольга была разочарована: социалистическая экономика была наукой условной: «да» и «нет» не говорить, черное с белым не выбирать. Любовь не получилась. Ребенка не было. Душа ее съеживалась, а тело сохло.

Однажды, вернувшись из магазина, в полумраке прихожей она мельком взглянула на себя в зеркало и вздрогнула. Прижимая локтем к боку плоскую сумочку, с хозяйственной ношей в другой руке на нее смотрела московская тетя Муся, которая всего боялась.

Мать тоже заметила это и как-то сказала: «Ты становишься похожа на нашу Мусю», - и, решившись, добавила: - родила бы ты ребенка, Олечка, пока я могу тебе помочь, да и жить стало бы веселей.

- Я подумаю, - тихо ответила Ольга.

Займеть ребенка тоже было непросто. В какой-то публикации она прочитала, что за границей делают опыты по искусственному зачатию. Это был бы идеальный вариант. Но это за границей. А у них хоть и большой, но все же провинциальный город. Здесь, чтобы родить ребенка, надо было пройти через близость с мужчиной. С кем? Как ему сказать об этом? Как позволить чужому человеку трогать себя руками? Потом он будет ходить, знать, что это его ребенок, может быть, предъявлять на него права. Нет, это невозможно. Проблема казалась неразрешимой. Ей нужен

был человек здоровый, достаточно умный, интересный и, конечно же, нездешний, чтоб никогда его больше не видеть. У нее не было подруг, и она не знала, с кем ей посоветоваться в таком деликатном деле.

Он отыскался сам, когда однажды вошел в автобус и, как оказалось, в ее жизнь. Его звали Сергей, он был тридцати двух лет отроду, студент-заочник, приехавший на защиту диплома. У него в жизни все было прекрасно, и он ничего не хотел в ней менять. Через месяц он получал диплом инженера-строителя, был разведен, свободен, уверен в себе, здоров и весел, пользовался успехом у женщин, каждая из которых имела на него виды, что льстило его самолюбию. За три года после развода он успешно обходил все брачные сети и ловушки, и такая жизнь была ему по душе. Хотя и не исключалось, что когда-нибудь, – конечно, не скоро – зачем торопиться! – он, возможно, заведет новую семью.

Он сел на свободное место рядом с Ольгой совершенно случайно и, взглянув в окно, краем глаза увидел чудный женский профиль. И включился:

– Извините, пожалуйста, я приезжий... Скажите, что это за красивое здание с башенками?

– Центральная библиотека, – тихо ответила Ольга, не поворачивая головы, – там же вывеска.

– Я и не заметил! А, интересно, что в этом доме было до революции, вы случайно не знаете, если вы местная?

– До революции в этом доме было офицерское собрание, – сказала Ольга и, повернув голову, посмотрела на него. И он лишился дара речи. Не потому, что соседка была очень красива, а потому, что на него еще никогда не смотрела женщина с таким спокойным доброжелательным равнодушием, как будто он был говорящей машиной.

Он был шокирован и оскорблен. Он к этому не привык, – впервые он не получил от женщины ни отзвука, ни сигнала, хотя бы и отрицательного. Впервые с ним не захотели поиграть в увлекательную вселенскую игру молодых мужчин

и женщин - в эти полувзгляды, полуулыбки, полувздохи: «да?» - «нет», «может быть?» - «нет», «как жаль!» - «что поделаешь, конечно жаль!» И оба поняли друг друга, безмолвно обменявшись лишь парой-тройкой взглядов и разошлись навсегда, оба в хорошем настроении, чувствуя себя молодыми, красивыми и в хорошей форме. И от соседки ему ничего не нужно было, достаточно едва уловимого знака, что он замечен и оценен. Но он не был ею ни замечен, ни оценен. Хотелось подумать про гордячку какую-нибудь гадость и он, улыбаясь, подумал: «Наверняка у нее ноги кривые». И это его немного утешило.

Автобус подъезжал к нужной остановке, и он поднялся с места. Встала и Ольга. Оба они продвигались к выходу. На улице он замешкался, наблюдая, куда она пойдет. Она пошла в сторону института, как раз куда нужно было и ему. Он следовал за ней, держа дистанцию, и пытался придраться к фигуре. Придраться было не к чему. Все в этой женщине было соразмерно и гармонично, даже походка. Про такую говорят – «идет, как пишет». Она шла спокойно, несуетливо, как будто опасалась свою красоту расплескать. Так ходят женщины, привыкшие носить на голове кувшин с водой. «Наверное, у нее раньше были тяжелые косы», – догадался Сергей. Вдруг она замедлила шаг возле ниспадавшего через забор на улицу цветущего жасминового куста. Бесконечно женственным движением она приласкала ветви, приблизила к ним лицо, словно омыла его в аромате, и, не сломив ни цветочка, проплыла дальше. И он понял, что не пойдет ни на какой семинар по экономике, а будет ходить за этой женщиной целый день. В его намерениях не было никакой определенной цели. Просто он не хотел ее терять.

Так они и пришли в аудиторию, где Ольга проводила семинар для дипломников. Сергей некоторое время сидел и ошеломленно молчал. Он видел, как оживленно заискрила мужская часть слушателей, как поблекло настроение женщин. Ольга ничего не замечала, или не хотела замечать.

Отстраняла лишнее. Постепенно все успокоились и включились в работу. Сергей задал вопрос. Она ответила, и он понял, что она не запомнила его по автобусу. И это опять цапнуло самолюбие.

На следующем занятии Сергей задавал самые толковые вопросы и самые каверзные. И добился своего – она выделила его из толпы, запомнила. Он поздравил себя с первым успехом.

На следующий день после занятий Ольга не успела выйти на улицу, как внезапно хлынул проливной дождь, и она вынуждена была вернуться в аудиторию за забытым с прошлого дождя зонтом. Ольга зашла за стенды, присела возле стола, кажется, она положила зонт в какой-то ящик. В это время в помещение зашли несколько мужчин, студентов-заочников, и молодых преподавателей. Отношения между ними явно были очень дружескими. Они тоже пережидали ливень. И Ольга, не желая того, услышала разговор о себе.

– Какая удивительная женщина! – сказал один, и Ольга узнала голос самого активного темноволосого студента.

– Кто? – спросил другой голос.

– Ольга Владимировна. Какой счастливчик ее муж!

– Она не замужем, – сказал преподаватель, один из «первых встречных», слишком торопивший события.

– Как?! – радостно изумился темноволосый. – Такая красавица и не замужем?! Где же ваши глаза, мужики?!

– Может, она и красавица, мы уже как-то пригляделись, не замечаем. Но и не это же самое главное в женщине. От нее же холодом тянет, как из погреба...

Кто-то засмеялся, кто-то рассказал анекдот про холодную англичанку и горячую француженку. Ольга чувствовала себя в глупом положении. Выйти было уже невозможно. К счастью, кто-то сказал:

– Этот дождь не скоро кончится, пошли в буфет, я видел, туда пиво завезли. И все вышли.

Этой ночью Ольга долго не могла заснуть, вертелась с бока

на бок. Потом представила, как из погребца несет сыростью, квашеной капустой, и заплакала.

Утром, войдя в аудиторию, она громко поздоровалась со всеми, потом нашла взглядом своего поклонника и поздоровалась с ним отдельно – глазами. И у него перехватило дыхание.

Сергей записался к ней на консультации по диплому, и они часто и дружески разговаривали. После занятий он провожал ее домой, по дороге покупал цветы, выбирая один – три цветка, но самые лучшие. Каждый день каким-нибудь жестом или интонацией он завоевывал право стать ей чуть ближе, чем вчера. Он не был ей неприятен. У него были прекрасные достоинства: неглуп, приятной внешности, судя по всему, здоров, и, главное, он был приезжим...

После защиты диплома заочники пригласили преподавателей в ресторан на банкет. Ольга была весела, танцевала, чаще всего с Сергеем. За столом он сидел с ней рядом и ненавязчиво ухаживал.

После банкета он проводил ее и предложил посидеть на скамейке. Они молчали, и Ольга чувствовала, как он волнуется. Нужно было его как-то ободрить, но она не знала, как. Она вспомнила, как умная Зайка смеялась: «Ты не охотник, Ольга, ты – прекрасная добыча!»

– Вот, все кончилось, – сказал грустно Сергей.

– Да, – вздохнула Ольга.

– А может, что-то и начнется...

– Может, – улыбнулась она.

– У меня есть идея...

– Да?

– Послушайте, Оля... У меня начинается отпуск, у вас тоже. Мы оба – свободные, взрослые люди. Давайте совместим отпуска. Поедем на Черное море. Отдохнем, покупаемся. Я к вам приставать не буду. Получится что-то у нас – хорошо. Не получится, разойдемся в разные стороны. Никто никому не должен. Согласны?

– Согласна, – сказала Ольга, и холодок прошел у сердца.

– Ну вот и прекрасно. Прежде всего перейдем на «ты?»

– Согласна, – опять кивнула Ольга.

– Завтра я буду брать билеты, а ты собирайся. Я позвоню.

– С билетами на юг сейчас сложно, – предупредила Ольга.

– Это не твоя забота.

Он резко наклонился, поцеловал ей руку и растаял в теплой летней тьме.

7

Город Сочи был набит отдыхающими до задыхания. Сергей и Ольга долго не могли устроиться. Они хотели снять две комнаты поблизости друг от друга. Повезло только под вечер. Им сдали однокомнатную квартиру.

– Завтра я постараюсь себе что-нибудь найти, – сказал Сергей, – покапустишь переночевать?

Ольга, не глядя, кивнула. Уже темнело, когда они зашли в квартиру. Ольга чувствовала себя разбитой, чужая квартира действовала на нервы. Пока она разбирала вещи, Сергей вынес на лоджию раскладушку, постелил себе постель. После душа и чая с бутербродами, который они пили почти не разговаривая и не поднимая глаз, разошлись по своим местам.

Ольга лежала на удобной кровати, стоящей в нише за ширмой, и тряслась от страха. Да, она решилась. Да, через это надо пройти. Как уродства, она стеснялась своей девственности в двадцать семь лет. Наверное, его надо как-то предупредить. И вообще... с чего ЭТО начинается? А вдруг он сейчас подойдет и... Она чувствовала, что ею овладевает паника. Завтра же она уедет! Это ей не по силам. В конце концов можно взять ребенка на воспитание...

Сергей на лоджии скрипел раскладушкой и пытался разобраться в происходящем. Такое с ним было впервые в жизни. Он терялся в догадках, зачем эта женщина поехала с

ним? Что она от него хочет? Раньше ему казалось, что он ей становится приятен, что их тянет друг к другу, и вдруг в поезде она словно поставила между ним и собой бронированное стекло. Она рядом, и ее нет. Чего она боится? Если он ей неприятен, зачем поехала? И горестный, ревнивый проблеск догадки: кто ее так обидел?! Как заколдованная... И, может быть, ему так к ней и не пробиться. Тут был бесполезен весь его мужской опыт, все его подходы и повадки. Он был смертельно влюблен, а потому зависим, обезоружен и уязвим. Здесь нужно было отдать всего себя, и неизвестно, получишь ли что-нибудь взамен. Но как раз и не было желания получить, только отдать: возьми меня всего и делай, что хочешь, хоть убей... Он приподнял голову и спросил: «Оля, ты не спишь?» Она молчала.

– Ты спи, Оля. Спокойной ночи. Утро вечера мудренее. – Он повернулся на бок и мгновенно заснул. Ольга прислушалась к его ровному посапыванию и успокоенно заснула тоже.

Утром она проснулась под шум дождя. Изумившись незнакомой комнате, несколько мгновений вспоминала, где она и зачем. Накинув халатик, вышла из-за ширмы. В квартире было тихо. Ольга на цыпочках подошла к двери и выглянула на лоджию. Увидела – сложенная раскладушка стоит у стенки, на диване аккуратной стопочкой лежит белье. На кухонном столе она обнаружила записку: «Я ушел по делам, скоро вернусь».

Ольга привела себя в порядок, прибрала в комнате. Она чувствовала себя одиноко и обрадовалась, когда в замке щелкнул ключ. Сергей влетел оживленный, вымокший, нагруженный свертками

– Доброе утро, Оля! Я переделал кучу дел и накопил всякой всячины! Ставь чайник, будем завтракать.

За завтраком он оживленно рассказывал, что нашел тут неподалеку спальное место в комнате у ребят-студентов, что договорился в ближайшем санатории, чтоб их пускали на санаторный пляж, – и вот они, пропуска! – что пляж

прекрасно оборудован: тенты, солярии, душевые, врач. Он говорил много и быстро, и Ольга поняла, что он прячет смущение. Потом, помолчав, сказал главное:

– Оля, ты вчера так испугалась меня... Напрасно. Все будет, как ты захочешь. Если хочешь, чтоб меня не было, скажи. Я соберу вещи и уйду из твоей жизни. Навсегда. Ты хочешь, чтобы я ушел?

– Нет, – улыбнулась она, ободряя его, – останься. Он ей нравился. Впервые за эти годы ей наконец кто-то нравился. Может быть, она выздоравливает?

– А что ты хочешь, Оля? Я боюсь испугать тебя, оттолкнуть, предложив себя всерьез и надолго. Что ты хочешь, Оля?

– Я хочу, чтобы кончился дождь, выглянуло солнце и мы пошли на пляж, – улыбнулась она.

– Будет исполнено. Через полчаса кончится дождь, выглянет солнце, и мы пойдем купаться.

Действительно, все так и произошло. Ободренные солнцем, время от времени выглядывавшем из-за облаков, на пляж постепенно стекались отдыхающие. Море бушевало. Волны цвета грязного бутылочного стекла яростно колошматили берег. Вода, шипя, расплзалась по пляжу, тревожила человеческое лежбище, заставляя всех поспешно вскакивать и отодвигаться. Пляжный радиоузел занудным женским голосом вещал, что в связи со штормом купаться категорически запрещается. Но самые нетерпеливые все-таки заходили в воду, качались на волнах, хохоча, с визгом выскакивали на берег, вытолкнутые упругой волной. Было весело всем – и тем, кто купался, и тем, кто смотрел.

Ольга зашла в воду по пояс, присела. Мутные упругие волны мягко, но сильно поддавали, выкидывая на берег, водоросли цеплялись за купальник, галька больно лупила по ногам. Захотелось зайти поглубже... еще на шаг... еще... Ах, какое удовольствие!

Она не сразу поняла, что случилось. Огромная волна накрыла ее с головой, поволокла сначала к берегу, потом, отступая, обратно в море. Ольга вынырнула между двумя

валами, скрывшими такой близкий берег, и закричала. Новая волна забила дыхание, поволокла к берегу и снова обратно, теперь еще дальше в море. Она поняла, что ей не выбраться, подумала: «Бедная мама!» Чья-то сильная рука схватила за купальник, рывком подняла над водой. – Держись! – кричал Сергей, – не паникуй, сейчас не барахтайся, дыши!»

Волна понесла их к берегу, они помогли ей, потом ожесточенно сопротивлялись откату. Потом еще раз. И еще... И еще... Ольга потеряла счет времени. Казалось, они барахтаются вечно. С берега им бросили спасательный круг, они вцепились в него и передохнули. С кругом стало легче. Раз за разом они приближались к берегу. Наконец, коснулись ногами дна, потом твердо встали, держась за руки. Выбрались на берег и упали на гальку лицом вниз. Они задыхались, откашливались, в горле саднило от соленой воды, их трясло от холода и от пережитого. Люди стояли вокруг и молча смотрели. Какая-то женщина сказала: «Слава Богу, обошлось!»

Потом они пошли в душ и долго стояли под горячими струями, возвращая себе душу и тело. Они смывали с себя водоросли и камешки, помогая друг другу без неловкости и смущения, как верные друзья, как муж и жена. По дороге домой Сергей купил бутылку коньяка, горячий шашлык в бумажный пакет, хлеб, зелень. Ольга поглядывала вокруг, с удовольствием замечая мелочи, на которые раньше не обратила бы внимания: под столиком в шашлычной умывалась кошка, зазывая гостей издалека; прошла, хохоча, компания молодежи, мальчик с наслаждением шлепал по лужам. Теперь все это было исполнено значения.

Временное пристанище показалось домом. На уютной кухоньке разложили на столе еду, разлили по рюмкам коньяк. Помолчали. Чокнулись: «За жизнь!» Выпили. Жидкий огонь разбежался по жилам - все стало ясно и ничего не стыдно. Ольга вдруг поняла, что не надо ничего усложнять, что жизнь проста: солнце и море, вино и мясо, мужчина и женщина...

В конце отпуска стало ясно, что она так и не забеременела, и когда Сергей предложил ей выйти за него замуж, она согласилась. Не пускать же еще кого-то в свою жизнь. Кроме того, неплохо, когда ребенок знает своего отца. Они уехали в новый строящийся город. Новый для обоих. Им хотелось отрезать прошлое – каждому свое и по своим причинам. Любила ли она мужа? Это было совсем по-другому, чем с Игорем. С Игорем она летала. С Сергеем уверенно и спокойно шла по земле, испытывая к нему за это глубокую благодарность. А благодарность – благодатная почва для любви, надежнее зыбких облаков влюбленности. Рождение ребенка должно было ознаменовать новую эру в ее жизни. Ольге казалось, что ребенок закроет от нее прошлое с его обидами и унижениями, но он не спешил появиться на свет, возможно он хотел быть целью, а не средством.

Долгое время они с мужем упорно ходили по врачам, ездили в санатории. Ответ всегда был один – все нормально, ждите. Однажды в Крыму Ольга пошла на прием к известному в городе врачу, мнения о котором у пациентов колебались от возмущенного – «шарлатан!» до восхищенного – «гений!» Говорили, что в нем все необычно, начиная от национальности – ассириец, что он может отказать в приеме по неизвестной причине, что он может взять огромные деньги за пустяковый совет и долго возиться с кем-то совершенно бесплатно. Наслушавшись таких разговоров, Ольга, робея, вошла в кабинет.

За столом сидел человек весьма примечательной внешности: серебряная шапка седых волос, почти беззрачковая тьма глаз под угольно-черными широкими бровями, крупный, начинающийся прямо от лба, нос, яркие тонкие губы, скрывающая подбородок черная с проседью борода.

«Тиглатпаласар!» – выдохнув внутри себя Ольга, казалось, забытое со школьных лет имя древнего ассирийского царя.

Тиглатпаласар жестом предложил ей сесть в удобное кресло, небрежно полистал ее медицинские справки и спросил:

– Ваш муж поблизости?

– Да, – удивилась Ольга, – он меня ждет.

– Пригласите его сюда, в кабинет.

Сергей вошел. Тиглатпаласар завел с ними обоими светскую беседу об отдыхе, о погоде, о море. То есть ни о чем. Потом попросил Ольгу выйти и остался вдвоем с Сергеем. Минут через десять Сергей выскочил из кабинета, лицо в красных пятнах, кивнул ей на дверь:

– Зайди!

Ольга вошла, молча села. Тиглатпаласар задумчиво смотрел в окно, подперев подбородок рукой. Профиль его просился на монету. Потом он взглянул на Ольгу и сказал: – «Вы не беременеете потому, что не хотите этого».

– Что?! – возмутилась Ольга и подумала: «шарлатан!»

– Да, это так!

– Как это возможно?! – пожала плечами Ольга. – Женщины беременеют даже после изнасилования...

– Это другие женщины. А это вы... Вы так устроены. В Тихом океане есть остров, где девушки ведут добрачную половую жизнь и не беременеют. Потому что «табу». И вы такая островитянка...

– Но я хочу ребенка!

– У вас в подсознании запрет.

– Но что же тогда делать?!

Он помолчал, посмотрел на нее как-то особенно мягко и сказал:

– Вы все еще помните первую любовь?

У Ольги из глаз неожиданно хлынули слезы. Это было впервые за последние годы. Ведь она не могла заплакать даже тогда, когда получила Зайкино письмо. А сейчас она плакала обильными облегчающими слезами, повизгивая и поскуливая, как щенок или обиженный ребенок. Она не рассказывала об этом никому, даже Сергею. Откуда все знает этот... Тиглатпаласар? Он сидел напротив и молча ждал, когда она выплечется, а когда рыдания затихли, сказал:

– Ну вот и славно. Давно надо было поплакать...

– Что же мне делать? – беспомощно спросила Ольга –
Ведь я хочу ребенка, вижу в этом смысл своей жизни.

– А вот это напрасно. Живите, как живется, не думайте об этом постоянно, особенно во время близости с мужем. Живите спокойно, радуйтесь жизни, веселитесь. Вы молоды, прекрасны, здоровы. Рядом с вами любящий вас человек. Доверьтесь ему всей душой и всем телом. Полюбите его, он этого стоит.

– Но я к нему прекрасно отношусь, уверяю вас!

– Душа к душе идет долго. Иногда всю жизнь. Тела сближаются быстрее. Не думайте о том, чтобы забеременеть. Просто постарайтесь наслаждаться, запрет снимется сам собой, вы и не заметите. Осознайте свое счастье, простите тех, кто вас обидел. Не тащите на себе тяжесть непросщения. Я вижу рядом с вами сына...

– Спасибо, – вспыхнула Ольга и смущенно открыла сумочку.

– Нет, – сказал Тиглатпаласар. – Практически я вам ничем не помог. Вы поможете себе сами. Я только сказал, что понял о вас. И я свое получил – подпитался от вашей красоты...

Сергей ничего не спросил о причине слез. Обнял ее за плечи и шутливо сказал:

– Не дрейфь, прорвемся!

8

Осенью ей пришлось поехать в Москву, в командировку. Это была ее первая поездка после той, десятилетней давности, когда она приезжала в институт за документами. Она остановилась у тети Муси, сильно постаревшей, но ставшей с годами менее боязливой, словно бы махнувшей рукой на все – а, будь что будет! Ольга опасалась, что воспоминания отравят ей пребывание в Москве, но прошлое вяло царапнуло пару раз за сердце и отступило. Батарей в подъезде была просто батареей, а не местом, где они

целовались с Игорем. Сквера же, где они бродили, и вовсе не стало – там стоял новый высотный дом. Она проехала на автобусе мимо института. Ну и что? Здание, как здание. Ее это не касается. Она с успехом выполнила командировочное задание, бегала по театрам, стояла в очередях, раздобывая себе и мужу красивые вещи. Все прошло, и слава Богу! Можно было жить и дышать спокойно.

В последний московский вечер она возвращалась из театра в полупустом вагоне метро, подремывала, прикрыв глаза. Женский голос вдруг произнес:

– Оля?.. Боже мой, Оля!

Ольга открыла глаза. Напротив сидела ее московская однокурсница.

– Здравствуй, Инна, – сказала Ольга, и сердце ее болезненно сжалось.

– Олечка, – тараторила Инна, – как я рада тебя видеть! Где ты? Что с тобой! Ты живешь в Москве?

– Нет, я здесь по делам, в командировке.

– Сколько же мы не виделись, Оля? Лет десять, не меньше! Косы нет! Какая была коса! Но выглядишь прекрасно, просто прекрасно! Послушай, поедем ко мне сейчас же! Я в отпуске, заехала в Москву по пути в санаторий. Родители за границей, а мне нужно было проверить квартиру.

– Разве ты не в Москве живешь? Ты же москвичка...

– Я работаю здесь недалеко, в Подмосковье. Да! Я же у Игоря в лаборатории работаю! Помнишь его?

Ольга почувствовала, как у нее онемели губы, и только кивнула головой.

– Знаешь что? – напористо продолжала Инна, – поехали сейчас же ко мне! Переночуешь у меня. Ты так резко бросила институт. Никто не ожидал... Поедем, посмотришь фотографии, поболтаем. Ну?! Решайся, мне скоро выходить!

Ольга встала и пошла за ней, как во сне, лишенная воли, словно ее вели на веревочке.

После душа и ужина с сухим вином они сидели на тахте, по-турецки поджав ноги, рассматривали ворох фотографий и доверительно разговаривали.

– Так вот, значит, как все это было на самом деле, – сказала Инна, – мы замечали тем летом, что она не дает Игорю прохода, отбивает его от всех, как овцу от стада. Но ведь вы дружили втроем, не хотелось думать дурного. Считали, что это все проявление дружеской заботы. А когда вернулись в институт, узнали, что ты взяла документы. Секретарша Ляля сообщила, что ты выходишь замуж. Зайка таращила глаза и вдохновенно рассказывала про какого-то летчика-испытателя, которого ты якобы любила со школьных лет. Ты же знаешь Зайку. Любое событие жизни она умеет обращать себе на пользу. Она просто гений по этой части.

– А Игорь? – тихо спросила Ольга.

– А Игорь молчал. Лица на нем не было, это точно. Все считали, что он очень из-за тебя переживает. Наверное, так оно и было. А через некоторое время они объявили, что женятся. Конечно, это выглядело как-то странно. Но свадьбу им устроили комсомольскую, в столовой. Первого мая у них родился сын. Недоношенный, сказала Зайка. А мы что понимали? Родители Зайки скоро увезли его, чтобы не мешал учиться.

Ольга снова и снова перебирала фотографии. Свадьба. Зайка в белом платье, крохотная, Игорю по плечо. Наивные глаза широко раскрыты. Дюймовочка. Тихий ангел. Игорь в темном торжественном костюме странно, как-то одной щекой улыбается, как будто идет на расстрел – и страшно, и мужество надо сохранить, и где-то в глубине души теплится надежда, что это еще не конец, что вот-вот придет спасение и объявят отмену приговора. А вот фотографии группы на старших курсах. Возле установки, назначения которой Ольга не знала, задумчивый Игорь и рядом деловая – вся внимание! – Зайка. Вот защита дипломов. Вот банкет. Вот общая фотография – лица в кружочках. Фото Игоря и Зайки

рядом. У них одна фамилия – Игоря. Та, которую она к себе примеряла. А это уже после института. Вот субботник – все с метлами, лопатами. Смеются. Вот вечеринка.

Игорь говорит тост. Он изменился, раздался в плечах, лицо значительное. Так привлекателен по-мужски и по-человечески. Вот, видимо, в лаборатории с сотрудниками, задумчивый, серьезный. Взрослый мужчина. Она смотрела и думала, что на всех этих фотографиях должна быть она, Ольга. А ее там нет. Зайка выкинула ее из этой, предназначенной Ольге жизни и заняла ее место. Как в какой-то старой сказке. Только в жизни не бывает счастливого конца, когда зло наказано, а добро торжествует.

– Как они живут? – наконец выдавила из себя Ольга.

– Зайка, как обычно, хвастается, но мне кажется, ей бывает несладко. Однажды у меня на дне рождения она выпила лишнее, что-то там верещала, Игорь, наверное, сделал ей замечание. Она выскочила на лестницу, стояла там, курила и плакала. Я вышла за ней, успокаивала. И навзрыд так вырвалось у нее: «Устала я, устала! Любовью этой сыта по горло! Чего мне стоила вся эта история! Лучше б я оставила его Ольге, и пусть бы эти гордецы обломали друг другу рога!»

А потом успокоилась, умылась, подкрасилась и снова пошла – ха-ха-ха! А Игорь занят только работой. Недавно защитил докторскую. Я думаю, и академиком будет. Может, и на Нобелевскую потянул бы, да у нас темы закрытые. А Зайка постепенно ушла в свою сферу – профсоюз. Она для этого создана. И такую силу забрала! Ты бы знала, какие люди у нее с руки клюют! Освобожденный профсоюзный деятель. Отдельный кабинет. В ЦК профсоюзов открывает дверь ногой. Может, скоро туда совсем работать перейдет. По-своему она Игорю помогает, оберегает от интриг, вернее, интригует встречно и с успехом. Игорь же как дитя. Ему лишь бы работать не мешали.

– А меня он никогда не вспоминал? – спросила Ольга.

– Прошлым летом – встретились на улице – я шла из

магазина. Он подхватил мою сумку, мы ведь в одном доме живем... Переходим дорогу, он меня под руку взял. А по тротуару молоденькая девушка идет. Высокая, стройная, и коса до пояса. Не такая, конечно, какая была у тебя, но все-таки... Он вдруг так сжал мою руку, потом синяки месяц держались. Я ему говорю: «Оле сейчас под тридцать, и косу она отрезала». А он так оживился, словно обрадовался, и говорит, что не уверен, была ли ты вообще. Я говорю, что была, я точно помню. Он в шутку, так, мол, чем докажешь, фотография есть? Я говорю, есть, кажется, с какой-то демонстрации. Он попросил принести. Взял у меня и спрятал в столе, на работе. Наверное, твои фотки Зайка все уничтожила.

Ольге неожиданно стало жарко, она залилась краской.

– Ты до сих пор его любишь? – тихо спросила Инна.

– Не знаю. Может, ненавижу.

– Неравнодушна, значит. Слушай, хочешь, позвоним ему прямо на квартиру, сейчас! Зайка трубку возьмет, я совру, что по делу, а ты поговоришь?!

– Нет! – закричала Ольга страшным голосом. – Ни за что! Я же не Зайка!

– Ну, прости, прости, Оля! Конечно, я понимаю, это не нужно. Дай мне твой адрес, телефон. Не исчезай больше, хорошо? Ведь мы с тобой дружить начинали, ты помнишь? Зайка и у меня тебя отбила... Дай-ка я тебя щелкну на память. Это аппарат такой. Полароид называется. Отец привез. Умеют же, черти, делать! Вот сразу и фотка! Цветная. Давай еще раз... Ух, какая ты красивая! Вот Игорю будет сюрприз! Приду через месяц на работу, и р-раз! – Игорю на стол. Ну, Зайка, держись! – И она засмеялась, довольная. Похоже, у нее был к Зайке свой счет.

9

Невероятная случилась с Ольгой история. Пришла в гости к Инне тридцатилетняя сдержанная ироничная женщина, а

утром вышла девятнадцатилетней девочкой – влюбленной, страдающей, со странными надеждами. Такой и приехала домой к мужу. Со смущенной душой вошла в свой дом, и неловко было ей смотреть в лицо Сергею, потому что любовь – это любовь, а благодарность – это всего лишь благодарность.

Вечером, едва коснувшись головой подушки, она упала в сон, как в обморок. Очнулась под лестницей в больничном подвале в объятиях Игоря. Ее тело принадлежало ему, его губы, его руки были везде, и каждое касание было, как ожог, сладостный и желанный. Ее сотрясала дрожь, и недра ее готовы были разверзнуться и разверзлись, она старалась удержаться на краю, но не удержалась, сорвалась и полетела в сладкую бездну. И тут же проснулась от благодарных поцелуев мужа, услышала его счастливый шепот. Она лежала в душевном смущении, в неведомом прежде покое. Так вот как ЭТО бывает! Она стала, наконец, настоящей женщиной.

Желание вспыхивало в ней только, если она говорила себе – это Игорь. И, чтобы загладить свою невольную вину, она была так ласкова с Сергеем, что оба они переживали медовый месяц.

Душа же ее замерла в ожидании. Кого? Чего? Через месяц Игорь узнает о ее встрече с Инной, увидит фотографию. И что-то непременно случится. Ожидание звенело в ней нетерпением и надеждой. Напряжение достигало пика, когда она приходила домой обедать. Она бросалась к почтовому ящику, как жаждущий к источнику. Она ждала письма, записки, телеграммы, чего угодно – она поняла, что ждет от Игоря малейшего знака и побежит за ним на край света, забыв обиды, оскорбленную гордость и обязательства перед другим человеком.

Так прошел месяц и еще десять дней. Ольга издали увидела белеющий уголок конверта в почтовом ящике, и ее зазнобило от предчувствия. Она открыла ящик, схватила конверт, спрятала в карман и держала его там внезапно вспотевшей дрожащей рукой.

В конверте было два листа: письмо от Инны и записка от Игоря. Ей показалось, что она потеряет сознание при виде знакомых маленьких прямых буковок. Она не помнила, что писала Инна. Кажется, предлагала себя в посредники для переписки. Записку Игоря помнила наизусть до сих пор. Он писал: «Оля, я потрясен и счастлив – ты существуешь! Нужна встреча. Разговор. Кто ты сейчас? Кто я? Что мы друг для друга? Что с твоей жизнью? Мое прошлое болит, тяготит настоящее. Возможно ли будущее? Нам нужно многое друг другу простить. Напиши. Позвони. Приезжай. Дай знать – я приеду». Внизу адрес, телефон. Ни до свиданья, ни здравствуй. Только главное, только суть, все остальное – оборочки. В этом весь Игорь.

Она бесцельно заметалась по комнате. Вот оно, вот! – самое главное. Он любит ее. Она любит его. Их только двое на земле. Надо ехать. Немедленно. Потом она чуть успокоилась, перечитала записку. Царапнула фраза о взаимном прощении. В чем ее вина перед Игорем? Неужели он поверил в Зайкины измышления про летчика-испытателя?

Нет... Их давно не двое... Есть еще Зайка и их сын. А Сергей? До сих пор ей приходилось быть жертвой, а теперь она собиралась стать палачом. И палач знает, каково жертве. Как сказать Сергею, что она уезжает? Как объяснить, к кому? И зачем? Нет, прошлое вернуть невозможно. Она никуда не поедет.

Но ведь можно позвонить, всего лишь позвонить и услышать голос. Но не сегодня. Сегодня она слишком взволнована. Решено. Она подумает, что ему сказать, и позвонит завтра. Когда наступило следующее утро, она начала волноваться, нервничать, вспоминать, как он ее предал. Нет, никогда. Она никогда не позвонит. Потом она начинала изнемогать от желания услышать его голос. Только услышать. Она ничего не скажет, только услышит голос и положит трубку. Только голос, и все. Завтра. На следующий день все начиналось сначала.

Она извелась, похудела, глаза возбужденно блеснули. Сергей беспокоился, спрашивал, что случилось. Она уверяла, что все хорошо, просто немного нездоровится. Она чувствовала себя порочной, лживой, нечистой, и это состояние доставляло ей странное удовольствие – чем хуже, тем лучше. Она станет своей в этом мире, где в выигрыше лживый и подлый. Она тоже будет играть по этим правилам. Но не сегодня. Завтра. Завтра она обманет мужа и позвонит тому, кого любит. Только сегодняшний день перетерпеть, а завтра...

Так прошло две недели. От волнения она не могла есть, ее часто подташнивало, особенно по утрам. Она сопоставила, наконец, свои женские обстоятельства и пошла к врачу. Выйдя из кабинета, долго сидела в коридоре, бездумно слушала журчание женских голосов, смотрела на утиную походку беременных. Сын... Такой желанный... такой долгожданный... Пришел, когда она совсем не думала о нем и не ждала его. Тиглатпаласар оказался гением.

Вечером она сказала мужу, что у них будет сын. Не зажигая света, они молча сидели, обнявшись, на диване. Отрывистые резкие звонки междугороднего вызова разорвали тишину на куски.

– Да? – непослушными губами сказала Ольга в трубку.

Бойкий женский голос спросил:

– Это номер... – и назвал номер их квартирного телефона.

– Да... – безжизненно согласилась Ольга.

– Ответьте Москве...

В трубке послышались щелчки, шипение, шорох, и Ольга вдруг физически ощутила огромное, дышащее в трубку пространство. И наконец: – Оля-а-а-а! – В трубке странно фонило, словно в ущелье металось эхо. – Это я, Игорь! Ты слышишь меня? Ты получила письмо-о-о-о-о?!

– Вы ошиблись... лись... ись! – сказала Ольга.

– Я же слышу твой голос, Оля... Оля...ля...а...а...а! – звало и надеялось одно эхо.

– Здесь такой нет..нет... нет...нет! – утверждало другое.

– Оля... Оля... Оля...ля...ля...а...а...а! – звал голос, затухая и затихая, словно тот, кто кричал, падал в пропасть и молил подать руку. Ольга положила трубку.

– Кто это? – спросил Сергей.

– Ошиблись номером, – сказала она.

Любовь сродни душевной болезни. Ольга считала, что у нее был рецидив. Почти два месяца после встречи с Инной она была больна. Теперь это прошло. Ребенок еще не родился, его не было, а он уже помог ей, переключил мысли на себя.

Однажды, уже после рождения сына, она вышла на балкон, чтобы развесить пеленки. Закрепив последнюю прищепку, повернулась и посмотрела в свою комнату через стекло балконной двери. И, охватив все одним взглядом, вобрала в себя навсегда это мгновение жизни: мягкий свет торшера золотистой аурой окружал малыша, лежащего на столе, на одеяльце. Сынишка лежал на животике и, как уж, тянул вверх головку. Устав ее держать, плюхался личиком в простынку и, передохнув, упорно начинал все сначала. Сергей стоял рядом, поглаживал сына по спинке, улыбаясь, приговаривал что-то ободряющее и смотрел на него с такой беззащитной нежностью и любовью, что у нее защемило сердце. Это ее самые близкие и родные люди. Это ее жизнь, и она не допустит больше никаких рецидивов. Она не выдаст ни одной живой душе свою тайну. Это был ребенок Сергея, но зачала она его с Игорем. Но никогда – никогда... Никто...

После долгого воздержания, родов, выздоровления она ощутила близость с мужем, как должное. Ей не нужно было ничего воображать. Был только муж – ему принадлежали ее душа и тело. И она запретила себе думать, что было бы, если бы Игорь позвонил на сутки раньше, до ее посещения врача.

10

Погруженная в воспоминания, Ольга не заметила, как подошел автобус, машинально села в него, уплатила за проезд. Очнулась, когда водитель закричал:

– Больница!

Брат и Алена встретили ее с лицами заговорщиков.

– Оля, – сказал брат, – мы решили с Аленой отпустить тебя домой. Мы теперь сами справимся. Поезжай, успокой маму, да и твоя семья тебя заждалась...

– Хорошо, – сказала Ольга, – смену сдаю!

– Смену принимаю! – весело отозвалась Алена.

В больнице царило радостное оживление: наконец-то дали горячую воду. Поздно ночью Ольга с наслаждением приняла душ, и это было не мытье, а омовение, казалось, смываются все ее печали.

Утром, порывшись в сумке, обнаружила нарядную блузу и строгую черную юбку и вспомнила, что в этом наряде хотела сесть за праздничный юбилейный стол матери. Когда собралась ехать по телеграмме, схватила сумку со всем содержимым.

Она оделась и, нарядная, торжественная, пошла со всеми прощаться. Она не забыла никого – простилась с хирургом Ванюшиным, с больным из соседней палаты, который одалживал ей кипятильник, с нянечкой, с поварихой и даже зашла к сестре-хозяйке. Та по-прежнему сидела возле окна, словно все это время не вставала с места.

– Вот, – сказала Ольга, – я уезжаю, пришла проститься. Спасибо за все, – и, неожиданно для самой себя, прибавила: – простите меня. Она не знала точно, за что именно, может быть, за свои недобрые мысли, а может быть, потому, что каждый перед каждым в чем-то виноват.

– Да что уж, – сказала сестра-хозяйка, – и вы меня простите, – и, внимательно посмотрев Ольге в лицо, жалеюще прибавила: – досталось вам...

Ольга повернулась уходить и увидела себя в зеркале, висящем на двери. Конечно, это была она, Ольга, только очень похудевшая, с огромными синими тенями под глазами, переходящими на скулах в желтизну. Но было еще что-то, чего она прежде не замечала в себе. Она не знала,

как это назвать, в ее лице не было обычного беспокойства современной женщины: боязни не успеть, не отстать, не уметь, не выглядеть, не соответствовать. Ей понравилось свое новое лицо.

Медсестра Галя вручила Ольге пакет с едой:

– Это вам в дорогу.

– Я куплю, Галя, не нужно, – смутилась Ольга.

– Да нигде вы сейчас ничего не купите, что ж вам, голодать?!

Ольга обняла ее, мысленно пожелав, чтобы Ванюшин увидел наконец Галю. Она простилась с братом, с Аленой и навсегда вышла из этой комнаты.

В сиротливой пустоте автовокзала, на закрытом окошечке кассы висела бумажка, на которой было написано, что все автобусы отправлены на уборочную и все рейсы отменены. Выглянувшая из окошка девушка объяснила, что до Веселой можно доехать электричкой и платформа, где она на минуту останавливается, отсюда совсем недалеко – вот так прямо по улице, потом через старый парк и под горку-под горку, там увидите.

Ольга неторопливо пошла указанным путем, и чем дальше удалялась от центра, тем явственнее чувствовался в воздухе неизъяснимый яблочный запах. Ветви деревьев гнулись под тяжестью плодов. В старом парке Ольга прошла мимо толстенных – не обхватить! – старых яблонь, усыпанных мелкими ярко-красными райскими яблочками. Земля под яблонями, как ковром, была покрыта опавшими плодами. Под одной из яблонь на земле лежали стакан и пустая водочная бутылка – тут же выпил и тут же закусил – как в раю.

Одноэтажный домик пригородной станции прятался в высоких кустах сирени и по весне, должно быть, утонул в ее цветущих лиловых сугробах. Вид же его внутри вызывал острый приступ тоски: в разбитые окна чувствительно сквозил ветер, деревянные стулья с откидными сиденьями почти все поломаны, облупленные стены испещрены

надписями, отражающими половые томления кротовской молодежи. Обшарпанная станция отбивала всякую охоту к перемене мест, и как бы сочувственно приговаривала: «И куда вас всех носит?! Сидели бы себе дома...»

Касса была закрыта, и Ольга с трудом добилась у клевавшего носом одинокого пассажира, что электричка опаздывает на полтора часа, и порадовалась этому, так как, судя по расписанию, она бы на нее не успела. Она вышла на перрон и села на скамейку. Здесь было гораздо уютнее. Молодая акация прикрывала ей голову от солнца, а к ноге доверительно и шершаво прислонились два лопуха: Лопух Большой и Лопух Поменьше. С насыпи возле рельсов сверкнули брызги цветных стеклышек. Ольга осторожно отодвинула ногу, чтобы не повредить лопухов, улыбнулась стеклышкам и удобно откинулась на спинку скамейки.

Железнодорожное полотно было проложено по широкому уступу холма, на котором возвышался за спиной Ольги город Кротов. От уступа холм круто обрывался вниз, там виднелись крыши почти прикрытых зеленью домиков. Но со скамейки их не было видно, и взгляд сразу вырывался на простор и парил над ровным, с редкими купами деревьев, зеленым лугом, на который была небрежно брошена тускло мерцающая лента речки Серебрянки. Линия горизонта была окаймлена темной синеющей полосой далекого леса. Стояла тихая пора межсезонья. Лето не отставало, и осень не торопилась – они шли рядом и держались за руки: и лето еще сияло полуденным солнцем, и осень уже бросила на ясное небо косынку журавлиного клина. Удивительная тишина заполняла пространство, тихий шелест листьев акации и детский капризный голосок – Минька, Миньк, ты где?! – доносившийся из-под обрыва эту тишину только подчеркивали и оттеняли. Ольга сидела неподвижно, почти физически ощущая блаженство тишины и покоя. После напряжения, которое она пережила в больнице, – словно прошла по канату под куполом цирка, – она особенно

остро ощутила твердь под ногами, нашла необходимыми прежде незамечаемые мелочи, вроде лопухов, стекляшек и журавлиного клина. Эта неделя словно подняла ее над собственной жизнью, и она смотрела на себя, прежнюю, со своими обидами, претензиями словно в перевернутый бинокль, и казалась себе маленькой, суетной и не очень умной.

В электричке Ольга развернула вкусно пахнущий пакет с едой, подаренный Галей, и ощутила вдруг зверский голод. Она не помнила вкуса больничной еды – просто что-то заталкивала в себя, как необходимое горючее. В пакете оказались черный хлеб, свежее, пахнущее чесноком сало, два крутых яйца и два помидора. Ольга торопливо откусывала большие куски хлеба и сала, с давно не испытываемым наслаждением прожевывала и глотала эту вредную еду, которой всегда избегала. После сала и крутых яиц Ольга почувствовала такую жажду, словно у нее горели внутренности, и два помидора этот пожар затушить не могли.

На станции Веселой Ольга прежде всего побежала искать буфет. Буфет на станции был, но воды в нем не оказалось.

– Не подвезли, – вздохнула буфетчица, – бензину нету...

– Пи-и-ить! – взмолилась Ольга – умираю!»

Буфетчица, женщина выдавшая виды, внимательно всмотрелась в Ольгино осунувшееся лицо с темными кругами под глазами и понимающе спросила:

– Пила, что ль?..

Ольга ухватила за сочувственную нотку в ее голосе и доверительным полусшепотом призналась:

– Неделю квасила...

– Ух, ты! – восхитилась та. – Погоди, в кухне должен быть компот, только теплый, поди. Его к вечеру выставляем.

– Давайте теплый! – обрадовалась Ольга.

– Надя-а-а! Несите компот! – высоким пронзительным голосом закричала буфетчица в приоткрытую служебную дверь.

Две женщины, кряхтя, втащили алюминиевый бак, полный до краев компотом. Буфетчица наливала половником компот в стаканы и ставила на поднос.

– Бери, пей, сколько выпьешь, потом заплатишь, если деньги остались...

Компот был сварен из свежих яблок и слив, еще теплый, в меру насыщенный, в меру сладкий, словно бы и не столовский, а честный домашний компот.

– Р-раз... два... три... четыре... пять! – считали буфетчица и Ольга. Пламя внутри, наконец, зашипело и погасло.

– Спасибо, вы меня спасли, – сказала Ольга, расплачиваясь.

– Чего там! Ну, ты даешь! Неделю квасила... Я уж неделю-то не могу!

– Так пришлось, – скромно потупилась Ольга, скрывая улыбку.

Постояв в недолгой очереди, она взяла билет на поезд, прибывающий в шесть вечера. Ждать нужно было еще три часа. Ожидание не тяготило ее. Она сидела в пристанционном сквере, ходила по базарчику, любуясь яблоками, неизъяснимой красоты и соблазна. Ольга никогда не таскала дорожных сеток и сумок, старалась ездить налегке. И сейчас решила, что не будет покупать яблоки, ну, разве что два-три килограмма. Старушка, продававшая яблоки, искренне удивилась этому:

– Милая моя, да у меня и гирь-то нету, кто же сейчас на кило покупает, только ведрами все продают, а угоститься я тебе и так дам!

Ольга решила и купила ведро красных, в вишневую полоску, яблок.

Яблоки высыпали в сумку. Старушка показала Ольге на другое ведро:

– Погляди-ка, дева, тут каки яблоки, бери еще...

Яблоки были желто-зеленые, крупные, ядреные.

– У меня больше не во что брать, – сказала Ольга с сожалением, яблоки выглядели очень аппетитно.

– А я тебе авосечку продам, всего-то за рупь, – пообещала настойчивая старушка.

– Ну, хорошо, – сдалась Ольга. Яблоки высыпали в авоську.

– А погляди-ка, вот еще антоновка есть. В наших краях побывать, да антоновки не купить... Они ведь и полежат.

– Да что вы со мной делаете, – взмолилась Ольга, – мне ведь не дотащить!

– И-и-и, милая, али ты не знаешь – своя ноша не тянет! Зато какие яблоки домой привезешь, своих порадуешь! И ведь ничем продаю, только чтоб не выбрасывать. – И, насыпая второе ведро в авоську, приговаривала: – Яблоки-то какие – лоб расшибешь!

– Как, как? – Где-то она уже это слышала: «Яблоки – лоб расшибешь!» Наверное, где-нибудь читала.

Наконец, прибыл поезд, и Ольга пошла к последнему вагону. Люди вокруг нее бежали вдоль состава, и, всегда возмущавшаяся этой посадочной истерикой, она неожиданно заразилась общим настроением и тоже побежала. Объявленное время стоянки могут сократить по причине постоянного опоздания, и люди привыкли не надеяться на расписание, как и на всякий закон, а только на себя, на свою сметку и расторопность.

Асфальт перрона кончился задолго до пятнадцатого вагона, тяжелая сумка и авоська, раздутая яблоками, как дирижабль, били ее по ногам, заносили из стороны в сторону. Ольга злилась на себя, на свою жадность, на старушку, всучившую ей яблоки, на поезд, на вагон и на жизнь. Тощая тоскливая проводница молча посторонилась и пропустила ее в вагон. Толкая впереди себя сумку и волоча сзади авоську, Ольга неловко протискивалась по проходу. Подумать только – ей досталось последнее место в последнем купе последнего вагона!

На нижней полке, сжавшись и подтянув колени к подбородку, сидела молодая девушка в джинсах, свитере, куртке и явно дрожала от холода. Из высокого ворота свитера, натянутого до ушей, торчал светлый хохолок на стриженной

макушке. Ольга облегченно рухнула на полку, сняла плащ и теплую кофту.

– Не раздевайтесь, – сказала девушка, – здесь очень холодно.

– Пока что мне жарко, – ответила Ольга.

Она осмотрелась. Обстановка была сиротская. В щели оконной рамы дуло, стекла в грязных потеках и трещинах от брошенного кем-то камня, дверь в купе закрывалась с трудом, а когда, наконец, закрылась, открыть ее удалось невероятными общими усилиями. Они с соседкой решили, что запрут дверь только на ночь.

На Ольгу навалилась усталость. Хотелось одного – лечь и вытянуть ноги.

– Будьте добры, дайте, пожалуйста, нам постель, – попросила она проводницу, сновавшую по грязному коридору.

– Щас! – раздраженно бросила та.

После нескольких напоминаний она принесла, наконец, стопку серого волглого белья, молча хряснула об полку, только что не произнесла: «Нате, подавитесь!» – и мстительно сказала:

– С вас по двадцать пять рублей!

– А можно горячего чаю? – попросила, стуча зубами, девушка.

– Нету чая, – с торжеством ответила проводница, – нету чая, нету дров, нет угля, нечем затопить титан.

Ольга посмотрела на нее внимательно и увидела, что «нету» не только чая, дров и угля, но нет молодости, счастья, покоя, а есть бесконечная дорога, измученные перекисью волосы и больная печень.

– Угощайтесь, – сказала Ольга и протянула ей в ладонях два огромных яблока – красное и желтое. Проводница взяла яблоки, как-то неловко дернула плечом, буркнула «спасибо» и удалилась.

Некоторое время они сидели молча. Сумерки вползали в окно, скрадывали углы, ложились тенью на лица. Скоро

Ольга стала ощущать, как остывает ее разгоряченное тело, цепенеют мышцы – хотелось стать меньше, собраться в комочек. Она снова надела теплую кофту, укрыла ноги плащом и одеялом. Спать, пожалуй, было еще рано.

– Какая у вас красивая блузка, – сказала девушка, – только мне непонятно – вы так нарядно одеты, а по лицу видно, что были не на празднике, но все равно в вас нет отчаяния, а чувствуется успокоение.

– Какая вы наблюдательная, – улыбнулась Ольга и в нескольких словах объяснила свои обстоятельства.

– А вы куда едете одна, такая молоденькая в такое смутное время? И как ваше имя?

– Лина, – сказала девушка, – и не такая уж я молоденькая, мне двадцать семь лет, просто здесь темновато. А еду я в Новый Афон, там собираются наши ребята. Отдохнем, пообщаемся, поработаем.

– Как это, – удивилась Ольга, – вы в отпуске?

– Я закончила художественное училище, живу в Тамбове. В обычном смысле слова можно сказать, что я не работаю – нигде не числюсь, а с другой стороны – я работаю всегда. Потому что, когда не пишу картины, то аккумулирую.

– На что же вы живете?

– Продаю свои картины в Москве, в Битце. Ребята помогают. А когда совсем на мели, кормит мама.

– Вы не замужем?

– Пока не хочется ни с кем завязываться надолго.

– Вы такая свободолюбивая?

– Наверное, да. Одно время что-то не ладилось с картинами, и мама уговорила пойти работать в одну контору. Я чуть с ума не сошла! Есть работа, нет работы – сиди восемь часов. Рабство... Нет, это не для меня!

Под потолком зажглась лампочка, и ее тусклый свет подчеркнул убожество и неустроенность случайного дорожного приюта. Стало как будто еще холодней.

– Сейчас бы чего-нибудь горяченького, или хотя бы водки, ведь простудимся! – простонала Ольга, не в силах удержать дрожь.

Художница Лина всплеснула руками:

– У меня же есть коньяк! Одному другу проспорила. Сейчас мы согреемся!

– А как же друг?

– Уж на юге-то, наверное, не весь коньяк выпили!

Лина порылась в дорожной сумке, вытащила и поставила на стол стройную, украшенную звездной полосочкой с плескавшейся золотистой жидкостью бутылку. Ольга достала остатки хлеба и сала, вымыла яблоки. Лина выложила булку, сыр, печенье, две пластмассовые чашечки, оглядела сервировку и засмеялась:

– Царский стол!

– Царям это недоступно, – сказала Ольга, – у них нет таких условий!

Они посмотрели друг другу в глаза.

– За что пьем? – спросила Ольга.

– За все хорошее! – засмеялась Лина.

Желая поскорее согреться, они неумело выпили залпом, по-русски, и замерли с прервавшимся дыханием и остановившимся взглядом. Потом перевели дух и засмеялись. Внутри зарождался, рос и распускался горячий обжигающий цветок. Он становился все больше, пока, наконец, не заполнил все существо, каждая клеточка которого согревалась, расправлялась и радовалась. И все преобразилось. Кусочек пространства, ограниченный стенками купе, показался надежным и уютным, а молодая девушка на соседней полке тем долгожданным человеком, которому, наконец, можно рассказать о себе все...

Она говорила и говорила без остановки о своей жизни, и ее любовь, боль, разочарования, ее обиды и тревоги, надежды и успехи, уступки обстоятельствам и компромиссы, облекаясь в слова, обретали некую осязаемую форму, отделялись от нее: на свою жизнь теперь можно было посмотреть со стороны, взвесить, объяснить и оценить ее.

– Ну почему, почему так устроено?! – спрашивала Ольга себя, Лину, или кого-то повыше. – Отчего так?! Жизнь

зависит от каких-то случайностей, от мелочей. Если бы брат задержался в кемпинге на десять минут, он не столкнулся бы с этой «Волгой», и судьба просвистела бы мимо. А если бы я поехала в стройотряд, у меня была бы другая жизнь, другой муж, другие дети, хотя сейчас невозможно себе этого представить. Как же так? Целая жизнь зависит от какого-то аппендикса? Такая мелочь – и вся жизнь!

– Мелочей нет, – сказала Лина, – все от Бога. Случается только то, что должно случиться, а мы ведем себя в предлагаемых обстоятельствах, как нам хочется или как умеем. Ошибаемся, конечно.

– Вы верующая? – спросила Ольга.

– Да, пожалуй, верующая. Но не религиозная. У меня личные отношения с Богом, без посредников, – смущенно улынулась Лина.

– Вы в самом деле считаете, что Бог есть? – словно чего-то застеснявшись, спросила Ольга.

– Конечно! Да ведь вы сами говорили, что почувствовали это в больнице, когда молились за брата. А возьмите вдохновение! Ходишь пустая, темная – ни мыслей, ни чувств, – кажется, ничего не умеешь, и ничего не получается. И вдруг словно кто-то тебе свет зажжет – все становится ясно, просто, откуда-то берутся силы, желания и радость, радость бесконечная, оттого, что поняла, что можешь написать, и знаешь, как. А случайности – это язык Бога. Никто не может с Ним говорить напрямую. Да и бесполезно. Разве дети слушают нотации родителей – делай то, не делай этого? Только собственный опыт ошибок и заблуждений может нам помочь. Вот этот кротовский Лесик, о котором вы упомянули, может быть, действительно общается с Богом напрямую, но из обыденной человеческой жизни он выпал.

– Значит, Бог учит нас страданием?

– И учит страданием, и поощряет радостью душевной. Не нужно пытаться понять Его замысел.

Ольгин атеизм заставил ее чуть скептически пожать плечами.

– Конечно, это только мои мысли, – сказала Лина, – возможно, я в чем-то ошибаюсь. Может быть, если бы ваш брат задержался в кемпинге, он попал бы в худший переплет, а так Бог его уберег. И ваше страдание за брата, может быть, для того, чтобы вы задумались и отделили главное в жизни от второстепенного. Вы встретили этого Лесика и снова пережили свои печали, но на другом уровне сознания. Верно? Может быть, для того, чтобы, наконец, простить Игоря. Ведь вы его простили?

– Да, простила... Не представляю себе другой жизни.

– И я с вами встретила, чтобы что-то осознать в своей жизни.

Дверь в купе щелкнула, открываясь. Вошла проводница с термосом в руках.

– Лучше поздно, чем никогда, девчата. Я вам чаю принесла из ресторана.

– Спасибо, – сказала Лина, – хотите коньячку?

– Нетушки... Я уж свое отпила.

Они выпили чаю с печеньем и стали укладываться спать.

– Вот, – засмеялась Лина, – по моей теории, проводница встретила вас, чтобы вспомнить, что она, в сущности, неплохой человек. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, – сказала Ольга, – я выхожу рано утром, постараюсь не разбудить вас. Всего доброго, благодарю вас за все!

Лина не ответила, и Ольга поняла, что та мгновенно заснула.

Ольге не спалось. Под полом вагона что-то скрипело и скрежетало, а сам вагон швыряло из стороны в сторону, казалось, вот-вот он сорвется с рельсов и полетит под откос. Она была возбуждена разговором и ощущала в душе странную легкость и радость. Наверное, так ощущают себя люди после исповеди. Она чувствовала, с ней что-то произошло, она изменилась, хотя, казалось бы, в ее возрасте характер должен был полностью отлиться и застыть. Она сострадала брату и боролась за его жизнь, как умела. Она вспомнила

хирурга Ванюшина, медсестру Галю, повариху, больного с грелкой, тетку с пеленками. Каждого из них ей пришлось о чем-то просить, что ради себя она вряд ли бы сделала. Потому что для этого ей нужно было смирить гордыню, показать другому свою зависимость, свою слабость. Она же еще тогда, в молодости, закрыла свою душу от всех. А ведь просить, значит, открыть свою душу и побудить другого человека к добру. Что же тут унижительного?

Она еще не осознала этой перемены в себе, а другие тотчас это почувствовали. Раньше с ней никто не вступал в разговор, даже время не спрашивали. А теперь она стала своей, понятной для женщины на остановке автобуса в Кротове, для буфетчицы, старушки с яблоками, девушки-попутчицы и для проводницы. Она выломилась, наконец, из обиды и недоверия ко всем, как из панциря.

Сейчас, в свои сорок пять лет, Ольга уже не могла обижаться на девятнадцатилетнего Игоря. Ведь таким он остался для нее навсегда - как погибший на войне для своей стареющей невесты. Сейчас она по-матерински понимала, что с ним произошло. Он попался в капкан, поставленный Зайкой. Как она к нему подобралась, воспользовалась ли его сном или опьянением? Но она все точно рассчитала – и чувство вины Игоря перед Ольгой, его комплекс брошенного ребенка, Ольгину гордыню, диктат комсомола и угрозу исключения из института, а значит, отрешения от дела жизни. Что ею двигало – тщательно скрываемая любовь или стремление иметь перспективного мужа? Об этом можно только гадать.

А она, Ольга, намного ли она лучше? Там, в глубине души, если осмелиться заглянуть на самое доньшко? Ведь она всегда знала, что Игорь любит только ее, Ольгу, что он страдает. Но из-за своей гордыни – как же, как же, ей кого-то предпочли хоть в беспамятстве, ценой собственного страдания, она наказала Игоря на всю жизнь.

Он звал ее на помощь дважды. Первый раз, когда написал по своему обычаю коротко и только суть: «Это все правда, но

это не ВСЯ правда». Она не захотела его понять. А ведь это от нее он ждал помилования, когда шел под марш Мендельсона со своим подрасстрельным лицом. Ждал, что Ольга придет и скажет Зайке: «Пошла прочь!» Не дождался. Именно эту ее вину он имел в виду, когда написал, что им многое нужно друг другу простить.

Он звал ее и во второй раз, когда кричал по телефону: «Оля-Оля-а-а-а!» – и голос его затихал и затухал, как будто он падал в пропасть и молил подать руку. Но тогда обе руки ее были заняты: одна отдана мужу, другая – еще нерожденному сыну.

Не судьба... Пусть Бог, если он существует, простит ее гордыню и невольное предательство, а она простила Игоря, конечно же, простила, может быть, по-настоящему только сейчас. Возможно, именно Зайка была нужна ему для жизни больше, чем она. Зайка выпихнула Ольгу в ее теперешнюю жизнь, и никакой другой она не хотела бы. Никого, кроме Сергея и сына Вовки. Как они срослись с мужем за эти годы! Они расстались на десяток дней, но души их не разлучались ни на минуту. Прав был Тиглатпаласар, когда говорил, что душа к душе идет долго, иногда всю жизнь... Она придет домой, обнимет мужа и скажет: «Я так по тебе соскучилась, я так тебя люблю!» И это будет чистая правда. Она может не запрещать себе воспоминаний о молодости. Все это было так давно и словно бы не с ней. Все в прошлом. Пусть все у них будет хорошо. Игорь, наверное, многого достиг в науке. Теперь настанут новые времена, может быть, он и станет Нобелевским лауреатом, как предсказывала Инна. Дай Бог ему всего хорошего! Ах, как славно, как спокойно на душе!..

Она не заметила, как заснула, и открыла глаза, когда за окошком брезжил серый туманный рассвет. Что-то ей снилось... Что-то такое важное. Нет... не вспомнить. Она потихоньку встала, оделась и стала собирать вещи. Судя по времени, если поезд не опаздывает, через полчаса ей выходить. Лина спала, повернувшись к стенке, закутавшись

с головой, из-под одеяла выглядывал подрагивающий в такт движению светлый трогательный хохолок.

Вдруг ее сердце споткнулось и замерло. Воздух словно окаменел, и она никак не могла вытолкнуть из легких его отвердевший комок. Она вспомнила! Она, наконец, вспомнила этот последний разговор под лестницей, когда она не могла остыть от объятий и ее трясло от желания. Игорь давал ей возможность прийти в себя и остывал сам. И все говорил, говорил, и она слышала его голос словно сквозь вату. Среди всякой ерунды, которую он болтал, чтобы успокоиться, было и это:

– Я к тебе приеду прямо с Алтая, поговорим с родителями, они поймут, они обязательно разрешат нам пожениться! В институт мы поедем вместе и по дороге сойдем на станции Веселой. Правда, смешное название? Представляешь, никто не грустит на станции Веселой...

– А зачем мы там сойдем? – спросила она.

– Там недалеко городишко есть. Моя тетка уехала с Севера и месяц назад купила там дом. В гости приглашает.

– И чем знаменит городишко?

– Тетка пишет, люди говорят, что яблоки у них – лоб расшибешь! Знаешь, тетка с матерью до сих пор зовут меня детским именем: «Лесик!»

Рассказы

Неделя в Париже, неделя в Москве...

В глубине души Анна считала, что её дочь могла бы претендовать на лучшую партию: и умница-то она — институт окончила с отличием, и красавица, и поклонники были очень даже достойные, а вот, поди ж ты — выбрала парня без высшего образования, приезжего из глубинки, без родни в городе, без связей, показалось, даже простоватого, хотя в этих компьютерах хорошо разбирался. Но все равно, поторопилась дочь. Анна в отговаривала её от этого брака, а зятю хоть и ничего такого понять не давала, да, наверное, в чём-то это прорывалось. И был между ними некий холодок. Да что там говорить, зять и теща — материя тонкая. Анна, конечно, сделала для молодых, что могла — разменяла свою трехкомнатную квартиру на две отличных квартиры с большой доплатой, потратила все свои сбережения. Двухкомнатную отдала молодым, а себе однокомнатную — ей хватит, чтобы жизнь дожить. Хотя, конечно, сорок пять ещё не такой возраст, чтобы об этом думать. У Анны была хорошая работа в крепкой фирме, не так чтоб уж очень крутой, но на ногах твердо стояли. Анна была финансовым директором, раньше говорили — главный бухгалтер. Приличный заработок, прочное положение, друг сердечный для радости жизни, для блеска глаз — современная обеспеченная женщина. Живи и радуйся. А что иногда тоска беспричинная одолевала, так подруга, врач, утешала — гормоны, мол, уже на радость плохо работают, а всё больше на печаль. Они и виноваты — гормоны.

Дочь с зятем, конечно, были рады, что мать отдельную квартиру им устроила, но Анна видела, что зять чувствует себя несколько уязвленным. Не он сам жене своей уютное гнездышко свил, а дорогая мамочка. И вместо «спасибо» сказал Анне, что, мол, он у неё в долгу и постарается все

затраты её со временем компенсировать. На что Анна неопределенно хмыкнула: «Ну-ну!», что в переводе означало: «Посмотрим, как что у тебя это получится». Так бы и прожили они всю жизнь в тихом благопристойном противостоянии, если бы не общая беда. Так вот живёшь, все вроде бы хорошо, и вдруг — бац! — вот оно, откуда не ждали. Живи и «Будь готов к труду и обороне!», как слышала Анна еще в своем детстве.

Дочь родила сыночка, и начались у неё всякие осложнения. Даже из роддома не выписали, сразу в другую больницу перевели. И с ребёночком проблема — родовая травма, ключицу ребёнку сломали. Анна узнала про все это — как будто кол у неё в грудь забили, а вынуть не удосужились. Забрали они с зятем малыша из роддома, принесли домой. Зять отчаянными глазами на Анну смотрит — что теперь делать? Вот хочешь - не хочешь, а стала тёща в его жизни главным человеком. Знакомые советуют по телефону, мол, надо бы найти хорошую няню, конечно, за хорошие деньги. А за какие деньги можно нанять няню для такой крохи, чтобы тряслась над каждым вздохом младенца, над каждым всхлипом его задумывалась как родной человек? Нет в природе таких денег и таких нянь! И Анна, как в воду кинулась, позвонила на работу — увольняюсь! Генеральный директор взвыл — ты меня в самый трудный момент бросаешь! А в бизнесе каждый день — самый трудный. И Анна своими руками, можно сказать, отдала свою должность сопернице, хваткой и острой тридцатилетней девахе, что последнее время на пятки Анне наступала. И сказала она своему директору, однокурснику, с которым вместе дело начинали: «Возьми на мое место Полину, не пожалеешь!» С тоской сказала. Ради дела. Директор говорит, хорошо, мы тебе оформим отпуск без содержания, потом вернешься на свое место. Да вряд ли так получится — Полина своего не упустит. Ну, не об этом ей сейчас надо думать. Позвонила и сердечному другу, объяснила — так, мол, и так. На что тот неопределенно отозвался:

«Ну-ну!», что в переводе означало: «Это твои проблемы». Не только помощи не предложил, даже не посочувствовал. Значит, не хотел он с ней неприятности делить, а только приятности. Анна этому не очень удивилась. Может, потому и тоска ее иногда одолевала — нет рядом надежного человека. Почти всю жизнь одна. Как с мужем разошлись по молодости, так никого и не встретила, чтобы душу всерьез затронул.

С этого момента круглые сутки Анна бессменно была на боевом посту, с раннего утра делила день на равные промежутки времени по три с половиной часа — перерывы между кормлениями. И ночь на ночь не приходится — иногда удаётся прикорнуть, а иногда — уж не взыщи, бабушка... Как говорила покойная мама: «Ребёнок — это неприделанное дело». И действительно — у этой работы нет начала и нет конца, одна забота на другую наступает, налезает и перехлёстывает. Что об этом говорить, кто это испытал, тот знает, а кто не знает, тому не объяснишь. Маникюр, ногти холёные — долой, про макияж не спрашивайте — забыла, что это такое, волосы в пучок стянуты, косынкой прикрыты, самая модная одежда для нее — чистый халат и удобные тапочки. Анна постепенно втянулась, вошла в нужный ритм, немного успокоилась, огляделась и вдруг осознала, что добрую половину домашнего везет зять. Он везде подхватывается ей помочь, продукты домой таскает, детское питание и памперсы покупает, купать ребеночка помогает, в детскую консультацию их на своей старушке-машинке возит и такими глазами на сынишку смотрит, что у неё слезы наворачиваются. Да ещё каждый день, хоть на минутку, да к жене своей заезжает в больницу, чтобы утешить её и поддержать. И поняла Анна, что дочка её, пожалуй, в выборе не ошиблась и нашла себе спутника жизни надёжного и ответственного. Узнала она, что зять, оказывается, свое дело открыл, кредит взял, и заботы у него выше крыши, и увидела, что похудел он и осунулся. Разговорились, он ей про свои дела рассказал.

А она со своим-то опытом все его дела как рукой развела, выстроила — что главное, что неглавное, что в первую очередь надо делать, что подождёт, к кому можно обращаться, кого стороной обходить, как с кем разговаривать — всё как по полочкам разложила. И он дух перевел. Так они каждый вечер стали свои проблемы обсуждать — и домашние дела, и по бизнесу, как будто стоят они спина к спине и каждый понимает, что тыл у него прикрыт надёжным товарищем. Анна даже не знала, что такое бывает.

Через полгода дочь выписали из больницы. Вернулась — худенькая, тихонькая. К сынишке подойти побаивается. Анна их не оставила, ждала, когда дочь окрепнет, когда ребенок к матери привыкнет, да и она к нему. А то входит Анна в комнату, а малыш начинает бабушке лучезарно так улыбаться, ручонками махать, радостно что-то выкрикивать на своем языке, а мать родная будто бы ему никто. Но все постепенно наладилось. Анна подумывала уже на работу звонить, договариваться, когда ей выходить. Подруга с работы постоянно держала ее в курсе дела, и Анна понимала, что у неё будут сложности, потому что прекрасная и хваткая Полина сумела уже войти не только в курс дела, но, как посплетничала подруга — залезть даже в постель к ее начальнику-однокурснику. А горизонтальные отношения — это аргумент серьёзный. Поэтому Анна была в сомнениях — что дальше делать. Идти в эту же фирму в подчинение к Полине, или искать другую работу, где ещё надо будет себя показать и начинать всё с нуля.

Как-то в выходной сели обедать, зять с дочерью напротив неё сидят, улыбаются. Зять шампанское открыл, тост предложил за дорогую тещу Анну Николаевну, дай Бог ей здоровья, всяких благ и большое спасибо. И торжественно так говорит, что у них есть для неё подарок. Что за подарок? Дочь засмеялась:

— А тот, о котором ты всегда мечтала! Догадайся!

— Мало ли о чём я мечтала...

— А неделя в Париже — не слабо?! В Москве можешь побыть недельку, остановиться у тёти Аси, по театрам похо-

дишь, по выставкам. Тебе разрядка нужна – неделя в Париже, неделя в Москве!

Дух перехватило. Не слабо... Правда, мечтала, еще школьницей... после «Трёх мушкетеров». Ну, вот, пожалуйста, тут тебе и Лувр и Нотр Дам и Монпарнас, и Бальзак, и Хемингуэй и еще много чего для ума и сердца в этом городе Париже. Когда стала прилично зарабатывать, не так, чтобы уж очень, по местным меркам — средний класс, то на многих курортах отпуск проводила, а в Париж слетать словно бы побавалась, хотелось как-то особенно эту поездку обставить, чтобы запомнилось на всю жизнь, чтобы остался «праздник, который всегда с тобой». Ну, раз такой подарок дети сделали, надо его принять. Тем более, что тайком паспорт её брали и визу оформили. Все сделано – только билет взять, потому что туристическая группа в Москве формируется.

Пообедали. Ребенок спит. Зять со стола посуду в кухню носит, дочь моет. А ей что делать? И почувствовала она, что пора ей от них уходить. Мавр сделал своё дело... Даже как будто обидно стало – вот, уже и не нужна мать и бабушка. Спросила у дочери:

— Ну, я, наверное, домой пойду?

— Иди, мамочка, отдохни от нас. Спасибо тебе за всё...

Обнялись с дочерью. Помолчали. Анна вышла в прихожую, лёгкую курточку набросила, розовую косыночку на шею небрежно повязала. Вышла на улицу. Средине сентября... Когда время пролетело и не помнила — как одно мгновение. И лета красного не заметила. Гуляла, конечно, с внуком, да не до красот было. Во дворе постояла, посмотрела на деревья, на клумбы с пылающими астрами. И пошла потихоньку, разглядывая, какая это вокруг жизнь кипит, из которой она на семь месяцев была выключена. Осторожно шла, не торопилась, как на волю из заключения вышла. Подзабыла, с чем ее едят эту свободу — «что хочу, то и делаю». Но постепенно шаг её становился все увереннее, радость вливалась в неё, заполняя все существо, словно только что выпитое шампанское вскипало в крови. Из открытого

окна вдруг донеслась старая песенка. Давным-давно её не слышала. А такая милая песенка:

Я оглянулся, чтоб узнать,
Не оглянулась ли она,
Чтоб посмотреть —
Не оглянулся ли я!..

Пристала к ней эта веселая песенка и запела внутри — никак не отвязаться. Шла Анна с ней в ритм, даже приплясывала немножко. Молодой мужчина обогнал ее, оглянулся раз, другой, третий... улыбается. Она вдруг смутилась. Наверное, что-то с ней не так. Вышла, даже в зеркало не посмотрелась — отвыкла. Лицо, может быть, в муке? С томатной подливкой возилась — может, в помидорах?... А он опять оглядывается, смеётся. Анна его окликнула:

— Молодой человек, извините, вы так оглядываетесь, улыбаетесь, у меня что-то не в порядке? Наверное, лицо испачкано?

— Да что вы! — засмеялся он, — я смотрю, любуюсь, вы — как... как цветущая яблоня!

— Спасибо... Яблони весной цветут, а не осенью, — нечаянно вырвалось, а поняла вдруг, что это о ней. Какой там цвет — осень жизни...

— Бывает, и осенью цветут — это называется «осенняя весна». Иду, настроение плохое, а посмотрел на вас и сразу вспомнил, что жизнь замечательная штука! Так что это вам спасибо!

И он, заторопившись, вскочил в подошедший автобус.

До поездки оставалась неделя. Анну словно вихрем закрутило — в Париж! В Париж! Надо ведь не только Париж посмотреть, но и себя показать. А это значит обязательно сходить в любимый салон «Шехерезада». Там и сауна, там и тренажеры, там и массаж, и маски. Всё для поддержания женской красоты на нужном градусе. Входишь туда мокрой курицей, а выходишь — царицей! И все услуги «Шехерезады»

приняла она по полной программе, даже впервые попробовала шоколадное обёртывание, когда её всю облили горячим шоколадом, завернули в пленку, она ощутила такое растворение в блаженстве, что даже задремало. Пошла за билетом до Москвы, а у кассы впереди неё девушка, явно знакомая кассирши, заказывает билет в бизнес-классе. А кассирша говорит: «Катя, хочешь — верь, хочешь — нет, но на этот рейс осталось только два билета в эконом - классе. Какие-то тузы весь бизнес-класс забрали неделю назад. Может, на следующий день?» Девушка занервничала, стала просить, не для себя, мол, шеф партнера отправляет. Кассирша говорит, если срочно надо, то бери пока, какой есть, а то и этого не будет. Если кто-то дорогой билет сдаст, я тебе позвоню. Девушка позвонила по мобильнику, с начальством поговорила, подождала, видимо, там шли переговоры, и сказала: «Выписывай, только позвони, если появится билет в бизнес-класс». После нее и Анна взяла билет на самолёт. Последний! Она и собиралась брать в эконом-классе. Ничего особенного в этом бизнес-классе, только кресло чуть шире, еда чуть лучше, а судьба у пассажиров в одном самолете одна и та же.

Сумку в дорогу собирала — это надо, если будет холодно, а это, если жарко. А к этому костюмчику вот эти туфли, и без специальной сумочки нельзя. Париж же! Парижане посмотрят, скажут, что это за село к нам приехало?! А ну, вон отсюда из нашего городу Парижу! Набралась тяжеленная сумка. Снова перебирала, отбрасывала. Полегче стало, но все равно чувствительно. Придется в багаж сдавать.

Рейс на Москву задерживали. Анна купила в киоске детектив в мягкой обложке, села в одно из пластмассовых кресел в сдвоенном ряду, рассеянно полистала страницы. За спиной услышала голоса:

— Я тебе тысячу раз, Светка, говорила, перестань обращать внимание на охламонов в драных джинсах.

— Так ведь парень-то какой красивый, ты видела?

— Светка, толку-то с этой красоты! Учись, пока я живая. Сзади нас, через ряд сидит папик. Лет пятьдесят, но выглядит на сорок пять. У меня глаз намётанный. Сейчас не оглядывайся, я специально села подальше, чтоб его не спугнуть и тебе показать. Когда я пойду, оглянись, внимательно посмотри, какие у него часы. Похоже, это «Ролекс». Обрати внимание на галстук, на обувь. Посмотри, какой кейс! Крупный зверь, не мелочь пузатая. Даже странно, что он не в vip-зале.

— Так к нему не подступишься!..

— Ну, почему же! Я сейчас к нему подойду, заговорю. Конечно, ничего серьёзного, неизвестно, куда он летит. Но просто потренироваться не вредно. А папик классный, ухоженный, состоятельный. И заметь, Светка, я не в постель к нему хочу залезть, а завести полезное знакомство. А там война план покажет. У японских гейш нам учиться надо. Главное, это умение вести беседу. Ведь и ему хочется себя показать красивой девушке.

Анну одолело любопытство, она подняла голову, посмотрела. Действительно, в противоположном ряду кресел, наискосок, сидел мужчина и смотрел на неё, Анну. Они столкнулись взглядами и поспешно отвели глаза, словно обожглись. Мужчина, действительно, привлекал внимание — хорошее мужское лицо, волевое, строгое, что-то скандинавское в облике. Она для себя определила — викинг! Одежда не броская, словно бы простая, но это была дорогая, элегантная простота. Анну что-то толкнуло, она посмотрела ещё раз, и снова поймала его взгляд.

Сзади неё девушка поднялась, пошла куда-то, через некоторое время вернулась, прошла мимо Анны, потом словно споткнулась, выронила сумочку, из которой посыпались милые женские вещицы, раскатились до кресла, в котором сидел «классный папик». Конечно, мужчина не остался безучастным, он наклонился, помог девушке собрать все её штучки, подавал ей, она что-то снова роняла, смущённо залилась нежным румянцем, смеялась каким-то горловым сме-

хом, что-то журчала лёгкое, извинительное. Анна рассмотрела девушку. Это была Диана-охотница, прикинувшаяся скромной незабудкой. Голубые глазки, ямочки на щеках, милая смущённая улыбка, открывавшая белые зубки с очаровательной щербинкой впереди. В её облике чувствовался вкус и стиль, в ней не было той безликой трафаретности, когда все гламурные, телевизионные девушки похожи друг на друга, в ней видна была индивидуальность. Девушка присела в кресло рядом с мужчиной, легко, естественно, как птичка на ветку и защебетала что-то наивное и доверительное, и на его лице появилось ласковое выражение снисходительного внимания, словно он разговаривал с ребёнком.

Так, подумала Анна, а ведь, пожалуй, она его подстрелит. Мужчина вдруг посмотрел на Анну, словно за что-то извиняясь. Анна спокойно наклонилась над книжкой. Через минуту она забыла и о добыче, и об охотнице. Труп появился на второй странице. Захватывает... Скоро объявили регистрацию на рейс в Москву, и Анна, не торопясь, положила книжку в сумочку – в самолёте дочитает, прошла к нужной стойке. Викинг стоял за несколько человек впереди неё. Анна догадалась — это тот, кому не хватило билета в бизнес-класс!.. Она сдала дорожную сумку в багаж и прошла в самолёт с легкой сумочкой через плечо. До Москвы два с половиной часа, но рейс утренний, задержался всего на час, еще можно и к родственникам заехать, а вечером – в Париж! Хорошо!

Анна сладко дремала, когда вдруг услышала голос стюардессы: «Уважаемые пассажиры, пристегните, пожалуйста, ремни безопасности!». Как, уже прилетели?! Но их даже ещё не кормили!.. Анна утром не позавтракала и была не прочь перекусить. Оказывается, самолет совершает вынужденную промежуточную посадку из-за погодных условий Москвы. Так сказала стюардесса.

В автобусе, который вез пассажиров в аэровокзал, «папик» оказался возле неё и заговорил о чем-то незначательном, вроде погоды. Как говорили девчонки в студенчестве, кадр

явно «клеился». Ну, что ж, симпатичный мужчина. Почему не скоротать время в приятной беседе? Она любезно поддержала разговор. Погода, кстати, была мерзкая, в зале аэровокзала зябко и неудобно — видимо, ещё не топили. Объявили задержку пока на один час.

— Вы успели сегодня позавтракать? Может быть, зайдём в ресторан, перекусим? — предложил её спутник.

— Пожалуй, не мешало бы — согласилась она.

За столиком в ресторане они решили заказать омлет, потому что быстро и уж точно будет свежий. Заказали и кофе.

— Согреемся? — спросил он.

— Можно, — согласилась она.

В конце концов, она не девочка, чтобы жеманиться, кроме того, действительно, хотелось согреться. Коньяк, оказавшийся вполне приличным, побежал по жилочкам горячим радостным огнем. И все вокруг засветилось, преобразилось. Жизнь мягко и нежно смотрела на неё серыми ласковыми мужскими глазами, а завтра её ждал Париж. Превосходно!

— Давайте знакомиться, — сказал он, — меня зовут Павел.

— Анна, — улыбнулась она в ответ.

— Вы москвичка? — спросил он.

— Нет, — улыбнулась она, — вечером лечу в Париж. Ровно на неделю. В Москве не была давно. Родственники приглашают. На обратном пути задержусь, похожу по театрам, по выставкам.

Париж — прекрасная тема для разговора. Он бывал в Париже, только по делам, практически ничего не видел, кроме деловых офисов и ресторанов. В её городе тоже был по делам. Живет в Москве, работает в одной крупной фирме. Анна не спросила, в какой, зачем ей лишнее знание о чужом человеке. О себе тоже сказала несколько слов. Не про внука же рассказывать, статус понижать.

Через час объявили, что их рейс задерживается по техническим причинам. Да что ж это за безобразие, уже второй сбой по времени! Анна пока не сильно обеспокоилась, до ве-

через еще было далеко, на рейс в Париж должна успеть. Она заметила, её спутник тоже не слишком огорчается. Ну, что ж, забавно... Они вышли из ресторана, устроились в уголке зала на свободных стульях. Начался легкий необременительный разговор о том, о сём, и об этом — ритуальный танец сближения мужчины и женщины, когда имеет значение не тема разговора — это не так важно, — а интонация, улыбка, мимолётный взгляд глаза в глаза, и их смущенное отведение, и легкое, словно нечаянное, касание руки, когда хочется привлечь особенное внимание собеседника. Они столкнулись в жизни ненадолго, им приятно друг с другом, это ни к чему не обязывает. Рейс закончится, и они расстанутся навсегда, может быть, и в памяти ничего не останется. Скоротали время, и за то спасибо.

Вдруг услышали, что посадка на рейс опять откладывается и будет объявлена дополнительно, так как компания предоставляет другой самолёт. Наконец, объявили посадку. Павел уже не отпускал Анну от себя, шёл за ней по трапу и занял кресло рядом с ней, заботливо помог снять плащ, разделся сам, аккуратно уложил вещи на багажную полку над головой, помог пристегнуться, и Анна ощутила забытое и приятное чувство присутствия мужчины в своей жизни. Хотя бывает, что мужчина рядом, а его присутствия не чувствуется.

Самолёт взлетел, и стюардессы разнесли еду. Они снова успели проголодаться и с удовольствием съели предложенную рыбу с овощами, выпили кофе. Пассажиры задремали. Анна открыла взятую в дорогу книгу, Павел развернул газету. Плечи их слегка соприкасались, и Анна вдруг почувствовала в этом месте тепло, как будто нечаянно прислонилась к горячей печке. Руке стало горячо. Теплая волна мгновенно перешла на спину и грудь, залила всё существо волнением, ухнула вниз, в тайные её глубины, горячим напряженным желанием этого чужого малознакомого мужчины. Она изумилась остроте ощущения и испугалась, что он поймет ее наваждение. Сидела тихо, не шелохнувшись, прислуши-

ваясь к гулу крови в своем взбудораженном существе. Ее спутник спокойно читал газету, но краем глаза она видела, что страница не переворачивается. Он явно смотрел в одну точку. Вдруг он резко повернул к ней голову, она встретила взгляд его серых глаз, и поняла, что он находится под тем же напряжением чувства. И Анна не знала, что с этим теперь делать.

Самолет начал снижение и скоро прозвучало: «Уважаемые пассажиры! Пожалуйста, пристегните привязные ремни!» Пассажиры задвигались, Анна отстранилась, с облегчением и некоторым скрываемым от самой себя сожалением вышла из поля притяжения этого человека, вновь с радостью ощутив свою независимость. Самолёт слегка вздрогнул, выпуская шасси, Анна непроизвольно посмотрела в окно. На её стороне, колесо шасси не вышло из гнезда. Недоумевающая и ещё надеясь, она тихо позвала своего спутника: «Посмотрите!» Он взглянул, и она увидела, как лоб его покрылся испариной. И тогда она испугалась.

Самолёт снова поднялся вверх, сделал круг и снова пошёл на посадку, опять ощутимо вздрогнул, отчаянно исторгая из себя застрявшее колесо шасси. Не получилось... И снова взмыл вверх. Не все ещё понимали, что случилось, тревожно переспрашивали друг друга. Минут через десять объявили по радио, что волноваться не нужно, в связи с непредвиденными обстоятельствами посадка самолета откладывается. Но самолёт сделал еще круг и снова попытался выпустить шасси. Тщетно... К этому времени весть о застрявшем колесе пожаром распространилась среди пассажиров, кто-то отчаянно чертыхнулся, а какая-то женщина с тоской сказала: «Боже мой! Я везу ребенка на консультацию!...» Анна и Павел молчали. Вышла побледневшая стюардесса, улыбаясь одними губами, пояснила, командиром экипажа принято решение выработать запас топлива — это займёт часа полтора, потом будем садиться, а в аэропорту будут приняты все меры безопасности. Вышел пилот, наверное, это и был командир,

прошел по проходу, уверяя, что такие ситуации бывают, что выработана система мер безопасности, что всё будет хорошо, главное, не поддаваться панике. Он не улыбался, казался собранным и сосредоточенным, всем своим видом внушал доверие.

В самолете стало тихо-тихо, все словно оцепенели, затаили дыхание. Павел взял её руку, накрыл ладонью другой руки. Её обожгло уже не желанием — страхом. Он услышал её отчаяние, наклонился и тихо сказал на ухо:

— Кто-то сегодня в этом самолёте нагрешил!..

— Это я, — сказала она.

— Нет, я. Я так хотел тебя, просто как с ума сошел!..

— Я тоже.

— Это не такой большой грех. Ты замужем?

— Нет. В разводе...

Они даже не заметили, что перешли на «ты». Ей вдруг показалось, что она знает его давно и сейчас делит с близким человеком опасность и общую судьбу. Она держала его руку, чувствовала его дыхание на своей щеке, и, словно бы, стало спокойнее. Они молчали, но было чувство, что они вместе.

Вышла стюардесса, стала объяснять, как правильно себя вести при посадке, как сесть, как наклонить голову, куда деть руки, как поставить ноги, уверяла, что не нужно волноваться, что такие случаи уже бывали, что пилоты опытные, что в аэропорту все подготовлено, и машина подхватит на полосе самолет под крыло. Они сделали всё, как советовала стюардесса. В салоне повисла тишина ожидания. Самолет пошел на снижение, снова сделал попытку выпустить шасси. Анна покосилась в окно. Словно немного поколебавшись, колесо медленно вышло из гнезда, и всё было готово к нормальной посадке. Анна отчаянно закричала, и слёзы брызнули из глаз: «Получилось! Вышло колесо!» Люди оглядывались на неё, видели её счастливое, в слезах, лицо, недоверчиво улыбались. Стюардесса объявила по радио, что всё в порядке, они нормально садятся.

Анна с волнением смотрела, как колесо коснулось полосы, как засверкали неизбежные при торможении искры. Самолёт побежал, замедляясь, по полосе, остановился, затих, потом покатился к стоянке. Вероятно, садились на какой-то дальней запасной полосе, здания аэровокзала не было видно. Анна увидела за окном машины скорой помощи, и её обдало запоздалым ознобом. Экипаж вышел из самолета, и хотя погода была прохладная, моросил дождик, пилоты держали кителя в руках. Командир повернулся спиной, и она заметила, что рубашка на спине мокрая от пота. Им было тяжелее всех...

Стюардесса пригласила пассажиров на выход. Павел и Анна не торопились, избегали смотреть друг на друга. Павел медлил, пропуская пассажиров, словно хотел ей что-то сказать. Не торопясь, встал, достал плащи, свою сумку и кейс. Они выходили последними. Подавая плащ Анне, вдруг повернул её к себе и, крепко прижался, прильнул к губам. Это был не просто поцелуй, это была попытка спасительного единства с другим человеком, необходимого не только в минуту опасности. Никогда еще Анна такого не испытывала и, может быть, он тоже никогда никого так не целовал. Казалось, это длилось вечность, а, может быть, мгновение. Оторвавшись, наконец, он сказал:

— Не надо в Париж, хорошо? Сейчас поедem ко мне домой, проведём эту неделю в Москве. А в Париж поедem позднее, вместе.

— Разве ты свободен? — спросила она, и сердце её замерло.

— Почти. Давно разведен. Есть женщина... моложе меня. Устал. Скучно. Одиноко. Я ей позвоню прямо из аэропорта, у нас давно всё шло к концу. Я хочу быть с тобой. Сейчас. Может быть, всегда. Давай рискнем проверить это.

— Давай рискнем...

Они вышли из самолета, он держал её за руку и действительно не отпускал, как будто боялся, что она куда-то исчезнет. Анна не могла разобраться в своих чувствах, она

подчинилась чужой воле, чего может быть, бессознательно хотела всю жизнь — быть ведомой, а не взваливать на себя груз ведущей. Сейчас главное было ощущать эту властную мужскую руку.

Автобус подвез их к входу в аэровокзал, стеклянные двери распахнулись, Павел заботливо подал ей руку при выходе из автобуса и снова не выпустил её ладонь из своей руки. Пропуская пассажиров, распахнулась стеклянная дверь входа. Они влились в поток, впереди уже кто-то попал в объятия родственников и друзей. Восклицания, радость, у кого-то слёзы. И вдруг он торопливо, Анне показалось небрежно, грубо отбросил её руку. И как раз вовремя. К ним пробивалась юная, красивая девушка, чем-то неуловимо напоминающая Диану-охотницу в зале ожидания родного города. Она кричала: «Папик! Ага, не ожидал?! Получился сюрприз?!» — и бросилась ему на шею. Анна, не задерживаясь, не оглядываясь, прошла мимо в свою одинокую, без иллюзий и без обмана, жизнь. Она подошла к киоску, купила пачку когда-то любимых сигарет, от которых в своё время стоило большого труда отказаться, зашла в туалет и минут двадцать курила, бездумно глядя в залитое дождем окно, за которым ничего невозможно было рассмотреть. Потом вышла, получила багаж, не торгуясь, чем несказанно удивила и обрадовала жуликоватого водителя, взяла такси до Шереметьева. Ей надо было спешить на самолёт в Париж.

Она успела вовремя, однако рейс на Париж тоже задержали, но ей было уже все равно. Усмехнувшись, подумала: «Сегодня не мой день...» В Париж прилетели поздно, и туристы, с которыми Анна успела познакомиться, беспокоились, встретит ли их представитель фирмы. Встретил. Анна была так измотана морально и физически, что даже и не обратила внимания, как же выглядит этот знаменитый аэропорт Шарль де Голль. Автобус шёл по сияющему огнями городу. За окном автобуса тихий тёплый ласковый вечер. Улицы заполнены неспешно гуляющими людьми, за столиками уличных кафе

сидели мужчины и женщины, смеялись, звучала тихая музыка. Биение чужой жизни... Останавливались по очереди у разных гостиниц. Гид вызывал туристов по фамилии, устранивал их в гостиницу, и автобус ехал дальше. Пришла очередь Анны, с ней вместе вышли муж и жена из её группы. Гид сообщил, что этот отель недалеко от Монмартра, но на неё это не произвело особого впечатления. Завтра. Все завтра. Сегодня не до Монмартра.

Анне вошла в свой номер. Комната была уютной, очень чистой — большая кровать, столик, тумбочка, телевизор под потолком. Она долго стояла под душем, смывая с себя прошедший день, а когда легла в постель, поняла, что из памяти ничего смыть не удалось. С ней случилась беда, которую прежде успешно удавалось избегать. Она влюбилась. Теперь ей казалось, что с той самой минуты, как она впервые встретилась с ним глазами. В тот самый миг. И упорно скрывала это от самой себя. За долгие годы одиночества, ей казалось, она выстроила вокруг себя мощную непробиваемую защиту самоиронии. Она была живой женщиной, у неё были романы, она пользовалась успехом у мужчин, но знала про себя, что если полюбит кого-то сильно — станет беззащитной и слабой. Не позволяла себе этого. Была начеку. И вот — когда не ждала... Если бы не эта история с шасси, когда почти с жизнью прощалась — ну, пококлетничала бы, поболтала — и до свиданья! Хотелось выть в голос, когда снова и снова прокручивался в памяти момент пренебрежительного отторжения, это поспешное, оскорбительное отбрасывание её руки. Да, эта юная женщина великолепна, Анне с ней трудно соперничать. Классная девица встретила своего классного папика. Но как ей, Анне, об этом забыть? Она даже заплакать не могла, тоска камнем лежала на сердце. Она встала, зажгла свет, нашла в сумочке предусмотрительно захваченное снотворное, приняла таблетку и скоро провалилась в сон.

Утром, после завтрака все туристы собрались возле Гранд Опера, Анна равнодушно смотрела на знаменитое здание. Оказалось, в стоимость путевки входила экскурсия

по Парижу, прогулка на теплоходике по Сене от Эйфелевой башни до собора Нотр Дам, посещение парфюмерной фабрики. Остальные экскурсии надо оплачивать самой. Что ж, начали с экскурсии по Парижу. Автобус ехал по городу, гид добросовестно и с юмором рассказывал о достопримечательностях, Анна смотрела в окно, гид сыпал знакомыми названия улиц, площадей, знаменитыми именами — её ничего не волновало. Ей было даже неинтересно. Она поняла, что разминулась с Парижем. И никак не может попасть в город своей детской мечты. Она уклонялась от общения со своей группой, одна ездила на все экскурсии, все осматривала, и ничего особенно её не трогало. Положено – вот и смотрит. Неожиданно стали всплывать в памяти французские слова. В школе она учила французский язык, в институте уже английский, но, оказывается, многое она помнила и даже в трудную минуту могла объясниться с прохожими, спросить дорогу. Она не переодевала свой дорожный костюмчик, только меняла блузки, носила привычные разношенные туфли. Всё равно к вечеру ноги наливались усталостью. Она возвращалась в номер, ложилась на кровать и смотрела в потолок. Её наряды так и остались нераспакованными, ей было все равно, а Парижу и подавно. Здесь каждый одевался, как считал нужным.

В Лувре вместе с толпой туристов посмотрела знаменитых женщин – Нику, Венеру, Джоконду. Улыбка Моны Лизы показалась не загадочной, а просто грустной. Нелегко быть женщиной во все времена. Собор Парижской Богоматери, в который вошла с неясной надеждой на облегчение души, со своими химерами и витражами показался ей холодным, равнодушным к добру и злу. Вдруг захотелось войти в православный храм, прильнуть душой к алому и золотому, поплакать. Но слёзы не проливались, копились возле сердца ледяным комком. В последний день перед отъездом она зашла в кафе, села за столик и обнаружила на полу кем-то оброненный листочек из блокнота. Подняла. Небрежным почерком,

по-русски было написано в столбик несколько строк, что-то вроде стихотворения в прозе:

В глуши людской невидимый костёр —
Моя душа горит, сгорая
На медленном огне.
Иллюзий нет —
Осталась
Только
Боль...

Это было про неё, это она сейчас в глуши людской. Это у неё душа сгорает на медленном огне стыда и отчаяния. Слезы катились по щекам, она тихо плакала, неловко прикрыв лицо рукой. Подошёл официант, не решился ее беспокоить, потоптался, отошёл. Потом вернулся с роскошной розой в руке. Положил розу перед ней, сказал: «Печаль пройдет, мадам! Вы достойны великой любви!» Она улыбнулась, ответила: «Мерси», заказала кофе, пирожное. Уходя, щедро оставила на чай, взяла розу с собой, так и шла с розой в руке. Люди задерживали на ней взгляд и улыбались. Причем не вообще, а именно ей, Анне. Она шла среди спокойных доброжелательных людей. Стоило ей на ком-то остановить взгляд, как тут же через пару секунд она получала в ответ улыбку, и сама непроизвольно начинала улыбаться. Она вышла на пешеходный мост через Сену, медленно пошла, глядя на воду, ощутила прохладный, свежий запах реки. Солнце клонилось к закату, золотило желтеющие верхушки деревьев. На мосту компания молодежи, трое юношей и девушка, расстелили на скамейке салфетку, сели вокруг на складные стульчики, разливали вино в одноразовые стаканчики, что-то говорили, смеялись. Она остановилась, с интересом поглядывала на них — надо же, какие раскованные ребята! Они обратили на неё внимание, жестами пригласили подойти. Она подошла, улыбаясь, ей что-то объясняли, она поняла, что празднуют какое-то событие, связанное с девушкой. Девчушка была мила необыкновенно, небрежно одета в лёгкий свитерок и

джинсы. Анне налили вина в чистый стаканчик. Она выпила кисловатое лёгкое вино, засмеялась. Протянула девушке розу, сказала: «Мадемуазель, вы достойны великой любви!» Компания весело засмеялась, девушка зарделась. Анна, улыбаясь, помахала прощально рукой и пошла, куда глаза глядят, растворяясь в парижской толпе и осознавая, что только сейчас ощутила, что она в Париже, и что непременно надо сюда вернуться, чтобы унести в свою жизнь праздник. В этот раз она уносит с собой только печаль.

Рейс на Москву не задержался ни на минуту, долетели без приключений. Анна глубоко внутрь затолкала свою тоску, решила в Москве не задерживаться, а вернуться домой. Обратный билет у неё только через неделю, но, может быть, удастся улететь, если будут места на регистрации. Думала о своих, с удовольствием представляла, как будет вручать подарки. Надо еще поразмышлять, стоит ли возвращаться в свою фирму, или заняться вместе с зятем семейным делом. У них вместе хорошо получалось.

Москва встретила тоскливой моросью, неутомимо сыпавшейся с хмурого осеннего неба. Пассажиры вышли через транспортный рукав в здание аэропорта. Граница. Зелёный коридор. Багажный транспортёр. Анна поудобнее подхватила сумку — вперёд! И вдруг словно споткнулась — среди встречающих стоял Павел. Лицо озабоченное, кого-то высматривает... Анна мгновенно отвернулась, бочком-бочком, наклонив голову, мимо, хоть бы не заметил! И услышала, как он позвал: «Анна!» Повернула голову. Встретились глазами. Улыбается, рукой машет, пробирается к ней. Что ж делать, остановилась, выдавливая из себя вежливую улыбку, а у самой, того гляди, слёзы брызнут:

— Какими судьбами?! Здравствуйте! Оказывается, мир тесен!

— Да совсем не тесен — очень легко разминуться. Аня, ведь это меня встречала моя дочь! Неожиданно прилетела из Англии, где она учится. У неё срочные проблемы, которые

могу решить только я. Ты так мгновенно исчезла. Но я вычислил день твоего возвращения, сегодня встречаю уже второй рейс... Ты ведь хотела задержаться в Москве... Я тебя подвезу.

Она растерянно кивнула. Павел поднял руку. Подошел человек, явно водитель или охранник, подхватил её сумку. Подошли к какой-то невероятно крутой иномарке. Водитель уложил сумку в багажник, распахнул двери. Как только они сели, Павел взял её руку, которую отшвырнул неделю назад. Его рука молила о понимании и прощении. Анна, мягко, но настойчиво высвободила свою ладонь. Ехали молча. Притихли.

Подъехали к дому родственников, повернули во двор. Остановились. Павел заговорил.

— Аня, — я ведь взял билеты на лучшие спектакли... Сегодня вечером идем во МХАТ. Я подъеду за тобой в 6 часов. Хорошо?

— Хорошо, — ответила она безучастно и вышла из машины, — не провожай, мне на первый этаж, доберусь сама.

Он словно оробел, подчинился. Дверь дома вдруг открылась, выпуская девочку с собакой, и Анна, не оглядываясь, зашла в подъезд. Это было просто замечательно, что она не говорила с тёткой по домофону. Сейчас она передохнёт, пождёт, когда машина отъедет подальше, выйдет на дорогу, возьмет такси и снова в аэропорт. Нет-нет, это не её человек. И ей совсем не улыбается играть роль Золушки при принце, а скорее очередной игрушки при очень состоятельном мужчине. Было наваждение в самолёте, когда их судьбы, казалось, переплелись. И его глаза, и губы, и дыхание... Все прошло. Больно? Да, больно! Ничего, пройдет... Она вытерла навернувшиеся слёзы, подхватила сумку и вышла из подъезда. Павел стоял возле знакомой машины и курил.

— Я так и знал, что ты попытаешься сбежать... Надо поговорить, Аня! Они сели на скамейку под клёном. Помолчали.

— Что случилось, что изменилось, Аня, за неделю? В Париже ты влюбилась?

— Скорее развлюбилась. Зачем я тебе нужна? Я не твоего поля ягода... Мы в разных слоях. Ты — в сливках, я там, где пожиже. К твоим услугам молодые очаровательные женщины, вот как та девушка в аэропорту. А мне скоро сорок шесть лет... внуку полгода... на животе шрам после аппендицита, двух коренных зубов нет — надо вставлять, всё никак не соберусь...

— Это что, — серьёзно и в тон ответил он, — а ты не подумала, может, я на ночь вынимаю зубной протез, искусственный глаз и ногу отстегиваю. Подумаешь, напугала — шрам у неё!..

Она не выдержала, засмеялась.

— Аня, я состоятельный человек, но не олигарх, успокойся. И сумку твою я не взял сам — болит поясница, наверное, обострение радикулита. Я понял, что тебя это покорило. Мне нужна женщина для жизни, а не только для постели. Там, в самолете, я впервые за долгое время почувствовал, что я не один в этой жизни. Как-то ещё в молодости я случайно услышал выступление одного психолога, который призывал не бояться смерти. Представьте, что вы умираете, говорил он, кого бы вы хотели держать за руку в этот последний момент? Тогда я подумал — маму! Но мамы уже нет. А в самолёте я подумал — тебя! Впереди у нас ещё есть время для жизни... Давай попробуем провести его вместе. Я так рад, что не оказалось билета в бизнес-классе — судьба! Аня! У тебя билет на самолёт через неделю. Давай проведем эту неделю вместе в Москве. Дай мне пока только одну неделю. Ты ведь так и планировала — неделя в Париже, неделя в Москве! Пусть так и будет. Давай дадим себе шанс. Соглашайся! Давай попробуем, рискнем, а?!

— Лопух... — задумчиво сказала она.

— Кто?! Я — лопух?! — изумился он

— Лопух нужен — приложить на ночь к пояснице шершавой стороной. Очень хорошо от радикулита. Моя бабушка всегда так делала.

— Ну, вот видишь, оказывается, нужен лопух. А я и не знал! Так что едем сейчас прямо ко мне на дачу. Лопухов там навалом! Согласна?

— Поехали! — ответила она.

Когда идет снег...

Посвящается Л.К.

Это было давным-давно. Жизнь тому назад. Вероника тогда была студенткой третьего курса строительного факультета, легкой, стройной и с косой до пояса. Науки постигала прилежно. Все остальное носилось в воздухе. А сколько и чего именно человек из этого воздуха выберет и возьмет, зависит от настроения его приемного устройства, которое у каждого свое. Должно быть, у Вероники оно от природы было очень мощным и постоянно подпитывалось любознательностью и любопытством. Интересно было все, и не хватало суток, и не хватало ушей и глаз, чтобы все услышать, увидеть, прочитать, прочувствовать. Словно кто-то ненасытный сидел у нее внутри и требовал постоянно — еще, давай еще, а вот это интересно, а вот это что такое, а вот это кто такой?

Была любовь, как же без любви в двадцать лет? Всегда почему-то так случается в жизни, что первая любовь где-то рядом — то сосед, то однокурсник. Кого Бог пошлет. У Вероники был однокурсник — вместе на лекциях, вместе домой, вместе в колхоз. Часто и занимались вместе. Вероника была чуть впереди, быстрее соображала, легче запоминала. Но какие в любви могут быть счеты, кто ведомый, а кто ведущий? Она рассказывала Антону обо всем, что прочитала, увидела, услышала, несла ему все самое интересное, и радостно ей было видеть его одобрителное кивание. Это так важно, когда тебя понимают! Уж целовались и обнимались всласть. И кровь молодая бушевала, но черту не переходили. Время и воспитание такими были — нельзя. Сначала надо институт закончить, пожениться, уж потом... Это было так понятно для них и для всех вокруг, что они поженятся. Одна специальность, у обоих будет высшее образование, чего еще желать? Квартирная хозяйка Вероники говорила про него: «Красивенький какой!», и в голосе ее звучало то ли одобрение, то ли сомнение, а может, то и другое одновременно. Смущало Веронику его грубоватое над ней подшучивание, даже

хихиканье, словно он не желал принимать ее всерьез. Она обижалась, он просил прощения и как-то сказал ей: «Моя самая главная цель в жизни — сделать тебя счастливой!» И она мгновенно поверила, — ведь такими словами не бросаются! — замерла от благодарности и гордости — вот какой человек рядом с ней! Об этом в книгах написано: «Они жили долго и счастливо и умерли в один день». Смущали все-таки иногда какие-то душевные несовпадения, чувствовала, будто не попадают в ритм, словно идут не в ногу, но по молодости не понимала, каким это совпадение должно быть, чтобы прожить вместе жизнь, как написано в книгах.

Помнится, в начале марта, в субботу, она долго чертила в институтской чертежке и вышла на улицу уже под вечер. Еды дома не было, и она зашла в кафе перекусить. Там ее окликнули ребята из соседней группы. Праздновали чей-то день рождения, усадили за общий стол. Вина выпили чуть-чуть, но весело было необыкновенно. Она вскоре покинула компанию, в радостном, приподнятом настроении села в автобус. От остановки к остановке народу набивалось все больше и больше. Кондукторша сидела сзади и бодренько напоминала: «Граждане, передавайте деньги за проезд!» Раздраженные, усталые граждане передавали, и цепочка пятак в одну сторону и бумажных билетиков в другую шла через нее. Ей не удавалось повернуться и она, получая монетку, не глядя, передавала ее назад в чью-то теплую руку и через некоторое время по касанию этой же руки принимала билетик. Владелец руки молодым веселым голосом пошучивал, что сегодня гражданам передаются только счастливые билетики. Она включилась в шутку, советовала не жевать их раньше времени, — счастливый билетик полагалось съесть, — контролер этого не поймет. И Вероника, и ее невидимый сосед излучали такую доброжелательность, такую молодую радость, что общее раздражение пошло на спад, и уже пошучивали все, и даже кондукторша отмочила какую-то шутку, от которой захохотал весь автобус. Вероника стала пробиваться к выходу и чувствовала, что ее сосед сзади тоже идет за ней.

Они не вышли — выпали из переполненного автобуса,

веселые, разгоряченные. Она вдруг поскользнулась, он подхватил ее и не позволил упасть. Это было опять так весело, что они продолжали смеяться, и тут только она увидела его. Это был курсант какого-то военного училища в черной шинели. Такой формы в их городе она не встречала, наверное, приезжий. Они пошли рядом, в одну сторону, легко и непринужденно разговаривая, как добрые друзья, и как-то ненавязчиво, естественно, он взял из ее руки футляр с чертежами и комментировал: «Студентка!» Она кивнула: «Да!» «А я из Киева, приехал по заданию в ваше артиллерийское училище». Слово за слово — вспыхнул разговор. Они пере-скакивали с темы на тему, удивляясь и радуясь совпадению мнений, — о чем бы ни говорили! — от пристрастия к пломбиру до любви к стихам и фантастике. Разговаривали легко, словно мячиком перебрасывались — и это впадет, и это в тон. Легкий морозец румянил щеки, сверху срывались легкие редкие снежинки, ложились звездочками на ее шапочку и воротник, на его черную шинель. И ей было так хорошо и легко с этим молодым курсантом, как будто это был ее брат или близкая подруга.

Она не заметила, как дошла до ворот своего дома и, не останавливаясь, прошла со спутником дальше — не хотелось прерывать разговор. А он вдруг спросил: «Простите, а как вас зовут?» И только она собралась просто и без всякого кокетства назвать имя, как вдруг он сказал: «Слушайте, у меня есть своя теория. Я определяю имя девушки по походке!» Должно быть, это была опять шутка, игра, и она включилась: «Давайте попробуем!» Победно улыбаясь, она прошла вперед шагов двадцать, — имя у нее такое редкое, — нипочем не угадает! Он догнал ее и немного робко, с сомнением в голосе, заглядывая в лицо, спросил: «Вероника?» Вот тут ее словно громом поразило, и она впервые внимательно взглянула в его лицо. Оно не было ни красивеньким, ни красивым. Это было хорошее мужское лицо надежного человека. Хотелось смотреть и смотреть. «Да, — сказала она, я — Вероника... Как вы догадались? Действительно, по походке?» «Нет, конечно. У вас коса растрепалась, распушилась, я по-

думал, если ее распустить, волосы рассыплются по плечам — волосы Вероники... Как созвездие!» Они постояли молча, удивляясь, и даже словно опасаясь того, что случилось. Ей хотелось обратить все в шутку, и она предложила: «А давайте теперь я попробую угадать ваше имя?»

Он прошел вперед, и она внимательно смотрела ему вслед. При ходьбе он чуть-чуть раскачивался и резко отмахивал левой рукой. Ее вдруг озарило детское воспоминание. В первом классе на соседней парте сидел мальчик, тихонький, робкий. Однажды учительница показывала детям последнюю букву в алфавите и спросила, какие слова ребята знают на букву «Я». Поднялся лес рук, дети по очереди выкрикивали: «Яблоня!», «Ясень!», «Ячмень!», и даже этот робкий мальчик тянул руку выше всех. Учительница вызвала и его: «Ну, скажи, Виталик!». И Виталик с отчаянием выкрикнул: «Я... Я... я пи-и-сать хочу!» Можно было подумать, что в классе со всеми одновременно случился припадок. Хохотали все, и даже учительница не могла удержаться от смеха. Прикрывая лицо ладонью, она разрешительно замахала другой рукой: «Иди, иди!» Виталик вышел из-за парты и пошел к двери, чуть раскачиваясь и резко отмахивая левой рукой, наверное, от смущения и отчаяния. И сейчас, увидев похожую походку, зная, что этого не может быть никогда, она догнала его и уверенно, даже чуть с вызовом сказала: «Виталий!» Теперь ее спутника словно поразило громом. «Да, Виталий!» — только и мог произнести он, пораженный. Они опять стояли какое-то время в молчании, внимательно глядя друг другу в лицо.

Потом они пошли дальше и разговаривали с прежним интересом и доброжелательностью, но и с каким-то смущением, словно что-то переменилось в них самих. Она осторожно уточнила, не жил ли он в детстве в ее родном селе. Нет, он даже не слышал о таком, он коренной киевлянин. Скоро их смущение прошло, и они опять болтали обо всем, что в голову придет. Они легко, не особенно углубляясь, касались всего, точно нащупывали границы общения. Вероника помнила, как он сказал, что когда-нибудь люди будут так красивы, что не станут надевать одежду вовсе, а будут только себя разри-

совывать. Посмеялись. Вероника поражалась неожиданному чувству совпадения, как будто этот юноша был ее копией в мужском варианте. Незаметно они дошли до самого вокзала, где автобус делает кольцо и поворачивает обратно. Она вдруг осознала свое изменившееся к нему отношение. Она уже не чувствовала себя с ним, как с братом или с подругой и испугалась этого. Как же так, ведь у нее есть Антон, ее Антошка, а она тут с незнакомым парнем разговоры разговаривает, и он ей нравится, и она ему явно нравится, и это было нечестно. Последнее, что она помнила – он говорил что-то о Лескове, а в нескольких метрах от них отходил автобус в центр. Она вдруг побежала, крикнув: «До свиданья!» и вскочила на подножку уходящего автобуса. Он растерялся, побежал за автобусом и кричал вслед: «Вероника! В следующую субботу, на той же остановке в семь часов!». Водитель захлопнул дверь за ее спиной, и она, ошеломленная собственным неожиданным поступком, долго не могла прийти в себя.

Целую неделю она была беспокойна, душа ее металась. В субботу с утра они с Антоном занимались в читальном зале, и в половине седьмого она вдруг сказала: «Мне нужно уйти». Что ж, нужно, так нужно. На улице падали крупные тяжелые хлопья снега. Легкий ветерок относил их в сторону, и все видимое пространство казалось заштрихованным в белую косую полоску. Каждый фонарь, каждый столбик нарядился в белую пышную шапочку. Голые черные ветви деревьев были очерчены белой снежной опушкой. Было невероятно, фантастически красиво, как на гравюре талантливого художника, но ведь природа и есть самый замечательный художник. Она пошла в нужном направлении, но предусмотрительно перешла на другую сторону улицы и встала на остановке автобуса, расположенной напротив той, где было назначено свидание.

Уже смеркалось, зажгли фонари, и, хотя густой снегопад мешал смотреть, она узнала его сразу. Он стоял в своей черной шинели, и в нем чувствовалось напряженное ожидание, с которым он встречал каждый подходящий автобус. Она стояла под крышей остановки, потихоньку выглядывая из-за боковой стенки, и сердце ее колотилось. Вот сейчас она по-

дойдет, и они опять будут гулять по зимнему городу, разговаривать, и будет так же радостно и счастливо, как в прошлый раз. Но что она скажет Антону, что она скажет человеку, для которого главная цель в жизни — сделать ее счастливой? И ноги ее словно приросли — она не могла сделать и шага. Виталий стоял около часа. Наконец, решил и пошел прочь. Потом оглянулся, увидел еще один приближающийся автобус, подбежал, еще раз оглядел выходящих пассажиров. Потом с досадой махнув рукой, не оглядываясь, перешел на ее сторону, свернул на другую улицу. Некоторое время она шла за ним шагах в тридцати, смотрела, как он идет своей раскачивающейся походкой, с досадой отмахивая левой рукой скорый шаг, и ей хотелось закричать: «Я здесь! Я пришла!» Но она так и не окликнула его, навсегда уходящего от нее сквозь густую снежную круговерть.

Вероника окончила институт и вышла замуж за своего Антона. Вместе они уехали по направлению далеко от родных мест. Родилась дочь. В маленькой комнатке без удобств их любовь пыталась противостоять быту, который выявил все хорошее и плохое, сильное и слабое, что было в каждом. Доставалось обоим, но, оказывается, у нее было гораздо больше обязанностей, чем у него. Такая же работа инженера, но к этому еще очереди в магазинах, приготовление еды, стирка, уборка, часто болеющий ребенок, бессонные ночи. Без помощи мужа не обойтись. А он жил, как поется в песенке про Антошку: «Тили-тили, трали-вали, это мы не проходили, это нам не задавали!» В нем вдруг выявились эгоистические привычки мальчика, выращенного матерью и старшими сестрами, которые его обслуживали. Иногда, если она просила помочь ей, он исполнял ее просьбу, но словно бы нехотя, пошучивая: «И зачем я тогда женился?» Она напомнила ему о его главной цели в жизни — сделать ее счастливой. Он привычно захихикал: «А ты больше слушай, что мужики говорят! Это тебе не стишки почитать!» И она поняла, как глубоко он был уязвлен этим ее несходством с ним, ее друзьями, так непохожими на его друзей, ее постоянным,

личностным обгоняющим шагом. На дереве их любви стали постепенно, одна за другой, отсыхать живые ветви. И лет через шесть оно засохло совсем. И уже ничего, ни отдельная квартира с удобствами, ни карьерный рост обоих, ни живая почка – пятилетняя дочь, не могли заставить это деревце зазеленеть снова. Они расстались.

Вероника больше не выходила замуж. Бывали еще в ее жизни влюбленности и даже длительные, казалось, прочные отношения, но связать себя с кем-то браком она не решалась, каждый раз улавливая то или иное несходство, неравномерность шага, несовпадение. Она теперь уже понимала, каким должно быть совпадение с другим человеком. Так было в ее жизни лишь однажды — с Виталием, но она тогда не поверила знаку судьбы, дарившей ей шанс. Как, должно быть, ее ангел хранитель старался, хлопотал, устраивая эту невероятную по случайности встречу!

Изредка, только несколько раз за все годы, но именно в самые тяжелые моменты жизни, она видела Виталия во сне. Сон был одним и тем же. Лицо его было нечетким, да она и не помнила его лица, но она понимала, что это он и была невероятно счастлива. Они шли рядом, он держал ее за руку, а она ему говорила, чуть забегаая вперед и заглядывая в лицо: «Представляешь, мне приснилось, что мы с тобой тогда расстались и никогда больше не увиделись, ну не ерунда ли?» А он смеялся и говорил: «Какая глупость! Этого никак не могло быть!» Она кидалась ему на шею, они обнимались, и там, в этом сне, она чувствовала никогда не испытанное в реальной жизни острое счастье объятия и близости с женщиной. Просыпалась смущенной, взволнованной и несколько дней ходила под впечатлением сна. Потом все как-то отодвигалось, забывалось, да и зачем травить душу?

Бывало, что годами не вспоминала об этом случае своей молодости. Была работа, заботы, дом, свои планы, надежды и ошибки, потом планы, надежды и ошибки дочери, потом внучка подросла, и «все опять повторилось сначала». Только иногда, словно бы ни с того, ни с сего, Несбывшееся вдруг ударит в сердце болью воспоминания, как этот человек уходил

из ее жизни в снежную метель... навсегда. И она не окликнула его... Обычно это случается зимой. Когда идет снег...

Сиреневый туман

У Людмилы был хороший муж – все подруги завидовали. Этого показалось мало – глупая была, молодая. Захотелось, чтоб он был не просто хороший, а замечательный и чтобы еще больше завидовали. Она стала шлифовать этот алмаз, делать из него бриллиант. И перестаралась. Однажды муж сказал, что он устал — у него дома не жена, а прокурор, и хочет он выйти из зала суда. И вышел... к другой женщине. Наверное, та была больше похожа на адвоката. Так Людмили бриллиант нашел другую оправу.

Людмила запечатала сердце обидой, не впускала в него больше никого, хотя стучались... Весь свет в окне – сын. Как донор, она вливала свою жизнь в жизнь сына. Вместе с ним учила уроки, ходила в походы, воспитывала – доводила до совершенства. Самое большое желание было – чтоб это никогда не кончалось. Но время не остановишь. Сын окончил школу с медалью, уехал учиться в институт, на последнем курсе женился. Людмила ездила на свадьбу, увидела – невестка неплохая, но кое-что нужно поправить. Однако молодая дала понять, что это лишние хлопоты. Письма писала ласковые, называла мамой, подарки принимала и сама дарила, а к себе жить не звала. Людмила ездила в гости, нянчила внучку, слова лишнего боялась сказать – ходила как по тонкому льду и уезжала домой с облегчением.

И поняла Людмила, что осталась она одна. Подобрала как-то в подъезде плачущего щенка. Оказалась дворняжка, девочка. Но веселая, но умница! – только что не разговаривает. Назвала Жулькой. Выучила ее Людмила, выдрессировала, чему Жулька поддавалась с охотой и удовольствием. Придет Людмила с работы, а Жулька к ней кидается, прыгает, целует хозяйку, а в глазах так и светится: «люблю тебя, обожаю, умру за тебя!». Вот, значит, и у нее дома любовь и радость. И «хобби» развилось еще больше, по-русски – «бзик» – стирать

и убирать, как ненормальная, гонялась за каждой пылинкой.

А тут новая жизнь стала гайки закручивать – не продохнуть. Предприятие, где Людмила честно-благородно всю жизнь работала, забилось в конвульсиях, и ее сократили. И пенсии нет – не успела состариться. Рухнули последние иллюзии. И оказалось вдруг, что ее жизнь, никого, кроме нее, не интересует. Выживешь – твое счастье. Не выживешь – черт с тобой, так тому и быть. Людмила неведомо на кого обозлилась и решила назло всем выжить. Не зря же ее на работе звали «железная Люда».

Пригодилось «хобби». Дала она объявление в газету и стала брать белье в стирку. И так угодила первой хозяйке, что та рекомендовала ее своей подруге, та – еще кому-то, у Людмилы появились постоянные клиенты. Труд конечно тяжелый, но на кусок хлеба с маслом она себе зарабатывала, и кое-что еще оставалось. Как чуть лишнее заведется – Людмила бежит и покупает доллары. И – в чулок. Не в прямом, конечно, смысле, то в белье, в шифоньер, то в книжку какую спрячет, то в кухне где-то сунет. Иногда сама забудет, куда деньги дела, пока найдет – вся изведется. Казалось ей, что этими деньгами она стенку строит, чтобы отгородиться от беды. Хотелось бы и вообще от жизни, но такое она видела только в кино – живут себе на виллах, как при коммунизме. Правда, иногда тоже плачут.

Так накопила она целую тысячу зеленых. И тут она поняла, что деньги приносят беспокойство. Это только нищему нечего горевать, что деревня горит – взял котомку, да пошел в другую. А у нее целая тысяча! Сумасшедшие деньги! Тут соседей обворовали, вовсе Людмила покой потеряла. Решила деньги в банк положить, на депозит. Если не врет реклама, то следующим летом снимет она 110 баксов, как с куста и к сыну съездит. Считай, даром...

Заволновалась, как донести деньги, вдруг сумку вырвут. И решила злодеев обмануть. Положила деньги в кошелек, – старенький, кожаный, когда-то в Прибалтике купила, — сносу ему нет! – потом взяла полиэтиленовый пакет, затолкала туда свой шелковый костюм, чтоб пакет раздулся, а на дно

положила кошелек. На плечо сумочку – и вперед, вверх по горке, в этот самый форсистый банк. Увидят воры раздутый пакет, подумают, ноша хозяйственная, не стоит у тетки его вырывать. Вот такая была Людмила предусмотрительная.

Шла она легко так, уверенно, видно высоко нос задрала, сразу не поняла, что и случилось, а уж лежала на земле, колени, локти — в кровь, пакет отлетел в одну сторону, сумка в другую. Больно, не подняться никак. И тут чьи-то сильные руки ее подняли и на ноги поставили. Мужчина в голубой рубашке, больше Людмила ничего сквозь слезы не рассмотрела. Мужчина пакет и сумку поднял, ей вручил. Людмила засмушалась – спасибо, спасибо! – а когда тот отошел, открыто заплакала – так больно, так досадно. Посмотрела, обо что споткнулась – трубу не заметила. Потом слезы вытерла и пошла дальше. А на крыльце банка стала в пакете шарить, кошелек доставать, а его нет – кошелька-то...

Ноги у Людмилы задрожали, в пот бросило. Выбросила шелковый костюм, вытряхнула зачем-то пакет – нет кошелька! И сразу поняла – мужик этот участливый увидел кошелек и вытащил. Но все-таки побежала на то место, где споткнулась, осмотрела все, может, выронила. Нет кошелька, нет нигде, словно никогда и не было!...

Помчалась Людмила домой, как раненый зверь в нору, дверь за собой захлопнула, села на пол и завывала. Из стороны в сторону качается и воет. Не деньги у нее украли – год жизни, год тяжелого труда. Жулька к ней ластится, лицо облизывает, в унисон ей подвизгивает и подвывает – плачет вместе с хозяйкой. Что же это, значит, каждую минуту рядом с тобой негодяй и вор, и каждый норовит стащить, что плохо лежит! Ну, как жить, как на свете жить?! Да будь ты проклят, негодяй, да чтоб у тебя руки отсохли!.. Да пусть тебе мои слезы отольются, подлец ты этакий!

Потом слезы вытерла, душ приняла, раны йодом смазала, легла в постель. Даже температура поднялась. Таблетку приняла – заснула. Говорят, с бедой надо переспать.

Утром проснулась, вспомнила все, сердце, конечно, сжалось, да что же делать, надо жить дальше... Подставила под

фильтр бак, потекла водичка чистая, как ее слезы. Гору белья перегладила, заказчице отнесла, принесла пакет грязного. Отвлеклась. От любой беды лучше средство – работа.

А ближе к вечеру – звонок в дверь. Робкий такой, неуверенный...

* * *

Галине снились сапоги. Модные, из черной блестящей кожи, на высоком каблучке. Галина сунула внутрь руку, а там уютное гнездышко из теплого натурального меха. Руке стало горячо, и Галина проснулась. Кошка Маруся спала, навалившись на ее откинутую руку. В такую-то жару... Галина стряхнула Марусю, посмотрела на часы. Только полчаса вздремнула после работы, можно еще поспать пару часов перед сменой в ночном ларьке. Но заснуть больше не удалось. Ничего удивительного, что сапоги приснились, если она о них думает днем и ночью. Обещала дочери к зиме сапоги. Дочь, «студенточка, заря весенняя», училась в Москве. Окончила четвертый курс. Галина задыхалась, тянула воз одна. Замуж вышла рано. Пожила года два, разлюбила она мужа. Сказала тихо – «уходи». Уговаривал, плакал, умолял. Нет - и все. Так и расстались, хорошо, детей не было. А потом оказалось плохо, что не было. Не удавалась жизнь. А уже под тридцать влюбилась и родила себе девочку. Без претензий к отцу. Спасибо и за любовь, и за дочь.

Как жизнь перевернулась, стали зарплату задерживать, и Галина подрабатывала, где только можно. Вот сейчас договорилась через ночь дежурить в ларьке. Дочка на каникулы не приехала, устроилась где-то на лето поработать. Обносила девчонка. Галина твердо пообещала ей сапоги. Зарплату обещали в следующем месяце дать, обязательно она наметит сто долларов. Женщина знакомая через неделю едет в Москву, можно бы деньги дочке передать, летом ведь сапоги дешевле. Да где ж их сейчас взять, эти сто долларов...

Нет, не уснуть... Жарища... Лучше сбегает она на море, да выкупается, благо недалеко, площадь перейти, да под горку.

Она летела, как на крыльях, сейчас бросится в море, взбо-

дрится, можно и ночь пересидеть. А потом уж на основную работу... Хоть бы выдержать... Галина даже и не сообразила сразу, что случилось, а уж оказалась на земле, колени и локти в кровь, ладони свезла, да еще и пропахала дорожку вниз. Так было больно, досадно, обидно, слезы из глаз брызнули, глаза прикрыла, а когда открыла – увидела под кустом, в канавке прикрытый каким-то грязным куском картонки кошелек. Она опасливо протянула руку – не шутит ли кто с привязанным кошельком. Нет, кошелек не отскочил. Взяла его в руку, повертела – такой же, как был у нее, дочке отдала, сносу ему нет, когда-то в Прибалтике купила... Встала, отряхнулась, увидела трубу ... вот, значит, обо что споткнулась, а ведь сто раз здесь ходила, даже не замечала ее. Открыла она кошелек – и как обожглась! – там пачка долларов. Подумала растерянно, что же делать-то, потерял кто-то такие деньги! Галина постояла минут двадцать, подождала, может, кто вернется. Но никто не шел по дорожке, никто не искал, да и кошелек этот увидеть можно было, если только уткнуться в него носом, что Галина и сделала.

Дома она открыла кошелек снова, пересчитала деньги. В кошельке лежали не только дочкины сапоги, но и дубленка, сумочка, костюмчик и ее, Галины, поездка к дочке, в Москву... Она проверила все отделения, нашла еще бумажку в 200 тенге и все... Больше ничего не было. Никаких признаков владельца. Подарок судьбы... Галина сунула кошелек в ящик, побежала в ларек. Ночь прошла спокойно, но прикорнуть не удалось, сон не шел. И радости никакой не было, словно кто-то жестокий взял ее сердце в кулак и сжимал, сжимал, не давал передохнуть. Тоска... Она вдруг остро почувствовала усталость, одиночество, безнадежность – такую ношу она тащит, что под тяжестью ее чуть, было, не сломалась, не присвоила чужие деньги. Но «чуть» в жизни не считается. «Чуть» только Бог видит, и он простит... Найдет она эту раззяву, обязательно найдет, даст объявление в газету, надо сообразить как, чтоб хозяйка кошелька поняла... И сразу стало Галине легче, и сердце отпустило... Сдав смену, побежала на автобус и домой вернулась только к вечеру.

Еще раз просмотрела кошелек, и только потому, что у нее был такой же, вспомнила про маленький потайной кармашек. Ох, уж эти прибалты! Открыла его, а там старенькая мятая квитанция о подписке на газету. И фамилия, и адрес...

Дом, указанный в адресе, стоял возле самой дороги и смотрел на море. Галина тихонько постучала, потом позвонила. Дверь открыла женщина. Лицо ее показалось знакомым...

— Вы к кому? – спросила женщина.

— Это вы, Комарова Л.Н.?

— Я. А что нужно?

— Поговорить...

Людмила посмотрела недоверчиво. Ходят всякие... Но, пожалуй, ничего страшного – тоненькая грустная женщина. Лицо усталое. На аферистку не похожа. Она пропустила Галину в прихожую, закрыла дверь.

— Слушаю вас.

— Вы что-нибудь теряли?

У Людмилы глаза налились слезами.

— Кошелек у меня украли...

— Я его нашла. Там была квитанция на газету. С адресом...

— Выбросил, значит, сволоочь, кошелек...

— А что там было? – спросила Галина.

— Деньги. Тысяча зеленых. Все, что у меня было.

— Не помните, какими купюрами?

При этом вопросе Людмила насторожилась, сердце забилось.

— Еще бы мне не помнить... Три сотни, десять полтинников, шесть двадцаток и восемь десятков. И еще двести тенге. Говорила, а голос дрожал, боялась надеяться на невозможное.

— Я его нашла... с деньгами. Вот... - протянула Галина кошелек и улыбнулась.

— Проходите, - почему-то шепотом сказала Людмила и заплакала.

Они прошли в комнату, и Людмила заметалась: - Садитесь... Господи... что ж это я... Как вас зовут? Как же это? Не может быть!

Потом они подробно рассказывали, что с каждой случилось, сравнивали разбитые коленки, смеялись.

— А я смотрю, кошелек знакомый, у меня такой же был. В Прибалтике купила, когда ездила поездом по турпутевке, лет двадцать назад. Значит, он из пакета выскользнул и юркнул под картонку. Это даже, если целиться, ни за что не попадешь!...

— Так я тоже ездила поездом в Прибалтику, может в одно время?...

Людмила вытащила пачку фотографий. Точно! Вместе ездили.

— Вот я стою – показала Галина.

— А вот я, еще с мужем...

Они вдруг перешли на ты, вспоминали поездку. Хохотали...

— Послушай! – встрепенулась Людмила, я тебе подарок сделаю, сама купишь, что захочешь. Вот, возьми сто долларов...

— Нет. В займы возьму, очень нужно, а отдам через месяц-полтора. Ты знаешь – я точно отдам.

— Отдашь, отдашь, – засмеялась Людмила, заранее решив, что не возьмет обратно.

— Тогда беру, – сказала Галина, твердо зная, что деньги вернет. Не зря ей сапоги снились...

Вдруг Людмила притихла.

— Ты что? – спросила Галина.

Мужика этого я проклинала, а ведь человек ни в чем не виноват. Хоть бы мои проклятия не сбылись.

— Бог все видит, – утешила ее Галина, — не допустит...

— Это дело обмыть надо... У меня бутылка водки есть, для медицинских целей. И селедочка, и колбаска, еще чего-нибудь найдем. Сейчас картошку поставлю варить и успеем сбегать окунуться. Жара-то какая!

Они вышли на берег, и Жулька носилась вокруг, как безумная, лезла за ними в воду. Что описывать блаженство вечернего купания после жаркого летнего дня? Кто это испытал – тот знает. А кто не знает – тому не дано понять. Просто растворяешься в воде, словно тебя и нет. Вода смывает с тела и души всю грязь, приставшую за день. И ничего не надо. Только и говоришь: «Господи, спасибо за жизнь». И выходишь из моря, как заново родился.

Они выбрались на берег, вытирались. Тут оказалось, Жулька куда-то исчезла, они звали ее. Жулька примчалась с кавалером, черным пудельком. За пудельком бежал мужчина, кричал: «Ральф, Ральф!». Ральф не мог оторваться от гордой, независимой Жульки. Прости, хозяин...

Загорелый мужчина с яркими голубыми глазами и шапкой густых с проседью волос внимательно посмотрел на Людмилу, потом на ее коленки, поколебался и спросил:

— Извините, это вы вчера упали на дорожке?..

Людмила вспыхнула и залилась краской. Так вот он какой – тот, кого она проклинала. Ну и чудеса! Сказала тихо:

— Да, это я...

— С вами все в порядке? – как говорят в американских фильмах, — улыбнулся он.

— Да, — сказала она, — а с вами?

— Как сказать... С тех пор, как полтора года назад мы с Ральфом остались без хозяйки, у нас в жизни порядка нет. Сказал и сам удивился, зачем сказал посторонним людям. Как толкнул кто.

И Людмилу вдруг что-то толкнуло.

— Пойдемте к нам ужинать. Мы с подругой приглашаем составить компанию. У нас хороший повод. Правда, Галя? Вот дом – рядом. Никогда еще Людмила не приглашала в гости мужчину. Уж очень она была виновата перед этим человеком.

— С удовольствием, - явно обрадовался он. Сейчас переоденусь и приду. Вот мой дом – недалеко, — махнул он рукой.

— Только быстро. У нас картошка варится.

Он пришел действительно очень быстро. С коробкой конфет и бутылкой шампанского.

Накрыли стол на лоджии, налили бокалы, чокнулись – за знакомство. Закружило голову чуть хмельной радостью. Говорили что-то сумбурное, смешное. Смотрели, как опускалось солнце в море, как погас день.

— Да, — сказал гость, — видно, что вы давнишние подруги, понимаете друг друга с полуслова. Как сестры...

— Мы только сегодня познакомились, часа четыре назад...

— Не может быть! Как это случилось?!

Людмила опять покраснела.

— Я когда-нибудь потом расскажу...

Слово вырвалось случайно. Хорошее слово. Все чувствовали, что оно будет – «потом».

Они сидели – три осколка прошлой жизни, каждый от своего разбитого горшка. Может, еще что-нибудь склеится?.. Может, дружба, а может и любовь. А может и то, и другое. Сидели тихо, словно прислушивались к чему-то, словно струна какая-то звенела. И этого нельзя было объяснить, только запеть. И Людмила запела негромко, словно рассказывала.

Сиреневый туман над нами проплывает,

Над тамбуром горит полночная звезда.

Галина подхватила, вторила. Два голоса кружились друг возле друга, то сплетались, то расходились...

Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,

Что с девушкой я прощаюсь навсегда.

Город и море накрыло темно-синим куполом, как общей судьбой. А Тот, кто рассыпает звезды по небу и случайности по земле, усмехнулся – кажется, в этот раз неплохо получилось. Надо же давать иногда людям передышку...

Очерки

Хороша страна Швейцария...

Неужели это явь?! И неужели это я... я?! – сижу в кресле самолета и лечу в таинственную за границу – за грань возможного в невозможное, недостижимое, что, порой, сомневались, да точно ли она существует, эта самая «за граница»? И самая важная граница, которую мне нужно преодолеть, не та, где строгий человек проверяет мои документы, а та, что у меня внутри, она выстраивалась годами: слово на слово, как кирпич на кирпич, – там, внутри у меня «берлинская стена» из невежества, недоверия, предубеждения...

Рядом со мной сидят два молодых парня – иностранца. Я заметила их еще в Шереметьево, они отличались от наших пассажиров какой-то свободной, раскованной пластикой, отсутствием интереса к валютному магазину и к обстановке аэропорта, одеждой... особенно один – в потертых джинсах, кроссовках и яркой куртке, состоящей как бы из разных цветастых заплат, с копной черных вьющихся непокорных волос. Он заткнул уши наушниками и чуть притоптывал ногой в такт ему одному слышимой музыке кассеты.

– Ну и охламон! – подумала я.

И, надо же, меня попросили поменяться местами, и я сажусь рядом, локоть к локтю с этим охламоном. Но парень говорит что-то вежливое, помогает застегнуть ремень. Весь полет он, прикрыв глаза, слушает музыку.

Я разглядываю пассажиров. Вот компания старшеклассников с двумя молоденькими учительницами.

– Куда летим? – спросила я одну девочку.

– В Париж на весенние каникулы, – небрежно ответила она, – по обмену. Сначала они к нам, теперь мы к ним...

Подумать только! В Париж! О, племя, младое, незнакомое! Пусть будет у вас все лучше, чем у нас...

А вот два явно наших джентльмена вытащили бутылку коньяка и потихоньку выпивают, беседуя все громче и громче...

Я прикрываю глаза и думаю о своем. Через три часа самолет приземлится в точке земного шара, которая называется Женева. И таким счастливым образом разрешатся мои давнишние сомнения по поводу того, что моя двоюродная сестра вышла замуж за американца, начиная от тревоги за нее: «завезет и бросит», до неуютного чувства – «родственники за границей».

И еще опасаясь чего-то вроде кессонной болезни: по уровню жизни мы на восьмидесятом месте в мире, а я лечу в страну, которая на первом. Не слишком ли резкий переход? И еще я немножко робею. Я незнакома с мужем сестры. Американец... Ни разу не видела ни одного американца. Переводчик в ООН... Они познакомились в Москве, где он проходил стажировку. Любовь... Разлука... Четыре года писем. Четыре года телефонных звонков. Четыре года преодоления всевозможных препятствий... Все-таки они поженились. Осенью восемьдесят четвертого года сестра с дочерью от первого брака улетели в Нью-Йорк. В августе я приезжала в Москву, чтобы проститься с ней навсегда. Отношения с США – хуже некуда... Кто бы мог подумать...

Зажигается табло «пристегнуть ремни». Голос стюардессы: «Наш самолет через двадцать минут совершит посадку в аэропорту города Женевы. Температура в Женеве плюс восемнадцать градусов». Весна...

Мои соседи радостно журчат по-французски, вытягивая шеи, смотрят в окно, смеются. Словно, приглашая порадоваться вместе, охламон, улыбаясь, взглядывает на меня. И я неожиданно замечаю, что его большие красивые глаза полны непролитых слез... Вот тебе раз! Где он был? Что он видел? Как долго он отсутствовал, что так рванулась его душа навстречу родине?..

Ослепительно сияют на солнце стекла здания аэропорта, которое рядом с самолетом – рукой подать. Вместе с пас-

сажирами выхожу из самолета... по дорожке... в дверь... на эскалаторе вниз, по бегущей дорожке едем вперед, и вперед, приехали в какой-то зал, а там уже крутится, ожидая меня, мой чемодан, вперед... шлеп-шлеп – штамп пограничника... дальше, дальше... Вера! Нисколько не изменилась за семь лет, пожалуй, стала еще красивее. Обнимаемся с сестрой. Рядом молодой мужчина... интеллигентное лицо... Добрые близорукие глаза за стеклами очков... Бородка... Жмем руки. Здравствуйте, Джон! Какое приятное лицо...

Сели в автомобиль шоколадного цвета, поехали. Я вылетела из мартовской, холодной, неприглядной Москвы, а сейчас мне кажется, что я попала в яркую цветную открытку: яркая зелень лужаек, аккуратно подстриженные нежно-салатные кусты расцвечены золотисто-желтыми волнами свободно падающих цветущих ветвей неведомого растения. Всюду клумбы, цветники... узнаю анютины глазки, горензии... других не знаю. Розовые, бежевые, кремовые дома, одно-и двухэтажные, чистенькие, ухоженные, с темно-рыжими черепичными крышами... Откуда-то мне знакомы эти пряничные, сказочные домики. Да! Конечно, из иллюстраций к сказкам Шарля Перро и братьев Grimm. Кажется, сейчас, из этого домика выйдет Красная Шапочка, а из того окошка выглядывают Гензель и Гретель... А вот оголенные, еще без листьев деревья, с толстыми кульями обрезанных ветвей... кажется, это платаны. Едем мимо зеленых лужаек, замшелых, старинных каменных заборов, за которыми готовятся цвести сады, мимо виноградника, огибаем островок розовых трехэтажных коттеджей, въезжаем в гараж с десятком других машин... Приехали!

– Это уже Женева? – спрашиваю я?

– Нет, мы живем в деревне, в пригороде, – сказал Джон и спросил: – А Шевченко большой город?

– Сто восемьдесят тысяч, кажется...

– Как Женева... – заметил Джон.

И эта фраза, как бы уравнивая два города, открыла мой внутренний горестный счет: «а у них» – «а у нас».

Открываем сияющие стеклянные двери, входим в подъезд. Лестница покрыта пушистым бежевым паласом, возле лестницы картина – красивый пейзаж... на площадках по две темно-красных двери, возле каждой по две кнопки. И начались мои бесконечные вопросы! Бедные, бедные мои, терпеливые родственники...

– Одна кнопка – звонок, а для чего вторая?

– Если выходишь в темноте, включается свет на три минуты.

– А кто убирает подъезд?

– Консьерж. Он чистит пылесосом палас, моет его шампунем, вытирает перила, стекла.

– А если он заболит?

– Тогда контора пришлет другого. Владелец дома оплачивает уборку за счет нашей платы.

– А если все консьержи заболеют?

– Тогда жильцы выйдут и уберут сами. Швейцарцы терпеть не могут грязи...

– А почему у кота, что нам встретился возле дома, ошейник с колокольчиком?

– Чтобы не потерялся. Ошейник может быть специальный, от блох, кроме того, там написан адрес хозяев.

– А если он все-таки потеряется?

– Бездомных кошек и собак нет. Их сдают в специальные приюты. Все имеют право жить на земле.

Никогда-никогда я не расскажу им, что у нас платили сантехникам за уничтожение подвальных кошек.

Открываем дверь на втором этаже, заходим в квартиру.

– Вот твоя комната, – улыбается Вера.

На столе, в хрустальной вазе, семь крупных розовых тюльпанов. Меня здесь ждали. Спасибо, родные!

После размещения вещей тороплюсь осмотреть квартиру. Совсем непохоже на то, к чему я привыкла.

– Это американская планировка, – поясняет сестра.

Представьте себе большое квадратное помещение, площа-

дью примерно восемьдесят квадратных метров. В середине помещения расположена кухня, к ней примыкают туалет и душевая. Этот блок делит помещение на неравные части: прихожую, гостиную, столовую и коридор вдоль хозблока. Кухня с широким прилавком-баром открыта в сторону столовой. Из прихожей вход в три другие комнаты: для гостей, в кабинет Джона и в спальню с отдельным туалетом и ванной.

И, осмотревшись, я понимаю, что такое настоящий комфорт. Комфорт – это когда много пространства, наполненного светом и воздухом, и ничего лишнего. Все только самое необходимое, чтобы жить: есть, спать, читать, писать, смотреть телевизор, – ничего напояказ, – никаких стенок, ковров, хрусталей, сервизов. Светлые стены (не гладкие, а словно бы набросан мелко и равномерно, крупинками, раствор, и все это покрыто матовой белой краской), высокие потолки, плетеные легкие абажуры, на стенах эстампы, гравюры. В гостиной камин, цветы. Мягкое велюровое покрытие светло-болотного цвета глушит шаги. Огромная лоджия, с выгороженным вдоль нее пространством с землей для цветов.

– А теперь едем в Женеву обедать, – объявляет Вера.

Минут через двадцать мы уже в городе. Кружим и кружим по городу, ищем место для парковки. Ну, наконец-то! Ставим машину и идем в ресторан. Я кручу головой с риском вывихнуть шею. Витрины, витрины, реклама... вот россыпь часов всех форм и размеров, обувь, вот на черном бархате сверкает бижутерия, вот с плеч манекенов струятся меха. А уж краски, цвета! Вот синее спорит с красным и соглашается с желтым, вот зеленое обнимается с серым, а розовое поддакивает голубому. И все вместе кричит, уговаривает, убеждает: посмотри сюда, выбери меня, зайди, купи, я – самое лучшее, я – то, о чем ты мечтаешь всю свою жизнь! Вот это напор!

На стеклянной двери ресторана нарисована клубника.

– Сегодня у них клубничный день, – поясняет Вера.

Мимо столов, уставленных корзиночками с клубникой, проходим вглубь, выбираем столик под деревцем цветущей

яблоньки, увитой цветными лампочками, и только хорошо всмотревшись, я догадываюсь, что деревце искусственное. Мягкий полумрак. Посетителей не так много, но достаточно. Вокруг легкий, как шум волны, говор. Недалеко от нас обедает семья с двумя маленькими детьми. Дети сидят чинно, не капризничают. Мне решают заказать что-нибудь особенное. А мне все особенное. Заказывают креветки. Остро, вкусно. Пиво «Кардинал» гасит жажду. Оказывается, еще где-то бьют пивные источники... Официант-араб обслуживает четко, элегантно. Джон расплачивается по кредитной карточке. Мне объясняют, что это такое, – это кредит, который тебе дает банк. Верю на слово, что это удобно.

Туалет ресторана ошеломляет благоуханием, сверканием зеркал, кафеля и мрамора. Наверное, стыдно мне удивляться, но я изумляюсь и радуюсь, как ребенок или дикарь, что вода сама льется от приближения рук к крану, а жидкое мыло стекает в ладонь из специального флакона. Тут же рекламная витрина: на черном бархате, за стеклом, подсвеченные огнями – женские туфли. Понравится – купите в ближайшем магазине.

Я рассматриваю туфли. Очень красивые, модельные, разных фасонов и цветов. И рядом цена. Всматриваюсь, не верю своим глазам: 240-260 франков за пару. Не может быть!

– Почему так дорого?! – вырывается у меня. У нас такие туфли по государственной цене – 60 – 70 рублей!

Хрупкая мечта купить и привезти с собой «всем сестрам по серьгам» рассыпается, ударившись о стекло витрины.

– Товар стоит столько, сколько за него могут заплатить, – назидательно говорит сестра, – а Швейцария – страна миллионеров...

– Зато Россия – родина слонов, – горько вспоминаю я известный анекдот.

– А потом, – продолжает сестра, – у вас же все, вместо ног стоит на голове. Ты думаешь, что семьдесят рублей – это цена туфель? Это то, что назначает государство, учитывая вашу зарплату. А сколько за партию обуви заплатили неф-

тью, и как это пересчитывали – покрыто тайной. Считай, что государство вам доплачивает за туфли.

– Да, мы у Родины в вечном долгу. И кто ближе к дефициту – тот, значит, и в большем долгу...

После ресторана едем в магазин купить продукты. Я к этому готова. Я читала. Мне рассказывали...

К этому нельзя быть готовой. Как говорил песик Фафик, видеть колбасу, нюхать колбасу и есть колбасу – три разные вещи.

Я давно уже знаю только два сорта колбасы: можно есть и невозможно есть...

Увиденное ошеломляет: колбасы, колбасины, колбасищи, колбасены, колбаски, колбасочки, колбасульки, колбасята и колбасятки... еще и еще... красные, розовые, вишневые, с жиром и без, вареные и копченые, кругами и поленьями, целиком и нарезанные на тончайшие ломтики, упакованные в целлофан, с отпечатанной датой употребления.

Скрывая дребезжание голоса, говорю сестре:

– Я хотела бы попробовать швейцарский сыр...

– Какой именно?

– Ну, швейцарский... Я пробовала его еще при Хрущеве. Молодая была, а помню, как сейчас.

– Большинство сыров здесь швейцарские. Пошли.

В отделе нас обволакивает мягкое лунное сияние – вот они, сыры: круглые, как жернова, прямоугольные, как кирпичи, влажно, матово мерцающие на срезах. И крохотные, в коробочках. В дырах, дырочках и без оных, с бархатной прозеленью плесени для гурманов. Выбираем парочку сортов на пробу.

– Возьмем форельку на ужин? – советуется Вера с мужем. Он кивает головой.

Рыбный отдел... на покрытом битым льдом прилавке лежит свежая рыба. Вера показывает пальчиком: эту, эту... пять рыбок.

Продавец берет облюбованные рыбки, отходит вглубь отдела к раковине, что-то включает, жж... жж... жж, – один мо-

мент, и рыбка почищена, выпотрошена, помыта, завернута в пакетик.

– Мерси боку, мадам!

Усилием воли закрываю непроизвольно открывшийся рот. Не поленившись, считаю сорта рыб на прилавке – их двадцать четыре! Мне казалось, что нигде на земле уже нет еды, что реки обезрыбели, скот не плодится, земля не родит. Оказывается, все есть...

В овощном отделе все, как у нас в разгаре лета, и даже более того. Виноград из ЮАР и сливы из Чили доканывают меня окончательно.

– Земля для того и разделена на разные пояса, чтобы овощи и фрукты были круглый год, – отвечает сестра на мой немой вопрос. А я думала – для того, чтобы мучать детей географией...

– Да! – спохватывается Вера, – еду для кошки!

В отделе магазина для домашних животных несколько сортов консервов для кошек и собак, игрушки – искусственные мышки для кошек и кошачьи головы для собак, корм для разных видов птиц и рыбок, ароматизированный песок для кошек, мясной фарш для собак. А вот специальный, высотой метра полтора, столбик, обвитый пеньковой веревкой. У столбика несколько консолей – бархатных лежанок. Глядя на него, хочется выгнуть спину, поточить когти о пеньку, вспрыгнуть на столбик и, помурлыкивая, задремать на бархатной лежанке. Недурно родиться швейцарской кошкой!

Доверху наполненная тележка продуктов, вин, напитков обходится около двухсот франков. Я понимаю, что пересчитывать на рубли бесполезно. Это другое измерение жизни, иная мера вещей...

– Ну, как? – спрашивает сестра по дороге домой.

– Развра-а-т... – вздыхаю я.

– Ну да, – смеется Вера, – сестру увидела не заплакала, а возле колбаски слезу пустила.

* * *

Так началось мое пребывание к Женеве. Так я и мечтала. Чтобы никаких экскурсоводов, никаких гостиниц: жить в квартире, в которой живет семья, выйти на улицу и затеряться в людском потоке, увидеть эту жизнь изнутри, самой, каплей раствориться в чужой реке.

Утром я просыпаюсь от однообразного, мягкого ненавязчивого звука колокола деревенской церкви, который напоминает, что Бог дал мне новый, очень интересный день, что мне нужно так много увидеть, узнать, понять. Я встаю и поднимаю жалюзи. За окном взгорок, покрытый сиреневым ковром цветущего вереска, сосна и две березки. Консьерж, худощавый мужчина средних лет, в рабочем комбинезоне выискивает в траве сухие листочки, веточки, метет асфальтовую дорожку и грузит сор на легкую тележку.

Сестра стучит в дверь, входит с бокалом апельсинового сока и поет:

– Нас утро встречает прохладой...

Радостью встречает меня утро. Мне хочется рассмотреть все в квартире подробно. Конечно, прежде всего меня интересует кухня. Кажется, кто-то умный и добрый придумал удобные, красивые приспособления, чтобы хозяйке легче и быстрее было на ней управляться. Из крана над раковиной вытаскивается шланг, которым можно обмыть всю раковину. На защитных резиновых перчатках рифленые насечки, чтобы предметы не выскальзывали из рук, загруженная посудомоечная машина, побряхтывая, урча и вздыхая, делает свое дело – моет, ополаскивает и сушит посуду, раструб вытяжки над электрической плитой заглатывает испарения, всасывает в серебристую трубу и выносит прочь, через фильтры на улицу. Уютно шелкает, отключаясь, тостер, выдавая аппетитно хрустящий поджаренный хлебец. Ведро для мусора, такое же, как у нас, с педалью, но – пустячок! – от подвешенного рулона коричневого полиэтилена отрывается прямоугольник, который оказывается мешком с завязочками. Мешок вставляется в ведро, потом, заполненный, завязывается и выносится

вниз, в подвал, в мусоросборник. Это сухое чистое помещение с контейнером, в который жильцы складывают мешочки с мусором. Через боковую дверь заполненные контейнеры меняют на пустые – ни запаха, ни мух, ни тараканов...

В подвале же, в специальном помещении стоит стиральная машина с восемью программами и сушильный шкаф. На стене график – когда кто из жильцов стирает. Нужно прийти в свое время, загрузить барабан бельем, насыпать порошок и нажать выбранную кнопку. И можно идти заниматься другими делами. Через определенное время прийти, вынуть прополосканное, отжатое белье и развесить в сушильном шкафу. И опять уйти. А уж потом глядят его, как у нас, утюгом или гладильной машиной.

В квартире много комнатных цветов. Прежде я никогда не видела столько цветов, как здесь. Цветы везде – в квартирах, на балконах, на террасах, в вестибюлях, в палисадниках, на клумбах, в грунте, в кадках, в глиняных бочонках, в горшках, в вазах – разных сортов, форм, расцветок – это просто какой-то цветочный психоз!

В ванной комнате на полочках красивые флаконы с шампунями, баночки с кремами, какие-то палочки, щеточки – и это все для женской красоты.

– Очень трудно найти то, что подходит именно тебе, для твоих волос и кожи, – жалуется сестра.

Я не скрываю улыбки. Нам гораздо легче. Что есть, то и подходит. Пощупав мои волосы и поразмыслив, Вера приносит бежевый флакон с шампунем. Я вымыла голову. Никогда еще у меня не было таких пышных блестящих волос!

За завтраком, оглядывая меня, сестра сказала:

– А ты ничего себе, но неплохо бы сбросить килограммчика три. Хочешь, вместе сядем на диету? У меня есть чудная диета, неделя – и трех килограмм как не бывало.

– Нет, – сказала я твердо, вспомнив, какими деликатесами, какими закусками и винами набит холодильник, – ни за что!

И я бесстыдно жую, лопаю, трескаю – молочу одним словом, стараясь попробовать все: йогурт со свежими ягодами

– малиной, клубникой, черникой, ежевикой; сочные сосиски, сыры и колбасы, французские булочки, длиной в полметра, семгу и форель, телятину, свинину и ягнятину, запеченные на гриле, грейпфрукты, бананы, ананасы и диковинные фрукты, называемые киви и авокадо. И настоящий американец Джон делает мне настоящие американские сэндвичи и печет из специальной смеси гречневой, рисовой и пшеничной муки американские блины с кленовым сиропом.

Но каждый раз, приступая к очередному акту чревоугодия, я чувствую болевой удар в то место около сердца, где вроде бы помещается душа и гнездится совесть, и мысленно говорю: «Простите меня, простите, мои внуки, мои дети, мои друзья, мои знакомые и незнакомые люди! Простите меня за то, что я ем это, а вы нет. Это совсем недолго. Я скоро вернусь, и у меня будет все так же, как у вас».

Но и не хлебом же единым... И я все спрашиваю:

– Вера, вот у нас все говорили, что воспитали нового человека, homo советикус, а попросту говоря, совков. Скажи, чем отличаются люди Запада от нас? Что тебя поразило в них, когда ты приехала сюда?

Сестра отвечает сразу, не раздумывая:

– Здесь никто не спорит друг с другом. Они уважают право каждого человека на свое собственное мнение. Если ты по нашей советской привычке начнешь спорить, горячиться, тебе могут вежливо покивать головой и, погасив спор, остаться при своем мнении. У вас же, если человек думает иначе хотя бы о книге или о фильме, – он уже тебе неприятен. Я уж не говорю об официальной идеологии, не признающей никакого инакомыслия. Уважение к личности другого человека – наверное, так это можно назвать. Ну, а в мелочах... они не терпят панибратства, фамильярности – их доброжелательность совсем другое. Они не любят, когда без их желания их берут за руку, полуобнимают, хлопают по плечу...

– Культурный человек и не делает этого.

– Так это культурный. Ну, а в быту... каждый день муж-

чины меняют белье и рубашку. Душ они обычно принимают утром.

– А женщины? Чем они отличаются от наших?

– Я бы сказала, они знают себе цену. Они работают, они независимы, они знают свои права. Обрати внимание, как они ходят, смотрят, разговаривают – свободные, раскрепощенные. Нет у них на лице этого нашего выражения озабоченности, агрессивности или виноватости.

Ты вот тут сказала глупость, что ты уже старая. Западная женщина такого никогда не скажет. Здесь женщина – всегда женщина, независимо от возраста, комплименты принимают, как должное, не стесняются, как наши – «ах, что вы, – что вы, нет-нет, куда уж мне».

– Им легче, – говорю я, – у них нет таких проблем с бытом...

– Да, конечно. Что еще? Да, взрослые дети не живут с родителями. Примерно в восемнадцать лет они начинают жить самостоятельно. Работают, учатся, снимают комнату...

Дочь Веры, Катя, уже живет отдельно, работает в солидной фирме секретарем-референтом, со знанием трех языков: русского, английского, французского. На пасхальный «длинный» уик-энд Катя уезжает с друзьями в Венецию. И слово «Венеция» трогает во мне какую-то волшебную и неожиданно болезненную струну. Оказывается, очень хочется в Венецию...

* * *

Почти каждый день мы приезжаем с Верой в центр Женевы, ходим по улицам, по магазинам. Я жалею, что у меня только два глаза и одна голова, ведь я должна все увидеть, все запомнить, обо всем рассказать друзьям. А впечатления так разнообразны, так красочны, пестры. Обычные для них вещи для меня в диковинку.

Нигде не поставить машину просто так, даром, да и место для парковки найти трудно. Вот мы въезжаем в паркинг. На въезде автомат выдает карточку – тикет с отмеченным временем въезда. Места все нет, и мы поднимаемся по спира-

ли с этажа на этаж, и только на седьмом находим свободное место. Нигде ни души, только нескончаемые ряды машин. Оставив машину, спускаемся на лифте вниз. Когда мы вернемся, тиккет вставляется в автомат и на табло загораются цифры – сумма оплаты за стоянку. В прорезь опускаются монеты, и автомат отпечатывает на карточке время выезда. На выезде тиккет вставляется в другой автомат, который поднимает шлагбаум. И нигде никаких людей.

А на улицах, прямо на тротуарах, рядом с кафе установлены столики. Люди пьют кофе, разговаривают, улыбаются, греясь на весеннем солнышке.

Посреди улиц, разделяя проезжую часть надвое, красуются старинные фонтаны в нарядном уборе из живых цветов.

На зеленых лужайках мраморные скульптуры. Среди них и авангардистские «Непонятно Что», и классические божественные линии обнаженного тела.

Возле магазинов выставлены на распродажу уцененные вещи, подходи, выбирай и иди в магазин платить. А стеклянные двери магазинов распахиваются перед нами гостеприимно и бесшумно. И я каждый раз немножко пугаюсь и чувствую себя неловко.

В детском трехэтажном магазине без эскалатора два ряда перил: для взрослых и, пониже, – для малышей.

А вот декоративный циферблат из цветов. Батюшки! Да ведь часы идут!

А вот какие-то щиты с розовым кружком и бликом, и что-то написано.

– Это что, наглядная агитация? – спрашиваю я.

– Ты угадала, – смеется сестра. – Это реклама презервативов. И написано: «Эта маленькая предосторожность спасет вас от большой неприятности».

И всюду улыбки, журчит французская речь: «бонжю-ю-р, мадам, мерси боку, мадам».

На улицах много шустро снующих инвалидных колясок. Понимаю, это только кажется, что их много, потому что они

имеют возможность ездить по улице. Инвалиды не заключены в четырех стенах. Они работают, специальные автобусы возят их на работу и домой.

И я удивляюсь – так много машин, а воздух такой чистый!

– Это такой очищенный бензин, – говорит Вера.

И я удивляюсь, так много людей, и хоть бы кто бумажку бросил!

– Это не принято, это не приходит в голову, – говорит Вера.

И вдруг взгляд мой, потеряв вещественную опору, окунается в голубизну – Женевское озеро!

Так вот оно какое! Как драгоценный серо-голубой хризопраз, оно вставлено в гранитную оправу набережной с причалами, у которых дремлют катера и яхты. На легких волнах покачиваются белоснежные лебеди. И тут я чувствую, что мой город берет маленький реванш: в Каспийском море и синь погуще, и лебедей покучнее...

Зато у меня не находится контраргументов против Большого Фонтана. В двухстах метрах от берега высоко в небо бьет мощный водяной столб. Высота его сто тридцать метров! В верхней трети столба, там, где ослабевает мощный посыл энергии, он рассыпается веером на мельчайшие брызги и светится на солнце, как сверкающее хрустальное перо. И я с изумлением размышляю, какой же мощности должен быть насос, и сколько тратится электроэнергии... И для чего? А для чего вообще людям нужны эти зеленые лужайки, эти бесконечные цветы, эти сверкающие фонтаны?.. А для радости, для чего же еще... И, может быть, Большой Фонтан именно то место, где нам наглядно дается понять, что город Женева держит хвост морковкой!

Я представила такой фонтан где-нибудь возле пирсов или напротив лестницы в четвертом микрорайоне... Возможно ли, чтобы и наш город мог позволить себе когда-нибудь такую роскошь? И мы тоже, наконец, пойдем, что жизнь – единственная, что каждый день – праздник, а если бросать где попало автобусные билеты, окурки, бумажки, хамить и

выслушивать хамство, то ведь об этом можно и не догадаться, да так и прожить, волоча дни, как цепи...

Эта чистота, эта вылизанность прянично-сказочного города меня подавляют.

– Слушай, – жалобно спрашиваю я сестру, – что у вас и на стенах никогда не пишут?

– Пишут, – смеется она, – я тебе покажу.

Надпись встречается через несколько дней в паркинге. В темном уголке аккуратно выведены краской несколько слов. Ага! И тут бывает Вася! И что же он написал на языке международного общения? Сестра переводит. Мы обе смеемся. Он написал то, о чем пишут в подростковом возрасте Васи всех времен и народов. Жизнь есть жизнь...

* * *

Джон показывает мне Старый Город – бережно сохраненное Пространство Прошлого, органически, ненавязчиво вписавшегося в Настоящее – в старинных домах живут люди. Там внутри у них современные удобства, но внешне все, как несколько веков назад. Мы идем по старинной мощеной мостовой, и рядом с нами неслышно дышит История.

Вот школа, где проповедовал Кальвин, – массивные суровые стены. К ней пристроено современное здание, но оно не нарушает архитектурного стиля, общего настроения постройки. Здесь и сейчас школа.

Вот арсенал со старинными пушками и ядрами, ратуша. Где-то здесь сожгли Сервета, казнили противников Реформации.

Но какие счастливые швейцарцы! Как давно они пережили свое Средневековье...

На месте подземной церкви римских христиан с сохранившейся выдолбленной в ракушечнике трогательной купелью взметнулся своими шпилями устремленный к небу собор святого Петра, и внутри его готические строгие своды похожи на вздетые над головой руки с сомкнутыми ладоня-

ми. А с его башни, на которую мы не поленились взобраться по узкой, вдвоем не разойтись, крутой лестнице, так что на поворотах установлена сигнализация – две лампочки – зеленая и красная (зеленая – можно идти, красная – подождите на площадке – вам идут навстречу), открывается вид на Женевское озеро, на Большой Фонтан и на старинные, в ржаво-оранжевой чешуе черепицы, островерхие гребни крыш.

А недалеко – православная церковь с золотыми веселыми луковками куполов. Она выстроена сравнительно недавно – в девятнадцатом веке для русских, которые лечились и отдыхали в Швейцарии. Замечаю на двери ее объявление по-русски: «Принимаю заказы на куличи и пасхи», и буква «з» написана, как латинская. И еще объявление, призывающее помочь детскому дому в Москве, просьба собрать одежду и обувь. Звонить по телефону мадам... И имя французское.

Мы решаем возвращаться, подходим к машине. И тут Джон делает то, что я видела только в заграничных фильмах. Он открывает мне дверцу машины, усаживает меня, закрывает дверь, затем обходит машину и садится на место водителя. И я понимаю, что делает он это абсолютно бессознательно, по привычке...

Вечером, за ужином, я рассказываю сестре свои впечатления и не забываю объявления о сборе вещей для детского дома. И она говорит:

– Да, люди собирают помощь для российских детей, кто выделяет комнату в квартире, туда сносят одежду, обувь, консервы, все это упаковывают, отсылают. А знаешь, как это называется? Ленинская комната...

У меня перехватывает дыхание, как от удара. Я не ожидала, что мне будет так больно.

Вера переключает программы телевизора. Реклама... фильм... новости... и вдруг меня словно обжигает: митинг в Москве, море людское на площади бьется о щиты спецназа, и, взглянув на меня, Джон говорит:

– У вас интересная страна. В Швейцарии уже неинтересно, здесь все уже случилось и состоялось.

Да, в социальном плане у нас все еще не закончились геологические катаклизмы, у нас все еще идут землетрясения, горообразование, цунами и извержения вулканов... Но как хочется уже ощутить под ногами твердь.

Тишина и спокойствие вечерних улиц вызывает у меня вопрос:

– А у вас здесь бывает воровство, хулиганство?

– Да, – говорит Джон, – недавно писали в газетах... К одной пожилой одинокой женщине пришел мужчина, представился служащим электрической компании, проверил оборудование. А после его ухода старушка обнаружила пропажу драгоценностей. Но вор не успел взять все, схватил, что лежало сверху. Старушка вызвала полицию. Полицейский пришел очень быстро, выслушал потерпевшую, осмотрел место происшествия, составил протокол. А после его ухода, старушка обнаружила, что пропали и оставшиеся драгоценности. Оказалось, это были два сообщника.

Я засмеялась. Джон искренне удивился:

– Что тут смешного?

Наверное, американцы не воспринимают черного юмора. Я подавила улыбку и согласилась, что это грустная история. И бросила на чашу весов свое:

– А у моего сына среди белого дня на центральной улице сняли с рук перчатки...

И невидимые весы поколебались-поколебались в недоумении и все-таки опустили чашу с последними перчатками, которых негде купить, пониже... Своя рубашка, то бишь, перчатка, ближе к телу...

– В Америке это тоже может случиться. Да, – честно признал Джон, – дряни везде хватает.

* * *

Волны чужого житейского моря выносят к порогу квартиры приметы незнакомого бытия. В серебристый почтовый ящик каждый день бросают рекламные проспекты на чудной глянцевой бумаге с великолепными цветными иллюстрация-

ми – фотографиями товаров. Купите! Купите, не пожалеете! – вызывают они. За определенное количество товаров, купленное в нашем магазине, вас ждет награда – что-то подарят бесплатно. В ящик бросают яркие пакетики с конфетами – попробуйте! Это вкусно! Приходите и купите у нас такие конфеты. А вот цветная открытка: маленький негритенок гонит стадо могучих буйволов. Сестра читает открытку, улыбается. Это ее приятельница проводит свой отпуск в Кении. Там сейчас сезон. Пишет, что не очень довольна: во время отлива вода в океане уходит далеко от берега...

– Знаешь, – говорит сестра, – она немка, бежала из ГДР, и по ней стреляли. Ее мать не знала о ней несколько лет...

И я смотрю на эту открытку, как на листочек с удивительного дерева чужой Судьбы...

А однажды вынимаем из почтового ящика большой плоский конверт. В развернутом виде это оказывается плотным бумажным мешком, на нем символический знак, такой частый на дорогах, телефонных будках, специальных кабинках туалетов, – силуэт человека в инвалидной коляске. И надпись с просьбой собрать ненужную в семье одежду и выставить мешок на дороге. Специальная машина подберет его. Не всем одинаково хорошо в прекрасной стране. Но слабый просит о помощи, а сильный слышит и помогает ему.

Специальные магазины для бедных называются «Каритас» – «Милосердие». Люди приносят сюда вещи, которые считают возможным отдать бедным: одежду, обувь, белье, игрушки... В магазине бесплатно работают аккуратные интеллигентные пожилые женщины. Они разбирают, оценивают, раскладывают, развешивают вещи. Здесь все гораздо дешевле, но почти все бывшее в употреблении. Деньги от продажи идут на благотворительные цели. Однажды я видела на ручке двери мешок с вещами. Магазин еще не открылся, и дверь была заперта. Придут продавцы, заберут мешок. Кто повесил? Не имеет значения... Богу угодна милостыня, творимая втайне...

А в больших красивых магазинах мягко, ненавязчиво звучит успокаивающая музыка. Это чтобы люди были спокойны. А чего им волноваться? Все есть. И помада, и духи. А также ленты, кружево, ботинки... что угодно для души? И даже более того. Хотите посмешить гостей? Купите вот эту штуку вроде сигары. Если ее поджечь, то на столе вдруг начнет расти толстая змея из пепла. Писк, визг – весело, правда?

А вот на пластмассовой тарелочке под целлофаном аккуратное колечко... ну, скажем так... экскрементов. Муляж, конечно. Если вы исчерпали свои интеллектуальные возможности, но так и не привлекли внимание соседки, можно подложить колечко ей в тарелку... Мило, да? Впрочем, я не видела, чтобы это кто-то покупал. Но раз продается, значит, кому-то требуется...

Дети томятся в магазине? Оставьте их в детском уголке – здесь игрушки, качели, машинки.

А вот там аптека... А вот кафе, хотите кофе, сок?

Так как денег у меня практически нет, я хожу, как в музее, смотрю спокойно и бескорыстно. Разве можно мечтать приобрести рыцарские латы? Точно так же и это манто, и эти туфли, и сумка, и купальник – для меня только музейные экспонаты...

А что это в центральном зале? Празднично накрытый огромный стол: закуски, бутерброды, бутылки, бокалы... Элегантный месье произносит эмоциональную речь.

– Это один из департаментов Франции приглашает всех приехать к ним на отдых, – объясняет Вера.

В киосках раздают рекламные проспекты: пейзажи, фотографии достопримечательностей, фирменных блюд. Публика прибывает, прислушивается к речи. Повара в белоснежных куртках и колпаках, официанты в фирменных рубашках и галстуках ждут только знака...

Наконец, месье заканчивает речь и красноречивым жестом, понятным без перевода, приглашает всех к столу. Мадам и месье, случайные покупатели, аплодируют и обступают

ют этот длинный аппетитный стол. Мадам из города Шевченко с сестрой очень удачно стоят совсем близко к торцу стола. Официант разливает шампанское. Краем глаза я захватываю наклейку... Клико... Да это же знаменитая «Вдова Клико!» Как это у Пушкина? «Его волшебная струя рождала глупостей немало». Попробуем... посмотрим...

Глоток за глотком мое существо наполняется блаженством. Какое чудо это вино! Как шампанское из Нового Света в Крыму... Остались ли там знаменитые виноградники?.. Я отгоняю грустные мысли. Какие вкусные жареные орешки, какие хрустящие чипсы, какая острая, горячая, крохотная, в ладонь, пицца... Официант приглашающе-вопросительно показывает бутылку. Я отрицательно качаю головой.

– Пей, – смеется Вера, – на халяву-то... – Но мне так хорошо, так счастливо, праздничным хороводом кружатся возле меня люди, столы, люстры, что, боюсь, после второго бокала и я закружусь в вальсе вокруг стола. И Пушкин, как всегда, окажется прав! Убедили они меня. Поехала бы я отдыхать в этот департамент.

* * *

Начало апреля... Весеннее вино все набирает и набирает хмель. Сириевой цветочной дымкой окутываются персиковые деревья, в белоснежные платья одеваются вишни, а неведомые мне деревья покрываются сплошь крупными восковыми розовыми цветами, похожими на речные кувшинки. Крохотные низенькие ромашки вышивают причудливый узор на зеленом велюре газонов. А на огороженных деревенских лужайках пасутся кудрявые белые библейские ягната...

Мы уезжаем с сестрой в другие города, названия которых отзываются эхом некогда прочитанных книг: Нион, Невшатель, Веве, Лозанна, Монтре... Серо-серебряная нить скоростного шоссе собирает их, как драгоценные бусы, в ожерелье, украшающее побережье озера.

И все они в моих воспоминаниях сливаются в одно сияю-

щее ощущение радости и удивления. Вот бережно сохраненные остатки мраморных колонн римского храма, и, рядом, на стене, – его стереоскопическое изображение... так вот он какой был! А вот строящееся здание, упакованное в кокон полиэтилена, чтобы стройка не запылила город. Каменный крест у дороги с букетом живых цветов в совершенно безлюдном месте – кто-то не поленился его сюда положить. Высокие противозумные ограждения отсекают шоссе от придорожных поселков – в них чистота и тишина. Вот будочка автоматического радара с поляроидом. Если вы превысили скорость, он сфотографирует вашу машину сзади, и скоро вы получите письмо с фотографией и суммой штрафа.

Наш шоколадный «Вольво» скользит по шоссе, как сыр по маслу, – ни толчка, ни содрогания – а вокруг такая красота! Все, что ни сделает природа, – все прекрасно! И люди не испортили этот дар Божий, приумножили, как могли. И поставили дом именно в той ложбине, в складке горы, где он просится по законам гармонии, и вознесли неприступный замок именно там, где положено ему горделиво красоваться. Навстречу нам летят машины самых разнообразных марок, форм, окрасок с номерами всех стран мира. А вот машина с прицепом, откуда выглядывают две лошадки – едут на отдых с верховой ездой. И опять Вера кивает, вон из Калифорнии... из Италии... из Болгарии, надо же... А вон из Бельгии.

– Знаешь, – говорит Вера, – над бельгийцами в Европе немного посмеиваются, рассказывают анекдоты. Бельгиец ложится спать и ставит на тумбочку два стакана: один с водой, а один пустой. Его спрашивают: «Зачем два стакана, и почему один пустой?» – «Полный, – говорит он, – это, если я захочу ночью пить, а пустой – если не захочу».

Мене становится так смешно, так радостно, что неожиданно я запеваю:

Когда простым и нежным взором
Ласкаешь ты меня, мой друг,

Необычайным цветным узором
Земля и небо вспыхивают вдруг...

Сестра подхватывает, и песня тридцатых годов мчит через Швейцарию со скоростью ста двадцати километров в час. И земля, и небо, точно, сияют вокруг необычным цветным узором. Слева – зеленые, прогретые на весеннем солнце крутые бока гор, справа – серо-голубое озеро в жемчужной дымке тумана, сквозь который мягко, как на проявляющейся фотографии, медленно проступают нечеткие контуры альпийских вершин. И где-то там, однажды с улицы Женевы увиденная мной вынырнувшая из тумана вершина – Монблан! – сверкающий снежный венец Европы.

Возле знаменитого Шильонского замка, если смотреть только на него, можно вообразить, как звенят рыцарские доспехи, чадят смоляные факелы, ржут кони, и его башни кажутся сумрачными, зловещими. Здесь томился шильонский узник семь лет, как сказали бы им, без права переписки. У каждого века свои масштабы злодейства...

Но если оглянуться и посмотреть вверх, влево – из старины мгновенно переносишься в современность: на мощных, но таких изящных, стометровых опорах эстакады подвешена лента скоростного шоссе, по которой мчатся автомобили... И, словно угадав мои мысли, сестра говорит:

– Знаешь, когда я попала на Запад, я впервые так остро почувствовала, что я живу в двадцатом веке и что до меня тоже жили люди.

Я поняла ее. Настоящее уверенно прорастает в Будущее только тогда, когда оно опирается на Прошлое, это у нас «прервалась связь времен».

А вечером, засыпая, перебирая в памяти впечатления дня, я думаю, что Швейцария ухожена и украшена, как квартира, в которой всегда готовы принять гостей. Или можно сравнить ее с красивой женщиной, которая дорожит своей красотой, всегда нарядна, причесана, доброжелательна, улыбчива и в прекрасном настроении. И никто не видит тех трудов, что требу-

ются для поддержания праздничного порядка в квартире или подвига женщины, которая всегда выглядит превосходно.

И все это сделали люди. И у них, так же, как у нас, – две руки, две ноги и одна голова...

* * *

– У нас завтра гости, – объявила Вера.

– Кто? – немножко заробела я.

– Это наши добрые знакомые, швейцарцы русского происхождения, – и задумалась, – чем бы их угостить... этаким?

– Давай, я приготовлю русский обед?

– Что именно?

– Борщ и котлеты... что же еще!

– Борщ?! Это интересно... – засмеялась сестра, – ты же южанка, давай борщ!

На следующий день мы тщательно выбираем в магазине мясо. И было из чего выбирать! Ах, какую мы выбрали грудиночку, какую мозговую косточку! И на котлеты готовый фарш из телятины со свининкой. И конечно, капуста свежая и квашеная, и морковочка и свекла, и болгарский перец, и зелень – укроп и петрушка, в коробочке под целлофаном.

Как я тряслась! Как я старалась! Как я колдовала и ворожила на этой кухне! У одной и той же хозяйки каждый раз борщ бывает чуть другого вкуса, а тут и кастрюля и сковорода не мои, не пристрелянные, и электрическая плита непривычная – то никак не разогреется, то никак не убавить нагрев. Ну, ничего... справилась. Вера готовит закуски, салаты. За работой рассказывает мне коротко историю каждого.

Иван Ильич – архитектор, сын донского казака, белоэмигранта. Его отец после гражданской войны оказался в Польше, женился на русской. В тридцать девятом году местность, где они жили, отошла к советской стороне. Вскоре отца арестовали, увели: больше он никогда отца не видел. Мать с двумя детьми отправили в ссылку, в Павлодар. Там они прожили войну. После войны им разрешили вернуться

в Польшу. Иван Ильич уехал во Францию, учился на архитектора, женился на швейцарке. У них четверо детей. Три мальчика и приемная девочка, как они говорят, адаптированная, негритянка. Ее, сироту, взяли в семью в память о младшей – умершей, родной дочери. Потом случилось так, что они разошлись. Иван Ильич больше не женился. Детей они воспитывали вместе. Сейчас дети выросли, а девочка вышла замуж и подарила Ивану Ильичу чернокожего внука. Дед его очень любит и гордится его развитием.

Я хлопаю глазами.

– Как же, девочка ведь знала, что она им неродная?..

– Ну и что? – говорит Вера. – На Западе это принято. Какая разница, родной или нет, главное, помочь ребенку.

Друг Ивана Ильича, Борис Андреевич, – сын русского дворянина. Его отец вместе с молодой женой оказался в Швейцарии еще до революции. Здесь у них родился сын. Молодая жена очень переживала по поводу событий в России, судьбы родственников и оставленного имения. В девятнадцатом году решила поехать домой, что-то узнать о своих родителях. И как в воду канула. Через несколько лет ее муж женился вторично на сербке. Борис Андреевич – сын от этого второго брака. Его дети уже настоящие швейцарцы. Жена Бориса Андреевича, приятельница Веры, сейчас лечится в кантональном госпитале...

Гости приходят точно к назначенному сроку, знакомятся, с интересом на меня поглядывают. И я смотрю во все глаза.

Борис Андреевич, преподаватель французского языка, мужчина лет шестидесяти, элегантный, улыбчивый, с лицом русского интеллигента. По-русски говорит немного напряженно, с акцентом.

Иван Ильич с окладистой седой бородой, с длинными пышными серебристыми волосами, собранными в пучок на затылке. По-русски говорит свободно.

Борис Андреевич рассказывает, как четверть века назад ездил туристом в Ленинград. Город ему очень понравился.

Борису Андреевичу очень хотелось бы найти каких-то своих родственников в России. В последний день пребывания ему пришла в голову идея. Он открыл телефонный справочник, нашел адрес своего однофамильца и уже из Швейцарии написал по адресу письмо. Рассказал о себе и спрашивал, не родственники ли они. Ответ пришел через двадцать лет. Однофамилец подробно написал, кто он и откуда родом его семья. Оказалось, нет, не родственники.

– Тогда я удивился, – говорит Борис Андреевич, – и спросил его, почему он так долго молчал, ведь прошло двадцать лет!

Однофамилец ответил, извиняясь, мол, не мог раньше ответить... такое было время...

Борис Андреевич смеется, разводит руками. Не понять ему, какое было время...

Иван Ильич вспоминает Павлодар добром. Детство всегда прекрасно!

Они расспрашивают меня о городе Шевченко, рассматривают открытки. Потом почти одновременно спрашивают:

– А церковь у вас есть?

– Пока нет, – отвечаю я, – но скоро будет.

Тем временем Вера подает борщ. Я замираю. Все молча едят. Тарелки опустошаются быстро.

– Еще тарелочку? – спрашивает Вера.

От дружного: «Да, пожалуйста» – перевожу дух. Любо смотреть, как уписывают борщ швейцарцы русского происхождения. У американца Джона тоже трещит за ушами. И котлеты идут на «бис».

Разговор переходит на события в нашей стране. Гости хорошо о них осведомлены и все происходящее принимают близко к сердцу. Да, они швейцарцы. Но, вероятно, как ветка яблони, привитая на грушу, приживается, прекрасно себя чувствует, но приносит плоды, которые все-таки по вкусу яблоки... Так и эти два благополучных швейцарца – все-таки русские, и душа их болит за Родину, и желают они ей добра и благоденствия. И все спрашивают:

- Ну что, действительно у вас перемены.
– Действительно.
– Ну а есть какой-нибудь результат, ну хоть какой-нибудь?
– спрашивают с надеждой. – Ну что изменилось?
– Да вот результат, перед вами. То, что я могла поехать в гости в Женеву.

И они кивают головами, улыбаются. Да, прекрасный результат. И я думаю так же.

Заговорили о приближающемся празднике Пасхи, и о том, что надо пойти ко всеобщей. И о Боге. И о пути к Богу. О муках, которые перенес Христос. Иван Ильич говорит:

– Вы помните, как разбойник, распятый на кресте рядом с Христом, упрекнул его, что он не может спасти себя и их, а обещал царствие небесное. А Христос сказал: «Уже нынче ты будешь там вместе со мной». Голос Ивана Ильича дрожит. Я замечаю в его глазах слезы... И думаю, как удивительно, вот сидят пятеро взрослых людей и говорят не о работе, не анекдоты рассказывают, не гадают о том, где что купить и на какие шиши. Мы сидим и говорим о Боге... Невероятно... Со мной еще такого не было.

* * *

Мадам Шопар и месье Роше... Эти имена я слышала от сестры довольно часто. Так случилось, что наша питерская племянница, пережившая в младенчестве столь частое у нас – пупочный сепсис, и лечение стрептомицином, – осталась с детства слабослышащей. Живя на Западе, Вера взяла ее под свое крыло. Девушка подолгу живет в Женеве, ей подобрали слуховой аппарат. Из-за племянницы Вера вошла в контакт с международным обществом инвалидов и слабосильных.

Слабосильных опекают сильные. Вера познакомилась с людьми из благотворительного – общества и стала активно помогать им.

Общество взяло опеку над слабослышащими детьми Ленинграда, покупает, подбирает им слуховые аппараты.

Через две недели по приглашению общества из Ленинграда приезжают трое родителей. Здесь, в Женеве, готовятся к встрече: разрабатывается программа пребывания гостей. Мадам Шопар и месье Роше – в стремнине событий. Вера звонит по телефону то им самим, то, разговаривая с кем-то, ссылается на них. И завтра они должны прийти к нам в гости.

– Слушай, – говорит сестра, – давай опять борщ? Им будет интересно попробовать.

– Давай! – соглашаюсь я, окрыленная предыдущим успехом.

Прерывая наш веселый завтрак, звонит телефон. Вера берет трубку и ее горестное «ах!» заставляет нас с Джоном тревожно замолкнуть.

– Что случилось?! – спрашиваем в один голос.

– Звонила родственница мадам Шопар... Она не может прийти. У мадам Шопар умер внук... Двадцать лет... Боже мой...

– Что с ним случилось?

– Воспаление легких...

– Как? – изумилась я. – Здесь! На западе?! С вашей медициной, аппаратурой, с вашими лекарствами молодой человек умирает от воспаления легких?!

– Да... – тихо говорит Вера, – он не переносил никаких лекарств. Мадам Шопар в отчаянии. Ей семьдесят шесть лет. Она сетует, почему не она умерла... Зачем Бог взял внука раньше нее.

Некоторое время сидим в тишине и молчании. Что тут скажешь, нет слов...

– Нужно выразить ей соболезнование, – говорит Вера.

– Да-да, обязательно, – соглашается Джон.

И на стол ложится специальная открытка в черно-белых тонах: темные силуэты деревьев проступают сквозь предвечерний туман, заполняющий долину. Печаль... печаль... Джон пишет на обороте несколько фраз по-французски. Мадам

Шопар поймет, что ее друзья разделяют с ней ее горе.

И я опять поражаюсь тому, что все предусмотрено, и не приходится посылать соболезнование в веселеньком конверте с цветочками... И еще поражаюсь воспитанности. Даже в горе и отчаянии мадам Шопар не забыла дать знать, что она не сможет прийти. Нельзя создавать неудобства для других людей...

За хлопотами и приготовлениями Вера рассказывает о месье Роше. Месье Роше сейчас семьдесят лет, он с детства неизлечимо болен. Случается так, что организм не усваивает фосфор, и кости становятся хрупкими, часто ломаются, кроме того, как следствие болезни, его постигла глухота... Однако, несмотря на свои переломы, гипс, боли, глухоту, он учился, работал в банке. Своей семьи у него не было. Сейчас он живет один, получает пенсию и старается по мере сил помочь тем, кто в этом нуждается. Месье Роше владеет несколькими языками. Самостоятельно выучил русский язык.

В назначенный час Вера заезжает за месье Роше на машине, и в квартире появляется маленький сухонький человек с огромными металлическими костылями. На высоком с запысинами лбу свежая ссадина.

– Луис нечаянно упал у себя в квартире, – объясняет Вера.

Спокойный, полный достоинства взгляд удерживает готовую разлиться во мне жалость.

Знакомимся, улыбаемся, усаживаемся в гостиной. Замечаю за ухом гостя полумесяц слухового аппарата, на груди, под рубашкой, угадывается, зуммерит какая-то коробочка.

Сначала разговор не очень клеится. Немножко о погоде. Потом о горе, постигшем мадам Шопар. Месье Роше спрашивает, какой европейский язык я знаю... Я вспоминаю свое стыдливое «немецкий со словарем». В реальной же жизни вполне могу спросить: «Где тут вассер через мост?» И я робко говорю:

– Дойч... зер шлехт...

Луис достает немецкую газету, что-то ищет, передает мне,

указывая на одну заметку. Я читаю, очень волнуюсь, стараюсь вникнуть в смысл. Джон приходит на помощь... В Москве, в своей квартире убит православный священник... Поднимаю глаза. Месье Роше смотрит на меня печально и испытующе, потом переворачивает лист. Еще заметка с фотографиями. С первых строк понимаю – это о гуманитарной помощи. Немцы раздают подарки в одном из детских домов Москвы. И опять острый, испытующий взгляд моего собеседника. И тут я чувствую, что за моей спиной вся моя страна, и я ответ должна держать перед этим человеком, как я могла позволить, чтобы в моей стране убивали моих священников, и в чужой помощи нуждались мои сироты... И я виновато опускаю голову. Молчу. Потом поднимаю глаза и говорю то, что давно уже лежит на сердце:

– Мне очень стыдно и больно...

Глаза месье Роше мгновенно теплеют. Он ласково и печально улыбается, кивает головой, словно этого ответа он от меня и ждал...

Вера зовет к столу, где в тарелках уже дымится борщ. Месье Роше осторожно пробует, затем сильнее еще раз и говорит удивленно-удовлетворенно: – О!

– Это Тамара сварила русский борщ, – представляет сестра. Месье Роше улыбается, кивает головой и ест с явным удовольствием.

И становится как-то свободно, раскованно. За обедом Вера и месье Роше уточняют детали встречи делегации. И я понимаю, что это маленькое рабочее совещание благотворительного общества, ведь нужно предусмотреть все случайности, устранить все досадные мелочи, возможные нестыковки.

Потом мы рассматриваем виды Шевченко. И месье Роше спрашивает:

– А церковь у вас есть?

Должно быть, они не представляют, что в городе нет церкви... Наверное, у них сознание первично... и, как показала история, они оказались правы...

Месье Роше расспрашивает меня о городе, о моей семье, и взгляд его, внимательный и напряженный, чуть смущает. И, почувствовав это, месье Роше говорит своим однотонным голосом человека, который сам себя не слышит:

– Простите меня, что я так пристально смотрю на вас... Во-первых, вы – красивая женщина, а во-вторых, я читаю по губам.

Все засмеялись, и я засмеялась тоже и подумала: «О, месье Луис Роше! Никогда еще со мной так не бывало, чтобы так, сразу, с одного комплимента, без промаха, в самое сердце... И навсегда!»

Мне так хочется попросить его о чем-то, но я все не решаюсь. Мой давнишний добрый друг, женщина, стала глухнуть, и я, отправляясь в страну, где молочные реки нежатся в кисельных берегах, легкомысленно пообещала ей купить слуховой аппарат. Я знаю, как он ей нужен, ведь эта сложная-сложная жизнь раскладывается на простые и, оказывается, такие важные составляющие: видеть, слышать, обонять, осязать..., то есть жить, а значит, радоваться даже тогда, когда ты думаешь, что ты ничему не рад. И стоит утратить что-нибудь из этих ощущений, как тотчас начинаешь это понимать.

Когда я рассказала об этом сестре, она грустно покачала головой:

– Слуховой аппарат стоит очень дорого... у меня нет такой возможности.

И сейчас, понимая мое замешательство, сестра приходит мне на помощь:

– Луис, Тамара хотела помочь своей знакомой, привезти ей слуховой аппарат.

Он понимающе кивает головой и говорит:

– Нужна аудиограмма...

– У меня есть, – говорю я поспешно.

– Нужно снять копию, – говорит Вера.

– Момент, – говорит Джон.

Он берет у меня из рук листочек, уходит в свой кабинет. Через минуту он возвращается – в руках у него две копии.

«Развра-а-т», – вздыхаю я про себя.

Месье Роше берет аудиограмму, смотрит и констатирует с некоторой грустью:

– О, это еще не так плохо...

И я не смею взглянуть на коробочку у него на груди. Почему судьба бывает так безжалостна?.. Месье Роше прячет в карман листочек с аудиограммой и говорит:

– Попытаемся что-нибудь придумать... – И глаза его вспыхивают радостью, словно возможность помочь незнакомому человеку придает ему новые силы. И сухонький пожилой человек уже не кажется беспомощным: от него исходит ошутимое силовое поле ума, доброты, великодушия и достоинства – качеств, которые составляют ядро его Личности.

Расставаясь, по швейцарскому обычаю троекратно касаемся друг друга щеками, и этот обычай кажется мне приятным...

* * *

Вера набирает номер телефона, минуту слушает, потом, смеясь, объявляет:

– У Маргарет родился сын!

Я посвящена в ожидаемое событие. Друзья Веры и Джона – Маргарет и Дэвид ждали ребенка. Что называется «вот-вот». Уже известно, что будет мальчик и что назначено ему родиться седьмого апреля. Но он родился на два дня раньше.

«Ага, – думаю я с удовлетворением, – и у них ошибаются...»

– Ты говорила с Дэвидом?

– Нет, это автоответчик. Сначала зазвучала детская песенка, а потом голос Дэвида объявил о сыне. Нужно съездить в родильный дом, поздравить Маргарет.

И мы поехали.

– Сначала за цветами, – сказала Вера.

– Цветы в родильный дом не принимают, – сказала я со знанием дела.

Вера странно на меня посмотрела, а я на нее.

Маргарет и Дэвид – переводчики, коллеги Джона, она – англичанка, а он шотландец. Живут вместе тринадцать лет. Первые три года они не оформляли брак, проверяли себя и друг друга. У них не было ни поддержки родителей – на Западе это не принято, ни состояния – ничего, кроме собственной головы и рук. Должно быть, это не так мало. Жили бедно. Учились. Иногда на обед у них был только один пакет супа на двоих. Потом работали в юго-восточной Азии, в тяжелом, влажном, жарком климате. Пять лет назад они вернулись в Европу, работают в Женеве, а живут во Франции в собственном доме с садом и ждут не дождутся своего малыша.

По дороге я опять терзаю сестру вопросами:

– А родовой отпуск ей оплачивается?

– Оплачивается. Два месяца до родов и два – после.

– А потом? Кто будет нянчить малыша?

– Нанимают няню. Нашли по объявлению. Девушка – шведка – будет заниматься с малышом днем, а вечером будет учиться. Конечно, не сразу, пока они с Маргарет наладят свой ритм. Маргарет и Дэвид хотят купить третью машину для няни, чтобы той было удобнее и быстрее ездить в магазины и на учебу...

– А потом?

– Там видно будет. Малыш подрастет, и его можно будет отдать в ясли или в садик. Но это тоже стоит дорого. Обычно матери приводят детей не на весь день, на несколько часов. Поэтому матери стараются работать неполный рабочий день.

Машина свернула в тихий переулок, затем еще проехали вглубь квартала – и вот он, трехэтажный, с розовыми стенами, с большими промытыми окнами, дом. Перед входом – подстриженный зеленый газон, цветники, а чуть поодаль – это сумасшедшее дерево с розовыми восковыми цветами.

Мы поднимаемся по мраморной лестнице на первый этаж. В вестибюле цветы в кадках, удобные кожаные светло-

зеленые диваны. Улыбающаяся красивая девушка сообщает номер комнаты и этаж.

И мы идем. Да, мы идем – вот прямо так, как есть, в плащах, в уличной обуви, с цветами в руках в палату к Маргарет. Мы проходим светлыми коридорами, поднимаемся на лифте. Темно-розовые стены, светло-коричневый шлифованный блестящий каменный пол создают ощущение тепла и уюта.

– Смотри... – говорит Вера.

И мы останавливаемся у стеклянной двери. За ней медсестра наблюдает, как молодая мать ухаживает за ребенком. Обе они в голубых, сверкающих чистотой халатиках. Причем, у матери он одет поверх своего и завязан сзади. Волосы аккуратно собраны в пучок, но нет ни косынки, ни шапочки.

Ребенок в голубом трикотажном комбинезончике – ползунке. На поясничке штанишки открепляются, оголяются ножки и попка. Мать аккуратно снимает испачканный одноразовый подгузник и выбрасывает его. Затем берет салфетки и вытирает ребенку тельце. Салфетки пропитаны и дезинфицирующим раствором, и смазкой. Затем мать берет новый, треугольный, весь какой-то на вид мягкий, свежий подгузник, оборачивает его вокруг бедер и ножек (как у нас) и надевает на ножки ползунки. Малыш молчит и таращится на светлое окно...

А мы идем дальше по коридору, находим нужный номер, открываем дверь. Нас встречают веселые возгласы. В комнате еще посетители, муж, жена, двое детей – трех и пяти лет. Они собираются уходить. Нам навстречу идет светло-русая улыбающаяся женщина. Это Маргарет. Она в вишневом велюровом халате, в удобных тапочках. Волосы собраны на затылке, но голова непокрыта. Вера обнимается с ней, Джон жмет руку, а я не смею коснуться роженицы: мне кажется, я вся обвешена микробами, я боюсь ей повредить.

В уютной комнате – цветы, два кожаных кресла для посетителей. Высоко на стене экран телевизора. Комната на двоих. Лежащая на другой кровати женщина, улыбаясь, за-

дергивает плотную занавеску, отсекая свое пространство от общей комнаты. Рядом с каждой кроватью телефон, кнопки вызова персонала. Высота изголовья кровати регулируется по желанию.

В комнате находится муж Маргарет, Дэвид. Он в обычных брюках, в рубашке, и ему я крепко жму руку безо всяких опасений. Вера спрашивает Маргарет о самочувствии.

– Спасибо, неплохо, – говорит Маргарет.

Выясняется в разговоре, что роды принимал врач-гинеколог, который наблюдал Маргарет все пять лет, что она живет здесь. Он приехал в родильный дом почти одновременно с Маргарет.

– Как он узнал? – спрашиваю я.

На меня смотрят чуть удивленно.

– У него есть это... бип-бип!

– Радиотелефон, – понимаю я. Значит, где бы он ни был, его вызовут в любое время суток.

– Сколько человек было при родах?

– О, много! Кажется, четыре или пять... врач, акушерка, врач-педиатр, медсестра... Дэвид... еще кто-то...

– Дэвид?!

– Да. Муж присутствовал при родах.

– Помогал! – смеется счастливый отец и спохватывается: – Сейчас привезу малыша!

Мы выходим за ним и идем в конец коридора. Дэвид заходит в комнату. Через стеклянную дверь я вижу несколько кроваток. Оказывается, они на колесиках. Дэвид вывозит кроватку в коридор. Боковые стенки кроватки из прозрачного оргстекла, сквозь которые виден спящий младенец в голубом комбинезончике с непокрытой головкой.

Дети гостей расплющивают любопытные носы о перегородку. Самый маленький что-то сказал по-французски, и все засмеялись. Джон переводит для меня. Малыш сказал: «Он похож на клоуна». Пожалуй... красное, трогательное и смешное личико. Дэвид шутливо хмурится и говорит по-русски:

– Не знаю насчет клоуна, но странно... странно. Мы с Маргарет русые, а ребенок рыжеватый блондин. – И делая страшные глаза, восклицает: – А! У нас почтальон блондин. Кажется, он похож на нашего почтальона!

– Ну что ты, – говорит Маргарет, – у почтальона борода.

– Да... – нарочито серьезно рассматривает малыша Дэвид, – бороды у него, кажется, нет. Значит, почтальон ни при чем!

И опять все смеются.

Мы прощаемся, спускаемся вниз.

– А здесь кафе, – говорит Вера.

Мы заходим в маленькое уютное кафе: соки, шампанское, кофе, легкие закуски. Можно тут же отметить с друзьями рождение ребенка.

На обратном пути я опять задаю вопросы:

– Это платный роддом?

– Да, платный. Но большая часть суммы выплачивается из медицинской страховки.

– Что такое медицинская страховка?

– Это сумма денег, которая вычитается ежемесячно из заработка. Всем застрахованным из нее платят за медицинские услуги. И больнице выгодно – чем больше больных, тем больше зарплата.

– А если денег не хватает?

– Так это же и есть страховка. Болеешь ты, или не болеешь, все равно платишь. Медицинские услуги очень дорогие.

Этой ночью я долго не могла уснуть. Почему-то именно родильный дом поразил меня больше всего. Я старалась определить то ощущение, которое почувствовала, войдя в здание. Как назвать эту атмосферу, эту ауру, которой веяло от улыбки девушки в вестибюле, от розовых стен, от тишины, доброжелательности, полного отсутствия суеты, напряженности – никакого искривления психологического поля в этом доме. Только покой и радость. Так и должно быть у истока жизни. Покой и радость должны встречать нового человека.

И даже то, что новорожденного не пеленают, не ограничивают его движений, – это дает ему первый, внедряющийся в досознание, в подсознание сигнал – ты свободен!

Сколько уж спорят о том, что влияет на формирование личности – его природная предрасположенность или воспитание, условия жизни? Когда гомо сапиенс крушит и ломает скамейки в парке, бьет светильники, гадит в кабине лифта, завязывает узлом лестничные перила, потрошит мягкие кресла в автобусе – какая разбойная страсть, какая печаль-тоска владеют им?! Почему?! Может быть, это невысказанный, самому ему непонятный протест, невыносимое мучительное желание освободиться от печати несвободы, зафиксированной в его мозгу, когда, едва появившись на свет, он оказывается со скрученными ногами и руками? А потом, взрослея, только и слышит: «Не бегай! Не кричи! Не спорь! Не вмешивайся не в свое дело! Молчи!» Ведь ни один свободный зверь не крушит, не ломает, не убивает просто так...

И может быть, это невысказанное, непонятное самому желание свободы и подменяется вседозволенностью, и это отчаяние парии, человека, которому никто не помог найти свое место. И эта вседозволенность – свобода дикаря, а не цивилизованного человека, для которого «свобода» – это только одна сторона медали, а на другой написано – «ответственность». И одно без другого невозможно.

* * *

– Джон, а можно мне посмотреть Дворец Наций?

– Конечно, можно... Завтра после обеда я свободен. Вот завтра и поедем.

И вот мы едем с Джоном в «историческое место, где создается мир» – как пишется в проспектах. Уже само слово Женева вызывает поток ассоциаций: ООН... Конференция по разоружению... Защита прав человека... Всемирная организация здравоохранения... Международный пресс-центр. И все это здесь. И вот оно уже виднеется, это огромное строгое здание на окраине Женевы, окруженное парком...

– Посмотри налево, – говорит Джон, – это миссия СССР.

Я посмотрела и увидела знакомую до боли картину – высокий, розовый, бетонный забор, изысканно, мягко изгибающийся, как первый виток раковины улитки, прикрывающий Нечто Важное. И я знаю, что там внутри наверняка проходная и вежливый молодой человек в строгом костюме внимательно изучает документы. И я читаю на этом заборе невидимую надпись, потому что я знаю ее наизусть – она врезана в мое сознание навечно: «Мы одни, мы окружены врагами и всегда готовы к обороне». Улитка-улитка, высуну рога – может, нам дадут кусочек пирога...

На лужайке, перед въездом на территорию Дворца Наций поставлено несколько палаток. Возле них десятка два молодых смуглых мужчин, смахивающих на азербайджанцев, с напряженными озабоченными лицами, с тревожным беспокойным взглядом, так непохожие на безмятежных улыбчивых швейцарцев, держат самодельные плакаты. И я почти физически почувствовала искривление, аномалию психологического поля Женевы. Выражение их лиц напомнило мне телепередачи о Нагорном Карабахе, Узбекистане.

– Это курды, – объясняет Джон, – хотят привлечь внимание прессы требуют вмешательства ООН.

«Еще одна беда на Земле, – думаю я, – когда это кончится?..»

Охранник в форме ООН приветливо машет рукой, и мы въезжаем на территорию.

В 1890 году богатый человек, Густав Ревийо завещал свой большой, в двадцать пять гектаров, парк городу Женеве. Парк разбит на склоне холма, с него открывается прекрасный вид на Женевское озеро, и в ясную погоду вдаль виднеется сверкающая вершина Монблана. Парк назван по имени матери господина Ревийо – Ариана. До сих пор сохраняется могила дарителя, а в парке, по его завещанию, гуляют павлины, выпускают красочные веера хвостов и кричат пронзительными резкими голосами.

В 1920 году здесь была создана штаб-квартира Лиги Наций. После второй мировой войны Женева подтвердила, что передает эту территорию для международной деятельности.

Оставив машину на стоянке, входим в здание. Широкие светлые коридоры, бесшумные лифты. Джон стремительной, летящей походкой идет по коридору, я едва за ним поспеваю. Навстречу нам идут люди, большинство здороваются с Джоном, он отвечает весело, доброжелательно. Он тут свой среди своих, и для него тут так же обыденно, как для меня на моей работе. Три тысячи международных служащих в этом здании.

– Покажи, где ты работаешь, – прошу я Джона.

Мы входим в застекленную кабину, одну из многих, как балкон, опоясывающих зал заседаний. Джон внизу человек пятьдесят слушают эмоциональную речь пожилой африканки. Марк подает мне наушники. Голос женщины врывается в уши, в нем горячность и напор.

– О чем она?

– Экологические проблемы Африки. Вот в эти наушники я слушаю, а в микрофон говорю.

Да... работенка у него. Слушатели в зале могут отвлечься, подремать, а он в беспрестанном напряжении должен слышать и переводить каждое слово...

Мы потихоньку выходим из кабины, спускаемся в соседний пустой зал заседаний, садимся в голубые мягкие кресла. На стене герб ООН – оливковые ветви на голубом фоне обнимают земной шар. Может, когда-нибудь здесь будет правительство Земли. И никто не посмеет воевать, и никто не посмеет загаживать нашу планету.

И снова мы идем по коридорам, через холлы, украшенные картинами лучших художников мира, скульптурами мировых знаменитостей. Целое крыло здания занимает библиотека, которая основана благодаря щедрому дару Джона Рокфеллера. Должно быть, очень приятно подарить парк или библиотеку... Хорошо быть богатым! И, конечно, здоровым...

В музее, под стеклом знаменитые документы ООН, мар-

ки, на стенах портреты мировых политиков. Я немножко подавлена.

– А теперь пойдем в наш магазин, – улыбается Джон.

Маленький магазинчик вмещает в себя очень много. Тут, как в сельпо, и продукты, и промтовары рядом на полках. Джон выбирает бутылку – прозрачная круглая башенка с куполом, как у православной церкви, – водка «Горбачев».

– Это твоему мужу в подарок! Дефицит, – смеется Джон, – можно купить только в этом магазине...

– Спасибо за подарок, но почему «Горбачев» – довольно-таки нахально!

– Это старая русская водка, по особому рецепту, а фамилия – хозяйина фирмы. Сейчас, конечно, пользуется повышенным спросом.

На обратном пути юноши-курды вручают Джону белый листочек, и все прохожие и проезжие получают листовки.

– Что там?

– Сегодня вечером просят прийти на митинг, поддержать их требования.

«Господи, – думаю я, – спаси нас всех! И курдов, и Африку, и, конечно, мою страну...»

А водка «Горбачев» неплохая, мягкая, но ничего особенного, только бутылка пижонская. Наша «Столичная» ничуть не хуже...

* * *

– Хочешь, съездим на барахолку? – предложил Джон.

– Конечно! С радостью!

Это невероятно! В Женеве, оказывается, есть барахолка! В магазинах продается, что душе угодно, а все-таки – барахолка!

Мы оставляем машину в подземном паркинге и выходим на площадь. Широкая длинная аллея с двух сторон уставлена столами с вещами. Народ, в 1815 году решивший, что лучше не воевать с чужеземцами, а приглашать их в гости, хранит в своих сундуках, шкафах, как осадочный ил спокойной реки жизни, тысячи предметов, реликвий, таких неповторимых,

единственных, которых больше не делают. Наши революции, наши войны смыли, стерли в порошок старинные вещи. Редко в какой семье хранится что-то подобное.

Здесь, на столах, чего только нет: антикварные вазы, лампы, гравюры, фотографии, коллекции марок, монет, орденов, бижутерия, старинные книги, шкатулки, пуговицы, нефритовые фигурки из Китая, веера. И неожиданно, очень подержанная одежда и обувь. Раз предлагают, значит, надеются продать. Не все так радушно в Швейцарии. Здесь много иностранных рабочих, особенно югославов и португальцев. Швейцария поручает им делать тяжелую, неквалифицированную работу. И они едут сюда с удовольствием, зарабатывая тяжелые, полновесные швейцарские франки.

Для них, наверное, и предназначается дешевая одежда и обувь.

Скоро мы расходимся с Джоном в разные стороны. Он задерживается у столов с книгами, углубляется в фолианты с готической вязью. Без знания языка мне это недоступно, и я медленно иду вдоль столов, рассматривая диковинки. Людей много, но никто не толкается, покупатели и продавцы неторопливо, доброжелательно беседуют друг с другом. Для меня все дорого, поэтому я даже не прицениюсь. Иногда я спохватываюсь, не потерялась ли я в этой толпе, без языка, без знания города, беспокоюсь и ищу глазами Джона, и обязательно через некоторое время встречаю его взгляд. Он ободряюще кивает мне, улыбается и снова склоняется над книгой. И мне становится так спокойно оттого, что он здесь, близко и готов прийти на помощь. Как интересно тасует людей жизнь... Родился в Сан-Франциско мальчик, рос, учился... Заинтересовался языками. Чтобы заплатить за учебу в университете, взял ссуду в банке, и только сейчас, в тридцать пять лет заканчивает ее выплачивать.

Выбрал русский язык и выбрал себе судьбу. Американец...

Кажется, еще недавно шепни мне ночью на ухо: «Америка!» – и я спросонья, как отзыв на пароль, закричу: «ЦРУ!»

Происки империализма!» Да-да, не Колумба вспомню, и не Тома Сойера... Америка и СССР воспринимались, как два полюса, между которыми вращается весь мир. И мы, конечно, «плюс», а они, само собой, – «минус». Но вот все перевернулось, и теперь говорят, что мы, оказывается, – «минус», а они, соответственно, – «плюс». Нет, не все так просто. И в Америке много всякого и всяких, но сейчас при слове «Америка» теплом и приязнью отзывается: «Джон!» Джон – чрезвычайный и полномочный посол Америки в моем сердце. И лучшего посла для меня нельзя себе представить. Все, что я больше всего ценю в людях: доброту, ум, интеллигентность, воспитанность, благородство души, – все это я нашла в американце Джоне. Много моложе меня по возрасту, он неизмеримо больше меня знает, видел, читал. И его внутренний горизонт дальше моего и ясней. Он деликатно никогда не дает мне этого понять. Общаться с ним радостно и интересно. И сейчас в этой вдвойне чужой толпе, в этой точке Времени и Пространства нет для меня человека ближе Джона...

Он подходит ко мне:

– Хочешь, выбери себе что-нибудь, я заплачу.

Я отрицательно качаю головой. Выбрать что-нибудь одно, значит, отказаться от всего остального. Пусть все останется в Несбывшемся...

* * *

У Веры и Джона семейный праздник – семь лет со дня свадьбы. И мы едем в китайский ресторан отмечать это событие.

Я чувствую, что порядком поднадоела своей сестре бесконечными вопросами, но не могу удержаться и опять спрашиваю:

– Что значит китайский ресторан?

– Это значит китайская кухня, китайский интерьер и обслуживают тоже китайцы.

Джон заранее заказал столик по телефону. Я стараюсь запомнить каждую мелочь, потому что за этим – стиль жизни, обычаи, традиции.

Возле ресторана Джон в раздумье притормаживает: все места для стоянки заняты. Из дверей выходит официант-китаец и что-то говорит Джону. Джон отдает ему ключи от машины, и мы проходим в дверь. Я взглядываю на сестру.

– Он взял ключи, чтобы, как только освободится место, поставить машину, как положено, – объясняет она.

Другой официант встречает нас у двери и проводит к столу. Столик у стены, и я сажусь так, чтобы все видеть. Первое впечатление – Черное и Красное – два цветовых аккорда, торжественных и мощных! Черный подвесной потолок украшен узором, простроченным красными лампочками, образующими контуры цветов лотоса. Полумрак. Горящая розовая свеча в медном подсвечнике в виде цветка лотоса на красной скатерти объединяет нас, троих, за столом, психологически отделяет от других посетителей. Ресторан так и называется: «Приют трех Счастливых». Прямо в точку. Счастлив Джон, счастлива Вера, а уж про меня и говорить не приходится!

Нас обслуживают двое: юноша и девушка. Оба китайцы. Молодой человек в черных брюках, в цветастой рубашке. Девушка в красных шелковых брюках, в свободной навывпуск красной рубашке с черными кружевами.

Они обслуживают только нас. И, оказывается, это целый ритуал. Посовещавшись с Верой, Джон заказывает еду и вино, красное и белое. Официант приносит бутылку белого в ведерке со льдом и ставит на подсобный столик. Показывает бутылку Джону. Это для того, чтобы гость сам убедился, такую ли марку он имел в виду. Да, именно это вино выбрал Джон. Затем официант открывает бутылку и нюхает пробку. Не прокисло ли? Нет, все в порядке. Тогда официант наливает немножко в бокал и дает Джону попробовать. Да, это именно то вино, что он хотел, и оно хорошего качества. Лишь после этого наполняются все бокалы. Бутылка красного ставится рядом с белым, но без льда. Оно должно быть комнатной температуры.

Принесли тарелочки и положили на них по жареному пирожку. Начинка непонятная, но очень вкусно. Что это?

– Проростки бобов, – объясняет Вера.

Вкусные пирожки, жаль, что по одному... На стол ставятся три подогревателя – медные сосуды с дырочками, внутри них горят свечи. Это для подогрева тарелок. Потом поочередно приносят заказанную еду: курица с миндалем, рыба тюрбо на пару, свинина в ананасном соусе, овощи с грибами. Рис в пиалах вместо хлеба.

Нас оставляют одних, и мы разговариваем, смеемся, вспоминаем, и я удивляюсь, как эти юноша и девушка угадывают момент, когда нужно подлить вина, когда сменить тарелку. Я сижу у стены, наверное, девушке не очень удобно, но она, гибкая, как лозинка, легко перегибается, ставит кушанья, убирает посуду. Все это почти без слов, со спокойным достоинством человека, который делает свою работу и делает ее хорошо. Милое личико, изящная походка... Я залюбовалась ею.

– Вполне вероятно, что это студенты, – говорит Вера, – днем учатся, вечером – работают.

Мы пьем за счастье, за редкую удачу их встречи. Нам подают жасминный чай, неизвестные фрукты-ягоды. На лаковом подносике приносят горячие, влажные ароматические салфетки. Букет живых белых лилий на фоне черного кафеля в туалете меня добивает. Джон расплачивается чеком. Я стесняюсь спросить сумму, должно быть, это куча денег.

На прощанье Джон фотографирует нас с Верой на фоне ваз с синими драконами. Подходит официант и любезно фотографирует нас всех вместе. Развраща-а-т!

* * *

– У нас сегодня гости, – объявляет Вера.

– Борщ?! – спрашиваю я с готовностью.

– Нет, теперь я угощу тебя национальным швейцарским блюдом. Приготовлю роклет.

– А кто придет в гости?

– Сабина и Витас. Помнишь, мы познакомились с ними, когда заходили навестить Ивана Ильича?

Да, я их помню. Они вошли, такие юные, стройные, счастливые, что, кажется, в комнате стало светлее.

Сабина – изящная, худощавая мулатка. Мать Сабины, литовка, вышла замуж за африканца и уехала с ним за границу. Сабина в строгом черном костюме, в белоснежной кофточке. Большие темно-карие глаза смотрят умно и внимательно. Ее спутник – красивый блондин.

– Витас, – называет он себя.

– Витас из Литвы, а Тамара из Казахстана, – говорит Иван Ильич.

И мы с Витасом пожимаем друг другу руки и чуть больше положенного смотрим друг другу в глаза. И наш взгляд можно перевести приблизительно: «Что они тут все понимают...»

Вера оживленно разговаривает с Сабиной, они находят общих знакомых. Выясняется, что Сабина учится в школе переводчиков. Вера спрашивает, не может ли Сабина подключиться к встрече ленинградцев, помочь с переводом. Сабина обещает, уточнив свои обстоятельства, позвонить.

Но проходит день, другой, Сабина не звонит, и Вера решает, что девушка легкомысленно забыла. Но она звонит и сообщает время, в которое она может помочь. И я опять удивляюсь обязательности этих людей.

Итак, вечером гости. И какой-то таинственный роклет. После обеда мне дается задание прибрать в квартире, а Вера уезжает по магазинам. С удовольствием повозившись с этим зверем на колесиках – пылесосом, протерев пол с добавкой жидкости с запахом лимона, я поглядываю на часы. Уже пять, гости званы на семь, а никаким роклетом еще не пахнет. Я вспоминаю, каких трудов стоит у нас принять и угостить гостей. Когда же сестра успеет приготовить этот роклет?

Наконец, влетает Вера, выгружает покупки. Мы раздвигаем стол. Она стелет только что купленную красивую бумажную скатерть, словно вышитую ветками цветущей яблони, расставляем тарелки. А вот и закуски: готовые, нарезанные

кружочки колбасы, ломтики ветчины, красной рыбы, открывается баночка с крохотными маринованными огурчиками – корнишонами, солеными маслинами с миндальным орешком вместо косточки, в тубиках горчица и майонез, молоденькая картошечка варится на плите, выставляются бутылки бордо и эльзасского рислинга. Но где же роклет?!

Приходят гости, Сабина и Витас, приходит дочь Веры, Катя, их ровесница. Они знакомятся.

Вера ставит на середину стола какое-то металлическое сооружение и включает тянущийся от него шнур в розетку. Оказывается, это роклетница. На маленькие противни-совочки каждый кладет кусочки специального роклетного сыра и вставляет в свое гнездо в роклетнице. Сыр плавится, и горячая молодая картошка в мундирах на тарелке заливается расплавленным сыром. И, оказывается, это невероятно вкусно. Каждый делает себе сколько хочешь порций.

Разговариваем. Смеемся. Выясняется, что Сабина была на стажировке в Москве.

– Сабина, что вас поразило в Москве?

– Туалеты, – тихо говорит она.

И меня опалает стыдом.

Меня и Витаса спрашивают, что нам больше всего понравилось в Швейцарии. Я затрудняюсь с ответом, а Витас говорит:

– Свобода.

– Что вы понимаете под этим? – спрашиваю я.

– Возможность поехать куда угодно, прежде всего.

– Когда и куда ты хочешь поехать? – несколько напряженно спрашивает Сабина.

– Я хочу иметь возможность поехать куда хочу – в Америку, в Африку, на Гавайские острова...

– Неужели ты думаешь, что все тут имеют возможность поехать, куда хотят? Большинство людей не имеют такой возможности.

– Ты меня не понимаешь, – горячится Витас, – я хочу

иметь право поехать туда, куда я хочу. Пусть я буду экономить на всем целый год, но я хочу иметь возможность поехать хоть на Гавайские острова.

– Да ты не будешь долго иметь такую возможность! – настаивает Сабина.

– Пусть раз в десять лет! Ты не понимаешь, что я имею в виду. Ты не знаешь, что это значит – нельзя никогда в жизни, никуда... Ты не знаешь, что такое несвобода. Поэтому Литва всегда хотела выйти из Союза...

И тут я на свою голову говорю:

– Но ведь Литва добровольно присоединилась к Союзу...

Я уже много чего знаю, но мне хотелось посмотреть его реакцию... Лучше бы я этого не говорила. Глаза Витаса яростно светлеют, побелевшие губы дрожат.

– Добровольно?! – почти кричит он. – Когда насильник затаскивает жертву в кусты, а потом говорит, что у них любовь, и она... добровольно...! Вы, русские, сами никогда не знали свободы и других не отпускаете. Зачем вы принимали участие в референдуме о сохранении Союза? Надо было его игнорировать, вообще не голосовать. Но вы, русские, – рабы, рабы! Вам что скажут, вы то и делаете!

Я чувствую, как кровь бросается мне в голову, да как он смеет!! И уже мысленно я упираю руки в бока и кричу: «Да?! А ваш демократический Ландсбергис разделил народ на чистых и нечистых, сделал русских людьми второго сорта...»

И тут я вижу взгляд Джона. И осекаюсь. Надо же учиться вести себя по-европейски.

И Витас тоже чувствует себя смущенно. Взметнулось было советское пламя над швейцарским роклетом, да вовремя погасло.

Мы меняем тему, фотографируемся на память. На прощанье трижды по-швейцарски прикладываемся щеками к Сабиной, к Катей. С Витасом холодноато обмениваемся рукопожатием. Нет у нас, у совков, такого обычая – обниматься с малознакомыми людьми...

* * *

– Звонил Луис, – говорит Вера, – будет слуховой аппарат для твоей знакомой... В обществе лежал один аппарат с некоторым заводским дефектом. Они отдали его в ремонт, а за ремонт заплатил друг Луиса – пастор Биг.

– Как я рада!

– Пастор приглашает нас пообедать в кафе, – продолжает Вера, – хочешь?

– Да-да, конечно! Увидеть настоящего пастора не в кино, наяву – кто бы отказался? Наверное, и ему интересно посмотреть на овцу, отбившуюся от христианского стада.

– Пастор – это значит протестантская церковь?

– По-моему, он пастор новоапостольской церкви. Кажется, у них нет икон. Я не очень в этом разбираюсь, – говорит Вера.

– А сколько ему лет?

– По-моему, тебе ровесник. Несколько лет назад у него в семье случилось страшное горе – в Америке, купаясь в озере, утонул его единственный сын. Жена его не может прийти в себя. С тех пор все болеет.

Душа моя преисполняется сочувствия. В эту бездну заглянуть страшно – потерять ребенка...

И вот мы едем в кафе на встречу с пастором. С нами едет Джон, потому что пастор не говорит по-русски.

Едва мы заходим, из глубины зала, приподнимаясь нам навстречу, машет рукой мужчина в скромном темном костюме. Мы подходим, знакомимся. Пастор вручает нам с Верой по прекрасной пурпурной розе. Каждая упакована в целлофановый цилиндрок с кудрявой ленточкой золотистого серпантина.

Мы вешаем плащи на вешалку и идем на раздачу. Почти все, как у нас в столовой. Берем подносы, ложки, вилки. Только на поднос кладется красивая бумажная салфетка. Так же набираем еду, качеством не хуже, чем в ресторане, так же расплачиваемся у кассы, несем подносы к столику.

Я с любопытством взглядываю на пастора и встречаю такой же любопытный взгляд. Светло-русые, с сильной проседью волосы, худощавое лицо с сеточкой морщин возле светло-голубых глаз, искренняя улыбка. Он напоминает мне моего однокурсника, тихого светловолосого юношу, только постаревшего. Джон и пастор оживленно разговаривают по-французски. Джон что-то говорит обо мне, пастор кивает головой, взглядывая, улыбается. Джон коротко переводит смысл разговора. Потом пастор достает журнал, показывает фотографии: церковь в одном из сел Казахстана... семья священника... крестный ход... Пастор Биг рад, что наша страна поворачивает к религии. Честно говоря, я почти исключена из разговора – вот что значит не знать языка. Я просто смотрю на него, слушаю звук незнакомой речи и думаю, как удивительно, вот мой ровесник, мальчик, рос, учился, выбирал профессию и стал пастором. Значит, он не только сам знает дорогу к Богу, но и других ведет. И я боюсь, что он спросит, верующая ли я. А я не знаю, что ответить. Я не знаю... Конечно, я понимаю, что не все так просто, что есть что-то огромное, непознанное... космический разум... банк данных... ноосфера... что-то, конечно, есть. И каждая религия устанавливает контакт человека с этим огромным, непознанным, с этой тайной... Меня этому не учили, хотя я впитала что-то из христианской морали: понятие добра и зла, чувство греха... Верующим легче живется. Верующий человек не один, он с Богом... И, хотя я сочувственно отношусь к религии, до веры еще далеко.

Джон и пастор заговаривают о событиях в нашей стране. Десять дней назад произошло повышение цен, я еще не знаю, что это такое будет для всех нас... Джон переводит сочувственную речь пастора.

– Да, вам очень трудно живется, повышение цен – очень неприятная вещь... но есть люди, которым еще труднее... – это курды!

Да, курдам труднее. Я вспоминаю увиденные по телевизору

эпизоды бегства курдов через горы... без воды, без пищи... без лекарств... женщины с детьми. Несчастливые люди... У пастора болит душа о них. Он молится за них. Да. Это я понимаю.

– Если мы не поймем друг друга умом, мы поймем это сердцем, заключает пастор.

Потом он спрашивает, может ли он мне написать.

– Да-да, конечно.

– На каком языке мне удобнее?

Вспоминаю свой «немецкий со словарем».

– На немецком.

Пастор вынимает свой блокнот и просит написать адрес. Я старательно пишу. Джон берет блокнот и пишет мой адрес французскими буквами. Пастор надевает очки, читает, потом изумленно смотрит на меня:

– Как?! Сначала пишется государство, а потом человек?!

Да, думаю я, дорогой пастор. У нас сначала государство, а потом человек, хотя мы все уже понимаем, что пора все перевернуть с головы на ноги и для нормальной жизни нужно, чтобы человек стал выше государства. Но как долог и мучителен этот поворот. Да и будет ли он? Да доживу ли я, или хотя бы мои дети, или хотя бы внуки...

Все это я могла бы сказать пастору, если бы знала язык, а так приходится надеяться, что он понял меня сердцем...

Мы встаем. Прощаемся. Пастор любезно подает мне плащ. Прощайте, прощайте, пастор Биг! Спасибо вам за вашу доброту.

Мы выходим из кафе и едем с Верой по магазинам, делаем последние покупки, фотографируемся у Женевского озера. Пурпурные розы в целлофановых пакетиках положены на сиденье. Жаль, наверное, завянут, пока доберемся до дома. Но розы все терпят. Дома, распаковав их, я прошу у сестры нож поострее.

– Зачем? – спрашивает Вера.

– Обновлю срез и поставлю в воду.

– Этого не нужно, просто ставь в воду, и все!

И это у них предусмотрено!

* * *

Вот и пролетели три недели в Швейцарии... Какой щедрый подарок преподнесла мне Судьба с милым, родным лицом моей сестры! А душа уже рвется – домой! домой!

И вот уже я снова в аэропорту Женевы, вот взвешивают, не мелочась, мой багаж, вот мы крепко по-русски обнимаемся с сестрой и трижды по-швейцарски прикладываемся щеками с Джоном. До свиданья, дорогие мои! Спасибо вам за ваши доброту и терпение. И вот уже пограничник – шлеп-шлеп – делает отметку в паспорте, и, я уже перешла на ту сторону, и мне уже не вернуться... И перед тем, как вступить на эскалатор и пропасть из вида, я оглядываюсь. Вера и Джон стоят рядом, не касаясь друг друга, но так явно вместе, как одно целое, и улыбаясь, смотрят мне вслед. И уже издали я поражаюсь, как хороша моя сестра – стройная блондинка с глазами цвета Женевского озера в ясную погоду. И думаю: «Какие у нас в России женщины!..» И сама усмехаюсь... «У нас?!» А что ж, разве перевелись у нас красивые, необычно притягательной силы женщины? Разве нет у нас таких умных благородных мужчин, как Джон? Неужели мы безнадежно порченны ложью люди?

Как они додумались отсечь огромный народ от единого организма человечества?! Все равно, как если бы левая нога сказала: «Плевала я на все остальные органы, я сама умнее всех, буду жить сама по себе». И перетянула жгутом свои мышцы, вены и артерии. И попробовала жить сама по себе. И началась гангрена... А сейчас снимается жгут, и невыносимая боль хлынула в несчастную левую ногу... И ей плохо, и всему человечеству без своей левой ноги далеко не уйти...

Легко и весело взлетает самолет с изумрудного велюрового ковра аэродрома. Прощай! Я покидаю тебя, «неинтересная», по мнению Джона, страна Швейцария, где дивная природная красота бережется и приумножается, где ходить по магазинам – тяжкий труд, потому что невозможно решиться и купить что-то, захлебываясь в этом обвале вещей, где пол-

ки ломаются от еды, а люди стройны и худощавы, где спиртное продают какое угодно, сколько угодно и когда угодно, а пьяных не видно... Я уезжаю в свою «интересную» страну, где все наоборот, и где сегодня не знаешь, что будет завтра... И только счастье, личное человеческое счастье, как и везде, внутри человека, и его не купить ни за рубли, ни за свободно конвертируемую валюту...И зажигается оно Любовью...И если каждый затеплит свою свечу, как светло станет жить...

В первом классе самолета очаровательная вышколенная стюардесса обласкала вниманием... Позвольте повесить ваш плащ... садитесь, здесь вам будет удобно. Вино? Коньяк? Сок?

Я выбираю апельсиновый сок. Последний раз. И еще не знаю, что целый месяц меня будет мучать желание ощутить его ароматную острую влагу. Как быстро привыкаешь к хорошему!

Через три с половиной часа самолет снижается в Шереметьево. Я смотрю в окно и вижу космы бурой прошлогодней травы. Должно быть, где-то недалеко свалка, ветер разносит по полю грязные полиэтиленовые пакеты, какие-то бумажки... Странно... Раньше я как будто этого не замечала. Что-то случилось с моим зрением?..

И все на прежний лад. Сорок минут ждем вещи. Полчаса стою в очереди за багажной тележкой. Еще час двадцать в очереди на такси.

Наконец, приехали к дому родственников. Я вышла из машины и огляделась. Здесь еще прохладно. Весна еще не успела украсить и облагородить все, что нагваздал человек: зеленая трава не прикрыла мусор, а ветви деревьев не спрятали закопченные, в серых потеках стены хрущевок. Моросит мелкий дождик... Вокруг меня грязная, истеричная, расхристанная Москва. В соседнем сквере мальчишки подожгли кучи неубранных прошлогодних листьев. Сизое облако окутывает меня. Першит в горле... И Дым Отечества щиплет мне глаза...

Женева – Актау. 1991 год.

Путешествие в Москву и Петербург

В нашей семье хранится случайно попавшая с какой-то купленной у букиниста книгой почтовая открытка, датированная 1916 годом. Молодой мужчина Александр пишет своей жене Анюточке. Сквозь неуловимо старинный, какой-то чеховский стиль изложения, сквозь сдержанные слова, написанные с дореволюционной орфографией, просвечивают, трепещут живые человеческие чувства: любовное томление, тревога, надежда на встречу. И вдруг между личным: «Как дела в России?» И в скобках: «В Петерб.» И словно холодок какой-то по сердцу, — вот она, вот! — История. Стало быть, чувствовали все этот подземный гул, эту поступь грядущего, это биение плода: «Россия беременна революцией!»

Жаль, не узнаю, что ответила Анюточка мужу про дела в России. А что обыкновенная женщина могла бы написать? Наверное, какие цены, какие разговоры, чем люди живы, во что одеваются, что едят... Историки потом наврут с три короба, а Анюточкиным словам можно верить. И мы все не только участники, но и свидетели, и нужно попытаться хотя бы на мгновение зафиксировать, остановить вращение калейдоскопа событий и сквозь цветные осколки впечатлений попытаться не рассмотреть — куда там! — но хотя бы угадать смутные контуры будущего: что будет и чем сердце успокоится...

А что было? Помнится, я впервые попала в Москву проездом, девятилетней девочкой, летом 1946 года. Пассажиров поезда из северной глубинки не выпустили в город, а всех-всех, без исключения, направили в санпропускник мыться жидким вонючим мылом, а нашу одежду нам выдали неостывшей, горячей от жарочных камер. И хотя мои родители проявляли свирепую бдительность и чистоплотность, ни матери - терапевту, ни отцу - военному хирургу в голову не пришло противиться процедуре. Потом я узнала, что это входит в понятие «тоталитарный режим». Хотя, с другой стороны, не будь такого жестокого контроля, как убереглись бы мы от сыпняка?

И помнится толчея и толкотня «дорогих сестричек и

браточков», всхлипы гармошек, перезвон медалей на груди фронтовиков, золото погон, смех женщин и какое-то ощущение непокоя, лихорадки удали и бесшабашности, всё словно было в неустойчивости, в победившем городе жизнь ещё не вошла в колею и, казалось, вот-вот сорвётся с узды и понесёт. Не сорвалась...

Потом я приезжала в Москву много раз, и это был спокойный, уверенный, чистый и сытый город. Ехала за песнями — в музеи и театры, в командировки — по делу, за покупками и помню праздничные фейерверки, как кипение шампанского в перевёрнутом бокале ночного неба. Москва была немножко спесивой, горделиво загородившейся от страны пропиской. Казалось, здесь было всё самое умное, самое красивое, самое главное — город развитого социализма, отделённый от неразвитого окружной дорогой. Но на Красной площади вздрагивало сердце...

Когда летом 1992 года я попала на Красную площадь, то прежде всего увидела, как в тенёчке, у забора, прикрывающего строительные работы у здания исторического музея, мирно спит пьяный. За другим забором шла перестройка и реставрация здания ГУМа, в центре площади автокраны грузили на машины металлические подмостья сцены, где недавно состоялся концерт рок-музыки — то-то нашли время и место! А почётный караул так же печатал шаг на пост № 1 у мавзолея Ленина, так же трещали фотоаппараты, снимающие и караул, и пьяного у забора. Минин и Пожарский смотрели спокойно на эту суету и должно быть, думали: «И это пройдёт...» А лобное место терпеливо ожидало негасимую свечу в память убиенных россиян.

Мы с сыном живём на квартире уехавших в отпуск родственников, и три недели я готовлю обеда, стою в очередях, хожу по городу — смотрю и слушаю. Москва — этот мегаполис, это государство в государстве — была больна. И это угадывалось по смрадному выдоху выхлопных газов, по вскочившим на тротуарах бородавкам коммерческих кио-

сков, сукровице гниющих после дождя луж, мусорной сыпи мостовых. Пульс города явно частит, и особенно это чувствуется на главных его артериях — в центре, на Арбате. «Купи-продай» висит гомоном над его пешеходным, кипящим людьми руслом. Кажется, весь город вывернулся наизнанку — всё на продажу! Монеты, марки, матрёшки, лаковое сияние чёрно-алого Палеха, жаркое золото Хохломы, звонкая синева Гжели — всё «ля рюсс», всё для иностранцев, для их спокойного, рассеянного интереса. И, конечно, партийные, комсомольские билеты, всевозможные удостоверения, значки, галстуки, знамёна, современная военная форма всех родов войск, вон даже кислородный шлем лётчика, ордена...

Я помню, отец рассказывал про скользкий от крови пол в операционной, когда врачи, сёстры, санитары, шатаются от усталости, а раненых всё везут и везут...

— Папа, — спросила я однажды по-молодости, — а как ты узнавал, кого нужно оперировать в первую очередь? Ведь их так много?!

— Это очень просто, — ответил он, — тот, кто кричит, и матерится, ещё потерпит. А вот тот, который молчит, в лице ни кровинки — того скорей на стол!

Что же может заставить нас с братом продать отцовские ордена?

А для своих — бесконечные книжонки про секс, непристойные, похотливые картинки, отнимающие у любви тайну. Конечно, это закономерный размах маятника — от ханжества к вседозволенности. Нужно немножко потерпеть — обязательно будет обратный ход. Маятник остановится там, где написано: «золотая середина». Не мы первые... Иностранцам это неинтересно. Они это проходили.

На мольбертах уличных художников стоят почти готовые портреты. На ближайшем — тонкое благородное лицо пожилого мужчины. «Приукрашает!» — подумала я и посмотрела на модель. Ничуть! На стуле перед художником сидел, отдыхал спокойный, чуть усталый, всё понимающий прекрасный

человек. К такому хочется подойти, рассказать всё про себя и спросить, как жить дальше. Рядом с другим художником сидела и улыбалась молодая девушка такой тонкости душевной, что хотелось взять её в невестки. А молодому человеку у третьего мольберта любая женщина могла бы доверить жизнь и честь.

А мимо шли люди с одинаковым выражением насупленных, без улыбки, озабоченных лиц, словно все надели защитные непроницаемые скафандры. А если любого из них посадить перед художником? Может быть, они раскроют в улыбке свою настоящую сущность, чтобы оставить её в вечности — на портрете?.. А вот в подземном переходе стоят женщина и мальчик лет восьми. Мальчик держит на руках щенка, у ног женщины в лукошке спят ещё двое. На одинаковых светлых и курносых лицах матери и сына ясно читается два разных желания. Мать хочет скорее продать щенков, а сын надеется, что их никто не купит.

Да, мы проиграли кастрюльную войну. Или как это изощренно называлось — соревнование двух систем, и как положено, в побеждённом городе и в глаза, и в уши лезет иностранная речь. На центральных улицах пестрит в глазах от иностранных вывесок, то ли заграничные партнёры не желают перевести, то ли наши совладельцы стараются скорее откреститься от всего русского. И где-то в глубине моего существа, там, где лукоморье, кот учёный, тройки, снега, степь да степь кругом, там, где раззудись плечо, размахнись рука — смешалось вековечное хорошее и дурное, что есть в каждом русском человеке, там, я чувствую, как будоражится, волнуется, вспенивается, обидой этот национальный слой: почему вокруг меня, в столице России наваждение иностранных товаров, наклеек, реклам? Что ж, мы не можем заставить себя уважать? И тут же вспомнилось пушкинское: «Он уважать себя заставил...» А это уже было. Мы заставляли себя уважать, стучали по столу атомной бомбой в ботинке. Уважать, как любить, нельзя заставить силой. Уважение вообще

безошибочное чувство. Если можно ошибиться, принять за любовь увлечение, весеннюю пляску гормонов, то уважение нарабатывается так медленно, так долго, что никак нельзя в нём ошибиться. Или оно есть, или нет. А дальше ведь идёт строчка: «И лучше выдумать не мог». И нам нужно такое выдумать, такие товары производить, чтобы, если даже написать рекламу на старославянском, то все кинутся искать словари, прибегут сами и скажут: «Не лепо ли ны бяшеть, братие?» А мы ещё поглядим. А теперь приходится учить английский, что само по себе неплохо, никакое знание за плечами не носить.

* * *

Верная примета смутного времени — нищие. Они стоят и сидят на всех людных перекрёстках улиц, в подземных переходах, в метро. Невозможно подать всем, но и не дать никому тоже невозможно. Вот на Калининском проспекте большая икона Божьей матери. Собирают на храм. Как не помочь? Натерпелась от нас Матерь Божья. От нашей злобы, ругани. Мужчина в тёмных очках, старуха с палочкой, старик с гармошкой и с колодками орденов. А вот, просто смотреть невозможно — замурзанная женщина без возраста и словно без лица сидит у стенки в переходе метро, протягивает руку, рядом с ней спит на подстилке ребёнок лет двух, прикрытый каким-то тряпьём, глотает пыль, вздымаемую сотнями ног. Я шарю в кармане, замедляю шаги и слышу сзади предостерегающий женский голос: «Не подавайте, проходите, проходите!» Я прохожу и спрашиваю: «Почему?!» И женщина объясняет мне: «Я хожу здесь несколько раз в день и никогда не вижу, чтобы ребёнок не спал. Она опаивает его. Да и неизвестно, её ли это ребёнок!» Я внезапно чувствую тошноту, ноги слабеют. А я думала, что прошли времена Диккенса и Гиляровского.

На Кузнецком мосту группа мужчин с рупором и ящиком из оргстекла. Собирают деньги для помощи Приднестровью.

Мужчины по очереди берут рупор и произносят речи. Один пылко ругает Ельцина и Снегура. И поток денег иссякает. И мне не хочется. Как надоела политика! Но вот рупор берёт другой и говорит о лекарствах для раненых, о помощи беженцам, и ноги сами несут меня к ящику, а деньги словно выпрыгивают из кармана.

Газета «Куранты» писала, что нищий на Арбате зарабатывает 60-70 рублей в час, что многие из них обманщики. Может быть... Но попробуйте сами протянуть руку... Немного позднее, попав в Петербург, я встретила человека, который не мог заставить себя протянуть руку, хотя нуждался в помощи. В необычайно жаркий для Петербурга день я стояла на Аничковом мосту, в который уж раз любовалась противоборством коня и человека, которым скульптор сказал: «Замри!» Застывшей чёрной смолой блестела неподвижная гладь Фонтанки. И вот я услышала голос:

— Вы, наверное, приезжая?

Я повернула голову и увидела старушку, сухонькую, маленькую, чистенькую. Белоснежный воротничок освежал темноватое ситцевое платье. Седенькие стриженные волосы поддерживаются гребёнкой.

— Это так заметно, что я приезжая? Вообще-то я здесь родилась в 37 году...

— У вас спокойное загорелое лицо. Вы любуетесь скульптурами, ленинградцы на них не смотрят. А 37 год я помню... Пережила... А вы до блокады уехали?

— Да, ещё до войны.

— Вы счастливая! А я тут пережила блокаду. Близких почти всех потеряла. А теперь вот опять... переживаю... Работала-работала и не заработала себе на сытую старость. А сил уже нет...

Она как-то засмушалась и отвела глаза. И меня вдруг ударило, что она просит о помощи. Продолжая что-то говорить, я потихоньку открыла сумку, нашарила бумажку. Потом осторожно взяла её холодную ручку с утолщёнными суста-

вами, с тонкой обвисшей кожей, словно она стала велика для её усохшей плоти, потихоньку вложила деньги и зажала её кулачок. Старушка вспыхнула румянцем и спросила:

— Как вас зовут?

— Простите меня, — сказала я и побежала прочь, гонимая тоской и виной: сытого перед голодным, сильного перед слабым, богатого перед бедным. Всё относительно. По сравнению с ней я была сытой, богатой и сильной. Я ничем больше не могла ей помочь. Только пакетом молока и куском хлеба, которые она сможет купить.

После неласковых прилавков шевченковских продуктовых магазинов московские показали мне много веселей, хотя импортные сервелаты, солёности, копчёности, отрада студенчески лет — печень трески, откровенно насмехаясь надо мной, скалятся ценами: «Накося-выкуси!» Вспомнив, что эти вредные продукты сужают сосуды, поднимают давление и опускают самочувствие, выбираю те, которые гораздо полезнее для кошелька. Другие люди тоже выбирают именно эту пользу, в результате выстраиваются очереди людей с совпадающими интересами. Но очередями нас не испугаешь — это наши университеты! В очереди научат кулинарным тонкостям, как из кильки сделать шпроты, дадут адрес целителя, поделятся своими горестями. Посочувствуют и посоветуют и, конечно же... «а ещё был случай!». В московских очередях я узнала, что дочка просит клубники, а где же её закупиться по 100 рублей за килограмм, а видели, как одна женщина взяла сразу два ведра на варенье — представляете?! — что вот вся кругом в долгах, уж думает, не продать ли золотые серёжки, да, может, подождать, вдруг придут ещё худшие времена... Что работать никто не хочет, что в этих «комках» сидят мордоплясы, торгуют не своим, а работать не хотят... Что, слава Богу, с голоду никто не умирает, что крупной, солью и спичками запаслись на год вперёд... И, конечно, политика. Как только о ней речь, уже нет единства, нет доброжелательной солидарности бедных людей, сразу всё делится

на ваших и наших. Основной вопрос: «Вы за Ельцина или против?» Подступаются и ко мне. Отвечаю, что я за Назарбаева. «А, — говорят— так вы из Казахстана! Ваш президент ничем себя не уронил...» И мне приятно это слышать.

Маленькая, ухватистая старушка заняла очереди в разные отделы универсама и шустро мотается туда-сюда, успевая всех обо всё оповестить. Она не может просто так стоять на месте без дела, она должна хотя бы разговаривать, поучить жить...

— А знаете, сколько стоят в Москве похороны, самые скромные?— обращается она ко мне. И на вопросительное молчание, округляя выцветшие голубые глаза, громко шепчет:

— Десять тыщ! Я уж своей дочке говорю, не вздумай такие деньги тратить на меня, и гроб мне не заказывай! Надень на меня зимнее пальто, валенки, платок, да и запихни меня в полиэтиленовый мешок!

Голос старушки задрожал, глаза наполнились влагой. И я тоже вижу, как потеряли чёткие очертания бетонные колонны, как расплывается в тумане подступивших слёз лица женщин. Все примолкли. Старушка, как опытный рассказчик, держит паузу, потом подаёт неожиданно бодрый и лукавый голос:

— Только вот одна загвоздка. Когда вострубит ангел и возвестит Страшный Суд, восстанут мёртвые и пойдут... как же я в мешке-то побегу?!

Все засмеялись, и подумалось, что всё как-нибудь перемелется, перетерпится, обойдётся, образуется или, как у нас говорят «устаканится»... А старушку после смерти надо бы в рай. Пусть там отдохнёт...

* * *

Постоянный интерес к жизни подогревается тем, что чего-нибудь есть, а что-то уже кончилось и снова надо. У нас закончился лук, нигде нет, во всяком случае, в ближайших

магазинах. Пришлось ехать на рынок возле метро «Сокол». Оказалось это не рынок, а так, базарчик. Интересно пройти по рядам, купить-не купить, но позволить желаниям побороться с возможностями. В траурном молчании покупателя ходят у прилавков. Утрачено главное удовольствие рынка — поторговаться, Цены написаны на бумажках, словно высечены на камне. Продавцы как будто онемели, и только бойкая черноглазая молодка негромко зазывала: «Попробуйте кубанское подсолнечное масло!». Я попробовала. Это было МАСЛО. Пахучее, из свежих, жареных семечек, всего восемьдесят рублей за поллитровую бутылку. Купив такое масло, тут же хочется разориться на красные лакированные помидоры, по сотне за килограмм, на зелёные, колючие огурцы в пупырышках — по восемьдесят, головку чеснока — за десятку, жидкий хвостик петрушки и укропа — по пятёрке, болгарский перец — пятнадцать рублей за штуку. Всё это порезать в салатницу, посолить, перемешать и... Нет, нет, и нет! Вот какое это было провокационное масло!

А где же лук? Да вот же — два парня-кавказца ворочают мешки, рассыпают лук по земле. И сразу очередишка — небольшая, минут на 15! — удовольствие, а не очередь! Плотная коренастая женщина, стоящая впереди меня, ворчит, что лук мелковат, да и мокрый, да, наверное, гнилой. Уязвлённый продавец оправдывается...

— Пад дождь папали...

— Пад дождь! — передразнивает женщина злобно, — и мокрый, и мелкий, и дорогой! Ух! Всех бы я постреляла!

— Кого всех?! — изумилась я.

— Всех, кто торгует!

И она ненавистно повела взглядом, как дулом автомата, по базарной площади. Мысль вещественна. Вдруг я увидела, как попадали с ящиков бабульки, принесшие с огорода укроп, петрушку и хвостики морковки, как рухнули продавцы на любовно выложенные пирамидки помидоров, как брызнули осколки янтарных бутылок с маслом, как залились кровью книжки про прекрасную Анжелику. И все закричали, и побежали... Неужели она этого хочет?

— Если вы всех перестреляете, мы с вами будем есть неполноценный суп без лука, без картошки, да и будет ли суп вообще? — попыталась я пошутить

— А что, разве государство не может обеспечить нас всем необходимым? Раньше же всё было в магазинах! Развели этих спекулянтов!

Продолжать разговор было бесполезно. Что я ей могла сказать? То, что я и сама осваиваю с трудом? Что не царское это дело, не государственное — луком торговать, что люди сами себя и друг друга накормят, оденут, обуют, и обогреют, что рынок в обществе — это такая же естественная вещь, как обмен веществ в организме, что мы все платим за то, что из-за нарушенного обмена веществ заболело всё общество, что в самом простейшем варианте весь рынок, как любовь, сводится к отношению двух партнёров. И это их дело, как они поладят, а государство должно со всех сделок брать налоги и поглядывать, чтобы мы друг друга не обманывали, не обижали, организовать защиту от внешних врагов, помогать слабым, и беспомощным. Что, в конце концов, и раньше только в Москве и в нескольких центральных городах «всё было». Да что толку говорить. Это беда многих из нас: новую изменившуюся жизнь мы меряем старой мерой. Женщину мучает тревога и неуверенность, и, может быть, ей просто нужен кто-то близкий, кто взял бы за плечи и сказал: «Успокойся, ведь мы вместе, и мы не пропадём!» А, может быть, это правительство должно нам говорить: «Успокойтесь, мы не пропадём, ведь мы вместе...» Хорошо бы точно знать, что правительство рядом, а не напротив. Но я ничего не сказала, зато продавец обиделся:

—Зачём спэкулянт?» Мы сами лук вырастили и наши саэди.

— А зачем тебе деньги, почему так дорого берёшь?

— Клянусь, васэмнадцать рублей не дорого, строить дом надо, жениться хачу!

Женщина замолчала, долго сбрасывала с весов непонравившиеся луковицы, заплатила и ушла

Я смотрю на мозолистые рабочие руки продавца, с чёрной каймой под ногтями, на усталое лицо с красными от бессонницы глазами. Сначала вспахали землю, посадили лук, потом рыхлили её, пололи сорняки, поливали. Потом выкопали лук, просушили, уложили в мешки, потом наняли машину, погрузили мешки, повезли, нервничали, укрывали от дождя, давали на дорогах взятки, заплатили рэкетирам, теперь стоят на солнцепёке, продают и продают лук в чужой суп. Мне кажется, парень заслуживает и дом, и семью. Только бы ему не помешали.

Через несколько дней лук в магазинах появился. В полтора раза дороже.

* * *

Недалеко от угла улицы на самой кромке тротуара стояли... ноги. Женские. В красных лодочках на невероятно высоком и тонком, как карандаш, каблукке. Все остальные детали фигуры были тоже на очень хорошем уровне, но ноги прежде всего бросались в глаза. От туфелек взгляд поднимался всё выше, по узким щиколоткам, по суховатым, в меру, икрам, к тонким коленкам, к набирающим соразмерную полноту бёдрам, выше... выше... — ой, как высоко! — и, наконец, в поле зрения попадала коротенькая, как будто на неё не хватило материала, сантиметров 20, полоска трикотажной юбочки, обтягивающая спелые ягодицы, как кожа тёмно-вишнёвого плода. Розоватого шёлка блузон в алых веерах или крыльях был так широк и свободен, как будто материала было очень много и жалко было отрезать излишек. Светлые, соломенные волосы вольно разбросались по плечам. Изящную, на ремешке, сумочку, казалось, никогда не оскорбляли ни килограмм сосисок, ни заурядная пачка пельменей. Девушка стояла у дороги, как фламинго — розовая птица из отряда голенастых и напряжённо всматривалась в ревущее стадо автомобилей. Вдруг она взмахнула рукой и возле неё остановилась, словно наткнулась на невидимую преграду, машина. Ах, что это была

за машина! Сияющая, тёмно-синим лаком, обтекаемая, как подводная лодка, припадающая к земле, словно готовящийся к прыжку хищник. Дверца открылась, девушка, не торопясь, уселась, бережно сложив в суставах свои невероятные, невозможные ноги и, коротко рыкнув, напрягши свои лаковые мускулы, машина прыгнула с места в пространство, унося прекрасную алую добычу. Вспомнилось: «В дальний Сингапур вы уносились в гоночной машине...».

— Шлю-юха! — протянула с завистью стоявшая неподалеку обременённая годами и сумками женщина.

— А если это любовь? — заступилась я за девушку, — ведь она зла!

— Ещё бы, — сказала женщина, — особенно, если козёл иностранный!

Всех можно понять, и каждый по-своему прав. И девушку, чей весенний сезон жизни пришёлся не на лучшее время страны, а ведь молодость нельзя отложить на потом, и женщину, чья весна и вовсе пришлась на сталинскую зиму. И если у неё даже и были такие же превосходные ноги, то она ими шла - шла верной дорогой к светлому будущему. Да так и не дошла...

* * *

Мы уезжали в Петербург с Ленинградского вокзала. Выйдя из метро, с некоторой опаской миновали засыпанную мусором привокзальную площадь, набитую мелкими торговцами всякой всячиной. На лестнице бокового входа сидели какие-то странные личности. Грязная, страшная старуха тут же, у лестницы со вкусом, не торопясь, справляла малую нужду.

Купленные по 8 рублей за штуку пирожки оказались нам малосъедобными, едва откусив, мы оставили их на столике буфета. Тут же подошёл обросший старик и взял надкусанные пирожки. Бомжи... За каждым своя трагедия. Немного раньше, ожидая регистрации на рейс, мне пришлось наблюдать в московском аэровокзале странную пару. Поздним ве-

чером, ещё не очень старые женщина и мужчина разместились на двух скамейках напротив друг друга с максимально возможным комфортом. Не торопясь, постелили какое-то тряпье, положили под головы узелки. Они собирались отходить ко сну и вели себя как усталые, вернувшиеся домой люди. Женщина спокойно, при всех, сняла платье и надела что-то вроде халата. Мужчина снял обувь и зашевелил затёкшими пальцами. Они говорили о событиях своего дня, повздыхали:

— И откуда он взялся, этот Ельцин?! И Горбачев тоже хо-рош — развалил страну...

— Да-а-а, а ведь как хорошо жили! Никто не мелочился, бутылок, бутылок-то было навалом. А теперь шиш, кто чего оставит!

Так неторопливо, несуетно разговаривая, они располагались ко сну, в упор не видя и слыша окружающих людей, как будто это была мебель, обстановка их квартиры. Они не смешивались с другими и не хотели, чтобы их трогали, словно отгородившись от всех непроницаемой прозрачной стеной.

Точно такое же отстранение от окружающих мы с сыном наблюдали на первом этаже магазина «Детского мир», где огромную площадь зала занимала выставка-продажа импортных автомобилей. Они стояли на постаментах в отсеках, отделённых от проходов толстыми стеклянными стенами, и казались плавающими в аквариуме цветными блестящими диковинными рыбами. Снаружи, возле стеклянных стен в молчании стояли и смотрели люди. Мужчины-зрители, по моему, находились в полуобморочном состоянии. Цены не были выставлены. Но на некоторых автомобилях красовались таблички «Продано»

В одном из отсеков молодая пара покупала машину. Молодой человек и продавец заканчивали осмотр машины, разговаривали, улыбались. Слов не было слышно, но понятно было, что они поладили и ушли вместе в какую-то заднюю дверь помещения. Молодая женщина, видимо, жена покупа-

теля, сидела в кресле без волнения, без оживления — подумаешь, событие! — ждала, когда муж освободится. Она сидела свободно, красиво, расслабив мышцы, совершенно не обращая внимания на смотрящих из-за стекла людей, явно не интересуясь ими и думала о чём-то своём. Она не была красива, но приятной внешности, кажется, ничего особенного. Но вся она в неброском элегантном платье и туфельках, которые не купишь в «комке», со сверкающими капельками бриллиантов в ушах была особенной, наверное, этим спокойным, уверенно ощущаемым ею правом на такую жизнь, данную ей рождением или замужеством. А, скорее всего, и рождением, и замужеством — деньги к деньгам.

Богаты и бедные были всегда и везде. И у нас тоже. Но у нас богатые прятали своё богатство, и бедные не догадывались о своей бедности, казалось, что все живём почти одинаково. Теперь богатые перестали стесняться, и бедным есть с чем сравнивать. Кто-то сказал: «не жил я богато и не буду начинать!» А как же жить? И тут же русский язык сверкнул для меня мудростью, выстроив подряд три слова: для жизни **достойной достаточно достатка**. Дай Бог нам всем честного достатка и не надо никакого богатства. И всё равно, как будет называться этот строй, и с каким лицом, лишь бы здравый смысл был главной его идеологией.

Так вот, мы уезжали с Ленинградского вокзала, и бюст Владимира Ильича, взятый в кольцо коммерческих ларьков задумчиво и с укоризной смотрел нам вслед. Молодой, трезвый, в щеголеватой форме проводник, чистые ковровые дорожки, свежее, уже постеленное бельё ввергли нас в некоторую оторопь. К тому ж всё, что положено, включается, отключается, поднимается, опускается, на чисто вымытом окне весёленькая занавеска, а на столике накрахмаленная салфетка. И эта невероятная действительность (а мне недавно пришлось ехать в вагоне, напоминающем кадры из фильма о гражданской войне) не только будит ностальгические воспоминания, но и внушает надежду на просветление

будущего. Даже двадцать пять рублей за постель и пятёрка за обещанный стакан горячего чая не сшибает взлетевшего настроения. И вспоминается наша сакраментальная фраза: «А ведь можем, когда хотим!». Для полного счастья хотелось, чтобы в купе два других места достались хорошим людям.

Соседей долго не было, но за несколько минут до отхода поезда в дверь заглядывает пожилой мужчина с напряжённым взглядом. Увидев нас, он облегчённо улыбается и говорит: «Ну, вот и славно, поедете с хорошими людьми!» Оказывается, он провожает родственников, студентов-молодожёнов. Он даёт им последние наставления и, уходя, обращается ко мне:

— Обязательно закройте на ночь дверь на замок, не оставляйте никакой щели, а то фукнут из баллончика, усыпят и делай, что хочешь. Были уже такие случаи!

Молодёжь засмеялась, а я поняла, что меня назначили главной и проследила за дверью.

В Санкт-Петербурге было всё-то же, что и в Москве, только хуже. Товаров, продуктов числом поменьше, ценою подороже, как говорится, и дым пожиже, и труба пониже. Город показался мне измученным и оскорблённым своей неухоженностью, заштатностью, вторичностью. И даже возвращение отобранного имени мало радует. Отбирали у одного, а вернули совсем другому. И получилось, как будто современный человек надел старинный, шитый золотом мундир, и сразу стало видно, что мундир побит молью, золотое шитьё обрвалось, из-под мундира торчат ноги в вытертых джинсах и пыльных кроссовках.

Говорят, что при перемене имени меняется и психология. Может и Санкт-Петербург вернёт себе свою прежнюю душу. А пока больно. Мне показалось, что и у Медного всадника нет прежнего величия — весь в зелёной патине, оскорблённый Пётр, на обиженном коне топчет уязвлённую змею.

На Невском проспекте в прямом смысле дым коромыслом — ремонтируется проезжая часть: трещат отбойные мо-

лотки, дымятся котлы и асфальтовые катки разглаживают на мостовой новые заплаты. Переполненные, изнемогающие от людей автобусы и троллейбусы вынуждены менять маршруты, и, кряхтя на поворотах, объезжают очередной ремонт.

По тротуарам тоже не везде пройдёшь — выгороженные заборами здания, казалось, пережили землетрясение: ничего нет, кроме стен. Там кипит работа. Там, оставляя форму, меняют содержание, и опять говорят, что это иностранцы для себя делают. А что лучше? Запущенное, разрушающееся, но своё, или в прекрасном виде, но чужое? О том, что могло бы быть прекрасном виде и своё — лучше не думать. И вообще, как при теперешней жизни понимать своё и чужое, моё и наше? Но, так или иначе, ремонтируют, наводят порядок — это хорошо!

* * *

Повидавшись с родственниками, мы уезжаем обратно в Москву. При выходе из метро на Московский вокзал нас останавливает милиционер: «В обход, граждане, в обход!»

В чём дело? — удивилась я?

Брат догадался: сегодня утром передавали по радио, что кто-то позвонил в милицию — на Московском вокзале подложена бомба.

— Что за чушь! — изумляюсь я

— Почему чушь? Весной здесь на вокзале в мусорной урне взорвалась бомба, пострадали люди! — брат показывает нам, — вот возле того киоска взорвалась...

Мы идём скорым шагом к вагону. На пустом пути между рельсами резвятся две весёлые крысы.

— Посмотри! — ужаснулась я, — ведь чума...

— Молчи! — суеверно говорит брат-микробиолог, — не произноси этого вслух!

Попрошавшись, заходим в купе. Нам опять повезло. Наши соседи — две москвички-студентки, приезжали в Петербург, чтобы походить по музеям.

Светлый летний северный день всё не хочет отпускать нас во тьму, летит за поездом ещё не истаявшая в июле белая ночь. Сын и старшая девушка приникли к окнам в коридоре, а мы с младшей остались в купе.

Как редко выпадает нам в жизни бездейственное созерцание. За окном проносились красно-коричневые домики, платформы, перелески, берёзки, ёлочки, россыпи ромашек на лугу, лилово-сиреневые островки иван-чая. Старательно рассматривая вначале всё, что проносится мимо, постепенно впадаешь в какой-то транс, смотришь и словно не видишь, внутри нарастает поток ассоциаций, образов, как бывает, когда слушаешь классическую музыку, словно приглушается постепенно яркий свет сознания и включается мягкая подсветка подсознания, и ты словно существуешь в двух измерениях — и снаружи, и внутри себя...

Мы сидели неподвижно и молчали, как вдруг девушка привстала, напряжённо всматриваясь во что-то и, повернувшись ко мне, взволнованно сказала:

— Вон там... вот, видите зелёную крышу? Это дом моей бабушки.

— Вы заезжали к ней?

— Нет, бабушка уже умерла, вон в той стороне кладбище, отсюда не видно, она там похоронена. И дом продали, там теперь живут другие люди.

— Вы очень любили бабушку?

— Да! — откликнулась она горячо, — я проводила здесь все каникулы, и зимние, и летние. Просыпаешься утром, а в доме уже пахнет пирогами. Бабушка пироги пекла, летом с черникой и со шавелем, а зимой с грибами и с капустой. И потом, родителям всегда некогда, а с бабушкой обо всём можно поговорить. Я только теперь понимаю, что это было счастье.

— У вас ещё всё впереди, и счастье тоже.

— Да-да, конечно. Я только решила, когда у меня будет свой дом и семья, мои дети и внуки должны хоть на празд-

ники просыпаться под запах пирогов, — засмеялась она смущённо, — а бабушку я никогда не забуду. Меня и зовут, как её — Надежда.

Утром по приходу поезда, прощаясь с девушками, мы обменялись с Надей особенным взглядом, словно хранили какую-то известную только нам, двоим, тайну. Девушки шли по перрону впереди нас, молодые, стройные, современно, но без вызова, одетые, в коротких в меру юбочках, и ноги у них были просто великолепные, ничуть не хуже, чем у девушки-фламинго.

* * *

Напрасно мы радовались по дороге в аэропорт, глядя на безоблачное звёздное небо. Практически все ночные рейсы отложены до утра по техническим причинам. Наверное, все самолёты сразу поломались. В переполненном людьми аэропорту мы с сыном нашли один стул без спинки. Впереди была ночь, и мы сначала пытались сидеть на стуле спина к спине, но скоро мышцы затекли, и мы стали сидеть по очереди: один сидел, один стоял.

Около полуночи посреди зала появилась странная фигура. Мужчина лет сорока стоял, вытянув горизонтально руки, и держал в одной руке дымящийся стаканчик мороженого, а в другой — лохматый букет цветов. Он постоял, огляделся и двинулся к нам. На ходу он совершал мелкие колебательные движения вокруг воображаемой прямой, которая соединяла его и наш стул на двоих. Наконец, он остановился возле нас и сказал:

— Здравствуйте! Меня зовут Петя.

— Здравствуйте, — сказала я, — прекрасное имя!

Он был в некотором подпитии, как раз в той стадии, когда человек всех любит и вызывает у других снисходительность.

— У меня проблема, — продолжал он.

— Бывает, — сказала я, — могу чем-то помочь?

— Мне нужно посчитать деньги!

Тут я обратила внимание, что изо всех карманов брюк и летней рубашки у него торчали купюры разного достоинства. Я кивнула:

— Что ж, я вас прикрою.

И показала ему нишу за моей спиной между стеной и колонной.

— Парень, поддержи! — он протянул сыну мороженое, букет и скрылся в нише.

Минут пятнадцать за моей спиной слышались сопение, кряхтение и чертыхание. Видимо, деньги падали на пол. Наконец, он выбрался из укромного местечка и удовлетворённо констатировал:

— Ничего. Жить можно! Я из Якутии. Мы алмазы добываем.

Почему-то мне подумалось, что алмазы у него просыпаются сквозь пальцы, не задерживаясь. Он взял из рук сына цветы и мороженое и объявил:

— Я хочу вручить вам приз.

— Вот как? За что же?

— За понимание! — веско ответил он.

— Ну, что вы, пустяки, — заскромничала я, изготовившись принять цветы. Увы, время дарения букетов для меня закончилось.

— Кушайте на здоровье, — сказал он, протягивая мне мороженое.

Ну, что же, подумала я, не так уж и плохо в этом человеческом море показаться кому-то островком безопасности.

Мы с сыном по очереди ходили по зданию аэропорта, разгоняя сон и усталость. В ночном аэропорту шло интенсивное доение пассажирских денег. В буфете не было ни кофе, ни чая, зато продавались бутылочки пепси-колы по пятьдесят рублей и некая тётенька продавала жиденький абрикосовый компот по 14 рублей пластмассовый стаканчик. Когда, выпив компот, я поискала глазами урну, чтобы выбросить одноразовый стаканчик, тётенька услужливо закудала:

— Сюда, сюда, в эту коробку. Коробка была полна использованных стаканчиков. Господи, безмолвно взмолилась я, надоумь её, чтобы она их хотя бы споласкивала.

Коммерческие ларьки сияли недремлющими огнями, и пассажиры-мужчины, невзирая на бешеные, даже по сравнению с центром Москвы цены, всё-таки зажигали внутри себя отдельную автономную радость, рассеивая серую тоску ожидания. Время от времени полусонную дрему аэропорта нарушали бодрые голоса зазывал, приглашающих делать ставки в компьютерном тотализаторе, прокатиться на автобусе по ночной Москве. Бригада молодых напёрсточников давала очередное представление, забрасывала удочку в толпу скучающих зевак. Никто не клевал. Вдруг одна девушка в широком бархатном пиджаке, тоже похожая на девушку-фламинго, как карандаш на карандаш из одной коробки, только другого цвета, закричала:

— Я видела! Шарик под тем стаканчиком!

Парень поднял стаканчик, шарик был там.

— Если бы поставили — выиграла бы. Но у вас, наверное, денег нет, — поддразнивал её парень.

— Как это нет! — обиделась девушка, — вот тысяча рублей. Ставлю! Девушка выиграла, потом проиграла, потом снова выиграла. Толпа росла и заводилась.

Я обходила залы несколько раз, встречала эту бригаду в разных местах, и каждый раз красивая темноволосая девушка втравливала мужчин в игру. Она не была фламинго, она была подсадной уткой.

Любим — не любим, нравится — не нравится, но работа открывает человеку высший смысл бытия. Тот самый, который помогал Ивану Денисовичу у Солженицына оставаться человеком в нечеловеческих условиях. Человеку нужно самоутверждение, удовлетворение от своего труда. Интересно, вот этот парень-напёрсточник, конечно, уставший, покрутись-ка всю ночь! — придёт утром домой, ляжет спать и удовлетворённо подумает: «Как я сегодня здорово поработал!» И засыпает с чистой совестью?

Это просто какая-то загадка. Кто ставит людям нравственный ограничитель — «этого делать нельзя»? Ведь большинство людей живут честно, не воруют, не жульничают, не берут взятку. Они просто не могут этого делать, как например, не могут съесть таракана. Теоретически съесть можно, не отравишься. Но реально попробовать — брр...

В большом зале расставлены мягкие кресла. Счастливицы, которые успели их занять, тихо похрапывали. А вот составлено несколько кресел вместе, и на них, с возможными в данной ситуации удобствами, мирно похрапывают усталые мужчины, объявившие свой молчаливый суверенитет сразу на три кресла. Сколько же должно пройти сытых, спокойных, достойных лет, чтобы стали появляться такие люди, которые подумают о других, вовсе им незнакомых, с которыми и словечком-то не обмолвятся, а в голову мысль придёт: «Как же я лягу на трёх креслах сразу, ведь может быть, кому-то нигде будет сесть. Нескоро, должно быть, придёт такое время, не дожидаться никак.

Наконец-то объявляется регистрация на большинство отложенных рейсов — наверное, к утру самолёты все сразу починили. Как часто бывает в нашей бестолковости и неразберихе, перепутали номер секции нашего рейса. И я как-то заполошно, по-женски занервничала, пошла выглядывать все секции подряд. Но вот в очереди европейских лиц вижу издали озабоченного казаха с коробками и молодую казахскую пару. И облегчённо успокаиваюсь — наши!

Мерный гул моторов убаюкивает, и большинство пассажиров, измученных бессонной ночью, крепко спят. Мне не спится, мы ездили в Москву с сыном, чтобы победить, а потерпели поражение. И на душе у меня очень плохо. Мне кажется, что и вокруг всё в жизни плохо, как будто и я, и все люди наткнулись на стену и вслепую, ошупью ищут выход. Мне приходит на память одно впечатление, неизъяснимое чувство, которое охватило меня, когда на станции метро «Комсомольская площадь» в час пик я смотрела с эскала-

тора вниз на море разлитое человеческих голов, на поток поднимающихся навстречу человеческих лиц, молодых, пожилых, красивых и не очень, славянских, азиатских, кавказских. Я мучалась невозможностью перевести чувство в слово, когда оно вдруг всплыло — ДЕМОС! — человеческий космос. И я его частица, и все мы товарищи по несчастью, ведь мы — отработанный материал неудачного эксперимента. Науке важен каждый результат, даже отрицательный — значит, так нельзя, не получится, а что делать испорченному материалу? Лететь в помойное ведро? Что же нам делать в этой жизни, когда душа незащищена от оскорбления, а тело от поругания или насильственной смерти, когда нас грабят, тёмной ночью с ножом, а белым днём — с вежливой улыбкой, когда стыд не ест глаза бесстыдству? Что же нам делать и на что надеяться? Если бы я знала...

Наверное, нужно, как и раньше, просто жить и работать. Ведь жизнь держится и продолжается теми, кто строит дом, печёт пироги и питается от своих трудов. Мне встретились такие люди, они были молоды. Значит, всё наладится. А надеяться надо на себя и друг на друга. И опять русский язык подсказывает мне, что слово ДРУГОЙ человек происходит от слова ДРУГ. Ведь нет такого человека, которому бы никто никогда не помог. И нет такого, человека, который никогда не помог никому.

Мы сыном хотели победить, а потерпели поражение. Победителей все поздравляют, им немного завидуют, их даже не судят. А кому нужны побеждённые? Они нужны только дома. Там, где нас любят, не за то, что мы умные, красивые или удачливые, а только за то, что мы есть. Мы возвращаемся домой, чтобы отдышаться, отлежаться, зализать раны, набраться сил и снова попытаться победить обстоятельства. Здравствуй Город! Здравствуй, ДОМ!

*Москва — Петербург — Актау.
Июль-август 1992 год*

В поисках точки опоры

Пять лет я никуда не выезжала из Актау, подумать только — пять лет! Это столько же, сколько длилась Великая Отечественная война плюс война с Японией и ещё полгода. И причины этого долгого сидения самые разные. Ну, вот, наконец, решено — я еду! Выбрала май, чтоб уже не холодно было и еще не жарко, чтоб увидеть весеннюю сочную зелень и цветущие каштаны на главной улице города моей юности — Новочеркаска.

Раньше в отпуск мы летали на самолётах, за какие-нибудь два-три часа попадаешь из объятий провожающих в объятия встречающих, из одной суеты в другую. Поезд даёт другой настрой души, хочешь - не хочешь, располагает к вынужденному отдыху, воспоминаниям, размышлениям, неторопливой беседе с попутчиками. И в этом тоже что-то есть...

Много писали о неудобствах путешествия в наших поездах, и я была готова к худшему, но, должно быть, мне повезло — проводницы попались вежливые и чистоплотные, горячий кипяток с раннего утра до позднего вечера, попутчики — милые молодые люди, муж и жена, очень симпатичные люди, в вагоне не жарко и не холодно.

А за окном зелёная степь, что удивительно, и, говорят, не припомнят старожилы такой щедрой небесной влаги, пролившейся на полуостров этой весной. Кажется, и трава понимает это — скорей-скорей! — пока прохладно и влажно, надо успеть до жары, до испепеляющего зноя вырасти, зацвести, созреть и бросить в землю семена. Глядя на эту бескрайнюю степь, на отроги древних гор, усмехаешься, не иллюзия ли этот мелькающий на экране телевизора мир, действительно ли он существует и как мы, оказывается, от него далеко. И только две струночки, две стальные жилочки связывают нас с ним. Где-то возле Шетпе входит в купе молодой мужчина, проверяет паспорта. Я подаю свой паспорт, всё нормально. Едем дальше.

А вот и Атырау, который прежде назывался Гурьевом,

мои молодые попутчики уходят в гости к друзьям на всё время стоянки. Вагон пустеет, а я остаюсь, неторопливо раскладывая еду, с удовольствием поглядывая на детектив, взятый в дорогу. Когда это так бывает, чтобы без забот, без угрызений совести провести целый день с детективом — только в поезде!

И тут в проёме двери возникает маленький человечек лет восьми, беленький, синеглазый, как Лель.

— Тётенька, — говорит он несмело, — дайте мне чего-нибудь покушать...

Рванулось сердце. Я торопливо сооружаю бутерброд, протягиваю ещё и монетку. Он деловито прячет денежку в карманчик и тут же начинает есть. Видно, что ребёнок голодный. Чей-то раздражительный голос в коридоре: «Ходят, тут, высматривают, что украсть!» сдувает мальчишку с места. Я вспоминаю, что на дне сумки лежат яблоки, выскакиваю за ним, но его уже нигде не видно. Должно быть, нырнул под вагон. Так и стоять мне теперь навсегда в этом воспоминании — с яблоком, которое не сообразила вовремя отдать и с чувством глубокой вины взрослого человека перед ребёнком. Не только из-за яблока...

Поезд останавливается на последней станции перед Астраханью. По вагону ходят российские пограничники, проверяют документы. В наше купе заходит молоденький солдатик в форме, круглолицый красивый молодой человек, казах. Улыбаясь, я подаю свой паспорт. Он внимательно смотрит на фотографию, потом на меня и говорит:

— Это не ваш паспорт!

— Как не мой?! — удивляюсь я, — беру паспорт, смотрю, ужасаюсь и беспомощно бормочу, — это паспорт моего мужа! Я перепутала!

Лежали два голубеньких паспорта в одной коробочке, и я нечаянно взяла не свой. И перед выходом не проверила! Ужас, который меня охватил невозможно описать! Что мне делать?! Сейчас он ссадит меня с поезда, и я не смогу даже

вернуться обратно, у меня нет паспорта! Кроме того, у меня тяжёлые вещи, меня должны встречать в Ростове, как я буду где-то на незнакомом полустанке с ними таскаться?! И билет из Астрахани до Ростова пропадёт! Что же делать, откуда-то нужно звонить домой, ждать, когда муж как-то передаст мой паспорт?! В глазах потемнело, ударило в голову. Видимо, всё это отразилось на моём лице. Молодой человек чуть помедлил, потом молча вышел из купе. Наверное, пошёл за патрулём, подумала я. Поезд тронулся, а патруля всё не было. Прибыли в Астрахань. Я вышла из вагона, мои попутчики помогли донести вещи до здания вокзала. Села на скамейку, открыла сумку, снова полюбовалась на злополучный паспорт мужа. Потом стала методично перебирать всё, что было напихано в огромную женскую сумку. И на дне её обнаружила свой паспорт. Я от лишнего усердия и предотъездного волнения прихватила с собой два паспорта. А мальчик-то всё понял, поверил мне, пожалел меня! Сколько буду жить, буду помнить твою доброту, дорогой мой пограничник! Дай Бог тебе счастья! Вот так вот, тихой человеческой добротой держится жизнь...

* * *

Поезд из Астрахани ещё не тронулся с места, а уже напомнила о себе Чечня. Чечня — это короткое резкое, хлёсткое, как пощёчина, слово, вмещающее в себя самые разные чувства россиян: страх, недоумение, обида, злость, недовольство бессилием власти, жалость к страдающим людям с обеих сторон, тоска...

Когда пассажиры заняли свои места в плацкартном вагоне до Ростова, шум и выкрики за окном привлекли общее внимание. На перроне стояла толпа, в которой средних лет женщины и мужчины, молоденькие девчонки, парни, бритые качки в чёрных кожаных куртках — униформе «крутых». Все они, запрокинув головы, смотрят на окно соседнего купе, где размещаются прибывшие в последнюю очередь шесть

призывников. Люди за окном что-то кричат. Никто из них не думает, как он выглядит, никто не рисуется, их лица — обнажённые человеческие души, раскрывшиеся, как цветы в момент истины. Пытаются улыбаться щербатые, железнозубые, что-то кричащие рты матерей, а из глаз их непрерывно катятся слёзы. Отцы хорохорятся, то взглядывая в окно, то отводя глаза. Девчонки, подружки и сёстры, улыбаются, кокетничают, пребывая в эгоистическом неведении юности. И парни делают успокаивающие жесты: — не дрейфьте, мол, всё путём! Народ провожает своих сыновей на войну. Не сразу, конечно, не сразу. Сейчас их везут в Новочеркасск, в учебку, на полгода. А потом...

Поезд тронулся, кто-то из провожающих бежит за вагоном, не в силах оторвать взгляд от родного лица. Потом постепенно отстают. Сопровождающий офицер размещает ребят, потом куда-то уходит. Может быть, у него есть и в других вагонах подопечные.

А за окном бушует зелень, и мои изголодавшиеся по ней глаза вбирают зелёные волны озимой пшеницы, которые гонит лёгкий ветерок, сиреневые и жёлтые озера цветущего степного разнотравья, пушистые султаны серебристого ковыля. На горизонте повисла в небе чёрная туча, словно лохматое одеяло, она напозла уже на полнеба, где-то в недрах её беззвучно созревают молнии. Она ползёт за поездом — догонит, не догонит? Потом клубящийся у самого горизонта край тучи сползает до земли — там хлещет дождь. Теперь не догонит!

Ребята призывники в соседнем купе разложили домашнюю еду, вытащили водку, разлили по кружкам. Им хочется чувствовать себя взрослыми. А разве они не взрослые? Их призвали в армию, через полгода им придётся стрелять в людей, их тоже будут убивать. Неизвестно, кто из них вернётся, а кто нет. Им страшно, и они прячутся за бутылку. Скоро им становится весело, они галдят, выкрикивают:

— Мы, астраханские, должны держаться вместе, слышь, ребята! Плечо к плечу, спина к спине!

Они чокаются, клянутся в дружбе, потом водка делает своё чёрное дело, уже кто-то задирается, кто-то с кем-то считается, кто-то кого-то стукнул, кто-то дал сдачи. Один самый рассудительный уговаривает драчунов, и ему достаётся и от тех, и от других.

— Где офицер? Офицер где?! — заволновались пассажиры, беспокоясь, что ребята и до учебки не успеют доехать, а уж будут жертвы. Офицера нигде нет, ребята никого не слушают. И тут в действие вступает молодая женщина-проводница. Если кто-то хоть раз чувствовал силу выплеснутой женской энергетики, тот поймёт, что произошло. Рассыпая синие, гневные искры глаз, она становится в проходе, «руки в боки» и кричит:

— А, ну-ка, быстро все по местам, а то я вам так всем зад надеру, мало не покажется, защитнички! Всё! Легли и замолчали!

Она не грозила ни милицией, ни патрулем, но, понятно было, что действительно, сама справится и зад надерёт. Может, мальчишки слышали что-то материнское, но они затихают, расползаются по полкам и скоро засыпают. Проходя мимо, я смотрю на свесившиеся полудетские руки, тоненькие шейки, и, вернувшись в купе, говорю:

— Может, им повезёт и через полгода война кончится...

— Не кончится, — вздыхает моя попутчица — это теперь нескоро кончится...

В вагоне начинается разговор про Чечню. Вспоминают начало первой войны, ругают власть — так бездарно повела себя в опасной ситуации, ругают Дудаева, — подставил свой народ. Вспоминают случаи, когда чеченцы спасали русские семьи, прятали, вывозили из Грозного. Вспоминают случаи, когда и русские спасали чеченцев. И тут же вылезает Будёновск, взрывы в Москве, Дагестане и Волгодонске. Женщина-ростовчанка рассказывает, что живёт в высотном доме и семья спит тревожно, выпалились от души только в отпуске в деревне. Матери в ужасе, что сыновьям придётся служить в

Чечне. Никто не скрывает, что всеми правдами-неправдами стараются укрыть детей от призыва. И никто их не осуждает. А кто-то говорит:

— Правильно Сталин выселял чеченцев в своё время!

— Нет, неправильно, кричит собеседник, — вот и сработала эта мина замедленного действия!

Больше всего вызывает ужас и недоумение торговля людьми, рабство, кто-то говорит: «Наши военные тоже хороши!» Зло так яростно, так велико, что перекрывает тихое, ежедневное, само собой разумеющееся добро между людьми.

Разговор всех разбередил, но как всегда, ничего не решил. Приходит затерявшийся сопровождающий призывников офицер, и заметно, что он тоже искал свою истину на дне стакана.

Уже в Новочеркасске разговариваю с дочерью моей подруги, которая закончила в университете факультет психологии и защитила с отличием диплом на тему: «Исследование посттравматического синдрома у военнослужащих, принимавших участие в военных действиях на территории Чеченской республики».

— Расскажи, Алёнка, про диплом, — прошу я.

Она начинает рассказывать, тоном и голосом отличницы, сыплет терминами: фрустрация, адаптация, тест Розенцвейга...

— Алёнка, ты скажи мне простыми словами, как они, эти солдаты, себя чувствуют?

— Плохо, — говорит Алёнка, — им всем нужна психологическая помощь, реабилитация. В их внутренней жизни напряжённость, тревожность, ярко выраженная агрессия. У них полностью отсутствует позитивное восприятие чеченцев, настороженное отношение к другим людям. У них тревожные сны, тяжёлые воспоминания. Они ни за что не берут на себя ответственность и ищут вину вне себя.

Да, неизвестно ещё, во что выльется России их поиск вины вне себя.

На заборах, на автобусных остановках написано краской, на деревянных скамейках вырезано слово: «Чечня». Кто это пишет? Кто выплёскивает из себя эту подсознательную тревогу — тот, кто воевал, или тот, кого отправляют воевать? Чечня сидит, как заноза в мозгах всех россиян. А на одной остановке я видела надпись: «Война — ....» И такое виртуозное сложносочинённое ругательство, отображающее чёрное насилие, каким собственно и является война, что я человек, имеющий вкус к слову, не могла не восхититься — велик и могуч русский язык! — так точно припечатать!

В сберкассе молодой мужчина, стоящий в очереди впереди меня, получает деньги. Пачки сторублёвок тяжело и смачно шлёпаются на стойку. Уловив мой вопросительный взгляд, поясняет: «Чеченская зарплата за год!»

— Смотрите, чтоб не напали, не отобрали.

Он как-то невесело усмехается:

— Не отберут! Раз уж я остался жив...

Кто же идёт на войну за деньги? У моей знакомой дочь окончила институт, вышла замуж за выпускника политехнического института. Молодые люди пожили с родителями, помыкались по чужим квартирам, помучались на ничтожную зарплату. Она работала в киоске, он — инженером в какой-то хилой конторе, которая, в конце концов, самораспустилась. Нет работы, нет жилья. И они решились, заключили контракт с военными. Он — технарь по оборудованию, она — телефонистка. Недавно молодой солдат-контрактник Наташка родила девочку, оставила малышку матери, уехала в Чечню к мужу: «Я должна быть с ним рядом!» Сейчас они в Грозном. Мать живёт в постоянной тревоге. Да, они технари, не воюют, но ведь везде стреляют. А у них мечта простая — своя крыша над головой. Их ли вина, что свой дом им приходится строить такой ценой?

Не было дня во время моего отпуска, чтобы кто-нибудь, что-нибудь не говорил про Чечню. То кто-то письмо получил, то звонили из Грозного, то опять по телевизору пере-

дали — парни погибли. Слышала, как женщина в автобусе сказала знакомой:

— А мой-то Славка дружит с чеченцами, возят они в Чечню сигареты, всякие товары.

— А не боишься, вдруг возьмут его в заложники?

— Да ребята-то хорошие, работают вместе с ним уже не первый год, порядочные, что удивительно — вина не пьют! А так же всего боюсь! Как уедет в Чечню, все ночи не сплю.

Людам не понять, не разобраться, кто виноват и когда это кончится. Как чёрная грозовая туча висит над Россией Чечня.

* * *

На главной улице Новочеркаска светло от бело-розовых свечей цветущих каштанов. Это невозможно описать, это нужно видеть. Впрочем, горожане этого почти не замечают. Каштаны и каштаны, ну, цветут, подумаешь...

Что изменилось? Самое главное изменение — в центре города сняли памятник В. И. Ленину, на его месте теперь стоит с шашкой наголо бронзовый атаман Платов, основатель города. Собственно, всё наоборот — Платов встал на своё законное место, с которого его сняли в 1923 году. Фигуру атамана отлили заново, восстановили по фотографиям. А бронзового Ленина перевезли в пригород, в рабочий посёлок и установили возле Дома культуры.

В том же центральном сквере, недалеко от фигуры Платова установлен памятный знак — пирамидальный камень с выбитым крестом и датой «2 июня 1962 года». Это память о Новочеркасском расстреле. Я вспоминаю, наш проектный отдел располагался тогда в здании рядом с центральной улицей, и мимо нас шли толпы людей туда — к горисполкому и к памятнику Ленина. Мы, молодые специалисты, тоже рвались к центру событий, но начальник отдела, запер дверь на ключ и сказал: «Через мой труп!». Даже стены не могли задержать лихорадочного поля возбуждённой наэлектризован-

ной толпы. Нас всех трясло, хотя всё происходящее мы воспринимали на слух: гул толпы, потом тишину, сухой треск, многоголосый крик: «А- а- а!» И топот сотен бегущих ног. Не верилось, что стреляли в людей.

К вечеру мы пришли на эту площадь. Пожарные машины пытались смыть кровь, но только размыли её. На асфальте стояли лужи красной кровавой воды, и в середине одной, валялась дешёвая беленькая босоножка. С тех пор человеческая жизнь, к сожалению, не повысилась в цене...

Если присмотреться, прислушаться, подлистать местные газеты, жизнь этого города в наши дни почти зеркальное отражение жизни Актау. Те же заботы... Залитые водой подвалы и досаждающие комары. Те же киоски, аптеки и кафешки, убийства, воровство, наркомания, в больнице больных не кормят, люди покупают лекарства за свои деньги. Те же радости: танцевальные, песенные, эстрадные конкурсы, художественные выставки.

Новочеркасск — столица Всевеликого Войска Донского — так пышно это называется. Казаки, обратились к президенту Путину с письмом, в котором настаивают на прекращении строительства атомной электростанции в Волгодонске и о запрещении продажи земли.

В области безработица. Закрываются, как нерентабельные, шахты, люди уезжают из шахтёрских городов. Трёхкомнатную квартиру в городе Шахты продают за 3000 долларов. Новочеркасская ГРЭС работает на Кузбасском угле и мазуте. Задержка зарплаты на предприятиях около пяти месяцев, но платят деньги сейчас регулярно.

Продуктов в магазинах и на рынках очень много, почти все они российского производства, красивые, аппетитные, свежие, даже освоено выпуск их в вакуумных упаковках. Хлеб стоит 3 рубля 60 копеек за буханку. Масло 10-12 рублей пачка. Яйца- 11-12 рублей десяток. Сосиски – 45-50 рублей за килограмм, мясо — 25-70 рублей, сахар – 12 рублей. Пенсия в среднем от 600 до 750 рублей. Зарплата учителей и врачей

от 400 до 600 рублей. Люди спасаются огородами и дачами.

В самом городе, а особенно на окраинах в зелёной зоне, впрочем, как и во всех городах, мимо которых шёл поезд, выросли краснокирпичные, затейливой архитектуры, крепенькие, как боровички, нетронутые червоточиной времени, особняки «новых русских». Говорят, один такой принадлежит «беженцу» из Казахстана.

— Ну, как там вас здорово притесняют? — спрашивают меня.

Что скажешь, не знаю, как кого, а меня за тридцать лет жизни здесь никто не обидел, надеюсь, и я никого не обидела.

Но не всем удаётся довести строительство до конца. Видела недостроенные и как бы припорошенные пылью здания, печально смотрящие пустыми глазницами незастеклённых окон. «Хозяин пуп надорвал!» — злорадно комментируют некоторые. Трудно пережить внезапное богатство других и свою вдруг осознанную бедность.

На всех мероприятиях города неизменно присутствует и выступает мэр города. Скоро выборы, и мэр рассчитывает на третий срок. Это тот самый человек, о трагедии которого писала «Комсомолка». Его вторая жена застрелила его сына-подростка от первого брака, вывезла в багажнике на автомобиле и где-то закопала. Сейчас, говорят, она на свободе. Муж купил ей квартиру в Ростове, и в городе этой женщины нет.

— Как она может жить после того, как убила ребёнка?! — говорю я своей подруге.

— А я удивляюсь, как он с ней может жить после того, как она убила его сына, — отвечает она.

Да, тут без Шекспира не обойтись. А я всегда считала, что в своих пьесах он преувеличивает — все эти убийства, предательства, страсти, кровь... Оказывается, не преувеличивает. И человек с тех пор не изменился.

Говорят, что мэр хороший хозяйственник. Сейчас, видимо, в рекламных целях, он объявил о лечении за счёт городского бюджета ста наркоманов. Несчастные родители ринулись

записываться. Наркомания распространена повсеместно. При мне в соседнем доме умер от передозировки молодой парень, и соседи ходили, собирали деньги на похороны — из родительского дома он вынес практически всё. И старушки у подъезда, вздыхая, говорят о родителях: «Пусть лучше один раз переплачут!»

По главной улице с оркестром к памятнику Платова шагают одетые в парадную форму кадеты Донского императора Александра II кадетского корпуса и воспитанники Суворовского училища МВД. У памятника митинг: «Мы — наследники мира». Выступает генерал, священник, представитель администрации. В выступлении нет советской лексики, но содержание то же, что и на пионерских сборах. В эти училища приглашают преимущественно детей из необеспеченных семей. Училище пользуется популярностью. Сейчас, чтоб попасть туда, нужно преодолеть серьёзный конкурс.

В городе открывается «Патриотическая казачья гимназия». Помимо общеобразовательных дисциплин вводятся дополнительные: Закон Божий, Донские традиции, бальные танцы.

* * *

Я еду электричкой к своим родственникам в деревню. По вагону ходят продавцы газет, книг и всяких мелочей. Вдруг открывается дверь, и входит тоненькая девушка в джинсах, курточке и говорит:

— Дорогие сограждане, я — поэт! Продаю свои стихи, собираю деньги на издание большого сборника. Если позволите, я почитаю вам свои стихи. Хотите?

— Ну, почитай! — говорит кто-то лениво

Девушка запрокидывает голову и начинает:

Вперёд — неизвестность
Назад — невесомость,
А сбоку лишь камни,
да выступы скал.

фогоТ
мвзвзв э
ждид от

Земля под ногой
разверзается в пропасть,
В которую камень тревоги упал.

Каждое слово окрашивается её волнением, поэтическим чувством. Люди затихают, слушают, дело не только в содержании и смысле, ведь все мы балансируем над пропастью, но и в какой-то завораживающей магии звуков и ритма.

Девушка заканчивает чтение. Несколько мгновений молчания, и кто-то говорит:

— Давай твои стихи! Сколько стоит?

— Три рубля...

— Она идёт по проходу, раздаёт крошечную, в половину ладони, брошюрку, собирает монетки, Я вспоминаю высказывание Анны Ахматовой, что поэт — это нищий и нуждается в подаении. Беру и я это пёрышко Пегаса.

Кто-то спрашивает:

— А у вас нет стихов, чтоб припечатать эту подлую власть?

— Нет, — улыбается девушка, — таких стихов нет.

— Милая моя, — говорит пожилая женщина, — дай мне твой адрес, я приду к тебе с внучкой. Обидели девочку, обидели... Надо, чтобы кто-то поговорил с ней по-человечески. А у тебя душа светлая, я вижу...

Девушка пишет свой ростовский адрес на бумажке, говорит серьёзно:

— Приезжайте!

Вот уж действительно, «поэт в России больше, чем поэт!».

Девушка уходит в следующий вагон, а женщина начинает рассказывать попутчикам, что дочка вторично вышла замуж, а отчим невлюбил девочку, и мать отправила её к бабушке в деревню. Та отдала её в школу, а учительница грубо её одёрнула и раз, и другой — не понравилась ей девочка. Внучка перестала в школу ходить, молчит целыми днями...

Перед слушателями раскрываются семейные тайны и печали. Люди качают головой, жалеют бабушку и внучку, что-то советуют. Да, такое возможно только у нас. На Западе никто друг другу не открывается: «С тобой всё в порядке? — Окей!» Честно говоря, наша традиция мне больше по душе.

Родственники встречают меня, и мы едем в машине на хутор. В своё время там был крупный преуспевающий колхоз. Машина мчитя по просёлочной дороге мимо зелёных полей, ныряет в балки, выбирается наверх. А вот цветущие луга, прозрачные до самого горизонта дали. Мои спутники по сторонам не смотрят. Я же вдруг не выдерживаю и прошу:

— Остановите машину.

Водитель в недоумении останавливается. Я выхожу и оказываюсь на краю цветущего луга.

Читатель, войдём вместе на упругий травяной ковёр, сплошь сотканный из мелких голубых и жёлтых цветочков, изредка сбрызнутый алыми каплями дикого мака. Над головой чистейшее голубое небо, с высоты которого льётся пение жаворонка. А вокруг ясный майский день, наполненный прохладным чистым воздухом с ароматами цветущей весенней степи. Такой воздух можно запечатывать в бутылки и открывать дома в праздник, как шампанское. Родственники смотрят и смеются:

— Что тут особенного? Отвыкла за три десятка лет?

Отвыкла. Зато вижу и чувствую больше спутников, ведь у нас я привыкла ценить каждую травинку. Поэтому спрашиваю:

— Можно сорвать цветы?

— Можно, — смеются, — только зачем?

Я срываю осторожно, в пригоршню, стебли с голубыми и золотыми звёздочками, прихватываю алое пятнышко мака. По приезду, ставлю в керамическую вазу. Все смотрят, удивляются, ничего особенного, а, оказывается, хорошо!

После родственного застолья начинается разговор с хозяйкой дома. Анна всю жизнь проработала в колхозе агро-

номом, сейчас на пенсии. Колхоз так и остался колхозом, только называется АО Колхоз «Рассвет» и председатель стал директором. Раздали всем колхозникам земельный пай, по семь гектаров земли на человека. Этой землёй пользуется колхоз и платит арендную плату за пользование землёй. Первый год Анна получила две тонны зерна. Потом было и 200 и 400 килограммов. В этом году обещают по 500. Пшеница стоит 25 рублей ведро. В доме живут дочь с зятем, маленький внук. Дочь в декретном отпуске, зять работает на железной дороге. Держат корову, Звёздочку. Во дворе мелкая живность и пёс — Борис Николаевич. Молоко раскупают соседи. Мне налили кружку парного полуденного молока. Оказывается, молоко может быть бесподобным, каким-то даже сладким на вкус. Ничего удивительного — на таких-то травах!

Анна рассказывает о колхозе и почти причитает:

— Без войны разорили, без бомбёжки разрушили!

Было в колхозе 6000 тысяч голов скота, полторы тысячи дойных коров. Осталось двести коров, две доярки. Было 50000 птиц — нет птицы вообще. Был холодильник на 750 тонн — нет холодильника. Всё продаёт председатель. Зато съездил туда, куда «Макар телят не гонял» — на Канарские острова. Заботы деревенские: газ никак не проведут, надо покупать уголь, 6 тонн — три с половиной тысячи рублей. Баллонный газ — 150 рублей. Электроэнергия — 28 копеек кВтч.

— А есть ли у вас фермеры?

— Не выжить фермерам. Нет семян, нет техники, нет горючего.

Выживают все своим трудом. Работают от зари до зари, но выживают.

* * *

Вот и заканчивается мой отпуск, и я снова в поезде, в плацкартном вагоне. Мои попутчики — двое молодых мужчин и пятнадцатилетний подросток. Один парень из Дербента, всю зиму работал в Ростовской области в строительной

бригаде. Теперь возвращается — дома большой огород, сад, нужно ухаживать, продавать выращенное. Второй — азербайджанец из Баку, что удивительно, — русский и голубоглазый, похожий на актёра Нагиева, представляется нефтяником, но по географии его невольных замечаний — недавно был то в Кишинёве, то в Киеве, то в Одессе, то в Мурманске, думаю, наверное, что-то продаёт. Третий — пятнадцатилетний мальчик, закончил десятый класс суворовского училища в Новочеркасске, едет к бабушке в Волгоград.

К вечеру мужчины поужинали — мальчишка не ест. Предлагаю поужинать со мной — отказывается категорически. Но с мужчинами постоянно выходить курить. Бельё парень не взял, лежит на голом матрасе, и подушка без наволочки. Денег явно у него нет.

— Саша, — настаиваю, — возьми бутерброд.

— Нет, я не хочу есть...

Ну, ладно, едем дальше. Слышу, не спит, ворочается. Потом, увидев, что я тоже не сплю, спрашивает:

— У вас нет таблетки? У меня голова сильно болит, не знаете, почему?

— Знаю, — отвечаю я, — голова у тебя болит, потому что ты ничего не ешь, а куришь. Таблетка у меня есть, но её на голодный желудок принимать нельзя. Вот ты съешь бутерброд, запьёшь горячим, сладким чаем, потом я тебе дам таблетку.

Мальчик, смирившись, покорно ест бутерброд, запивает чаем таблетку. Минут через пятнадцать ему становится легче. Он явно оживает. Я расспрашиваю его про училище, про жизнь. Оказывается, он с Дальнего Востока, приехал к бабушке в Волгоград.

— У мамы проблемы, — сказал, и голос его дрогнул.

В Волгограде услышал про училище, сдал экзамены, — такой был конкурс! — теперь учится.

— Хорошо учишься?

— Хорошо.

— А закончишь училище, куда пойдёшь учиться?

— На юридический!

— Почему?

— Хочу, чтобы всё было по закону, вся жизнь... — и голос опять дрогнул, досталось, видно, семье.

Но не распространяется, не пускает никого в душу. Я не настаиваю.

Поезд останавливается на крупной станции, Несмотря на позднее время, на перроне светло и оживлённо.

— Саша, — прошу я, — купи мне бутылочку минералки, пожалуйста. Даю ему десятку.

Саша уходит и через некоторое время приносит мне бутылку минеральной воды и себе бутылку кока-колы.

— Ух, — говорит он, — оказывается, и мне своих денег хватило на бутылку, копейка в копейку.

И кладёт на стол монетку в два рубля.

— Это ваша сдача.

Я хотела сказать: «Оставь себе», но не посмела.

Утром все завтракают, Саша опять отказывается. Но уже не курит, пьёт свою кока-колу.

— Саша, тебя встретят?

— Да, наверное. Я звонил двоюродной сестре.

Поезд приходит в Волгоград в полдень. Саша оживлённо высматривает на перроне сестру, но никто его не встречает.

— Работает, наверное, сестра... — вздыхает мальчик, — поеду сразу к бабушке.

— А бабушка далеко живёт?

— Да, на окраине Волгограда.

— Саша, возьми эту монетку, тебе как раз хватит на автобус.

— Спасибо. Не нужно! У меня бесплатный проезд. Спасибо за всё. До свиданья.

— До свиданья, Саша. Дай Бог тебе счастья.

Смотрю ему вслед. Постоял, посмотрел по сторонам и, вздёрнув рюкзачок, пошёл.

Прямо возле окна на перроне парень с плакатом: конференция: «Личностно ориентированное образование» ждёт

прибывающих участников. Что ж, жизнь не останавливается, и образование в наше должно быть лично ориентировано. Конференция — это хорошо!

В купе заглядывает ярко одетый цыганёнок, лет тринадцати, мгновенно высматривает лежащую на столике монетку и, глядя тёмно-коричневыми, наглыми, искушёнными глазами, как-то даже лениво цедит:

— Тетя, дайте мне чего-нибудь!

«Ещё чего!» — думаю я, но не успеваю ничего сказать. Умный мальчишка мгновенно гасит блеск глаз, горестно растягивает губы:

— Тетенька, — жалостным голосом выпевает он, — дайте на хлеб, второй день ничего не ел!

Я вижу, что он врёт, но он сказал формулу, заклинание, которому я не в силах противостоять...

Помню в войну, в далёком моём деревенском детстве, как, поскрипев, потоптавшись лаптями на морозном крыльце, в кухню вошли две детские, замотанные в тряпки фигуры. Шмыгнув носом и подтянув сопли, отчего выявляются две розовые дорожки, они тянут замерзшими дрожащими голосами:

— Подайте хлебушка, ради Христа...

Сквозь прошедшие десятилетия вижу я эти две сиротские фигурки, от которых веет законной стужей, вижу, как бабушкин нож, на секунду поколебавшись, задерживается на поджаристом боку каравая. Потом виновато опускается ниже, чтоб отрезать кусок потолка. Я слышу плеск молока в кружку, вижу, как бабушка присаливает куски и подаёт детям. Дети почти не жуя, глотают хлеб, потом бережно собирают со стола крошки и отправляют в рот. Горестно подперев щеку, смотрит на них бабушка, Помню своё смутное, тягостное чувство, которому на детском языке нет названия. Что ж, дело одного человека — попросить, и каждый сам определяет меру своей нужды в помощи другого. А дело этого другого отозваться, или не отозваться. Каждый решает для себя сам.

Я молча отдаю монетку цыганёнку. Кто знает, может, его побьют, если он не принесёт денег. Вспоминаю с радостью и уважением человеческое достоинство Саши. Из нашего лексикона, к сожалению, пропали, как устаревшие, слова: «благородный человек». Я уверена, что Саша будет, нет, не будет, уже есть — благородный человек. А шустро цыганёнка жаль.

В последние минуты стоянки на Сашино место и боковые места подсаживаются новые попутчики, заводятся новые разговоры. Украинка из Харькова, белорус из Витебска, казах из Атырау. Никто из них ещё не осознал до конца, что мы живём в разных странах. Все чувствуют себя «нашими». У всех одни и те же проблемы. А «таможни и границы эти придумали, чтоб людей мучить», — говорить бойкая украинка. Все, конечно, надеются, что жизнь образуется, но когда и как? Наверное, каждый человек думает об этом.

Мне вспоминается, как в Новочеркасске в автобус впорхнула стайка молодёжи. Ребята ещё не остыли после экзамена. Наверное, первокурсники. Когда-то в молодости у нас были какие-то градации «по красоте». Я смотрю на этих девочек и мальчиков, какие там градации — они все красивые, свежие, молодые! Вот эта, рыженькая, в веснушках. Наверное, её считают дурнушкой, а я вижу — чудо! Девчонка вытаскивает шпаргалку и, шустро растягивая «гармошку», что-то ищет. Ну, надо же! Видео, компьютеры, интернет, — а «шпора» всё та же: вечная гармошка! Девчонка нашла, что искала, и возбуждённо говорит подруге:

— Ну, что он мне мозги компостирует, вот же, я правильно формулу написала!..

— Да, в шпоре-то у тебя ошибка!

Два студента, сидящие впереди меня разговаривают:

— Тебе какая задача досталась?

— Какое усилие нужно приложить, чтобы поднять лежащее бревно весом в две тонны...

Моё воображение тут же вырывает меня из реальности. Бревно весом в две тонны? Это какое же было дерево! Да нет

таких деревьев. Может, какая-нибудь американская тысячелетняя секвойя? А зачем было её рубить? Может, от старости дерево само упало? Подгнило и упало... Могло ведь задавить кого-нибудь — эдакая махина! И я уже вижу, как с шумом, ломая подлесок, падает огромное дерево, и разбегаются эти, как их... пеоны... нет, пеоны в Мексике.... Ну, в общем, разбегаются лесорубы. Потом они обрубают ветки, сучья, и вот, пожалуйста, бревно, весом в две тонны, которое бедный студент должен поднять...

Я возвращаюсь в реальность и слышу:

— Знаешь, надо взять формулу момента, вот смотри...

Они склоняются над тетрадкой, я слышу слова: сила... плечо... точка опоры... Поднял всё-таки парень своё бревно.

Да, кажется, это Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры, и я переверну землю!»

И страна наша — Советский союз, представляется мне рухнувшим огромным деревом. Подгнило и рухнуло, И всех зацепило. Теперь попробуй, подними жизнь. Когда-то точкой опоры была идеология, с помощью которой мы хотели перевернуть мир. Перевернулись сами. Как теперь подняться? Где точка опоры? Может быть, сначала надо поднять свои рухнувшие души. Ведь десять лет мы живём в состоянии стресса. Разрушился иллюзорный мир, в котором не было страшных катастроф, не было секса, не было стремящихся к наживе. Оказывается, всё это было и есть, и ещё много всякого, что нашему сознанию трудно усвоить. Как же нам подняться морально? На что нам опереться?

Наверное, надеяться нужно на самих себя, на ту внутреннюю способность к любви, которой наделил всех нас Создатель. Это и любовь к своим близким, родным и друзьям, понимание и сочувствие к окружающим, соседям, коллегам, всем людям, с которыми сталкивает нас случай, бережное отношение к природе.

Мы должны помнить, что мы не хуже людей Запада, и не нужно чувствовать ущербность или отсталость. Мы про-

сто другие. Нужно избегать озлобленности, апатии, зависти, уныния. Всё это разрушает нас изнутри, отнимает жизненные силы. Духовные движения в человеческом обществе всегда опережают экономические. Не бывает так: «буду жить хорошо, буду хороший». Наоборот, «стану сам лучше — буду лучше жить». Распрямится наша душа — поднимется общество.

У Герцена есть хорошие слова: «Когда бы люди захотели вместо того, чтобы спасти мир, спасти себя, вместо того, чтобы освобождать человечество, себя освободить, как много они сделали бы для спасения мира и человечества...»

За Атырау зелень становится реже, светлей, серебристей. Всё чаще в ней встречаются серо-жёлтые проплешины голой земли, всё чаще асфальтово-гладкие такыры и сверкающие по берегам солью, словно инеем, пересыхающие озёрца. Да, нет здесь такой роскошной буйной зелени. Но, как в каждом уголке земли, есть здесь и своя прелесть, и своё величие. Колёса стучат: домой... домой... домой... Живём мы тут. Здесь наш Дом — наша точка опоры.

*Новочеркасск — Актау.
июнь-август 2000 года*

Та самая Америка...

Помню, мне было лет пять, когда старшие школьники впервые показали мне глобус и объяснили, что это наша планета Земля, а вот это голубые океаны, а это материки, что мы живем вот здесь, а вот здесь, на противоположной стороне Земли живут американцы. Я очень удивилась и спросила: «Что же, там люди ходят вниз головой?» И заплакала от обиды, когда они захохотали. Ведь это было непостижимо, что люди могут там ходить по земному шару, так же, как мы. Со временем этот вопрос снялся сам собой. Но Америка долгие годы была страной особенной. Причем, когда говорили «Аме-

рика», подразумевались именно Соединенные Штаты Америки, все другие страны континента были Мексикой, Бразилией и т.д. как положено, но Америкой были именно США. Помню, как в конце войны в наше глухое вологодское село привезли так называемые американские подарки. Люди в Америке собирали в помощь Советскому Союзу одежду, обувь и посылали в нашу страну. Помню, что моей маме досталось яркое цветное платье из шелкового трикотажа. Мама надела и стала такой красивой – глаз не отвести. А уже после войны отец привез с собой большую банку американской тушенки, и с жареной картошкой это было необыкновенно вкусно.

Потом в детскую жизнь пришли чудесные американские фильмы, «взятые в качестве трофея» — никогда не забыть «Серенаду Солнечной долины», фильмы с Диной Дурбин, серии про Тарзана, а так же книги Марка Твена, Теодора Драйзера, О. Генри, Харпер Ли, Гарриэт Бичер-стоу, Рея Бредбери. Да возможно ли перечислить те замечательные книги, которые оказали на мое поколение такое же сильное и высоко-нравственное влияние, как и лучшие книги русской литературы. И как-то так в душе отложилось некая двойственность — Америка, со своими поджигателями войны, про которую говорят по радио — это одно, а те люди, которые в книгах и фильмах — это совсем другое и первым явно противоречат и противостоят вторые. Обе Америки присутствовали в нашей жизни постоянно по разным причинам, но мы помнили о них всегда. Словно какой-то магнит присутствовал в нашей жизни с двумя полюсами. Один притягивал, другой отталкивал. Но в какую бы сторону ни колебались настроения, главным было одно — Америка была страной, для нас недоступной, и попасть туда было невозможно, и даже об этом не мечталось. Нет и все.

Все знают, что произошло потом в стране и в жизни каждого человека. Мой брат, кандидат медицинских наук, микробиолог, после перестройки на свою зарплату в НИИ и всевозможные подработки не мог прокормить семью и стал

искать возможность найти себе применение, как специалисту, в Америке. У него были публикации в международных научных журналах, это ему помогло, и в 1999 году ему было выдано разрешение на работу в США. Разрешение, но не саму работу. Это, пожалуйста, ищите сами. Сначала он работал в государственной социальной службе и ухаживал за инвалидами. Эта помощь оказывается государством недостаточно обеспеченным семьям, которые сами не могут нанять человека по уходу за беспомощным инвалидом. Через год брат нашел работу по специальности.

В новогоднюю ночь 2007 года он позвонил нам, поздравил с Новым годом, напомнил, что в этом году мы с ним юбилеры, ему 8 апреля исполняется 60 лет, а мне 6 июня — 70, и он хочет сделать мне и себе подарок — приглашает нас с мужем в Америку. В гости. И оплатит дорожные расходы. Вот это была новость! Вот это подарок! На семейном совете мы решили, что поеду я вместе с дочерью.

И вот позади хлопоты с заполнением анкеты, поездкой в Алматы, в консульство США за визами, волнения по поводу разрешения на поездку. Потому что очень часто приглашенные на три месяца люди нелегально остаются там на всю жизнь. Мы с дочерью не вызвали таких подозрений, и визы были нам даны. Позади волнения в аэропорту Шереметьево с потрошением наших вещей на таможне, пограничный контроль, личный досмотр. И задержка вылета на два часа из-за неприбытия нашего самолета. Позади и незапланированная посадка в Копенгагене из-за сердечного приступа одного из пассажиров. Наконец, мы снижаемся, самолет садится в аэропорту Кеннеди. Все. Прилетели. Нет, не все. Впереди — граница.

Время уже позднее, в зале пограничного контроля скопились пассажиры с нескольких рейсов, а на проверке документов работают только 5 постов. Пассажиров, заполнивших зал, нельзя назвать толпой, потому что спокойно соблюдается очередь. В зале стоят легкие стойки с прицепленными

ми эластичными лентами, на концах лент замки, входящие в направляющие на стойках — все легко состыковывается и расстыковывается. Стойки и ленты образуют направляющие коридоры. В результате люди спокойно стоят в очереди. Нарушить ее, втиснуться без правил просто невозможно. Пассажиры с нашего, московского самолета держатся рядом, делятся впечатлениями. Все устали из-за задержки рейса и потому раздражены медленной процедурой, ворчат на нерасторопность службы, на малую пропускную способность контроля. «Бюрократы!» — возмущается одна из женщин. Другая отзывается: «А что и у них есть бюрократы, как у нас? Везде одно и то же!» «Еще какие бюрократы! — говорит молодой мужчина, потом, помолчав, добавляет, — только взяток они не берут. Исполняют законы».

Мы выстояли в этой очереди два часа, потом вежливый человек посмотрел документы, на электронном приборе взял отпечатки пальцев, улыбнулся и сказал: «Добро пожаловать в Америку!» Это было неожиданно и очень приятно услышать.

Почти полумертвые от усталости мы, наконец, выходим и попадаем в объятия брата и его жены. Здравствуйте! Наконец-то! Хотя с опозданием на 7 часов, но прибыли. Везем вещи на тележке к стоянке автомобилей, поднимаемся на лифте, садимся в машину — домой!

Семья брата снимает квартиру на первом этаже трехэтажного частного дома в Бруклине. Квартира из четырех комнат — гостиная, спальня, комната дочери, кабинет с компьютером. Еще удобная просторная кухня-столовая, совмещенные ванна и туалет. Комнаты не такие большие, но есть ощущение необходимого и достаточного, индивидуального пространства для каждого члена семьи и для всех вместе.

Дом стоит на тихой улице из аккуратных двух и трехэтажных домиков, с крошечными палисадниками, в которых посажены цветы, кустарники, деревья. И вдоль проезжей части тоже растут деревья не всегда знакомой породы. Домики ка-

жутся словно бы игрушечными, узкими, вытянутыми вверх и вглубь квартала. Своим фасадом они, пожалуй, напоминают скворечники. Снаружи стены обложены красивыми кирпичиками и производят вполне солидное впечатление.

Уже в первое утро становится ясно – стены дома невероятно звукопроницаемы. Вот заговорили на втором этаже, вот что-то подвинули, вот кто-то вскрикнул. А вот верхние жильцы спускаются по лестнице, хлопнула входная дверь, от чего стены чувствительно завибрировали. Дочь говорит: «Теперь я понимаю, что чувствовали поросята Наф-Наф, Нуф-Нуф и Ниф-Ниф, когда серый волк ломился к ним в домик из хвороста». Нам объясняют: «Здесь в большинстве своем стены домов так построены. На деревянные стойки с двух сторон прибиваются листы гипсокартона, а промежутки между картоном заполняются стекловатой. Вот уже и стена готова». Входная дверь дома хоть и закрывается на два запора, практически только символична. Теперь мне становятся понятно, почему в американских фильмах полицейские или бандиты так лихо выбивают дверь одной ногой. Попробовали бы они вот так выбить какую-нибудь металлическую актаускую дверюгу!..

Бруклин — это русский остров в англоязычном море. Бруклин — часть Нью-Йорка, который облюбовали выходцы из России еще до второй мировой войны. Хороший, тихий район и океан рядом — почти как море в Одессе. Сейчас в нем селятся люди из бывшего СССР, и кто бы они ни были по национальности, они все — русские. Одна знакомая рассказывала, что когда работала в англоязычной семье няней, то в свой выходной приезжала в Бруклин, чтобы походить по магазинам, услышать русский язык и поговорить по-русски.

Оказаться в другой стране без знания языка, все равно, что высадиться на чужой планете. О своей первой вылазке рассказывал мне брат, попавший в Бруклин несколько лет назад: «Вышел я на улицу, дыхание затаил и иду, примечая

ориентир. Нужно мне в магазин сходить, еду какую-нибудь купить. И так мне не по себе, так тоскливо. Люди вокруг чужие, языка толком не знаю. Иду по тротуару держусь поближе к домам. Вдруг подъезжает мебельный фургон, тормозит чуть впереди меня, выскакивают водитель и рабочие. Залезают в фургон и начинают выгружать пианино. Пианино тяжелое, подхватывать его неудобно, рабочие его тащат, пыhtят, пианино грохается о тротуар, жалобно гудит потревоженными струнами, и я слышу родное: «Ах, мать твою так и разэтак!» И, веришь ли, всегда меня мат коробил, а тут обрадовался, так у меня на душе потеплело — наши!» Спрашиваю: «Ребята, где тут ближайший продуктовый магазин?» «Да заверни вон за угол — их тут как грязи!» Завернул я за угол, вышел на торговую улицу, действительно, все сплошь магазины, какие хочешь, и в каждом есть все, что тебе нужно и даже более того. Зашел я в магазин, смотрю, отличные сыры лежат на витрине. Я даю понять продавщице знаками и немногими английскими словами — этого отрежьте, и вот этого. А она меня небрежно так спрашивает, вроде бы по-русски, но не совсем: «Вам писиком или слайсиками?» Я молчу и пытаюсь что-то сообразить. А она нетерпеливо, как родной советский продавец: «Мужчина, я вас спрашиваю, вам писиком или слайсиками?» Я постеснялся уточнить, говорю: «Один сорт так, один по-другому». И она мгновенно взвесила мне кусок одного сыра и порезала тоненькими лепестками другой! Вот, оказывается, что это значит — куском (Piece) или порезать ломтиками (Slice). Уже английские слова к русскому языку приспособила». Английский и русский языки в Бруклине сосуществуют рядом, и английский вторгается в русский, волей-неволей теснит его. Но русский язык перемальвает английские слова, приспособливает их к своим понятиям, к своей грамматике. Позднее, я услышала обрывок разговора двух мужчин. Один спрашивал: «Ты уже юнионизировался?». Тот отвечает, мол, еще не успел. «Что он такое сказал?» — спросила я у брата. Оказывается, мужчина имел

в виду: «Ты уже вступил в профсоюз?» Юнион — это профсоюз. Так говорят «аплицироваться» от «Application», то есть подать заявление на что-то — на работу, на гринкарту, на помощь. К врачам и адвокатам очереди нет, они принимают по аппоинтменту (по записи) от слова «appoint» — назначить свидание — «meeting». Говорят: «У меня митинг» — то есть свидание, собрание. Придя на работу, человек должен отметить время своего появления, как говорят русские «отпанчеваться» от слова «punch» – ударить, пробивать. Кстати, если работник опоздал от минуты до десяти минут, то у него вычитают из заработка оплату за час.

На следующий после приезда день мы едем на знаменитую улицу Брайтон Бич. Она довольно часто мелькает в фильмах, более подробно ее видно в фильме «Брат-2». Галя, жена брата, находит место для парковки, и они с мужем некоторое время обсуждают, на достаточном ли расстоянии от пожарного гидранта поставлена машина. Если ближе 10 метров – жди солидного штрафа. Рядом с дорогой через определенные промежутки установлены пожарные гидранты, что, конечно, способствует быстрой ликвидации пожара. Полицейские машины постоянно патрулируют по городу, внимательные глаза следят, чтобы соблюдались все правила, и родственники нас строго настроено предупредили – в машине обязательно пристегиваться ремнями. На Брайтон Бич сплошь магазины, друг за другом, рестораны, закусочные, вывески и на русском языке, и на английском, а то русские названия латинскими буквами, например «Varenichnaya». Или по имени — «Marina». Возле детского магазина большой раскрашенный утенок, на котором ребенок может покачаться. Пока ребенок качается, мама вспомнит, что ей нужно купить в этом магазине. Кругом зазывная реклама, обещания впечатляющих скидок по-английски и по-русски. Вверху улицу пересекает грохочущая эстакада метро.

Выходим на пляж. Длинный, насколько хватает взгляда

деревянный настил шириной метров 30 из плотно и аккуратно пригнанных досок, скамейки. Дальше — полоса серо-желтого песка, шириной метров 50, а за ним ровная поверхность воды серо-стального цвета. Это Атлантический океан — какой, оказывается, смирный, тихий и застенчивый. Говорят, не всегда такой. Собравшись с духом, перехожу песчаную полосу пляжа, наклоняюсь, опускаю в воду носовой платок, пробую океанскую воду на вкус — солоноватая с горчинкой. Ну, что ж, известный российский политик еще только собирается мыть сапоги в Индийском океане, а я уже намочила свой носовой платок в Атлантическом. Каждому свое. На пляже, конечно, безлюдно, невдалеке компания мальчишек запускает затейливо раскрашенного воздушного змея в серое неприветливое небо. День стоит ненастный, накрапывает дождик, и мы, сфотографировавшись, уходим к машине. Сетуем, что погода скорее осенняя, чем апрельская.

Следующее утро неожиданно радует нас солнцем, мы надеемся на то, что, наконец-то будет тепло, но еще не знаем, что этот погожий денек, просто сумел ловко протиснуться между ненастными собратями, и что таких дней будет не так много. Вместе с братом мы едем в центр города, в Манхэттен, чтобы подняться на знаменитый небоскреб Эмпайр Стейт Билдинг. Это Мекка туристов Нью-Йорка с тех пор, как он был построен в 1931 году.

В метро мы покупаем в кассе билеты на несколько поездок сразу, учимся проходить автоматический контроль, тренируемся, как правильно «отсвайпиться» от «swipe» — ударять, то есть резко, поступательным рывком вставить в прорезь и протянуть свою магнитную проездную карточку. Получается не с первого раза. Из Бруклина в центр идут два поезда с буквами «В» и «Q», русские уже окрестили их — «Бишка», который идет быстрее и останавливается только на крупных станциях, и «Кюшка», который обстоятельно тормозит везде. Первые три линии метро в Нью-Йорке были

построены 1898 году. Метро строилось для рабочей бытовой надобности, для быстрого и дешевого сообщения между разными районами Нью-Йорка, поэтому никаких красот на станциях не предусматривалось, и эта тенденция сохранилась до сих пор. Выходишь с поезда на платформу весьма непрезентабельного вида, никаких мраморных колонн, светильников и прочих излишеств. Все как-то мрачно, буднично. Метро в Москве и Ленинграде гораздо красивее, чище — никакого сравнения. Мы видели на станции Атлантик авеню памятную доску, где написано, что станция введена в строй в 1908 году и впервые реставрирована в 2004 году. То есть, прослужила без ремонта 96 лет. Поразили металлические конструкции на заклепках. Ведь это метро начали строить еще до технического внедрения электросварки. Глядя на эти мощные конструкции, понимаешь, что, пожалуй, станция проработает еще 100 лет. Умели люди строить.

На станциях метро в Бруклине автоматы, продающие билеты, работают на трех языках — английском, испанском и русском. В США живет много выходцев из латиноамериканских стран, в школе учат испанский язык. Ходят слухи, что скоро испанский будет вторым государственным языком США. А в Бруклине много русских, поэтому предусматриваются и их удобства. Позднее мы с дочерью самостоятельно поехали в Манхэттен, подошли к окошечку кассы. Билет на одну поездку стоит 2 доллара. Дочь протянула деньги. Молодой мужчина показал нам на автомат и что-то сказал по-английски. Несколькими английскими словами и жестами мы дали понять, что не знаем, как им пользоваться. И тогда, доброжелательно улыбаясь, он вышел из своего закутка, подвел нас к автомату и показал, что и в какой последовательности надо нажимать. Автомат был с сенсорным управлением, без кнопок. Не спрашивая, он вызвал надпись «русский язык», видимо, на нас было написано, что мы русские. Мы благополучно взяли билеты и подивились, что вот, не раздражался, не обругал, не посмеялся, встал и показал, что надо делать.

Сиденья в вагонах пластмассовые, удобные. Названия остановок объявляют по радио. Значительную часть пути поезд идет по поверхности в ограниченном бетонными стенами коридоре, и над землей по эстакадам. И везде, куда только смогла ступить нога человека – рисунки уличных художников – граффити: надписи, какие-то призывы, страшные морды, разноцветные доморощенные панно. Мы выходим на остановке 34-стрит, поднимаемся на станцию, и нас оглушает веселая ритмическая музыка. Это оркестр музыкантов, которые веселят публику и тем подрабатывают себе на жизнь.

Мы вышли из метро в центре Манхэттена, на углу Бродвея и 34-стрит. И ахнули, остановившись в ошеломлении. Улица буквально бурлила, пульсировала энергией. По проезжей части непрерывно льются потоки автомобилей самых разных марок, длинные лимузины, двухэтажные автобусы, желтые такси, юркие малолитражки и даже рикши на велосипедах с кабриолетом. По тротуарам безостановочно текут толпы людей разных национальностей, цвета кожи, разреза глаз. Если уж сравнивать улицу с рекой, то берега ее обрывисты и чудовищно высоки — высотные здания со сверкающими стеклами окон. В квартале от этого места и знаменитый небоскреб – цель нашего сегодняшнего путешествия. Мы идем к нему по улице, громады зданий словно давят на тебя и чувствуешь себя маленьким, как в песне Вилли Токарева «Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой...» А еще писатель Эдуард Лимонов сказал, что человек здесь чувствует себя, как таракан, ползущий вдоль комода. И это правда.

Очередь на посещение Эмпайр Стейт Билдинга растянулась на половину квартала. Становимся в хвост, нам, бывшим советским, не привыкать. Кажется, представители всех рас и государств на земле выстроились в эту очередь. И мы влились в апрельский отряд двадцати пяти миллионной ежегодной армии туристов Нью-Йорка. Очень много детей с учителями, с родителями — сейчас у детей школьные кани-

кулы. А дети всех народов, томясь ожиданием, кричат и бегают одинаково. Войдя в здание, мы облегченно вздохнули, но, оказывается, рано радовались, пришлось стоять еще в очередь к кассам, потом в очереди на лифты, но вот, наконец, ровно через три часа мы вышли на смотровую площадку небоскреба на высоте 320 метров. И поняли, что наше упорство вознаграждено.

В легкой дымке растворяется горизонт, а если посмотреть вниз — открывается удивительная панорама города, от которой кружится голова. На дне уличных ущелий и каньонов ползут крошечные, словно игрушечные машинки. Вот реки Гудзон и Ист Ривер, образующие остров, на котором и стоит это искусственное рукотворное чудо — Манхэттен. Вот легкие, изящные изгибы мостов Вашингтон бридж и Бруклин бридж. Вот удивительный по изяществу стальной небоскреб со сверкающим шпилем Крайслер Билдинг, тоже один из символов Нью-Йорка. Глядя со смотровой площадки, можно сориентироваться во всех направлениях. И здесь совсем иначе, конкретнее воспринимаются пояснения брата. Оказывается, Нью-Йорк состоит из пяти административных центров: Манхэттен, Стейтен Айленд, Бруклин, Квинз и Бронкс. Эти пять составляющих Нью-Йорка, пять долек или пять семечек Большого Яблока, как еще называют этот удивительный город. А вон там — стояли башни Близнецы, которых больше нет.

Эмпайр Стейт Билдинг, уступивший в 1972 году Близнецам первенство в высоте, снова стал самым высоким зданием Нью-Йорка... Общая высота его 443 метра, 102 этажа, 73 скоростных лифта, 2 смотровые площадки, 6 500 окон. Как инженер, я восхищаюсь авторами проекта, строителями, инженерным обеспечением строительства, личным мастерством и отвагой рабочих. На невероятной высоте они устанавливали на место и сваривали стальные балки. Журналисты их называли «небесные ковбой» — бесстрашные и умелые в своем деле люди. А эксплуатация этой громадины?! Какими отличными, ответственными специалистами должны быть эти 150

человек технического обслуживания здания! Чтобы вдохнуть жизнь в эту громадину необходимо великолепное инженерное обеспечение – подача воды, канализация, отопление, вентиляция, электроснабжение, связь, обслуживание оборудования, меры безопасности. Конечно, строительство небоскребов диктовалось не только необходимостью, но еще и амбициями, престижем его владельцев. Но ведь это и напоминание всем о возможностях человека. Наверное, не нужно чувствовать себя маленьким и подавленным возле небоскребов, а гордиться тем, что все это сделали люди.

Экскурсия по Манхэттену

Экскурсия по центру Нью-Йорка, Манхэттену, пришлась на день пасмурный и ветреный. Человек 10 вместились в маленький автобус, который по привычке называю про себя «Рафиком». Экскурсовода зовут Оскар, 15 лет, как он уехал из Ленинграда. На ветровом стекле казахстанский флажок. Оказывается, водитель, Женя, из Алматы. Оскар спрашивает свою группу: «Откуда вы?» Услышали ответы: «Из Испании, из Германии, из Израиля...» И тогда Оскар повторяет вопрос: «Нет, я спрашиваю, откуда вы, изначально?» «Из Кишинева, из Киева, из Минска...» Все смотрят друг на друга с улыбкой — все из Советского Союза. Становится словно бы теплее. Наши...

Конечно, за один день Манхэттен не обойдешь, и даже не объедешь, но основные достопримечательности Оскар обещает нам показать. Я не буду здесь подробно рассказывать обо всем, как говорит восточная пословица «сколько не кричи — халва-халва! – во рту сладко не будет». Поэтому я постараюсь вспомнить только самые запоминающиеся моменты, может быть, это будут мелочи. Сначала автобус подвез нас к Бэттери-парку, с которого и началась наша экскурсия. Бэттери парк расположен на искусственной полосе земли на южной оконечности Манхэттена. В 1812 году здесь был

форт, предназначенный отбивать атаки Британского флота. Сейчас вся эта полоса – музей под открытым небом со старыми и новыми памятниками, и самое первое, что мы видим – это шаровая, бронзово-стальная скульптура — временный памятник погибшим 11 сентября. Этот Шар, символизирующий планету Земля с океанами и континентами, был прежде установлен в центре фонтана у Всемирного торгового центра, как олицетворение мира на всей земле. После трагедии он был найден под завалами поврежденным, но не разрушенным, в таком виде его и установили в парке. И то, что он тоже был ранен, покорежен, но все-таки уцелел в этом ужасе — очень символично. Рядом с шаром колеблется, трепещет под ветром язык пламени Вечного огня.

А вот стоит памятник прибывающим иммигрантам, зывающим к своей новой родине, на который невозможно смотреть без волнения. Начиная с конца XIX века, начался мощный приток иммигрантов в Америку. Иногда это было до 5000 человек в день. Приезжали люди бедные, но имеющие волю попытаться изменить свою судьбу, а, значит, сильные духом — они могли надеяться только на себя. Здесь статуя мореплавателя Джованни Веррезано, первым причалившим к берегу, где сейчас стоит Нью-Йорк. А голландец Питер Минюи «купил» у индейцев территорию Манхэттена, за безделушки и одежду, общей стоимостью 24 доллара. По парку ходят толпы туристов, Оскар подгоняет нас, идет быстрым шагом, и в руках у него высоко поднятая зелено-желто-красная яркая, указка, чтобы его группа не потерялась. От причала уходят катера к знаменитой Статуе Свободы, но Оскар не советует своей группе ехать к ней – резкий ветер безжалостно пронизывает холодом. Да и времени много отнимет. Рядом с причалом два человека в сшитых по фасону статуи зеленых одеяниях, в соответствующих масках и головных уборах изображают Статую Свободы. Кто хочет, за плату может сделать с ними фотографию на память.

Здание Всемирного Финансового центра расположено ря-

дом с Всемирным торговым центром, то есть рядом с башнями Близнецами. Здание Финансового центра после террористического акта 11 сентября 2001 года уцелело, но в нем были выбиты все стекла, огромные стройные пальмы знаменитого Зимнего сада повалились на землю. Сейчас, конечно, все приведено в порядок, и пальмы снова стоят в этом удивительном саду. Мы поднимаемся по лестнице и через стеклянную стену с волнением смотрим на место трагедии — туда, где стояли башни Близнецы. Около тридцати лет они были воротами, маяком фантастического города — Нью-Йорка, знаком процветания и успеха этой страны, символом американского духа. Гибель Близнецов — это незаживающая рана, не проходящая боль Америки. И не только Америки — достаточно вспомнить собственный ужас и чувство глубокого сострадания к погибшим и пострадавшим людям.

Дочь знакомых моего брата работала во второй башне на 95 этаже. Утром 11 сентября она нечаянно проехала свою остановку метро. Нужно пояснить, что в Нью-Йоркском метро нельзя выйти на платформу, пересест в другой поезд и тут же вернуться назад. У них нужно на этой станции переходить на другую платформу, где идут поезда в обратную сторону, а на это требуется довольно много времени. Расстроенная своей оплошностью, девушка поняла, что опаздывает на работу. Когда она вышла на поверхность, увидела, что горит первая башня. Что именно случилось, она не знала. Она побежала к месту своей работы, ко второй башне. Полицейский ее не пустил, она упрашивала его. И вдруг на ее глазах самолет врезался во вторую башню в 40 этаж. Что она почувствовала, можно попытаться, но все-таки невозможно себе представить. Девушка получила психическую травму на всю жизнь. Пухленькая толстушка, она раньше все никак не могла похудеть. После этого она невероятно похудела, с ней работали психологи.

Сейчас на месте исчезнувших башен котлованы, трудятся краны. По плану реконструкции здесь будет ансамбль зда-

ний, среди которых снова будет Всемирный торговый центр, Музей и Парк героев, Антенная башня, высотой 541 метр и Мемориал, посвященный жертвам 11 сентября.

Автобус подвозит нас к Южному морскому порту. Длинный ряд строений растянулся вдоль набережной реки Гудзон, в них расположены, кафе, рестораны, магазины. В одно из таких кафе Оскар ведет нас перекусить. В кафе несколько прилавков с разной кухней. Оскар советует китайский прилавок – вкусно и недорого. По нашему выбору девушки-китайки накладывают в тарелки еду: суп, мясо в соусе, разнообразные овощи. Салаты. Все это стоит 5 долларов. Немножко остро, необычно, но довольно вкусно.

Теперь едем в центр Манхэттена, сначала в сердце американского капитализма – Уолл-стрит. В автобусе по дороге Оскар задает группе вопрос: «Есть поговорка, что три океана омывают город Нью-Йорк. Как вы думаете, какие?» Дальше Атлантического океана дело не пошло. Оскар поясняет: «Да, один — Атлантический, второй — воздушный океан, а третий — это океан денег. И сейчас мы едем смотреть берега этого океана». Говорят, что Уолл-стрит самая короткая улица Нью-Йорка, название улицы (wall – стена) обязано небольшому забору, построенному для защиты колонистов от нападений индейцев. Сейчас на углу этой улицы расположено здание Нью-Йоркской фондовой биржи. Мы не раз видели в кино, что делается в зале биржи. В ней совершается более 200 миллионов операций с акциями и ценными бумагами. Автобус кружит и кружит по улицам, и я перестаю ориентироваться. Вот улица, на которой совершаются сделки с золотом, здесь же магазины с витринами, плотно покрытыми, словно сверкающей чешуей золотых рыбок, разнообразными изделиями из золота. Такого количества золота не приходилось видеть – просто «Остров сокровищ». На 47 улице магазины, в которых продают бриллианты. Оскар объясняет, что большинство продавщиц здесь русские девушки, которых взяли на работу за красоту. Продавцы должны со-

ответствовать товару. И действительно – на черном бархате сверкающие россыпи бриллиантов, а девушку-продащицу зовут Наташа — хороша! — ничего не скажешь. А улицы Манхэттена опять поражают своей мощной энергетикой человеческой деятельности. Оскар задумчиво поясняет: «Да, Нью-Йорк никогда не отдыхает. Здесь каждый делает свою копейку».

Оскар неумоимо бежит впереди группы, заводит нас в церковь Тринити Чёрч, в епископальный собор святого Томаса, внутри которого потрясающая акустика и где любил выступать Луи Армстронг. Кафедральный собор Святого Патрика — самый большой католический храм в Соединенных Штатах поражает своей роскошью и красотой цветных витражей. В соборе двенадцать алтарей, каждый из которых посвящен определенному святому. Поразили маленькие детали: тихая несуетная очередь к кабинке для исповеди. Скоро пасха и к празднику нужно прийти с чистой, светлой душой. Вот забежал молодой человек, обыкновенный, в джинсах и с кейсом в руках, деловой такой, и вдруг одним рывком упал на пол, распластался перед статуей Девы Марии. Душа толкнула...

Возле знаменитого отеля «Плаза» мне захотелось посмотреть снизу, какой высоты это здание. Я подняла голову, потом ее пришлось откидывать назад до тех пор, пока шапка не свалилась у меня с головы. А верхнего этажа я так и не разглядела. А вот картинка, милая сердцу советским журналистам в приснопамятные времена. Недалеко от отеля на скамейке сидят двое, мужчина и женщина. Им лет по 35. Афроамериканцы. Называть их неграми нельзя, хотя я никак не пойму в чем причина запретности слова. Ну, нельзя, и мы не будем. Так вот сидят эти двое с выражением величайшего удовлетворения, спокойствия и сознания исполненного долга. А рядом с ними два огромных пластиковых, нет, мешка даже, а два прозрачных контейнера, набитых аккуратно уложенными пустыми жестяными банками из-под пива.

Оказывается, эти банки сдают в специальные приемные пункты по 10 центов за банку. Потрудились ребята... Мне очень хотелось их сфотографировать. Но, раздумывая и сомневаясь, можно ли это сделать, или надо с ними договариваться, я замешкалась, отстала от группы и побежала ее догонять. А колоритная была бы фотография!.. Или фотоаппарат бы мне разбили.

Оскар ведет нас в музей мадам Тюссо. Возле него очередь туристов. Но Оскар убежал улаживать проблему с кассой музея. Мы стоим и глазеем по сторонам — хочется, как можно больше вобрать в себя впечатлений, а глаза только два, и два уха, и голова всего лишь одна. Не знаешь, на что обратить особое внимание. И тут замечаю двух афроамериканок необытных, неопиcуемых размеров! Две молодые с женщины с несметным количеством дредов (для старшего поколения поясняю — жгуттики из волос), которые накручены в их пышных волосах, в огромных джинсах и куртках оживленно переговариваются, смеются, сверкая крупными белоснежными зубами — счастливые, веселые — никаких комплексов по поводу фигуры. Рядом с ними я почувствовала себя Дюймовочкой. Все познается в сравнении...

В музее имеем редкую возможность рассмотреть вблизи исторические личности, сфотографироваться рядом президентом Бушем, четой Кеннеди, Джулией Робертс. Из отдельной комнаты доносятся вопли ужаса. Там демонстрируется казнь Марии Антуанетты, и туда стоит очередь. Нет, нам туда не хочется, и не надо...

Невероятно впечатляет Рокфеллер центр со статуей Атланта, держащий на плечах земной шар. Это отдельный город в городе с небоскребами, фонтанами, садами, прогулочными дорожками, магазинами, офисами, научно-исследовательскими центрами. Главный пешеходный вход находится на Пятой Авеню и ведет в центр через сад с длинными дорожками с причудливо подстриженными кустарниками. Запомнился огромный зеленый кролик. Напротив не-

боскреба Дженерал Электрик Билдинг находится большая полупогруженная площадь Рокфеллеровского центра, на которой всю зиму, (и сейчас, в начале апреля) устроен каток, а на Рождество здесь устанавливают главную Нью-Йоркскую елку. Большой фонтан на площади украшает сверкающая позолотой бронзовая статуя Прометея. Каток и статуя напомнили мне, что несколько раз я видела это в разных игровых американских фильмах.

В фойе Дженерал Электрик рассматриваем стенопись художника Хосе Мария Серта, изобразившего дух капитализма. Любопытно, что вначале роспись была поручена художнику - коммунисту Диего Ривера. Рокфеллер поставил перед ним задачу изобразить на росписи «Торжество труда», имея в виду мысль, что труд торжествует там, где объединяются усилия и рабочих, и специалистов, и финансистов. А тот изобразил победу рабочего движения и идеологов Маркса и Ленина. Когда Рокфеллер это увидел, он расторг с ним контракт и пригласил неизвестного Хосе Мария Серта.

Неутомимый Оскар ведет нас к зданию Метрополитен опера и рассказывает, рассказывает о том, что лучшие певцы и актеры мира мечтают выступить на этой сцене. Здесь пел Шаляпин, здесь пел Карузо. В вестибюле здания много туристических групп. Но наш Оскар выделяется среди всех экспрессией и личностным отношением к теме. Пленившись его жестикуляцией, к нему подходят неорганизованные туристы и просят разрешения присоединиться к экскурсии. Он галантно поясняет: «Мадам, я говорю по-русски».

Неизгладимое впечатление производит небоскреб Трамп Тауэр. Представьте себе правильный параллелепипед, покрытый цветным стеклом темно-серого цвета, высотой 202 метра – 68 этажей. Расположен он на углу знаменитой Пятой Авеню. Помещения от первого до шестого этажа заняты магазинами и ресторанами, на остальных расположены роскошные апартаменты, в которых живут самые знаменитые и богатые люди планеты. Здесь находится квартира Софи Ло-

рен, здесь приобрели квартиры и российские олигархи. Вход в этот дворец свободный — никаких охранников, никаких препятствий. Войдя в вестибюль, просто немеешь от роскоши отделки. Пол, стены, колонны вестибюля отделаны красным мрамором и сверкающей золотом латунью. Я прежде никогда не видела мрамора такого цвета и сначала подумала, что это яшма. Цвет отшлифованных сверкающих узоров на плитах мрамора ярко-оранжево-желто-золотистый в самых фантастических сочетаниях. От плит исходит не просто теплый — горячий свет. С ужасом смотришь на свои слегка запылившиеся туфли — идти в них по такому полу — кошунство. В воздухе носится изысканный запах высокосортного кофе — в правом углу вестибюля уютные столики кафе, а с высоты шестого этажа по мраморной стене струится мощный водяной каскад, и это так умопомрачительно прекрасно, что слов нет — одни междометия. Оскар рассказывает, что Дональд Трамп — один из самых богатых людей Америки, занимается строительством и недвижимостью. В этом здании и его личные апартаменты из 53 комнат.

«Я обещал вам роскошный туалет, — говорит Оскар, — пожалуйста!» И действительно, помещение туалета тоже отделано этим же чудесным мрамором, латунные краны сияют золотом — красота, чистота, порядок! И все бесплатно. Кстати, в Америке везде — в магазинах, в кафе, в театрах, в казино, на пляже, на заправочных станциях бесплатные, поражающие чистотой, туалеты. Везде исправно подается очень чистая, прозрачная вода, везде в достатке туалетная бумага, жидкое мыло, бумажные полотенца и сушилки для рук. И никакого даже признака запаха, так что туалет находишь только по названию. И это, наверное, самый главный признак современной цивилизации — уважение к человеку. Уж мы-то знаем, с чем нам сравнивать, и можем это оценить.

Успел Оскар нас сводить и к зданию ООН. Внутрь зайти мы уже не смогли, а вот в парке возле здания видели скульптуры, подаренные ООН разными странами. Поразила

скульптура земного шара с трещинами, готовыми разорвать его. Это символизирует хрупкость и уязвимость нашей родной планеты. И еще забавная скульптура — подарок от Люксембурга: пистолет с завязанным в узел дулом. Из такого не выстрелишь. Очень смешно и символично.

Запомнилось мимолетное впечатление — автобус проезжал мимо дома, где жил, и в подъезде которого был убит маньяком Джон Леннон. Возле этого подъезда теперь всегда горят светильники в виде поминальных свечей. В памяти отпечатался навсегда розовый цвет стен, розовые свечи и мгновенная печаль, которая возвращается всякий раз, когда — почему-то неожиданно часто — вспоминаю это розовое видение...

Возвращаясь в Бруклин, все притихли, устали. Все кроме Оскара. Он показывает нам достопримечательности, старается еще что-то рассказать, хотя, кажется, что голова не вместит больше никаких сведений, а ноги не могут больше сделать ни шага. Он показывает нам медицинский центр, где его оперировали. Оскару 70 лет. Здесь в Америке ему заменили оба тазобедренных сустава, вылечили от редкого вида рака. Он говорит: «Русский язык — это мой кормилец. Я вожу экскурсии на русском языке, я преподаю русский в университете. В Америке много людей, которые хотят изучать русский язык, так что без куса хлеба я тут не останусь!»

Расставаясь, я сказала Оскару, что я журналист из Казахстана. Он вдруг оживился, произнес: «Только вам!..» и вытащил из внутреннего кармана красивый замшевый чехольчик, а уже из него извлек красную книжечку. Это был членский билет Союза журналистов СССР — бережно и любовно хранимый. Ностальгия, однако...

Вечером долго не могу заснуть, гудят от усталости ноги, гудит набитая впечатлениями голова. Перед глазами то одно, то другое, мысли вихрем проносятся в голове. На грани сна и яви перед внутренним взором проходят образы сверкающих золотом витрин магазинов, переполненные людьми и маши-

нами улицы, залитый оранжево-золотым светом дом Трампа. Вот скачет сухонький, шустрый, как кузнецик, Оскар с цветной указкой в руках, сидит на скамейке счастливая пара с мешками пивных банок. Как сказал Оскар, здесь каждый делает свою копейку!.. Как умеет... Свободная страна!

Атлантик-сити

Накануне нашего приезда брат взял билеты на разные экскурсии. И вот мы едем в Атлантик-сити – второй после Лас-Вегаса город азартных игр и развлечений. Билет на автобус стоит 30 долларов. Это целенаправленная поездка в казино «Тадж-Махал». 22 доллара казино обещает вернуть на месте, по предъявлению билета. То есть, это «завлекалочка», приезжайте, вернем вам большую часть денег, чтобы вы играли на них в казино. К слову сказать, на наши с дочерью билеты деньги не вернули, так как не было с собой документов, говорят, раньше не требовали никаких других подтверждений, ведь билет ты уже купил. Интересно, от кого это они тут научились не исполнять обещанное?..

Ранним утром, затемно, подъезжаем к месту сбора, садимся в автобус. Экскурсовода никакого нет, да он и не требуется — водитель говорит по-русски. Чуть рассвело, автобус тронулся, едем по утреннему городу, через залив по мосту Веррезана-бридж выезжаем в штат Нью-Джерси. Этот мост — самый длинный и широкий подвесной мост в Америке. Он двухэтажный, четыре полосы в одну сторону, четыре в другую. Такая махина, а смотрится таким легким, изящным, красивым! И я тут просто не могу не привести цифр, которые узнала, заинтересовавшись, позднее. Это потрясает! Длина моста 4100 метров, высота пролета над водой при приливе — 69 метров, две опоры по 210 метров высотой, расстояние между ними 1278 метров. Каждая башня весит 27 тысяч тонн, а в каждой башне 3 миллиона заклепок и около миллиона болтов. Расстояние между башнями-опорами

разное, вверху на 41 мм больше из-за учета кривизны Земли. Сезонное расширение и сжатие несущих тросов приводит к тому, что пролет моста летом на 12 футов (3, 6 м) ниже, чем зимой. И это все появилось благодаря человеческому уму и труду!

Брат обращает наше внимание на номерные знаки автомобилей, которых мы обгоняем. Оказывается, над номером по желанию владельца пишутся дополнительные слова, характеристика штата: Мичиган – штат озер, Нью-Йорк — имперский штат, Нью-Джерси — штат садов. Можно написать на номерном знаке свою должность или род занятий, например, «Адмирал», или «Продаю машины». Мы обогнали автомобиль, на знаке которого было написано «Crazy Joe» — «Сумасшедший Джо». Пожалуй, поостережешься с этим шальным Джо связываться. Все эти надписи делают за отдельную, довольно существенную плату. Но наши за ценой не стоят. На номере можно прочитать имена: «Maxim», «Sachka», написана латинскими буквами и дразнящая надпись «Фиг догонишь!», вместо слова фиг – естественно другое слово из трех латинских букв. Удивило и своеобразие дорожных знаков. Их довольно мало, вся информация написана словами: «Впереди знак «уступи дорогу», «Впереди знак «сбрось скорость», «Скорость ограничена 15 милями», при разветвлении дорог: «Нет поворота». Считается, что человеку трудно запомнить огромное количество символических знаков, легче прочитать.

Дорога диктует финансовые затраты за эксплуатацию. За проезд по мосту, через тоннель, при повороте на другую дорогу – платите дорожную пошлину – toll. Так проезд через мост «Веррезано-бридж» стоит 9 долларов, проезд через маленький мостик — 75 центов, поворот на боковую дорогу — 35 центов. Деньги водители готовят заранее, и, замедляя ход, суют мелочь в руку сборщика, которую тот протягивает из своей будочки. Дорога работает с утра до вечера, обеспечивая собственный ремонт и содержание.

Вдоль дороги деревья, сейчас еще без листьев, прошлогодняя пожухлая трава с прозеленью новой поросли — все как везде. Небольшие поселки из аккуратных светлых домиков, непременно двухэтажных. И опять таки они какие-то вытянутые вверх с узкими, часто без переплетов окошками, как скворечники. Позже я узнала, что это викторианский стиль в строительстве. При королеве Виктории, в XIX веке налог со здания рассчитывался по длине дома вдоль улицы, поэтому домовладельцы строили узкие дома, вытянутые во двор. А вот небольшая речка с мостиком. Живем себе в другом полушарии и не знаем, что тут речушка светлая течет — Вильямс-ривер называется. И чего-то так на душе тепло стало — уж очень напоминает речку моего детства! Автобус выезжает на хайвэй — скоростную дорогу, и тут уж нельзя держать скорость меньше 70 миль в час — это примерно 120 км в час.

Через некоторое время автобус замедляет ход, подъезжает к заправке. Это заправка «Лукойл», то есть принадлежит российской нефтяной фирме. Из автобуса нас не выдворяют. Сидим, ждем. Читаем надписи. 1 галлон бензина марки 93 стоит 2 доллара 78, 9 центов. В одном галлоне 3, 78 литра. Подсчитываем. Получается 73, 5 цента, то есть по сегодняшнему курсу порядка 92 тенге за литр. Бензин марки 76 — 89 тенге за литр. Дизельное топливо — 85 тенге за литр. Рядом заправляется легковой автомобиль, молодой парень с заправки протирает стекла. Брат говорит, что иногда это входит в стоимость бензина, или водитель может сам заплатить за услугу. В Нью-Йорке есть колонки с обслуживанием и без обслуживания, на первых — бензин дороже. На заправочной машине яркой краской надпись: «Мы любим машины». Вместо слова «любим» нарисовано алое сердечко.

Наконец въезжаем в город Атлантик-сити. Здесь все подчинено обслуживанию приезжающих туристов. Автобус подъезжает к казино Тадж-Махал. Мы с любопытством входим внутрь. Ну-ка, ну-ка! Что такое, это самое казино?! Входим

в зал и в ошеломлении замираем от обрушивающихся на нас световых эффектов, звуков. Огромное помещение размером с хороший стадион, — во всяком случае, конца этому залу не видно, — заставлено игровыми автоматами. На стенах сверкают гирлянды огней, на автоматах тоже кружатся, переливаются, вспыхивают огни, поет какой-то рок-музыкант, но все перекрывают странные, резкие звуки — что-то среднее между «кря-кря» и «ква-ква», да еще с каким-то металлическим оттенком. Эти вопли издают автоматы во время каких-то действий игроков. Фотографировать и снимать на видеокамеру здесь не разрешают, а жаль — впечатляющее зрелище. Интерьеры этого казино оформлены в индийском стиле. Сегодня суббота, и в зале заняты практически все автоматы. Люди приезжают из близлежащих городов, чтобы отдохнуть и развлечься. Среди автоматов редкие столы, окруженные игроками и любопытствующими. Это все, как в кино — зеленое сукно, крупье, фишки, ставки. У нас пока задача — посмотреть и другие казино. Все они стоят рядом и выходят фасадом на широкую набережную, так же, как и на Брайтон Бич, представляющую собой настил из добротных деревянных досок. Обращает внимание, что в общественных местах настилы, скамейки сделаны из хорошего, твердого дерева. На набережной магазины с сувенирами, разные аттракционы. Уставшим предлагаются услуги — можно сесть на коляску, что-то вроде электрокары, или же тележку толкает человек вручную. Из конца в конец прокатиться по набережной — пять долларов с человека. Свежий ветерок веет с Атлантического океана, в нем отражается голубое небо, и вода тоже голубая, тихая.

По очереди мы обходим одно казино за другим. Все они носят пышные названия, например, казино «Цезарь». Это казино оформлено в древнеримском стиле, даже стоит огромная статуя императора Августа, украшенная водяным каскадом. Есть казино, кажется, «Дикий Запад» и там интерьер оформлен в стиле времен золотоискателей. На берегу водое-

ма механические фигуры — сидит золотоискатель с медным тазиком, в котором промывается золотой песок. Рядом ослик с поклажей. Ослик шевелит ушами, золотоискатель двигает тазиком. Посетители бросают мелкие монеты, стараясь попасть в тазик. Но это трудно и монетами буквально усыпано дно водоема. Мы тоже, как ни целились — не попали. Интересно наблюдать за игроками. Стараюсь составить себе обобщенный портрет игрока казино. Не тут-то было. Здесь и молодые, полные сил вальяжные мужчины и женщины, и скромно одетые люди с невыразительными лицами, всем своим существом погруженные в игру. Вот молодая пара с ребенком в коляске — смотреть досадно, и зачем сюда таскать ребенка, чем тут дышать младенцу?! А вот старушку везут на инвалидной коляске — ей тоже хочется хлебнуть адреналина. А вот старичок явно после инсультного состояния, шагает на дрожащих ногах, опираясь на палочку. И думается, хоть бы уж выиграл, какие ему теперь остались радости жизни... При каждом казино гостиница, буфет или ресторан. Можно вообще провести тут всю жизнь — играть, выигрывать, проигрывать, горевать, радоваться, есть, спать и вообще подменить свою жизнь этим суррогатом человеческих страстей.

Мы решаем все-таки тоже попробовать азарт на вкус и попытать счастья на автоматах. Находим три места рядом, садимся. Брат немножко знаком с этим действием, показывает, что за чем нажимать. Рядом с нами молодая, предельно сосредоточенная афроамериканка лет тридцати, красивая, фигуристая... Шикарный маникюр, яркие кольца, хорошо одета. Я вставляю в прорезь бумажку в 5 долларов и не успеваю ахнуть, как ее мгновенно втягивает, всасывает в ненасытную утробу автомата, который при этом удовлетворенно крикает. Время пошло... Бестолково нажимаю кнопки, кажется, что-то выигрываю, потом деньги начинают таять, и минут через десять я проигрываю свои деньги. Брат советует со своей соседкой и держится минут на пять дольше.

Победа тоже осталась за автоматом. А вот с азартной американкой автомату не так легко справиться, кажется, тут игра идет на равных, блестя глазами, она сказала, что выиграла уже 50 долларов. Ну, что ж, день еще не кончился. Выиграет и еще. Я болею за нее. Лично мне играть не понравилось, не нашла ничего интересного — тупое занятие. А, может, это потому, что я не верю в шальную удачу, не надеюсь на нее — никогда не выигрывала в лотерею, не находила клада, бабушки не оставляли мне фамильных драгоценностей, и я твердо усвоила, что каждую копейку надо заработать самой.

Время обеда. Брат ведет нас в «так называемый «buffet» — буфет казино, платит по 22 доллара за каждого, и вот мы внутри. Здесь так называемый шведский стол. Заплатил деньги — ешь, сколько хочешь и что хочешь. Только голодному человеку сразу трудно сориентироваться. Глазами взял бы все — соблазнительные куски жареной свинины, курицы, баранины на косточке, нарезанные салаты из свежих овощей, тушеные овощи, вареные початки кукурузы — выстроено целое каре из подносов и кастрюль с разными блюдами. Улыбающаяся афроамериканка огромным острым ножом ловко отрезает и кладет в подставленные тарелки куски сочной запеченной говядины. Тарелка переполнена, так все аппетитно пахнет и смотрится! Ладно, вот это съем, потом еще подойду вот это попробовать и еще вот это! Как говорится — «Щас!» Я не смогла съесть все, что положила на тарелку и до сих пор вспоминаю баранью отбивную на косточке, которую унес с тарелкой официант. А теперь десерт. Хочется же попробовать, какие это у них тут пирожные, торты, напитки, компоты. Берем всего по одному кусочку каждого лакомства, разрезаем на троих. Пробуем. Ну, очень вкусно! Здесь положено оставлять официанту на чай. Оставляем пять долларов. Выходим на улицу. Идем по набережной дальше, заходим в магазины, покупаем какие-то мелочи на память. А вот здесь цветомузыка. Разноцветные струи фонтана словно танцуют под музыку, рассыпаются цветными брызгами, то взлетают

к потолку, то короткими аккордами меняют высоту, цвет, свет. Это как своеобразный фейерверк. А вокруг магазины-магазины, сувениры-сувениры!.. Трудно устоять человеку, особенно, если он в выигрыше. Пока ходили туда сюда — вот уже и шесть часов, время, назначенное для сбора в автобус.

Только поехали, начался дождь, стекла залило струями воды, город Атлантик-сити постепенно тает в туманных сумерках. В автобусе разговоры, кто сколько выиграл, сколько проиграл. Наш сосед, эмигрант из России, работает подсобным рабочим в магазине в Манхэттене, ездит сюда раз в месяц, как он говорит — отдохнуть и расслабиться. Он выиграл около ста долларов, очень доволен собой. Ну, что ж, каждый зарабатывает свою копейку как умеет. И как хочет ее тратит. Свободная страна!

Магазины

Наши впечатления от американских магазинов — это отдельная песня, потому что в магазине сразу чувствуешь, как обстоят дела и с экономикой, и с культурой. Нам, конечно, очень было интересно, по расхожему выражению прошлых времен: «Что там дают?» А «дают» там все, что только ты можешь себе позволить по твоим деньгам.

В продуктовых магазинах Бруклина есть все, даже в самом скромном есть чему подивиться, и что купить. Во всяком случае, сушеной клюквы я до сих пор еще нигде не встречала. Что касается свежих фруктов и овощей, то опять таки продается все, что хочешь, даже арбузы и дыни, и это в апреле. И постепенно мы попробовали почти все, что продавалось. Очень понравились грейпфруты — они совсем не горькие, а остро кисло-сладкие, и манго — очень сочные и сладкие ароматные плоды. Можно купить хорошие апельсины, яблоки, груши. По поводу всего остального мы сказали: «Фи!» Особенно безвкусны помидоры. Брат в свое время

приезжал ко мне в гости в Актау и по поводу дынь, арбузов и помидоров сказал, словно извиняясь: «Конечно, это не ваши, ералиевские!» Это уж точно! Помидоры как будто сделаны из полиэтилена, арбузы почему-то без семечек и безвкусные, дыни тоже просто мокрые. Видимо, это зависит от удобрений. В свое время, живя в другом городе, брат посадил во дворе дома грядку с помидорами и огурцами. Говорит, что был нормальный вкус. Однажды у выхода из метро продавалась свежая клубника в прозрачных коробочках, граммов по двести — один доллар коробочка. Огромные ягоды выглядели весьма соблазнительно. Купили. Дома открыли коробочку — никакого клубничного запаха. Вкуса тоже никакого. Ну мило-немило, деньги платили, надо съесть. А мы ее сметаной, а мы ее сахаром — ничего пошло! Возможно, это потому, что не сезон, возможно у богатых людей другие магазины и поставщики. Но я пишу о том, что сама видела и пробовала.

Обратила внимание, что очень много продается всяких готовых салатов. Они упакованы в герметичные прозрачные полиэтиленовые коробочки. Поэтому хозяйки избавлены дома от трудоемкой работы по приготовлению закусок. Впрочем, сейчас и у нас это практикуется в некоторых магазинах, но в Актау я пока не покупала таких салатов. Во-первых для меня дороговато, во-вторых у старшего поколения неистребимая привычка делать все своими руками. Так что семейный салат «Оливье» получается самым классическим дома.

В магазинах много русских продуктов. Колбасу — докторскую, любительскую, краковскую, хлеб бородинский можно купить только в Бруклине, и со всего Нью-Йорка, бывают, приезжают сюда за покупками не только русские, но и коренные американцы, которым понравился вкус русской еды. Особенно полюбился им бородинский хлеб. И их можно понять. Кто не любит настоящего ароматного бородинского хлеба с поджаристой, посыпанной тмином корочкой?!

А однажды я увидела в магазине на витрине пирамидку из знакомых, давно исчезнувших с наших прилавков пачек индийского чая со слонем на этикетке. Как ее забудешь, радость прошлых времен! Бывало, пара пачек входила в особенные праздничные продуктовые заказы. В Бруклинском магазине на пачках читаю название: «Тот самый индийский чай». Справедливости ради нужно сказать, что он не оказался мне «тем самым». А, может, с тех пор мы попробовали разные сорта чая гораздо лучшего качества. Но четко просчитано и приносит прибыль особенное чувство, которое заставляет людей, улыбаясь, купить именно эту пачку. В магазине «Русский хлеб», где действительно продается тот самый, настоящий бородинский, я увидела смешную надпись на ломаном русском и попросила разрешения сфотографировать ее. Продавщица засмеялась и не только разрешила, но и сама встала в позу. И еще сказала весело и чуть-чуть грустно: «Мы из Одессы!»

Конечно, сразу обращает внимание и поражает, что страна упорно держится за старую систему мер и весов: дюймы, футы, мили, фунты, галлоны, поэтому, чтобы понять цены, например, нужно непременно их привести к привычным для нас к килограммам, граммам, метрам и так далее. Я не ленилась и произвела необходимые вычисления. Так, например, молоко продается в больших бутылках по 3, 47 долларов за галлон, то есть за 3, 78 литра, значит, цена одного литра 0, 917 цента, то есть по сегодняшнему курсу порядка 115 тенге. Хлеб, кирпичик — 225 тенге, бородинский хлеб — 250 тенге, хлеб «Здоровье» — 188 тенге. Мясо по 1, 9 доллара за паунд, то есть за 453 грамма, вычисляем, получается 4, 19 доллара за кг, то есть 525 тенге за кг. Курица — 210 тенге за кг, индейка — 166 тенге за кг. Так называемые ножки Буша — 140 тенге за кг. Сахар — 142 тенге за кг, масло растительное — 584 тенге за литр, масло сливочное — 1382 тенге за килограмм, гречневая крупа — 745 тенге за кг, яблоки — 193 тенге за кг, оливковое масло — 903 тенге за поллитра.

Картофель — 163 тенге за кг, рыба — свежий лосось, которого здесь называют «салман» продается по 1164 тенге за кг. Нигде я не видела круглых цен, возможно в этом есть и психологический расчет: человек воспринимает число 2,95 гораздо меньше 3-х. В общем, что-то дешевле, что-то дороже, цены постоянно растут, так что трудовой народ как всегда соблюдает принцип «хочешь жить — умей вертеться».

Пенсионная система носит накопительный характер. Перед выходом на пенсию человеку насчитывают ежемесячную сумму в соответствии с произведенными выплатами. Если эта сумма меньше определенного на этот момент предела (SSI — социально гарантированный доход)), то пенсионер становится на довольствие службы социальной защиты и получает этот самый SSI и оплачиваемую службой социальной защиты медицинскую страховку. В этом году SSI — 850 долларов в месяц, а если в семье два пенсионера, то эта сумма несколько уменьшается. Мои бывшие коллеги, муж и жена, живущие под Сан-Франциско, получают 1502 доллара в месяц. На питание в месяц они тратят 200-300 долларов, при условии, конечно, разумной экономии и приготовлении еды на собственной кухне. Пенсионеры имеют льготы на проезд — платят половину стоимости билета, в некоторых магазинах для пенсионеров делают скидку на покупки — 10 %. Кстати, пенсионный возраст в США одинаков для мужчин и для женщин — 65 лет. Равноправие, однако!..

Семья из трех человек с доходом в 40000 долларов в год считается семьей с низким доходом. Треть из суммы зарплаты уходит на налоги. Очень дорого стоит съемная квартира. Семья брата платит 1250 долларов в месяц. Что меня больше всего поразило, если заработок меньше определенного минимума, то государство налоги возвращает. Так однажды на эти возвращенные деньги брат купил подержанный автомобиль, потому что именно в Америке «автомобиль не роскошь, а средство передвижения». Общественный транспорт развит очень слабо. Дочь брата, Вероника, окончила здесь школу,

поступила в колледж, учеба здесь платная. Но за хорошую учебу колледж возвращает ей часть оплаты, что, конечно же, служит для девушки стимулом к учебе. Уже при нас, в апреле она получила американское гражданство. Предварительно сдавала экзамен на знание английского языка, истории США, а через неделю в торжественной обстановке приносила присягу. Российское гражданство также осталось за ней.

На улице возле дома стоят два контейнера для мусора. Один — для бытовых отходов, которые можно пустить в переработку, например, бумага, картон, полиэтиленовые банки, стеклянные бутылки, а во второй, собственно отходы, которые использовать нельзя — всякие остатки с кухни и прочий мусор. Полиэтиленовые банки, коробки положено мыть. И все моют, и я мыла — значит, так надо. За содержимым баков следит хозяин дома и специальный проверяющий из коммунальной службы, конечно проверка производится выборочно, не каждый день. Но если при проверке обнаруживаются нарушения, то штрафуют хозяина дома, а он уж разбирается с жильцами. Привычка вырабатывается быстро.

Незабываемо первое посещение большого магазина, как у нас говорили «промтоваров». Там продается одежда, обувь и все-все-все!... А незабываемо оно тем, что мы пришли в центральный магазин «Macys» в Манхэттене, когда там была выставка цветов. Ясно, что выставка была устроена с рекламными целями. Придут люди посмотреть выставку, и обязательно что-нибудь купят. Выставка начинается с огромных витрин, за стеклами которых манекены-женщины в изящных позах и в бальных платьях из живых цветов. И все пространство заполнено цветами — розами разных оттенков и размеров, лилиями, нарциссами, астрами, и еще какими-то цветами, которых никогда не видела и названий их не знаю. В самом магазине в зале первого этажа все плоскости над прилавками заполнены живыми цветами, проемы заставлены живыми цветущими вишневыми, абрикосовыми деревцами и еще какими-то невероятно красивыми, которых никогда

не видела и не увижу. У центрального входа вытянули шеи декоративные фигуры двух огромных зеленых жирафов. И все пропитано запахами цветущего сада — свежих цветов и зелени. Выставка продлилась две недели. Мы приходили сюда несколько раз. И ни разу не видели ни одного привядшего листочка, или опустившего головку цветочка — все они упруги, свежи, красивы, благоуханны. И все это сделали люди — художники, дизайнеры, цветоводы, труженики — мастера своего дела. Невероятно!

В магазине «Macys» шесть торговых этажей, на которых разные отделы. Зайдешь в помещение отдела — а конца ему не видно. И бесконечные ряды вешалок с вещами, элегантные нарядные манекены, прилавки с кассами, помещения примерочных, туалеты. В зале работают продавцы – консультанты. Все, что тебе надо — тебе предложено. А что женщине надо? Она точно не знает, но когда увидит ЭТО, то сразу поймет — вот она вещь, которой у нее нет, но она ЭТО давно хотела. И вот в поисках именно ЭТОЙ вещи незаметно проходишь километры, переезжаешь на эскалаторах с этажа на этаж, и везде бесконечные платья, блузы, юбки, брюки, костюмы, куртки, плащи. Все для людей разных возрастов и размеров — женщин, мужчин и детей. На тележку складываешь все, что хочешь примерить и катишь в ближайшую, очень удобную, с зеркалами примерочную. Надеваешь, смотришь — и это не так, и это не то. Тогда уходишь, передавая дежурной по примерочной продавщице свои вещи. Она их принимает без малейшего звука и упрека, развешивает на временной стойке, а потом разносит по своим местам. Разброс цен тоже большой. От очень дорогих до весьма приемлемых даже для нас. В начале апреля во всех магазинах в связи с праздником Пасхи была распродажа вещей, так называемый «Sale» — сейл. И торговые залы переполнены женщинами, озабоченными купить себе что-то новенькое, но подешевле. Целые стойки с вещами обозначены объявлениями о снижении цен на 20, 30, 40 процентов. Это производит невероятное пси-

хологическое действие, и понравившаяся футболка кажется тебе уже совсем ничем, ведь вот на сколько снижена цена! Запоминаешь цену какой-то вещи, приходишь через несколько дней — она уже опять снижена, и понимаешь — не купить ее просто глупо. Вот так это все действует. Молодежь научилась отслеживать распродажи, прямо таки «пасут» понравившуюся вещь, знают заранее, в какой момент будет самая низкая цена, и в нужный момент оказываются у цели. При оплате за покупку, понимаешь, что с тебя берут еще налог на продажу — «tax», что-то около 8 - 9 %. В продуктовых магазинах этот налог сразу включен в цену товара.

Выбрав облюбованные товары, становишься в небольшую очередь к кассе. Всего несколько человек. Но почти каждая покупательница набрала кучу вещей, а неспешная проверка цены, кредитной карточки замедляет процедуру. Бывает, что подход к кассе тормозит покупательница, которая сдает вещи. Сдать вещи, купленные в магазине можно без проблем в течение месяца. Бывает, придя домой, покупательница понимает, что погорячилась и возвращает покупки обратно в магазин, естественно, если не оторваны этикетки с ценами, не потеряны чеки. Их принимают без звука, без упрека, без малейшего нюанса неудовольствия. Здесь, если дарят что-то друзьям или родственникам, то предупреждают, что есть чек. И если захочется сдать или обменять подарок — можно воспользоваться этим чеком. В очереди люди соблюдают дистанцию, никто не стоит вплотную друг к другу. Это не принято. Закончив процедуру с одним клиентом, кассир кивком головы приглашает другого. Все это очень вежливо, без нервов, без суеты.

А теперь самое любопытное. В этом большом шикарном магазине две трети вещей, на этикетках которых написано: «Made in China» — сделано в Китае. Встречаются вещи сделанные во Вьетнаме, в Никарагуа и в других странах, где известные фирмы открывают свои филиалы из-за дешевой рабочей силы. Но китайских товаров больше всех. Они везде

и во всех магазинах. Большинство детских игрушек — китайские, предметы домашнего обихода, мебель, американские сувениры, ручки, блокноты, колготки, белье — все это сделано в Китае. Сначала испытываешь разочарование, но потом видишь, что это вещи хорошего качества и цена небольшая.

Мы с дочерью решили съездить вдвоем в китайский квартал — «Чайна-таун». Нам сказали, что там можно купить сувениры дешевле, чем в центре, и выбор больше. Нас предупредили, выйдя из метро лучше всего идти прямо по одной улице, никуда не сворачивать, а то можно заблудиться. Мы так и собрались сделать. Вышли из метро и оказались на улице, по обеим сторонам которой магазинчики, лавочки, прилавочки и везде сувениры, бейсболки, футболки, статуэтки, игрушки. Продают все вежливые улыбающиеся китайцы и китайки. Мы переходим от одного прилавочка к другому — ой, а вон там еще красивее! — а вон там за углом один магазинчик посмотрим и сразу вернемся. Через пятнадцать минут мы поняли, что заблудились. Огляделись кругом — магазины одинаковые, товары одинаковые, китайцы одинаковые. Куда идти? И дорогу не спросишь — наш английский скуден, и китайцы плохо понимают и говорят по-английски. Побродили немного, купили, что надо и все-таки увидели вход в метро, хотя совсем другой, а не тот из которого выходили. Но метро — это уже путеводная нить.

Недавно я где-то читала такой анекдот: На уроке религиозного воспитания учитель сказал: «Дети, все, что вы видите вокруг себя — все это создал Бог». Один мальчик поднимает руку, встает и говорит: «Нет, не все. Очень многое делается в Китае». И это правда. Китайские товары заполонили мир. В США большая и успешная китайская диаспора, выделяющаяся из всех своей энергией и умением трудиться. В бесплатных муниципальных школах по изучению английского языка половина учащихся — китайцы, молодые и пожилые. Самые относительно дешевые магазины — китайские, вла-

дельцы многих зажиточных домов — китайцы. Обычные детские школы с самой высокой успеваемостью — те, где около половины детей — китайцы. Это очень целеустремленная нация. Думается, чтобы завоевать мир, Китаю не нужна ни холодная, ни горячая война, ни атомная бомба. Они добьются победы не разрушением, а созиданием — своим трудом, своими товарами.

Поездка на Ниагару

Экскурсионный автобус на Ниагарский водопад ожидает нас в 5 часов утра, потому что добираться туда, к самой канадской границе, не менее восьми часов. К нашему удивлению и радости, экскурсоводом снова с нами едет Оскар, и мы с ним обмениваемся приветствиями, как старые знакомые. По дороге в условленных местах нас поджидают другие участники экскурсии. И автобус постепенно заполняется; за его окнами уже светает. На последней остановке входит молодая энергичная дама с большой дорожной сумкой и тут же требует освободить ей место возле окна. До этого никто ни на что не претендовал, каждый садился на свободное место. Об этом ей и сказали, но дама продолжает настаивать в лучших «хабалковых» традициях: «Я деньги платила, специально место выбирала, освободите мое кресло!» Женщина, к которой дама предъявляет претензии, спокойно объясняет, что места в путевке не указаны, и поэтому она имеет полное право сидеть рядом со своей подругой там, где и сидит. Автобус тем временем тронулся, а скандал разгорается все больше. Дама стоит в проходе и вещает с большой энергией: «Почему это я должна терпеть неудобства все пять суток поездки?!» «Какие пять суток? Куда это вы едете?!» — кричат все вместе. «В Канаду!» — гордо отвечает дама. Тут выяснилось, что скандалистка перепутала автобус. Оскар связался с экскурсоводом ее маршрута, назначили встречу, и вскоре она молча вышла из автобуса. И в салоне становится легче дышать.

Оскар берет микрофон и задает свой традиционный вопрос: «Откуда вы?» И послышались ответы: «Израиль! Мадрид! Сан-Франциско! Петербург! Марсель! Мюнхен!» И опять Оскар повторил вопрос: «Откуда вы, изначально?!» После некоторой паузы послышалось: «Из Минска! Из Житомира! Из Вильнюса! Из Красноярска!» И опять словно потеплело — наши!.. Нас немного, человек двадцать, все очень вежливы друг с другом. Так, оказывается, доброжелательно и благостно без этой скандальной тетки! Выезжаем на скоростную дорогу и мчимся, наверстывая потраченное на препирание время. Ну, немного не в графике, около получаса. Пустяки. Наверстаем. И автобус набирает скорость. Обгоняем легковые автомобили, могучие трейлеры, холодильники, грузовые машины с прицепами, на которых компактно уложены толстые стволы с гладкими спилами. На каждом аккуратно написан номер дерева и, наверное, название фирмы. Через некоторое время автобус останавливается на заправочной станции, выходим размять ноги, выпить горячий кофе. Потом опять сели-поехали.

Вот дорога уже привела нас в горы. «Аппалачи!» — поясняет Оскар. И от этих слов я как будто проваливаюсь в детство. Шестой класс, мне двенадцать лет, я отвечаю урок у доски, и голос учительницы географии: «А покажи-ка нам, Тамара Воскресенская, где у нас горы Аппалачи?» А вот они, — горы Аппалачи! — коричневатое, вытянутое словно бы перышко на физической карте Северной Америки. «Покажи-ка нам теперь Великие озера Северной Америки». А вот они — Великие озера, в которых пятая часть всей пресной воды на Земле: Верхнее, Мичиган, Гурон, Эри и Онтарио. Я с особым удовольствием произношу эти необыкновенные названия, особенно мне нравятся сказочные слова: «Эри и Онтарио». Я только что прочитала почти всего Фенимора Купера, и душа моя бродит вместе с Соколиным глазом и Чингачгуком по лесам Америки. «А что там интересного есть между озером Эри и Онтарио?» — улыбается

учительница. Я отличница и любимчик, и меня вызывают к доске, когда приходит инспектор из горно. И я не подвожу: «Из озера Эри в озеро Онтарио течет река Ниагара, а на ней Ниагарский водопад, высотой 50 метров». Тогда, в детстве казалось, что вся Земля будет принадлежать мне, что я все увижу и везде побываю, и моей жизни хватит на все. А потом, много лет спустя, стало казаться, что я заперта, как в клетке, и прутья ее выкованы из обстоятельств моей жизни, материальных моих невозможностей, а дверь еще и накрепко перекрыта железным занавесом. Могла ли я подумать, что я все-таки попаду в Аппалачи вслед за своей школьной указкой!

Горы Аппалачи невысокие, уютные, как Карпаты, покрыты лиственными деревьями, и сейчас, в апреле, кажется, что они окутаны легкой лиловой дымкой. Таков цвет коры деревьев и набухших почек. Рядом с дорогой бежит речка Саскуиханна, названная по имени индейского племени ирокезов, которые жили в этих местах. И, может быть, именно в этой речке плавал Гайавата в своем челноке из березовой коры: «И в воде он будет плавать, словно желтый лист осенний, словно желтая кувшинка...» Саскуиханна — речка веселая и быстрая, она словно играет с нами — то приближается к шоссе, то уходит в сторону, то снова появляется и ныряет под мостик на дороге. Я не отрываюсь от окна, пытаюсь высмотреть что-то, отличающееся от наших пейзажей. Но все очень похоже. Полотно шоссе уже не идеально гладкое, но аккуратно залатанное, вполне работоспособное, и автобус летит, не снижая скорости. Вот деревянные столбы электролинии, на каждом аккуратная табличка с нумерацией, вот огромный послеледниковый валун, расписанный цветными рисунками и надписями. Кто-то потрудился, не жалея сил и времени. В автобусе видеозэкран, Оскар ставит для показа диски о заповеднике в Аппалачах, и мы смотрим сюжеты про животных, любуемся необыкновенными цветами, чистыми ручьями и красивыми пейзажами. «Давайте поставим

Галкина!» — предлагают с задних сидений. Но Оскар продолжает просвещать нас, а когда кончается про заповедник, ставит диск с кинофильмом «Мелодия любви и смерти». Фильм идет на немецком языке, и я с удивлением осознаю, что школьные знания еще не совсем забыты, и я понимаю, что происходит. А происходит страшная и сентиментальная история во время второй мировой войны. О любви и смерти. Оскар обещает по пути заехать в музей стекла. Говорят, очень интересно.

И вдруг непонятно почему, автобус замедляет ход. Потом останавливается. Выходим из автобуса. Водитель стоит возле левого заднего колеса и сокрушенно качает головой. Лопнула покрышка. После недолгих переговоров по мобильному телефону водитель приглашает нас занять свои места. Автобус медленно двигается, и минут через пятнадцать сворачивает в небольшой поселок. Мы выходим из автобуса. На колесо страшно смотреть — из покрышки словно вырван клоч резины, чернеет дыра. Ну, что ж, незапланированная задержка, зато посмотрим, какой-такой американский поселочек в глубинке. Заходим в магазин напротив, покупаем мороженое. День прояснился, выглянуло солнышко, ничего нас не раздражает и не напрягает, стоим мы посреди Америки и едим мороженое. Хорошо! Рассматриваем улицу, дома, фотографируем. Дома аккуратные, ухоженные, и хотя не стеснены условиями большого города, так же вытянуты вглубь — викторианский стиль! Приезжает техпомощь. Два здоровых амбала (не знаю, как это звучит по-английски) неторопливо, без суеты, но ладно и споро, меняют поврежденное колесо, включают компрессор. Потеряно не меньше часа, и Оскар сетует, что заехать в музей уже не хватает времени. Зато непременно заедем в китайский ресторан пообедать.

Выезжаем из поселка, который, вероятнее всего пригород города Бингемтона, поражающего нас куполами и маковками православных церквей. Понятно, что тут вероятнее всего обосновались переселенцы из бывшей Российской империи.

«У нас есть Галкин, давайте посмотрим Галкина!» — просят с заднего ряда кресел. «Давайте «ЭКС ББ!» — предлагают из первых рядов. Включили «ЭКС ББ», посмеялись. Часа через два заезжаем в небольшой городок. Автобус подруливает к китайскому ресторану. «Наедайтесь досыта!» — напутствует нас Оскар, в гостинице ужина не будет, только завтрак. Заходим в помещение. Еда здесь продается по принципу шведского стола. Платишь на входе 8 долларов и ешь, что хочешь и сколько хочешь. Раздаточный зал заполнен прилавками с прямоугольными судками, в которых мясо разных сортов, куски рыбы, курицы. Все это зажаренное, запеченное, тушеное. Ряды поддонов с овощами, гарнирами, салатами, зеленью, десертами. Но тут мы уже были осторожнее, не набирали полную тарелку, не хватает — можно подойти и взять еще. Надо признаться, что вряд ли это заведение можно назвать рестораном — просто обычная столовая. И еда не очень вкусная, не то, что в Атлантик сити. Однако, сытно. Пообедали. К чаю Оскар приносит и раздает каждому по упакованному печенью. Раскрываем обертку. Печенье в виде ракушки, внутри вложена узкая бумажная полоска, на которой напечатано изречение по-английски, ряд счастливых чисел, на обороте пара иероглифов. Каждому свое. Мне досталось: «There are no ordinary moments». Мне напомнили, что каждое мгновение жизни неповторимо. Верно, только мы забываем об этом и не ценим этих минут жизни. Все куда-то спешим и торопимся...

А вот, наконец, и город Ниагара Фоллз! К гостинице, где забронированы для нас номера, подъехали, когда день уже клонился к вечеру. Оскар дал нам полчаса на отдых и назначил сбор в вестибюле гостиницы. Войдя в номер, мы задохнулись от жары. Сразу не сообразили, что делать, кого звать на помощь. Пошли в номер к брату — там, как говорится, «колотун» — холодно, зуб на зуб не попадает. Оказывается, отопление номера регулируется в самом номере. Под подоконником стоит обогреватель, наподобие автомобильного,

его нужно самому включить, выбрать режим и обогреться. В нашем номере, должно быть, уборщица забыла выключить отопление. Разобравшись с английскими надписями, включаем обогреватель у брата и выключаем у нас.

Неутомимый Оскар ведет нас к реке Ниагаре, которая, как известно из школьного учебника, вытекает из озера Эри и впадает в озеро Онтарио. Уже восьмой час вечера, на улицах городка не видно ни одной души. Все уже, наверное, сидят дома, смотрят телевизор. Мы идем через парк, по пути останавливаемся у плана местности, вот река, вот обозначены водопады. Потому что водопадов собственно три: Американский, Фата невесты и Подкова. Самый большой — Подкова. Чувствуется высокая влажность воздуха, да еще припустил частый мелкий дождичек. Влажный воздух необыкновенно чистый с примесью хвойного аромата от елей, сосен и лиственниц, растущих в парке. Как славно, легко дышится! Схожу с дорожки, почва под ногами мягко пружинит прошлогодней листвой и опавшими иголками, наклоняюсь, беру на память несколько замечательно красивых сосновых и еловых шишек. Покупные сувениры — это одно, а шишка с самой Ниагары — совсем другое.

Оскар все рассказывает и рассказывает об истории Ниагары, о постепенном развитии здесь туризма, о том, что самый напряженный день — это праздник 4 июля, когда туристы семьями едут на автомобилях сплошным потоком, а всего ежегодно сюда приезжает около 12 миллионов человек. Обещает, что завтра утром мы увидим радугу над водопадом. Выходим к Ниагаре, останавливаемся на высоком обрыве, напротив нас, через реку — Канада. Там высотные здания, отели, казино. Мост через реку, по которому туристы ездят туда и обратно. Слева шумят, клубятся белым туманом водопады. Они довольно далеко, и видно не очень хорошо, но подойдем и поближе. Пронзительно и победно кричат чайки, пикируя в воду и выхватывая оглушенную падением с 50-метровой высоты рыбу. В этих отдающих металлом, хищных

криках чудится что-то знакомое — да! — почти так же вопят автоматы в казино, выплескивая свое торжество и победу над простаками!

Тем временем сгущаются сумерки, канадский берег вспыхивает огнями, и кажется, что там необыкновенный праздник, и всем людям сейчас там весело и радостно. А этот, американский берег, тих, темен, безмолвен, редкие фонари неярко освещают дорожку вдоль реки. Оскар неутомимо ведет группу по этой дорожке, цветная указка у него в руках вспыхивает огнем — вот, оказывается, какая у него в руках волшебная палочка! Все ринулись за ним вперед, а я задержалась, и вскоре осталась одна на берегу. Одна под морозящим дождем, кажется, можно пить открытым ртом этот влажный воздух, легким ознобом прохватывает спину, но не холодно, а как-то тревожно, но приятно. А вокруг никого, я одна на берегу Ниагары. И тут что-то случилось, словно в математической задаче, когда находишь точку пересечения нескольких прямых. Что-то произошло, сошлось все вместе, пересеклось — темнеющая далеко внизу река, чистый влажный воздух, шум водопадов, крики чаек, переливающиеся огни Канады, и я — в сумерках и одиночестве. Мы не живем в настоящем, только что прожитая минута отбрасывается в прошлое, а мысли уже забегают в будущее. А вот именно в это самое мгновение я осознала себя в настоящем — «Здесь и Сейчас». Миг ведь тоже частичка Вечности, можно сказать, его атом, но ведь и атом неисчерпаем, так и мгновение может вместить себя очень многое. И ощущение мое трудно передать словами — радость, счастье, благодарность, печаль. Это было острое ощущение жизни, осознание бытия. Очень справедливо был мне дан знак изречением: «Каждое мгновение жизни необычайно». Только мы почти никогда этого не осознаем.

Но и эта минута прошла, и я уже с опаской думаю, где это наши, как бы мне тут не остаться одной, не заблудиться. Я торопливо пошла по дорожке и увидела брата, который

возвращался мне навстречу; он махал рукой и кричал: «Что случилось?! Я тебя потерял!» В темноте мы догнали группу. Оскар опять рассказывал что-то интересное про реку, что она длиной всего 24 километра, и мчится, как бешеная, по ущельям и каньонам, что название ее происходит от индейского слова, которое переводится как «гром воды», что Козий остров, разделяет реку Ниагару и водопад «Подкова». И я мгновенно представила — летом, на этом острове, на зеленой лужайке пасутся белые козлятки. А, оказывается, название дали потому, что когда-то на этом острове у одного фермера замерзли козы. Потом все пошли в гостиницу, но, кажется, немного заблудились. И спросить не у кого, и мы немного поплутали, выбирая направление и поворот. Но скоро увидели огни высотного здания — и здесь казино! — взяли правильное направление и благополучно пришли в гостиницу. И ни одного прохожего не встретилось нам за этот вечер. Оскар чувствовал себя как будто немного виноватым, что пришлось водить нас по темноте и все обещал: «Завтра вы увидите радугу над водопадом!» Всю ночь было слышно, как совсем близко шумит, вскипая на камнях, река Ниагара на подходе к водопадам...

Однако новый день тоже был бессолнечным. Мы спустились в лифте на смотровую площадку в непосредственной близости от «Американского водопада» и водопада «Фата невесты», и они свирепо ревели совсем близко, и все фотографировались на фоне их туманных брызг. И водопад «Американский» был по-американски энергичен и деловит, а «Фата невесты» элегантна и романтична. Летом туристов проводят позади этих двух водопадов, между падающей водой и стеной обрыва, предварительно выдавая плащи. Говорят, это незабываемое ощущение. Водопад «Подкова» тоже можно было рассмотреть во всей красе, однако счастья увидеть радугу над ним мы так и не испытали. Берега Ниагары в снегу, мелкие льдины плывут по воде, неутомимо и торжествующе кричат чайки.

Оскар задержал группу возле памятника Никола Тесла, великого, гениального ученого. Здесь, на Ниагаре он построил первую в мире гидроэлектростанцию. Ему же приписывают феномен Тунгусского метеорита. Тесла работал над проблемой передачи электрической энергии без проводов, и предполагают, что события в сибирской тайге — следствие его эксперимента. Потом неугомонный Оскар повел нас в музей Ниагары, где мы узнали, что водопад «Подкова» не дает людям спокойно жить, и они пытаются его оседлать, спуститься вниз, покорить, одним словом. В музее были всякие приспособления, на которых смельчаки пытались это сделать, но практически всегда это оканчивалось трагически. Первым человеком, который спустился по водопаду в бочке и остался жив, была 63-летняя учительница. Над Ниагарой натягивают канат, на котором канатоходцы показывают зрителям свои трюки. А один из них — «Блондин» перенес своего менеджера на спине с одного берега на другой, остановившись на полпути, чтобы отдохнуть. Тут уж не знаешь, кто из них отчаянней и храбрей — «Блондин» или менеджер. Увиденные фотографии замерзших водопадов приводят в изумление. Это какой же должен быть мороз, что превращает в лед, укрощает, останавливает эти бешеные струи?!

И опять поразило, что даже днем на улице городка нет людей, должно быть, жизнь тут оживляется с началом туристического сезона. Янисколько не пожалела, что мы были на Ниагаре в такое безлюдное время, и нас было только 20 человек за весь день, а не несколько тысяч сразу. Недавно мой бывший коллега прислал мне из Сан-Франциско фотографию радуги над Ниагарой. Они с женой были там позднее, в июле. Это очень красиво — подкова водопада и сияющая цветная радуга. Но мое впечатление — это только мое. И этот влажный воздух, шум водопадов в сумерках, канадские огни — это незабываемо, это было приготовлено только для меня. Должно быть, где-то невидимо надо мной парила и радуга счастья.

На обратном пути проезжаем мимо так называемых пальчиковых озер, мимо города Женева на берегу озера Сенека. Здесь выращивают виноград, делают отличное вино. Заезжаем в дегустационный зал, пробуем местное вино, покупаем бутылку с собой. Район этот сельскохозяйственный. Проезжаем мимо полей, виноградников, недалеко от дороги редкие фермерские дома, возле дороги почтовые ящики, так и слышится: «Мэри! Тебе сегодня письмо!» Да, у всех мобильники, электронная почта, но радость получения «письмеца в конверте» ничто не заменит. Обедать заезжаем в ту же китайскую столовую. Так же не очень-то вкусно, но сытно. Оскар опять раздаёт печенье с изречениями. На этот раз мне достаётся: «You cannot are shake hands with a clenched fist» — «Невозможно пожать человеку руку, если у тебя сжаты кулаки». Да, это так.

И вот автобус мчит нас в обратную сторону, и снова редкие остановки на заправочных станциях, где свежие газеты, журналы, чистый удобный туалет, полки, заполненные всевозможными лакомствами, чипсами, конфетками, банками с пивом, кока-колой — всем, чем захочется себя побаловать в дороге. И снова встают Аппалачи, покрытые деревьями в сиреневом тумане, с редкими вкраплениями хвойной зелени. Вот сопровождающая дорогу речка. «Давайте же посмотрим Галкина!» — снова раздаётся нетерпеливый голос с задних сидений. Оскар милостиво соглашается: «Ну, давайте Галкина!» И вот уже Галкин шутит свои действительно смешные шутки, вот поет Алла Пугачева и мчит по Америке: «Без меня тебе, любимый мой, земля мала, как остров, без меня тебе, любимый мой, лететь с одним крылом!...» И звучит сейчас эта запетая песня неожиданно проникновенно, воспринимается, как откровение.

К Нью-Йорку подъезжаем в темноте, и мосты над Гудзоном предстают во всей ночной красе — цепочки огней на тросах, на изящных контурах мостов. А вот разноцветными ночными огнями сверкает, переливается рукотворная, дра-

гоценная каменная друза Манхэттена. Автобус мчит в Бруклин, по причине своей врожденной топографической неспособности я не понимаю, где именно мы проезжаем, как это получается, но сверкающая друза поворачивается к нам то одной, то другой стороной, подставляя себя под наши восхищенные взгляды. Это так прекрасно, так необычно!

Автобус останавливается, люди выходят из автобуса и из нашей жизни навсегда. Женщина из Петербурга, выходит раньше всех, прощаясь, поднимает руку и говорит: «Привет всему миру!» И это действительно так. Мы не знаем имен друг друга, лишь на 40 часов сошлись наши пути. Все разъедутся в разные страны, займутся своими делами. Но с каждым из нас будет несколько объединяющих воспоминаний — дорога в горах, ревущие в сумерках водопады Ниагары, ночной Манхэттен... Думается, руки наши и еще многих-многих миллионов людей на Земле всегда готовы к рукопожатию.

Юбилей

День рождения моего брата — 8 апреля; в этом году он пришелся на воскресенье, на первый день Пасхи по православному календарю, на католическую Пасху и на один из праздничных дней еврейского праздника Пейсах. Жена брата в этот день работает, работа в Америке тождественна жизни, это святое, помню, моя искренне верующая бабушка говорила, что работать никогда не грех. Поэтому торжественное празднование юбилея отложили на ближайшую субботу. Но такой двойной праздник хочется немного отметить хотя бы в узком кругу, и мы с утра красим яйца, укладываем их красиво на тарелку, ставим купленный предварительно в магазине готовый кулич, раскладываем закуски. В церковь ехать далеко, поэтому надеемся, что Бог это простит, ведь он прощает нас бесконечно. Приходят в гости самые близкие друзья брата, супружеская пара. Муж — известный журналист из Москвы, жена — врач, жизнерадостная оптимистка. Они живут в Америке лет десять, их дочь живет и работает в Англии, за-

мужем за индийцем из высокопоставленного рода, и внуки, на фотографиях похожи на индийских принцев. Как еще раз не подивиться такому скрещению судеб! Открываем вино, пьем за юбиляра, за встречу, за праздник Пасхи. Все мы, бывшие советские, в сложных отношениях с религией, кружим вокруг нее, вроде бы приближаемся, но не входим душой, всем нам трудно принять на веру ее постулаты. Этому надо учить с детства, однако есть потребность соблюдать хотя бы некоторые ритуалы. И сейчас за столом мы говорим о религии, о веротерпимости, о свободе вероисповедания в Америке. Здесь много самых разных конфессий, никто никому не мешает. В Бруклине часто встречаем ортодоксальных евреев в черных одеждах, в шляпах с пейсами, и даже маленькие дети одеты, как взрослые, в шляпы и черные длинные пальто. Я украдкой рассматриваю их со сложным чувством, как будто мне немного их жаль, а они, возможно, недоумевают по моему поводу. Главное, ни к кому не лезть со своим уставом.

Гостья рассказывает анекдот в тему. Один еврей пришел к раввину поговорить и пожаловаться: «Ребе, у меня горе. Мой единственный сын, такой умный талантливый, красивый юноша, я возлагал на него такие надежды... Так вот он крестился! Научи, что мне делать, ребе, почему это случилось с моим сыном?!» А тот отвечает: «Что я могу сказать тебе?! У меня тоже один сын, умный талантливый, красивый юноша, я возлагал на него такие надежды, а он тоже крестился!..» «Ребе, но ты так близко к Богу, ты бы спросил у него, и почему так случилось и что тебе делать?!» «Я спрашивал!» — отвечает ребе. «И что он тебе сказал?!» Он вздохнул и сказал: «Ребе, у меня такая же проблема. У меня единственный сын, умный талантливый...» И так далее.

Говорят, первый русский ресторан на Брайтон Бич назывался «Баба Яга». И мы идем праздновать в один из русских ресторанов. Хозяин, еврей из Самарканда, поэтому русские мотивы вечера органично разбавлялись восточными. И как только мы переступили его порог, я не услышала за весь вечер

ни одного английского слова. По-русски изобильно накрытый стол поражал воображение. Разнообразные закуски на двух уровнях — непосредственно на столе и на больших плоских вазах, фантастические салаты, и даже плосочки со знаменитым «Оливье». Как же без него на русском столе? Шампанское, вино, водка, несколько горячих блюд, чай, кофе, десерт. Это и восточная традиция, и где-то подспудное желание людей, живших в стране с дефицитом продуктов, наконец-то «оторваться по полной». Гуляем! Я потихоньку говорю жене брата: «Галя, зачем ты заказала такой роскошный стол, нас всего 12 человек, мы же не в состоянии все это съесть?» «А иначе нельзя, — объясняет она, — тут предлагают несколько праздничных наборов для стола, я и так выбрала самый скромный, где больше рыбы, а не мяса. Но ничего не пропадет, нам упакуют с собой все, что мы не съедим. Тут так принято».

Помещение заполняется посетителями, и скоро все столики оказываются занятыми. Тут и семейные торжества, и мужская компания, и влюбленные парочки. Гремит музыка еще советских времен, ведущие вечер мужчина и женщина, исполняют известные наши песни. Конечно же, мы услышали песню о наманганских яблоках, и Алла Борисовна зывает, чтобы лето не кончалось, а Верка Сердючка по своему обыкновению уверяет, что все будет хорошо. Люди выходят танцевать в круг, и все происходит совершенно так, как в нашей бывшей стране, в наших ресторанах.

Ко мне подходит средних лет незнакомец с еврейско-узбекской внешностью и почтительно спрашивает: «Мама, вы позволите пригласить вашу дочь на танец?» Надо же, высмотрел, догадался, что мы мать и дочь. Я ошеломленно киваю, и моя дочь уже танцует в середине круга. Женщина исконно тамбовско-ярославско-тверских крестьянских кровей, она выглядит, как говорил незабвенный Макар Нагульнов «личиком приятно-смуглявая», и ее приняли за восточную женщину. Не успевает закончиться одна мелодия, как начинается другая, а они все танцуют. Я уже с досадой и

тревогой думаю: «Ну, привязался! Как бы чего не вышло!». Однако в более длительную паузу, дочь прорывается на свое место, и кавалер вежливо благодарит ее и меня. Его дальнейшие попытки пригласить на танец, дочь пресекает фразой: «Мама не разрешает». И я важно покачиваю головой в знак одобрения. Да, не разрешаю. Моя дочь — хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю. И поклонник уважительно подчиняется. Восток, однако.

А вот что-то новенькое: под вкрадчивую восточную мелодию выходит девушка. Танец живота! На девичьих бедрах легкая прозрачная голубая накидка, расшитый блестками цветной лиф с длинным рукавом, плоский животик обнажен, и она начинает под музыку этот традиционный восточный танец. Вид у нее совершенно невинный, я представляла себе танец живота, как танец страсти, а тут такое беззащитное юное пузочко. Наверное, она еще учится. Но зрители довольны, заводятся или делают вид, подбадривают девушку криками, аплодисментами. Ритм все убыстряется, и вдруг она вскакивает на стол сидевшей недалеко мужской компании и танцует на столе. Гости вытаскивают деньги и засовывают ей за резинку бедренной накидки. И все это происходит без всяких сальностей, без лапанья, я порадовалась за мужчин — даже разгоряченные выпивкой, они ведут себя достойно. И порадовалась за танцовщицу — заработает. Однако уже дома, рассмотрев фотографии, увидела, что бумажки все однодолларовые, так что заработок ее совсем невелик.

Ведущие поздравляют брата с юбилеем, ему преподносят от ресторана торт со свечами. Я без усталости щелкаю фотоаппаратом — будет память. Одна из обслуживающих официанток, видимо, услышала, что мы из Казахстана, и в конце вечера говорит, что у них работает девушка из Казахстана, и она хочет к нам подойти. Подошла девушка, русская, миловидная, спросила, откуда мы, сказала: «А я из Джекказгана. Как там, у нас в Казахстане?» Мы отвечаем, что все хорошо, и жизнь налаживается, и девушка, улыбаясь, удовлетворен-

но уходит. Мы понимаем, что ей просто хотелось немножко прикоснуться к людям с ее родины. Уже в раздевалке ко мне подходит незадачливый поклонник дочери и почтительно говорит: «Мама, ваша дочь – настоящая Краса и Гордость Самарканда!» Оказывается, у него тоже ностальгия.

Королева пиратов

Брат пригласил нас в музыкальный театр «Хилтон» на Бродвее на спектакль «Королева пиратов». Драматических и музыкальных небольших театров на сто мест и огромных зрительных залов на Бродвее десятки, место их расположения называется театральным кварталом. Эта часть Бродвея называется Таймс сквер, и это своеобразный театральный центр страны. Актеры почитают за честь здесь работать, счастливая судьба многих звезд театра и кино пролегла через эти театры. Достаточно вспомнить знаменитые мюзиклы «Метро» и «Чикаго».

Уютный зал театра «Хилтон» вмещает человек триста. При входе в театр нас предупреждают, что фотографировать не разрешается. В театре прохладно, и мы спрашиваем, нужно ли раздеваться. Нам отвечают, что это зависит от нашего желания — можно и не раздеваться. Мы решаем остаться в куртках. Наши места на балконе, в первом ряду, ценой в семьдесят шесть долларов. В партере билеты стоят до 130 долларов. Постепенно зал заполняется зрителями примерно на три четверти. Спектакль начинается ровно в 8 вечера: звучит музыка, раздвигается занавес, на сцене действие из истории взаимоотношений Ирландии и Англии в 16 веке. Судя по всему, они и тогда были непростыми. Фамилии авторов и актеров спектакля, каюсь, не запомнила, могу только сказать, что великолепная музыка исполняется живым оркестром, актеры поют без фонограммы, а также танцуют, изображая в танце и любовь, и ссоры, и рукопашный бой. Девушку, дочь главы влиятельного клана разлучают с любимым и выдают

замуж за сына вождя союзного клана. Оба клана воюют с англичанами, нападают на корабли, гибнут родители девушки, а она уходит от нелюбимого мужа и становится предводительницей пиратского корабля. Корабль захватывают англичане. Героиня и ее возлюбленный попадают в тюрьму, но через несколько лет королева их освобождает, влюбленные соединяются, и все радостно поют и танцуют. Поразил нас невероятный темп представления, мгновенная, бесшумная, хитроумная смена декораций. Только что была палуба пиратского корабля — вдруг куда-то уходят паруса, выдвигаются вазы, канделябры со свечами, из люка в полу сцены поднимается кровать с королевой, стены комнаты спускаются сверху. Десяток секунд — и это уже спальня королевы Елизаветы. И я подумала, что, пожалуй, пониженная температура в зале не только ради экономии, но и ради актеров. Такую энергетику действия, танцев, сражений в хорошо натопленном помещении им, наверное, было бы трудно выдержать.

В антракте обращаю внимание на одежду зрителей. Все одеты очень просто, молодежь в джинсах и куртках, и только несколько пожилых дам с эффектной прической, в элегантных брючных костюмах. Чувствуется, что это зрители из прошлых времен, когда и в Америке выход в театр обязывал выглядеть соответственно моменту. Спектакль заканчивается, зрители энергично аплодируют, актеры выходят на поклон, но ни цветочка, ни какого-то особого знака внимания со стороны зрителей нет. Все быстро и по-деловому. Зал мгновенно освобождается.

Мы выходим на улицу и ошеломленно замираем, потому что видим невероятное зрелище, которое называется «ночной Бродвей». Ой, да что ж это такое делается! Улица сплошь расцвечена яркими неоновыми огнями реклам. И все это крутится-вертится, слева направо и справа налево, и сверху вниз, и снизу вверх. Тут и рекламы театров, и товаров, и компаний, и десятки экранов, на которых проецируются сцены из мира животных, дебри джунглей. Все это

в цвете, сверкает, мерцает, ослепляет, тротуары заполнены гуляющими людьми, молодежь пританцовывает, парочки идут в обнимку, на улице раскинуты прилавки с картинками и сувенирами. Распахнуты двери магазинов и кафе. Все веселые смешливые, и кажется, что сегодня какой-то особенный праздник, который празднуют все вместе. По проезжей части бесконечным потоком движутся машины, звучат клаксоны, а вот проехал белый лимузин, длинный-длинный, забавно смотреть, как он медленно пробирается таким белым блестящим жуком среди более мелких букашек. Атмосфера праздника скоро захватывает нас, начинаешь испытывать эйфорию, как будто выпил немного хорошего вина, хочется смеяться, делать глупости, а моя весьма взрослая дочь заявляет, что ей хочется кричать и прыгать. Да, пожалуй, и я покричала бы.

Нагулявшись, решаем, что пора ехать домой. Брат говорит мне: «Ну, ищи, где тут метро». Я привычно поднимаю глаза вверх, по привычке ищу сияющую букву «М». «Куда ты смотришь?! — удивляется брат, — вот же метро!» И я снова с непреходящим изумлением вижу среди этого великолепия какой-то скромненький спуск вниз. Вроде, как вход в пивной подвальчик или в общественный туалет где-нибудь на Невском проспекте. Мы спускаемся по лестнице, входим в вестибюль станции, слышим умопомрачительно заводной ритм. Толпа кольцом окружила молодого афроамериканца, с упоением отбивающего сумасшедший ритм на двух перевернутых полиэтиленовых ведрах. В круг выскакивает темнокожая девочка лет восьми в яркой курточке, с забавно торчащими, словно рожки, косичками с цветными бантиками. Она танцует под этот ритм невероятный вдохновенный танец-импровизацию, что она выделяет со своим телом, какие делает неожиданные кульбиты — это невероятно. Невозможно уследить за мельканием ее рук и ног. И это завораживает, от нее невозможно отвести глаз, кажется, что это твоя вечно юная душа радуется, танцует вместе с этой дев-

чушкой. Вот, пожалуйста, возможно, это растёт новая звезда Бродвея. Дай Бог счастья девчужке...

В вагоне поезда метро почти пусто. Мы садимся с дочерью на скамейку, брат присаживается напротив. Мы ещё несем в себе хмель ночного Бродвея, нам весело, и мы начинаем вспоминать смешные истории из жизни нашей семьи, и хохочем, и нам необыкновенно хорошо и счастливо вместе. Краем глаза замечаю темнокожего подростка, сидящего через проход лицом к нам. Кажется, он прислушивается к разговору, как-то суетливо ерзает на скамейке. Через полчаса, на одной из станций мальчишка с шумом пинает в нашу сторону пустую жестяную банку, с вызовом и с какой-то ноткой истерики, отчаянно кричит: «Спик инглиш!» - «Говорите по-английски!» и выскакивает из вагона. Я часто вспоминаю этот случай, эту вспышку подростковой агрессии. Мне кажется, понимаю его: ему пятнадцать лет, наверное, что-то не так в его жизни, может, не ладят родители или проблемы в школе. А, может быть, влюблен без взаимности, в нем бушуют подростковые гормоны, ему плохо, и он сам не понимает, почему. Ему плохо, а тут едут эти чужаки, говорят на незнакомом языке, и им хорошо. По какому праву ему плохо, а им хорошо?! Понаехали тут в его страну! Как же трудно жить среди людей, как трудно человеку понять другого человека, принять его. Как же все это непросто! Я так часто вспоминаю тебя, мальчик, пусть все у тебя будет хорошо! Если это можно назвать молитвой, то я за тебя молюсь. Пусть у тебя все будет хорошо!

Музей «Метрополитен»

Утром того дня, когда у нас запланирован поход в Метрополитен-музей, мы проснулись под шум дождя. Но что поделаешь, надо идти, пребывание в Нью-Йорке подходит к концу, надо спешить увидеть как можно больше. В лужах вскипают водяные пузыри, значит, дождь зарядил на-

долго, кажется, что вода где-то долго копилась, а потом небесный резервуар прорвало, и она хлынула на город сплошным потоком. Нам, отвыкшим от дождя жителям Мангистау, поначалу это даже нравится. Метро от дома недалеко, пробежались без потерь, но вот, оказывается, от нужной, конечной для нас, станции метро до музея надо пройти несколько кварталов пешком, и мы немедленно постигаем все прелести погоды. По дороге и тротуарам с шумом бегут потоки воды, и видно, как захлебывается, не справляется мощнейшая ливневая канализация, тупли мгновенно промокают. Наши хлипкие зонтики прогибаются от ливня, и я только позднее обнаружила, что ручеек с зонта аккуратненько подтекал ко мне в сумку, повешенную на плечо. Хорошо, хоть документы оставила дома.

Несмотря на погоду в вестибюле музея полно посетителей, все отряхиваются, как мокрые собаки, воздух пропитан зябкой влагой. Обращаем внимания, что люди стоят в две очереди. Оказывается, в одной кассе входные билеты стоят 22 доллара, но те, кто не может заплатить такую сумму, а к искусству все-таки хотят приобщиться, могут пройти за символический доллар. У нас второй случай, и мы становимся во вторую, очень быструю очередь. Нам вручают жестяные эмалированные значки с алой буквой «М». В раздевалку тоже очередь. Обращает внимание, что одежду принимают и выдают не пожилые женщины, подрабатывающие к пенсии, а сильные мужчины в полном расцвете лет. И то сказать, потаскай-ка эти пальто туда-сюда. И вешают они их не за пришитую петельку, а аккуратно размещают на пластмассовых плечиках. На моей куртке мужчина даже застегнул молнию и как-то внимательно на меня посмотрел, чем буквально озадачил.

На первом этаже размещаются залы древнего искусства Египта, Греции, Рима. С них и начинаем осмотр. Сразу бросаются в глаза так любимые мною фаюмские портреты. Около двух тысяч лет жили люди, портреты которых были най-

дены при раскопке захоронений оазиса Эль Фаюм в северной Африке. Когда-то этот оазис был местом отдыха египетских фараонов. Они приезжали туда отдохнуть в прохладе садов, половить в озере рыбу. Портреты выполнены прекрасно сохранившимися восковыми красками. Смотришь на эти портреты реально живших две тысячи лет назад людей, и чувствуешь даже какой-то холодок — так современны их лица, что кажется это люди из нашей жизни, из уличной толпы. Каждый портрет отражает индивидуальность изображенного человека, и видишь, что эти люди были замечательно красивы и умны. Брат едва успевает щелкнуть фотоаппаратом, как к нам подходит служитель и предупреждает, что фотографировать здесь запрещено. Поразило, что в египетском зале находится целый египетский храм из Дендеры, построенный в 15 году до н. э. Высота его 25 метров. Стены выложены из огромных камней песчаника, на которых вырезаны древние иероглифы. Прикасаешься к камню и кажется, что он хранит еще тепло рук рабочих, строителей храма. И невольно думается, как им жилось, на что надеялись, во что верили, чего боялись, эти люди, мастера, земляне. Время — самая непостижимая категория бытия. Храм уже приоткрывает масштаб этого музея. Там, в Египте, разобрать по камням стены храма, привезти в Америку, а здесь снова реконструировать его. Не слабо!

Наше путешествие по залам Метрополитен-музея продолжалось целый день. Рассказать об этом невозможно, ведь это один из двенадцати крупнейших музеев мира, в нем экспонируется три миллиона художественных произведений. В разных залах и отделах представлены европейская живопись, исламское искусство, античное искусство, египетское искусство, американские коллекции, оружие и доспехи, скульптура, коллекции предметов из Африки и Океании. Здесь работы самых известных художников, и мне не приходилось видеть их раньше даже в репродукциях. И я с каким-то даже изумлением и трепетом смотрю на незнакомые мне полотна

— вот Рембрандт, Рубенс. Ой, а вот Гойя, Эль Греко! А вот в других залах Модильяни, Ван Гог!.. Я перехожу от картины к картине, потом возвращаюсь — еще раз, посмотреть, прежде, чем отойти, и еще раз! — чувствую себя даже чуточку растерянно, взволнованно и очень счастливо. Как хорошо, что все-таки удалось их увидеть! Мы ходим по залам только день, а здесь не хватит и месяца, чтобы все это посмотреть и осмыслить. Здание музея построено в 1870 году, внутри оно далеко не такое роскошное, как Эрмитаж, но здесь все приспособлено для сохранности предметов искусства, для удобства посетителей. Служители в залах музея тоже не «божьи одуванчики», а полные сил молодые мужчины и женщины в форме, с радиотелефонами. Они зорко следят за посетителями. И это понятно — они охраняют такие сокровища! Поневоле появляется мысль о богатстве Соединенных Штатов — закупить во всем мире эти коллекции, картины, скульптуры, привезти их, содержать такой музей — в это вложены несметные средства. И если не можешь заплатить за вход требуемую цену, посмотри все за доллар. И к кассе с билетами по 22 доллара стоит внушительная очередь, люди, стоящие в ней, могут спокойно позволить себе заплатить эту сумму за билет. Честность — одно из внушаемых здесь людям правил жизни. Будь честным, когда платишь налоги, когда вступаешь в отношения с государством и с другими людьми. И доверие к человеку держится до первого обнаруженного обмана.

Когда на чугунных, налитых усталостью ногах выползаем в вестибюль, день уже клонится к вечеру, в раздевалке снова очередь. Мне выдают мою куртку, и молния на ней расстегнута. Я говорю брату: «Странно, ведь он застегивал молнию на куртке». Брат смеется: «Надо было дать ему доллар чашечек». А я и не догадалась, почему он так многозначительно на меня посмотрел, неисправимый я «гомо советикус».

На следующий день мы должны были ехать на экскурсию в Вашингтон, но вечером звонят из туристического агент-

ства и сообщают, что из-за дождя залиты дороги, автомобильное сообщение прервано, о дате экскурсии сообщат дополнительно. А утром по телевизору слышим о чудовищном происшествии — в университете штата Вирджиния студент застрелил тридцать человек. Шок... Я думаю, раз такое случается, «неладно что-то в датском королевстве». Но на эту шекспировскую фразу вспоминаю пословицу: «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала». Где найдешь страну, где все было бы «ладно»? То-то... В метро замечаем явно увеличившееся количество полицейских. Они точно такие же, как в кино, высокие, большие, в форме, с оружием. Ходят по двое, часто в паре мужчина и женщина, напарники. Выборочно проверяют пассажиров. Почему-то проверили брата, человека в возрасте, с русским народным лицом. Может, потому что в руках у него был пакет. Бдительность явно возросла. Все как у нас: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

Музей естественной истории

Это один из самых больших музеев подобного направления, занимает четыре квартала и в его коллекциях содержится более 30 миллионов разных предметов. Комплекс музея состоит из 23 связанных между собой зданий и 49 галерей. Ежегодно его посещают около 3 миллионов человек. В этот музей можно войти сразу из метро, что мы и сделали. Вход возможен за тот же один символический доллар. Мы попадаем в вестибюль, в котором установлен огромный темный метеорит — пришелец из космоса. И этот первый экспонат, который мы видим, сразу дает особую направленность настроению. Чтобы не заблудиться, мы взяли себе, кстати, бесплатно, план музея и наметили свой приблизительный маршрут, чтобы посмотреть хотя бы часть основных отделов. Сразу скажу, что план мы не выполнили, потому что это невозможно. Начали мы с астрофизического музея, в плане-

тарии которого посмотрели какой-то особый по техническим возможностям фильм. Зрители стоят на кольцевой площадке, а внутри кольца бушуют мерцающие цветные сполохи первичного Хаоса — Пракосмоса. Потом взрыв, рождающий Вселенную. Перехватывает дыхание от восхищения. На подходе к планетарию смоделирована Солнечная система со всеми планетами, а под ногами отмечены временные масштабы — миллиарды лет от формирования Солнечной системы, рождения Земли до появления на ней жизни.

На плане музея мы обратили внимание на указание «Комната для школьных завтраков». Оказывается, учителя приводят в музей своих учеников и проводят здесь уроки естествознания. И действительно, в музее мы встретили много школьников, проходящих в сопровождении с взрослыми наставниками, много детей с родителями. И на всем пространстве музея стоит постоянный детский галдеж, как щебет галчат в гнезде — какие незабываемые впечатления детвора вынесет из этого музея! В зале музея поясняется образование горных пород, их названия, установлены их образцы. Все образцы пород можно потрогать руками, что дети и делают, и мы последовали их примеру. А одна маленькая китайка даже попробовала покрутить бронзовую модель Луны. Есть специальные весы, которые показывают, сколько ты вешишь на Земле, и сколько на Луне. Мой вес на Луне понравился мне больше всего.

Конечно, самое сильное впечатление произвел на нас отдел динозавров. В нескольких огромных залах стоят скелеты этих доисторических чудовищ, населявших Землю 65 миллионов лет назад. Длина их достигает 18 метров. Жутко смотреть на эти пасти, зубы, когти, гребни. В других залах птеродактили, бронтозавры, другие доисторические чудища. Поражает и подвиг палеонтологов — найти, бережно выкопать кости, собрать скелеты. На одном из экспонатов показан кусочек этой невероятной работы, орудия — небольшие молоточки, ножички, лопаточки, разнообразные кисточки.

Должно быть, приходится работать, буквально, не дыша. В залах расположены многочисленные диорамы с животными в естественной среде обитания, словно кто-то сказал волшебное: «Замри!», и мы воочию видим сценки жизни из прошлого нашей планеты.

Конечно же, скоро мы заблудились и подошли к женщине-служительнице, в форме, и с телефоном. Попытались по-английски спросить у нее направление к залам, посвященным появлению человека. А она вдруг отвечает нам на чистом русском языке, оказывается, из Николаева приехала, спрашивает, откуда мы, улыбается, качает головой. Подробно объясняет нам дорогу, где войти в лифт, где выйти, как перейти в другой коридор, где лучше подняться на эскалаторе. Лабиринт! Мы попадаем в залы истории американского континента, смотрим его животных, растения. Вот поперечный спил ствола огромной, во всю стену секвойи, и на годовых кольцах обозначены даты европейской и американской истории. Впечатляет. А вот золотые слитки Калифорнии, а вот друзья горного хрусталя, так называемые аметистовые щетки, изделия из полудрагоценных камней. А вот зал метеоритов. Нечаянно залетевшие на землю, огромные валуны, обкатанные и обожженные космосом, на ощупь они холодны, чувствуется, как тяжелы эти чужаки, эти пришельцы. В музее разрешается фотографировать, и в залах буквально стоит нескончаемый треск фотоаппаратов. Стараемся и мы с братом. Впечатляет большой зал с компьютерными столами. Ты можешь сесть и посмотреть нужный тебе фильм из истории Земли. Есть и просмотровый зал с огромным экраном, где показывают фильмы по истории естествознания. Зашли и в библиотеку музея, где, несмотря на компьютеризацию, все-таки ящички с карточками, без которых у нас не обходится ни одна библиотека. За дверями первого зала угадываются неисчерпаемые книжные недра. Симпатичные женщины предлагают нам расписаться в книге посетителей.

Мы выходим из музея бесконечно уставшие и даже не-

множко подавленные. Вот уж поистине вспомнишь Козьму Пруtkова: «Нельзя объять необъятное».

Ботанический сад

Завтра мы улетаем домой, а сегодня первый настоящий весенний день – ясный, солнечный, ласковый. И заждавшиеся долгожданного тепла почки на деревьях взрываются яркой зеленью свежих листочков, эффектно развертываются лепестки истомившихся ожиданием бутонов. И в одну ночь все преобразилось — утром словно снисходит с небес долгожданная радость победившей весны. В Вашингтон мы так и не поехали – экскурсия отложена до лучших времен.

Мы едем в Бруклинский ботанический сад, просто так – погулять, подышать. И уже на входе ощущаем это «подышать». Влажный воздух напоен ароматом неведомых цветов, приправленный запахом хвои. Сразу бросаются в глаза цветущие магнолии. Деревья сплошь покрыты крупными, блестящими, словно восковыми, розовыми или белыми цветами. Среди деревьев пруд с китайской беседкой на воде. В пруду плавают золотые рыбки. По дорожкам неторопливо гуляют целыми семьями. Много детей, и воздух пронизан детским щебетом. Зеленым велюровым ковром расстилаются газоны, на которых ходят и отдыхают люди. Вот компания молодежи, вот парочка влюбленных, а вот женщина сидит, скрестив ноги, закрыв глаза — явно предается медитации. Дорожки обрамлены весенними цветами — нарциссами, анемонами, вот высажены тюльпаны разных сортов, необыкновенных расцветок и оттенков; на табличке возле одного из сортов надпись «Сладкая любовь». Да, судя по окраске, действительно, сладкая. Деревья и кустарники привезены из разных стран мира, и некоторые еще не проснулись, протягивают голые черные ветки. А другие уже вот-вот оживут, словно окутаны дымкой цветного облачка.

Мы не торопимся, разговариваем, присаживаемся отдо-

хнуть, наверное, в череде нескончаемой погони за впечатлениями, такой день тоже необходим. Возле неведомого цветущего дерева с мелкими розовыми цветами останавливаемся сфотографироваться, и не одни мы. Вот молодой китаец фотографирует свою подругу на фоне цветущих ветвей. И я успеваю тоже щелкнуть ее на память. Вдруг кто-то восклицает: «Зайчик!» И действительно, под деревом прячется в опавших прошлогодних листьях крохотный, с ладонь, зайчонок. Мой брат, как юный натуралист со стажем, тут же кладет свой фотоаппарат на землю и снимает зайчонка видеокамерой. Все смотрят, смеются, а зайчишка, наверное, заходится от страха. Но вот, наконец, он проваливается в какую-то ямку, и его уже не рассмотреть. Мы идем дальше. Брат доволен снятыми кадрами. Через десять минут он спрашивает: «А где мой фотоаппарат!?» Мы забыли фотоаппарат под деревом. Бегом возвращаемся на то место, но фотоаппарата уже нет. Кто-то видел, что его взяли мексиканские дети. Жаль, конечно, хороший был аппарат, цифровой, но еще больше жаль пропавших снимков. Иногда я не фотографировала, зная, что снимает брат. Ну, что делать, пусть это будет наша самая большая потеря в жизни...

Вылет нашего самолета в 16 часов, и мы спокойно собрали вещи, успели посидеть за накрытым столом по-семейному, пили прощальное вино, произносили тосты. Последние часы вместе. Выходим из дома, фотографируемся еще раз все вместе возле машины...

В аэропорту Кеннеди благодаря брату не запутываемся в его лабиринтах и недрах, быстро находим свой терминал, ручеек пассажиров нашего рейса. Дальше все, как всегда — таможня, граница, контроль...

Прощай Америка! Никогда не думала, что придется здесь побывать, а вот довелось провести здесь три счастливых, сумасшедших, битком набитых впечатлениями недели. Могли ли я сказать, что видела Америку? Очень с большой натяжкой. Потому что Нью-Йорк — это еще не Америка, это кос-

мополитический город, и жители его отличаются от других людей даже в самих Соединенных Штатах. Много ли я могла увидеть и узнать за эти три недели? Я словно прошла по касательной, на мгновение соприкоснулась с этой жизнью, как будто постояла с чайной ложкой на берегу океана и старалась что-то из него начерпать в свое ведерко. Много ли начерпала? Судить об этом читателям. Гуд бай, Америка!

*Нью-Йорк - Актау
2007 год*

Та самая Россия...

В каждой кувшинке — по солнцу,
В каждой травинке — заря.
Ивушка веточкой сонной
Ловит в реке пескаря.
Ягодой пахнет лесною,
Птица поет и поет...
Это родилось со мною,
Это со мною уйдет.
Дали мои синеокие
Светятся ночью и днем...
Это из детства далекого.
Это о счастье моем!

Владимир Архипов

1

Всю мою жизнь, с тех пор как после войны наша семья уехала из села, где прошло мое раннее детство, тревожил и манил меня зов моей малой родины. Словно магнитом притягивала она к себе свою маленькую, затерявшуюся на просторах жизни, песчинку. Услышу ли где-то случайно неспешный окающий говорок, частушечную россыпь в передачах по радио или телевизору, прочту ли стихи или прозу северных поэтов и писателей — сердце сожмется неизъяснимой радостной болью. Хотя бы раз в год мне снилось, что

я туда возвращаюсь, вижу наш дом, речку, иду по тропинке через заливные луга в село, собираю в лесу землянику и чернику. И там, — во сне! — душа моя купалась в радости, в томительном счастье свидания с детством. Просыпалась я с разочарованием и печалью. Почему, уже взрослой, самостоятельной женщиной, я не удосужилась туда съездить, хотя чувствовала, что когда-нибудь надо туда вернуться? Да потому что жизнь казалась мне бесконечной — еще все успею! И вот в 70 лет, наконец, осознала — или сейчас или никогда! Однажды, в разговоре с журналистом я упомянула, что своей малой родиной считаю село Павино, Костромской области, в котором прошло мое детство. Это было напечатано в местной газете и дало толчок всем последующим интересным событиям моей жизни.

После этой публикации моей дочери позвонила коллега и сказала, что ее живущий в Алма-Ате отец родом из тех мест, что у него есть родственник и земляк, сейчас живущий в Москве офицер в отставке, который написал книгу об истории края, в частности села Павино, и что книга скоро должна быть опубликована. Я попросила адрес, написала письмо в Москву и получила доброжелательный подробный ответ. Валентин Иванович Попов написал мне о себе, о книге, которая, действительно, готова к публикации и, возможно, скоро будет издана, так как губернатор Костромской области обещал дать деньги на издание. И сообщил, что летом 2008 года село Павино будет отмечать свой юбилей — 350-летие со дня основания. И душа моя загорелась — надо же, наконец, позволить сбыться давним, томительным снам и непременно поехать в это свое родное село!

Я дозвонилась в город Кириши, под Петербургом, подруге детства Зине Ивковой, с которой вместе ходили в павинскую школу, изредка переписывались, иногда замолкая на годы, но все же не теряя друг друга из виду, чувствуя словно бы некое родство или инстинктивно желая сохранить реального свидетеля действительно когда-то существовавшего детства. В де-

вятнадцать лет мы даже виделись последний раз молодыми, полными планов и надежд на счастливую жизнь девушками-студентками. С тех пор лично встречаться не пришлось. Я рассказала ей по телефону о юбилее села, и подруга детства тут же решила, как отрубилась: «Едем!»

И вот уже взяты билеты на самолет до Москвы и на поезд до станции Шарья, а там уж до Павина сейчас ходят автобусы и такси, пролетая за пару часов те 127 километров, которые во времена моего детства одолевались в течение почти целого дня, если на машине, и нескольких суток, если ехать на лошадях в осеннюю грязь или весеннюю распутицу. Все эти предотъездные дни я жила словно в двух измерениях — в хлопотной суете реальности и в своих воспоминаниях о детстве, осмысленных своим уже взрослым пониманием жизни.

Когда в каких-то дискуссиях сетуют о том, что в России случилась революция, и предполагают, как бы мы хорошо жили, если бы не этот зигзаг истории, я думаю, что если бы не было революции, лично меня не было бы на этом свете. Потому что отец мой, Михаил Воскресенский, сын дьякона из села Князево Тамбовской губернии, никогда не встретился бы с крестьянской дочерью Лизой Клочковой из деревни Мостовики Ярославской губернии. А они познакомились в Ленинграде, будучи студентами медицинского института, полюбили друг друга и поженились в 1936 году, когда отец окончил институт. Ему предлагали поступить в аспирантуру, и это была хорошая перспектива жизни, но семейные обстоятельства заставили его взять направление в село Павино, тогда еще относившееся к Вологодской области. Сделать именно этот выбор посоветовала ему его однокурсница, Лида Ивкова, мать моей будущей подруги Зины, которая в январе 1936 года у нее уже родилась, а муж Лиды, военный врач, был родом из тех мест; она бывала в гостях у родителей мужа и эту больницу видела. Семью моего деда, Федора Федосеевича Воскресенского к тому времени раскулачили, и

его самого сослали в Сибирь, а мать с тремя младшими дочерьми выселили из дома. Они остались без средств к существованию, и отцу моему, как старшему сыну и брату, пришлось взять на себя заботу о матери и сестрах. В Павино ему сразу предлагалась должность заведующего районной больницей и выделялся при больнице просторный деревянный дом, в котором могло разместиться всё большое семейство.

Я смотрю на самую первую свою фотографию лета 1937 года. Собственно, меня и не видно за кружевами нарядной белоснежной пеленки, я — маленький сверточек на руках у бабушки, Валентины Ивановны. Она сидит в центре, по обе стороны от нее молодые, двадцатипятишестилетние папа и мама, сзади стоит приехавшая в гости одна из старших дочерей бабушки, Нюра, а на земле у их ног присели младшие сестры отца, Зоя, Женья и Шура, мои тетки, 13, 11 и 9 лет соответственно. Смотрю на эту фотографию со сложным чувством радости и печали. Я радуюсь, увидев их всех молодыми, — ведь и бабушке всего 48 лет! — словно еще раз встретилась с ними, увеличиваю фотографию на компьютере, внимательно рассматриваю их «довоенные» лица, прически, фасоны и рисунки ткани простеньких платьев, нарядные кружевные воротнички. Они сидят, молодые, беспечные, ничего не знающие о будущем, а я знаю все, что случится с каждым из них. И это знание наполняет меня печалью. Знаю, что впереди война, которую пройдет отец, мне известно, когда и как все они ушли из жизни. Ведь этот сверточек — я, единственная из запечатленных на фотографии, кто пока еще обретается в этом «прекраснейшем из миров», участвует в жизни, помнит их, своих родных, и хочет оставить эту память детям и внукам.

Мама окончила институт в 1938 году и тоже приехала работать в Павино, а мне к этому времени исполнился годик. Больница в селе была построена, как говорится, по уму, на расстоянии километра от Павина и в отдалении от близлежащих деревень, на холме, или, как говорят в Павине — на угоре, у подножия которого протекает чистая тихая речка Вочь.

Думаю, отдаление это специально было предусмотрено на случай какой либо эпидемии. Собственно это был больничный комплекс, в который входили здания больницы, амбулатории, дом главного врача, дом для семей медицинских работников, так называемая усыпальница (морг), скотный двор, где содержались больничная лошадь и коровы, хозяйственные постройки и сараи. В отдалении уже от больницы был выстроен так называемый «заразный барак» для инфекционных больных. Все постройки из прочных деревянных бревен и отапливаются дровами. Для удобства между ними проложены аккуратные деревянные тротуары. На территории больницы вырыт колодец с деревянным срубом, воротом и ведром на веревке.

Самое первое мое воспоминание в жизни. Наверное, мне года три. Предвечерние сумерки. Я на руках у мамы, обнимаю ее за шею, а она несет меня и приговаривает: «А где это наш папочка? А наш папочка рыбку ловит, сейчас мы его найдем, где это он сидит на бережку?» И вот он папа, за кустами, сидит с удочкой, улыбается, машет нам рукой — не шумите! Я хочу пить, и у мамы припасена бутылочка с кипяченой водой. Но вот незадача, я еще не умею пить из горлышка, и вода течет мимо рта на платье. Отец, срывает листок с дерева, вставляет кончик листа в рот, а на другой конец льет потихоньку воду из бутылочки. Я уже напилась, но эта игра мне так понравилась, что листочек отнимают насильно, и я капризничаю.

Помню, стою возле стола и смотрю, как отец помазком намаливает лицо пеной, поворачивается ко мне и рычит, я хохочу, а потом внимательно наблюдаю, как отец проводит бритвой по щекам и постепенно из пены высвобождается его гладкое улыбающееся лицо. «Хочешь, тебя побреем?» Я радостно соглашаюсь, и отец аккуратно бреет мне голову. Входит мама, всплескивает руками: «Ты зачем это сделал, как мы теперь будем привязывать ей бант?!» «Ничего, лучше волосы будут расти. А то пушок — как у воробышка».

В начале лета 1941 года отец вернулся из Ленинграда, где занимался на курсах усовершенствования по полевой хирургии. Он привез погостить на лето ленинградского племянника Виталия, сына маминого брата, у которого смешное удобное домашнее имя «Тотик». Скоро дождутся отпуска и придут его родители — брат мамы, дядя Витя и его жена, тетя Лиля. Приехавшему братику 14 лет, и он мне кажется совсем взрослым, мне ведь только недавно исполнилось 4 года. А через неделю грозно прозвучало слово: «Война!»

Помню, отец и какой-то дядя, который называется «военком», сидят в зале за накрытым столом, они наливают в стопочки водку, выпивают, закусывают, почти не разговаривают. Я стою у стены, смотрю на них. Дядя-военком спрашивает меня: «Ну-ка, скажи, куда папка уезжает?» И я с готовностью выпаливаю: «На войну! Бить вр-р-рагов!» Как славно мне удастся буква «р-р-р»! Они смеются, отец встает, поднимает меня на руки и в последний раз подкидывает в воздух высоко-высоко к висящему на стене черному репродуктору: «Съест-съест Тамарушку радио!» Я очень люблю эту нашу игру и часто тяну к отцу руки: «Покидай меня к радио!» Так страшно-весело лететь вверх, потом вниз. Кажется, — упаду, разобьюсь! — но сильные отцовские руки подхватывают меня и снова подбрасывают вверх! Помню, отец берет в руки чемодан, мы все выходим на крыльцо, возле которого стоит тарантас с больничным меринком по кличке Чалый. Отец обнимает плачущую бабушку, сестер, Тотика, на прощанье тискает меня, целует, они с мамой садятся в тарантас, и кучер трогает. И тут я принимаюсь орать изо всех сил — меня не берут с собой! Они едут в село на сборный пункт. А когда стемнело, я стою на стуле возле окна, мы с бабушкой смотрим в сторону отдаленной дороги, там, через деревню Бор движутся к Большой дороге на Шарью огоньки фар. Я знаю, что Шарья — это что-то далекое-далекое, край земли. «Это твой папа поехал на войну!» — говорит бабушка и так крепко обнимает меня, что мне становится больно.

Самым важным предметом в доме стал висевший на стене в зале черный репродуктор. И если у меня, четырехлетнего ребенка, голос Левитана: «От Советского Информбюро!» вызывал мороз по коже, что же испытывали взрослые?! Не забыть запрокинутые вверх их внимательные, серьезные, молящие лица. Помню свое неосознанное провидческое предсказание, которое сама себе не могу объяснить, с чего это я вдруг его проговорила. В первую же военную зиму установился у нас с мамой обычай, после вечернего чая — почему-то мы никогда не говорили «ужинать», а только «чай пить» — мы с мамой в своей спальне прислонялись спиной к шершавой, теплой, высокой — до потолка — печке и разговаривали. Предварительно гасили керосиновую лампу, поднимали бумажные шторы затемнения, и мама вспоминала свое детство, смешила всякими прибаутками вроде сказки «про белого бычка» и «вышел зайчик погулять». А зима была лютая, в тишине слышалось, как потрескивали от мороза бревенчатые стены, за окном под луной переливались огоньками снежные сугробы. В этот вечер разговор у нас с мамой не очень клеился, она была озабочена: от отца давно не было писем. И она вдруг воскликнула с болью и тоской: «Боже мой, боже мой! Когда же, наконец, кончится эта война?! Когда же, когда вернется домой наш папа?!» И я вдруг проговорила: «Папа придет домой, когда я буду учиться во втором классе». И она словно бы не удивилась, сказала: «Почему так долго — четыре года!» На следующий день мама рассказала это бабушке, и та изрекла: «Что ж, Лиза, говорят, устами младенца глаголет истина. Подождем». Война кончилась, когда я заканчивала первый класс. А отец приехал в отпуск осенью сорок пятого, когда я уже училась во втором классе. Этот случай вспоминали у нас в семье всю жизнь.

Зимой прорвались к нам через Ладогу из блокадного Ленинграда жена маминого брата, тетя Лиля, мать Тотика, с сестрой Марией, после фильма «Поцелуй Мери Пикфорд» она стала всем представляться, как Мери. В Шарье их встре-

чал на лошади больничный кучер с тулупами. Потом он рассказывал маме: «Такие они худые, краше в гроб кладут. Я их в сани усадил, сена подоткнул, в тулупы закутал, дал по шаньге с картошкой. Они съели, вроде бы даже заснули. Потом проснулись, спрашивают, нет ли у меня еще хоть одной шанежки. Я им опять дал. Так и ели всю дорогу. Я уж испугался, не будет ли им с непривычки худо».

В шесть лет узнала я, что люди умирают. У фельдшера Нины Беловой была дочка, очаровательная девочка, на два года меня моложе, звали ее Тамарочка, очень модное было до войны имя. Помню, с каким восторгом она всегда смотрела на нас с Зиной — мы были старшие. Как была она счастлива, если мы брали ее в игру! Летом она заболела — высокая температура, рвота, головная боль. Слово такое прозвучало, прежде неслыханное — «менингит». Мама сказала, что она ничего не ест, но сейчас попросила ягодок. Мы с Зиной бросились в ближайший перелесок, набрали черники, земляники со стаканчик. Передали ягодки в больницу. Сами прибежали под окно, подтягивались на подоконник, заглядывали в палату. Тамарочка лежала бледненькая, тихая, рядом, на тумбочке стоял нетронутый стаканчик с ягодами. А потом она лежала в гробике с неживым, кукольным личиком, с закрытыми глазками. Мы с Зиной набрали для нее букетики ромашек и колокольчиков. Нас взяли и на похороны, мы видели, как закрыли гробик, опустили в вырытую могилу, потом насыпали холмик, на который мы и положили с Зиной свои ромашки. Конечно, мы не осознавали по-настоящему, что это такое — «умерла», бабушка мне говорила, что бог взял ее на свои руки. Мы с Зиной иногда вспоминали ее, говорили, как, наверное, ей там, в могиле темно, холодно и одиноко, но горевать еще не умели, скоро отвлекались на свои детские дела.

Появилось новое слово «эвакуированные». Приезжали люди из прифронтовых областей, из Ленинграда. Так из Ленинграда эвакуировалась больная диабетом молодая красивая

женщина по фамилии Стрекопытова с четырнадцатилетней дочерью Зоей. Муж женщины был какой-то военный в больших чинах. У женщины был с собой в запасе инсулин, и пока было лекарство, она чувствовала себя хорошо, и даже работала. А потом инсулин кончился, и ее привезли в больницу. Кажется, сколько-то ампул было в больнице, растягивали, кололи. Помню, как мама куда-то звонила, в Шарью, в Вологду, и слово тревожно звенело: «Инсулин! Инсулин!» Муж женщины прислал телеграмму, что достал инсулин и выслал по почте. Постоянно звонили в Шарью, отслеживали посылку с инсулином. Наконец, она пришла, коробочка с ампулами. А уже была весна, и ждали — вот-вот начнется ледоход на Ветлуге. И санная дорога уж растаяла. Почта не ходила. И опять звонили, просили. И вызвался паренек-подросток привезти почту и заветную коробочку, которую на груди спрятал. Когда он добрался до Ветлуги, на ней уже начинал трещать лед. Мальчишка решил и побежал по льду через реку. Перепрыгивая трещины, уже почти перешел реку, но недалеко от берега провалился в полынью, стал тонуть, но все-таки выполз, выбрался на твердый лед, а потом люди протянули ему багор, он схватился за него и выбрался на берег. Его позвали в дом, переодели в сухое, напоили горячим чаем. Передохнуть он отказался, тогда дали ему лошадь, и он поехал дальше. Счастливый, он ворвался в больницу — доставил лекарство! Взяли у него коробочку, открыли — все ампулы были раздавлены! Мама рассказывала бабушке, что он так кричал, так плакал — надо было в деревянный ящичек положить!

Рассказывали со слезами, что на похоронах матери девочка Зоя билась в рыданиях. Ее очень жалели — осталась одна в чужой стороне. Взялась ее опекать другая эвакуированная женщина, их соседка. Зоя стала с ней жить, а отец ее присылал свой денежный аттестат на имя этой женщины. Мама моя долго вспоминала эту историю и повторяла горестно: «Как же она не сообразила, и никто не подсказал, что ей нельзя жить в деревне, где не достанешь инсулина!» На что

бабушка, покачивая головой и крестясь, повторяла: «На все воля божия...» После войны приехал отец Зои, женился на этой женщине и увез их с Зоей в Ленинград.

* * *

Помню, шепот пошел и шушуканье среди взрослых: «Маруся утопилась!» Маруся — молодая, простенькая, не слишком миловидная, но очень старательная девушка, работала санитаркой в больнице. Пошла ночью на речку Вочь, подальше, за больницу, бросилась в омут и утопилась. Не сразу хватились. Искали долго, с баграми, с сетями. Принесли Марусю в усыпальницу. Милиционер зачем-то приехал. У взрослых были странные, словно каменные лица, многие поджимали губы. У некоторых глаза горели любопытством, большинство печалилось. Днем мы с Зиной подбежали к окошку усыпальницы, замазанному белой краской, вставляли на цыпочки, пытались что-то рассмотреть, вдруг ужас нами овладел, мы без оглядки убежали прочь. Помню, говорили про какого-то ребенка. Помню, мама в белом халате прошла в усыпальницу, люди стояли, ждали. Мама вышла усталая, расстроенная, ни на кого не глядя, вернулась в больницу. Милиционер покрикивал: «Расходитесь, расходитесь!..» Я не понимала, что произошло, и уже, будучи взрослой, однажды вспомнив об этом, поняла. Маруся была беременна. Попала в ловушку природы. Аборты тогда были запрещены, и многие женщины погибали, так или иначе...

* * *

До войны у отца была охотничья собака, Карай, он ходил с ней зимой на зайцев. После отъезда отца на фронт Карай как-то заскучал, все больше спал, и ему снились сны про охоту. Забавно было смотреть, как, спящий, он тихо подвизгивал, влаивал, и лапы его подергивались — во сне он гнал зайца. С ним связана одна семейная история, вспоминая которую мама с бабушкой и, много лет спустя, принимались хохотать. А тогда было не до смеха. Однажды, почти под Новый год мама вместе с фельдшерницей уехала на медкомис-

сию в какую-то деревню. Через два дня к празднику должна была вернуться. Бабушка решила встретить невестку ее любимым праздничным блюдом – пельменями. Намолола мяса, слепила 230 штук пельменей – семья-то большая! Интересно, что я до сих пор помню, сколько было пельменей, так горестно бабушка повторяла это число. Пельмени разложила рядками на большую разделочную доску, отнесла в зал, положила на стол. А сама поставила в печку чугунок с водой. Позвонила мама из села, что уже через полчаса подъедут. Бабушка сказала, мол, ждем, готовим тебе сюрприз. Уже был вечер, в зале темно, керосиновая лампа горела только на кухне. Бабушка пошла без лампы, с тарелкой, мол, ошупью положу пельмени и принесу в кухню. Вода в чугунке уже закипела. Вошла в темноте, подошла к столу – шарит-шарит — нет пельменей! Что такое?! Пошла на кухню, взяла лампу, вернулась в зал — вся доска пустая! Куда пельмени делись?! Ничего не поймет, стала осматриваться, посмотрела на Карая, а он смущенно так голову опустил, хвост поджал — и за диван полез. Бабушка принялась ругаться: «Ах ты, анчутка этакая! Ах ты, утроба ненасытная, я же тебя недавно кормила!» Схватила веник, давай его веником охаживать. А он и не огрызается. Понимает свою вину, повизгивает, бежит от нее по комнате, в углы забивается. Приехала мама, рассказали ей про сюрприз, погоревала и она о пельменях, да что тут поделаешь! Рассказала в свою очередь, как выехали из деревни вроде бы засветло, а быстро темнеть стало, мороз все крепче забирает, женщины в санях на сене в тулупы закутались. Старик-конюх лошадью правит. И вдруг лошадь забеспокоилась, резвей побежала. Кучер кричит: «Эй, бабоньки, волки! Кричите, что есть сил, стучите, зажигайте спичками сено, бросайте с саней». Стали они кричать, мама стучит ложкой о железную кружку, девушка – фельдшерица, зажигает спичками клочки сена и бросает на дорогу. А серые тени все ближе и ближе. Лошадь понесла, вся уж в мыле. И тут успели они до Павина доехать. На въезде в село отстали волки. Так что утрата пельменей на этом фоне показалась не такой большой трагедией.

А в начале лета с Караем случилась беда. Бабушка вынесла ему на крыльцо поесть, налила в его плошку воду. А его дрожь бьет, не ест, от воды пьтится, слюна с морды течет. Бабушка меня как отшвырнет в дом за дверь, и сама убежала. И дверь заперла. Звонит маме в больницу: «Лиза, Карай взбесился, воды боится!» Мама позвонила в село, в милицию. Милиционер приехал, люди собрались, Слышу из дома, на улице кричат, стучат, загнали Карая в сарай, дверь закрыли. Я на этот переполох в окно смотрю, интересно же! Карай заболел, лечить, наверное, будут. Слышно, как он в дверь бьется. Постояли люди молча возле сарая, милиционер покурил. Потом махнул рукой: «Открывай!» Засов отодвинули. Приоткрыли дверь чуть-чуть, Карай голову просунул, милиционер руку вытянул, глухо стукнуло что-то. И затихло все. Тут бабушка из дома вышла, и я выскочила, подбежала. Карай неподвижно лежал на земле. «Караюшка!» — закричала я. «Мама, зачем ребенка выпустили?!» — упрекнула мама бабушку. Да что тут говорить, жизнь от детских глаз не спрячешь. Подошел сторож с лопатой и веревкой, Накинул под передние лапы Карая веревочную петлю, потащил его под горку в лесок. Шел и ворчал: «Вот, паря, лешой-от! Тяжелый какой!» Мы с Зиной, конечно, побежали за ним. Он вырыл довольно глубокую яму, свалил туда Карая, засыпал яму землей, потоптался. «Ему же больно!» — закричала я. Он отозвался: «Ничо-о-о! Из земли вышли — в землю уйдем. А вы сюда не ходите, а то заболете, и вас закопают!» Нас с Зиной как ветром сдуло. Но, поразмышляв, мы с ней нарвали желтых одуванчиков, вернулись и положили на вскопанное, без травы место. Прощай, Карай!

Я не могла никак понять, что же это такое значит — умереть?! Как же так, только что был человек, разговаривал, смеялся? Что же случается с людьми — с Тамарочкой, с матерью Зои или с Марусей? Карай вот, только что бегал, лаял, играл со мной. Только что были — и нет уж их, и никогда не будет! Правду сказать, я и сейчас этого не могу ни понять, ни принять. Как же так, только что были — мои родные, друзья и подруги! И скольких уж нет! Как же так?! Только что были!!

Я не помню, как я научилась читать. Лет в шесть это знание словно открылось мне сразу, наверное, мои тетки и Тотик время от времени мне показывали какие-то буквы. Я без конца вертелась возле них, когда они учили уроки. Помню, что чей-то старенький букварь у меня был. В один прекрасный день я его открыла и вдруг осознала, что я читаю. Я побежала к бабушке с букварем и закричала:

– Бабуся! Я умею читать!

– Ну-ка, ну-ка, почитай! – засомневалась бабушка.

Я бойко начала ей тарабанить про маму, которая моет раму.

– Это ты наизусть выучила. Вот почитай газету. Что тут написано крупными буквами?

И я уверенно прочитала: «Колхозный клич»! И дальше, мелкими буквами, про успехи осенней уборки картофеля. Так приоткрылась и впустила меня вселенная, в которой вся человеческая память, все точные знания и невероятные фантазии, все времена и страны. Как всякая уважающая себя вселенная она непостижима и бесконечно расширяется, и я надеюсь пребывать в ней до скончания своего века.

Мне очень хотелось в школу, хотя, что это такое, я толком не знала. Все ходили в школу — Зоя, успешно окончив павинскую десятилетку, преподавала в ней математику — преподавателей не хватало. Женя, Шура и Тотик учились в старших классах, девочка-соседка Римма Аверкиева, дочь акушерки, в третьем классе, даже подруга Зина пошла в 43 году в первый класс. Бывало, что утром я успевала проводить Римму и Зину до угора, они спускались к Вочи, переходили на тот берег, шли, не оглядываясь, по лугу в школу, в село, и смутенное чувство во мне, вероятно, было завистью. В первой половине дня в доме и на улице было пусто и скучно. Я была предоставлена сама себе, выпрашивала у старших листочки, делала себе тетради и писала в них каляки-маляки. Когда меня спрашивали, что это я делаю, я, вздохнув, отвеча-

ла: «Уроки учу. Так много задали на дом, просто голова трещит!» Почему люди хохотали, я не понимала и обижалась до слез.

И вот, наконец, настал великий день 1 сентября 1944 года. Не помню ничего — ни во что я была одета, ни как меня напутствовали домашние. Помню главное, у меня в руках был так называемый «портфель» — прямоугольная, в виде портфеля сумочка с черными пуговицами, которую сшила бабушка из своей черной сатиновой юбки. Не пожалела для внучки. Помню, что мама говорила, удачно, мол, получилось, дочка попала в класс к самой лучшей учительнице, Агнии Павловне. Я не знала ее фамилии, и только несколько лет назад, разбирая бумаги своей покойной матери, буквально ахнула — нашла сохранившиеся у нее свои похвальные грамоты с силуэтами Ленина и Сталина. Там стоит аккуратная подпись учительницы — «Дворецкая». Помню, нас завели в класс, рассадили по партам, учительница объясняла, как надо правильно сидеть за партой, как себя вести, как вставать, без стука приоткрывая крышку парты, когда учитель входит в класс и прочие школьные премудрости. Потом она сказала: «Дети, кто умеет читать, поднимите руки!» Вверх взметнулась моя одинокая рука. «Ну, Тамара Воскресенская, встань и громко прочти, что написано на плакате, который висит над доской». Я встала и громко, как меня учили дома читать стихи, «с выражением» прочитала: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» За партами сидели плохо одетые, не все сытно накормленные дети, многие были обуты в аккуратно и любовно сплетенные лапоточки. Кто не знает — это детские лапти, сплетенные из лыка, березовой или ивовой коры. Но я и мои одноклассники уже должны были быть счастливы тем, что жили в глубоком тылу, и впрямую ужас войны нас не коснулся. Что касается меня, то детство у меня действительно было счастливым уже тем, что я никогда не знала голода. Не было разносолов, но была своя корова, огород, вдоволь картошки. Летом всякая трава,

кашка, щавель, стручки гороха на поле, морковка, зеленый лук, репа на огороде, лесные грибы и ягоды давали детям необходимый запас витаминов. Бывало, бабушка насыплет в тарелку земляники, черники, малины, зальет молоком, отрежет кусок черного хлеба и поставит передо мной. Как же это было вкусно! Каким йогуртам с этим сравниться! Когда, после войны отец рассказывал, как в разбитом Воронеже, к санитарному поезду подбегали дети, просили хлебца, как им наливали суп в консервные банки, как мальчишки бежали за поездом и кричали: «Дяденька! Возьмите меня с собой!» вот тогда я впервые осознала, что такое сострадание и чувство человека, виноватого без вины. Самая маленькая, я была центром сплоченного домашнего мирка и неосознанно распространяла это на все, что видела и узнавала вокруг себя. Я была в этом мире главная.

Посадили меня за одну парту с Валей Поповой. Она и одноклассница Маша Коркина жили в Старой деревне, которая была еще дальше больницы, и очень часто мы вместе, вдвоем возвращались домой из школы. Книг и тетрадей не хватало, распределяли один букварь, задачник на несколько человек. Уроки учили по очереди.

Помню первую школьную елку в актовом зале. Елка стояла пушистая, темно-зеленая, огромная — до самого потолка. Макушку венчала ярко красная стеклянная звезда, Разноцветных стеклянных шаров было немного, это были довоенные богатства, они предусмотрительно были повешены повыше, чтобы дети нечаянно их не сбили. Больше всего было самодельных игрушек из цветной бумаги, а также бумажных цепей, которые раскрашивали и клеили сами школьники. В новогодний подарок каждому ученику давали по два больших мятных пряника, покрытых розовой сахарной глазурью. Как вкус мяты холодил во рту, какие это были мягкие, вкусные, свежие пряники! Больше таких пряников я не пробовала нигде и никогда! Сейчас думаю с благодарностью — несмотря на войну, недостатки, взрослые все-таки нашли, чем по-

радовать детей. На этом утреннике случилась со мной мгновенная, острая первая любовь. Новогоднее представление первоклашкам давали старшие дети. Конечно же, был Дед Мороз, Снегурочка и ряженые — матрешки, клоуны. Особенно мне понравился клоун в остроконечной, украшенной наклеенными блестками шапке, с нарумяненными щеками, в розовой атласной рубаше, в синих блестящих шароварах. Он был самый потешный и веселый, отпускал шуточки, строил смешные рожицы. Он был замечательный! Я не могла отвести от него глаз и, наверное, больше всех смеялась. Когда все взялись за руки, встали в круг и запели «В лесу родилась елочка», артисты включились в хоровод, и самый замечательный клоун вдруг подошел и встал между мной и Валею. По дороге домой Валя мне сказала: «Это Витя Коржев был клоуном. Он учится в третьем «А». Это имя врезалось мне в память на всю жизнь. Удивительно, что я потом не узнавала его среди ребят и не искала, просто сплывало в одно целое — ёлка до потолка, клоун с именем Вити Коржева, два больших розовых пряника — это вошло в память единым, счастливым воспоминанием.

И еще случилось знаменательное событие: я записалась в библиотеку. Первой книгой, которую я взяла и прочитала в этой библиотеке, был адаптированный для детей пересказ известного древнегреческого мифа. И называлась книга «Двенадцать подвигов Геракла». Это не было похоже ни на одну русскую сказку. Помню картинку — младенец в большой плетеной кровати держит в обеих ручках двух задушенных змей. Этот подвиг поразил меня больше всего, потому что ни разу в жизни еще не встретив живую змею, а только вот увидев их на этой картинке, я вдруг прониклась, к ним, как и большинство людей, чрезвычайным, каким-то первородным отвращением и страхом. Почему? Что там хранится в генетической памяти людей связанное со змеями?

Потом я взяла еще какую-то детскую книжку, в которой рассказывалось, как живут люди в жарких странах. Оказыва-

ется, есть такие места на земле, где круглый год жаркое лето и совсем не бывает зимы! И называется это место — экватор. Там растут такие деревья, которые дают людям все. Хлебные деревья дают хлеб, почему-то подумалось, что на нем растут буханки хлеба, на дынных деревьях зреют диковинные плоды, по рассказам бабушки — дыни очень вкусные и сладкие-пресладкие. А на пальмах растут огромные орехи, и в них есть молоко; из листьев пальмы люди делают одежду и много других полезных вещей. Помню, я читала эту книжку несколько раз, а за окном бушевала пурга, наметало сугробы такой высоты, что когда сторожика чистила тротуары, я шла по ним, как по туннелю с высокими белоснежными стенами, и даже, если встать на цыпочки, до края этой стенки невозможно было дотянуться и выглянуть.

А в Павино-то лето коротенькое, две-три недели в июле времечко, которое называется «вёдро», когда все спешат косить траву, потом ворошить сено, чтобы просохло. А потом складывают его в высокие стога. Скорей-скорей, того гляди, начнутся дожди. В эти две-три недели в середине июля мы с Зиной бегали купаться на заветное местечко на берегу Вочи, которое называлось «камешник». Там речка плавно отклонялась в сторону, и на ее повороте было мелкое чистое дно, на берегу намытый речкой светлый песочек и светлые же разных бежевых оттенков камешки, которые назывались «кремень». Мы с Зиной из дома босиком летели под горку, потом сворачивали вправо на тропинку, бегущую по берегу речки, на ходу снимая панамки, платьишки, сдергивая трусишки, и кто быстрее — в воду, поднимая тучи брызг. Плавать мы сначала не умели, ползали руками по дну, бултыхая ногами, а в какое-то лето неожиданно, «по-собачьи» поплыли. Недалеко по реке маленький островок, на который можно перейти вброд, и возле него росли белые водяные лилии. Из их длинных трубчатых стеблей мы с Зиной делали себе бусы, а слева, на глубине, куда не дойти даже на цыпочках, росли желтые кувшинки с округлыми плоско распластанными по воде листьями.

В воде возле берега лежали выпуклые продолговатые серо-черные двустворчатые ракушки. Если створки были открыты, можно было рассмотреть розово-желтую плоть странного существа внутри выстеленных молочно-зеркальным перламутром створок. Если створки захлопывались, то никак их было не открыть, разве только разбить камнями. Но в нас изначально заложен был женский инстинкт, неосознанное трепетное отношение ко всему живому — ракушки мы не разбивали, никогда не отрывали крылышки стрекозам, не бросали камнями в птиц, даже лишней ветки с дерева не срывали. На камешнике находили мы странные камешки — темно-серые, правильной конической формы. Назывались они «чортов палец». Загадка природы! Было у нас и такое развлечение — если неподвижно постоять в воде, тотчас подплывали мальки пескариков и осязательно, немножко щекотно тыкались головами в ноги. Стоило чуть шелохнуться, и они мгновенно прыскали прочь, и никогда нам не удавалось их поймать ни в пригоршни, ни в панамки. После купанья мы лежали на теплом песочке, так ласково светило солнышко, так тепло, так зелено и красиво вокруг — как хорошо летом! И я сказала Зине: «Когда я вырасту большая, я уеду жить на экватор, где круглый год будет жаркое лето. Вот уже почти сорок лет, как я живу гораздо ближе к экватору, на Мангышлаке. Здесь очень долгое, жаркое лето. И редкий зимний снег, и нечастый весенний дождик воспринимается, как благо, как подарок, как привет из далекого детства.

Что там детские мечты о жарких странах! Я не знала тогда, и только позднее пришло понимание, что круглый год я купалась в счастье. Осенью темный лес освещался теплым золотым светом желтеющих берез и осин, загорался огнями оранжево-красных рябиновых кистей. Как красиво смотрелось все это оранжевое и золотое рядом с темно-зелеными елями и лиственницами! И особенное осеннее счастье — печеная картошка. Бывало, идем из школы, а на больничном поле уже дымятся костры и скорее-скорее хочется бежать

туда, тоже участвовать в этом жизненно важном деле. Есть картошка в погребах — перезимуют люди, доживут до тепла. Вот мы идем в борозде, подбирая дородные, розовые, как поросята, картофелины. Их складывают сначала в кучу. Потом нагружают в корзины, в мешки. А когда становится уже темно и работать нельзя, зажигают костры, закапывают в золу картошку, сидят возле веселого огня сплоченным кружком, шутят, рассказывают всякие страшные и веселые истории, ждут, когда испечется картошка. Потом палками разбрасывают картошку из золы в стороны, и слюнки текут — нет сил ждать, когда картофелины остынут. Черные, горячие, пахнущие дымком — их нетерпеливо берут в руки, перебрасывают из ладони в ладонь — остужают, разламывают, посыпают солью обнажившуюся рассыпчатую мякоть, и в рот — это ли не радость, это ли не счастье?!

А первый снег, когда все вокруг волшебным образом преображается, словно рачительная хозяйка прибирает все вокруг к дню 7 ноября. К празднику готовились загодя, варили знаменитое темное, на солоде павинское пиво. В помещении амбулатории накрывали столы, и праздновали больничным коллективом «октябрьские». Мы с Зиной пробирались в помещение потихоньку, смотрели во все глаза. На столах пироги с грибами, с ягодами, соленые грибы, разварная картошка, лиловые винегреты, картофельные шаньги. А за столами все женщины и женщины — врачи, медсестры, санитарки, сколько возможно принаряженные, сколько возможно веселые, мужчин и совсем мало, завхоз, да конюх, да подростка-гармониста пригласили из Старой деревни. Пели частушки, плясали совсем не так, как показывают в адаптированных к эстраде русских плясках по телевизору — руки раскинет плясунья, зазывно грудки выставит — и пошла-полетела! В деревне женского своего естества словно бы стеснялись, как-то неловко сутулясь, выбивали ногами такие дробы, что дрожали мощные деревянные половицы. Эх, да что там — «провалялись земля и небо, мы на кочке проживем!» Притоптывали,

припевали разные частушки. От пива захмелеют бабоньки, кто-то начнет плакать и причитать. Кто-то уже похоронку получил, кто-то письма ждет-не дождется, а распроклятой войне конца не видно. Поплачут женщины, друг друга поу-тешают, слезы вытрут да и запоют: «На закате ходит парень возле дома моего! Поморгает мне глазами и не скажет ничего. И кто его знает, чего он моргает, чего он моргает, чего он моргает?!» И словно некое дуновение свыше их осенит, даст силы жить, ждать, любить, верить и надеяться.

Зимнее счастье — кататься с угора к Вочи на санках и на лыжах — падаем, валяемся в снегу, хохот и радость дотемна. В школу выходим рано утром, затемно, бабушка обязательно положит мне в «сумку-портфель» бутылочку-чекушку молока и кусок хлеба — на завтрак. А морозы свирепые трещат — бывало и такое, пока до школы дойдешь, молоко замерзнет и бутылочку разорвет. В школу ходила я в длинном пальтишке на овечьем меху, и рукавицы на меху, в валенках, в платке. Мама завяжет теплый платок-шалль — и лоб закроет и один глаз только оставит. Идешь в школу, в носу пощипывает, ресницы слипаются, возле рта от дыхания платок инеем покрылся. А уж как день станет длиннее, то идем в школу, когда утреннее солнышко уже светит. Как-то шли мы с Зиной в школу, а рядом с тропинкой куст и каждая веточка и сучочек на нем покрыты кристалликами инея, и под солнцем все это сверкает-переливается, блестит-сияет — такая несказанная красота! Долго стояли мы, рассматривала куст, даже на первый урок чуть не опоздали. А однажды, подходя к селу, тишайшим, морозным утром увидели, вернее, обратили, наконец, внимание, как над белыми крышами темно-серых изб высоко и строго вытянулись вверх печные дымы и словно розовые столбы держат-подпирают голубое небо.

В начале весны пригретый ярким солнцем чуть подтаивал верхний слой снега, ночью снова мороз брал свое, и утром на снегу образовывался твердый, скользкий наст, по которому можно идти, не проваливаясь. Но весна наступала

настойчиво. Скоро из-под сугробов стали вытекать светлые ручейки, с крыш свисали сосульки, и белый снег под крышами был аккуратно прострочен желтой капелью. Но самое главное событие весны называлось: «Лед тронулся!» Под утро еще в постели слышался мощный глухой гул и треск — это на речке Вочь начинался ледоход. Не только дети, но и взрослые бежали к реке — смотреть! Сначала лед с грохотом трескался, трещины расширялись, между белыми льдинами жирно блестела чернота весенней воды, потом льдины начинали трогаться с места, разъединялись и плыли вниз по течению. Нашу кроткую тихую речку было не узнать — ею овладевало безумие разрушения. Река бесновалась, льдины сталкивались, крушили друг друга, вода тащила за собой все, что изловчилась прихватить с берега — какие-то бревна и доски. В воде кружили черные водовороты, вовлекая в кружение щепки и ледяную крошку. Весенняя земля подставляла иззябшие за зиму бока горячему солнцу, таяли снега, талые воды стекали в реку, пополняя ее достояние, и река разливалась широко, щедро, заливала луга, и нам приходилось ходить в школу поверху, в обход луговой низины через деревню Бор.

Потом река постепенно входила в берега, луга просыхали, в низинках, в прогретых лужах лягушки устраивали весенние концерты в честь торжества жизни, метали икру — студенистую, прозрачную массу с черными точечками зародышей, которую мы с Зиной с любопытством, не брезгуя, брали в руки, рассматривали, бережно снова опускали в воду. Потом из икринок выходили юркие головастики, росли, преобразаясь в прытких зеленых лягушат. Прилетали птицы, деловито сновали туда-сюда, строили новые гнезда, ремонтировали прошлогодние. На деревьях и кустах быстро, в несколько дней, распускались листья, а в прохладном вечернем воздухе начинали бить прозрачные ключи чистых соловьиных трелей. Мы с Зиной залезали на чердак нашего дома, где в углу под стрехой из года в год водилось галочье

гнездо. Сначала там лежали крупные в крапинку яйца, потом появлялись галчата и, требовательно раскрывая желтые клювы, оглушительно пищали. Если лечь на живот и протянуть руку в сторону гнезда, то скоро рука начинала ощущать живое радостное тепло. Мы могли бы дотянуться и взять из гнезда птенца, но мы никогда этого не делали, кто-то сказал, что мать потом выбрасывает его из гнезда. Такого злодейства мы с Зиной не могли себе позволить. Белоснежным благоуханным облаком окутывалась черемуха, прогревалась земля и уже дышала теплом, и, наконец, я бегу к бабушке с благой вестью: «Римме и Зине разрешили бегать босиком!» Бабушка выходила из дома, придирчиво оценивала обстановку, даже щупала рукой землю и, наконец, разрешала: «Ну, беги!» И я уже лечу, ощущая босыми ступнями щекочущую ласковую мягкость травы-муравы. Это ли не счастье?!

Помнятся мне и мои детские грехи. Лет в пять я украла у эвакуированной девочки куклу. К тому времени все мои довоенные куклы были побиты и бабушка шила мне кукол из тряпок с нарисованным химическим карандашом лицом. Вернее, я не знала, что украла. Я просто взяла эту голубоглазую красавицу, унесла домой и посадила ее посреди своих самоделок. Пропажу быстро обнаружили, куклу у меня забрали, а рассерженная и смущенная перед людьми мама даже покричала на меня и нашлепала по мягкому месту. Было немного больно и сильно обидно. Бабушка провела со мной беседу, что это называется воровство, и что брать чужое — тяжкий и стыдный грех перед Богом. А Бог — это тот, который живет на небе, все видит, даже когда человек думает, что его никто не видит. И об этом надо помнить. Чужое брать нельзя — это я запомнила на всю жизнь.

Однажды мы играли в пятнашки. Я бегала быстро, и редко кому удавалось меня догнать. Но тут мне не повезло. Товарищ наших детских игр, сын завхоза, Володька, в этот раз уверенно догнал меня и легонько хлопнул по спине ладошкой. И в этот момент я налетела скулой на торчавший в

калитке гвоздь. Брызнула кровь, я испугалась и заорала. Выскочила бабушка, увидела кровь на лице. Тоже испугалась, потащила меня в больницу, где мне залили ранку йодом. Было очень обидно, что Володька меня догнал, и сильно щипало. Мама на меня сердилась, а я в слезах оправдывалась, что это меня Володька толкнул на гвоздь. Произошел разбор полетов. Отец порол Володьку вожжами. И он теперь орал во все горло. Он и сам думал, что толкнул меня, ведь он в этот момент ударил меня ладошкой. И только одна я могла соизмерить силу удара, я знала, что он не виноват — я сама нечаянно налетела на этот гвоздь. Но сказать об этом тогда мне не хватило духу. Ранка скоро зажила, и шрама не осталась. Скоро всё забылось, и мы снова играли вместе. Душа моя не забыла, на ней остался шрамик. Возможно, это были совершенно необходимые человеку детские прививки от воровства, от предательства и много от чего другого, о чем мы даже вспомнить не можем, а душа помнит и бережет нас...

* * *

Юность нельзя отменить или перенести на другое более благоприятное время. Вопреки войне и тревоге, ожиданию вестей с фронта наш дом был до краев наполнен молодой радостью. В доме три молодые девушки — сёстры отца, взрослеющий двоюродный брат Тотик, приходили к нам их подружки и друзья. Постоянно слышался смех, шутки, розыгрыши, песни под гитару, танцы под патефон. Конечно, я вертелась у них под ногами. Помню, как заводили патефон, предупреждая друг друга: «Сильно ручку не крути — пружина лопнет». Шипела игла на краешке пластинки, пары изготавливались и, наконец, звучал вкрадчивый, проникающий в сердце голос Вадима Козина: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...» и «Осень, прозрачное утро, небо как будто в тумане...», «Когда простым и нежным взором ласкаешь ты меня, мой друг, необычайным цветным узором земля и небо вспыхивает вдруг...». Когда кому-то не хватало пары, брали

в партнеры меня. Шаркая подшитыми валенками, все учились танцевать, учили меня. И это золотое свечение юности, сияние очередной чьей-нибудь влюбленности не могла погасить ни война, ни скудная еда, ни скромная одежда.

Каждая из девушек была одарена своим талантом. Старшая, Зоя, была очень серьезной и вдумчивой, с хорошими математическими способностями, очень интересовалась химией. Она считала себя уже взрослой, относилась к сестрам строго и старалась по мере сил укротить веселое буйство молодежи в доме. Она преподавала в школе математику и химию, мечтала стать инженером. Младшая, Шура, пела. Слух у нее был великолепный, голос небольшой, но хорошего тембра. Она постоянно если не пела, то напевала, если не напевала, то мурлыкала что-то себе под нос. Средняя, Женя, обладала природным актерским даром. И дар этот был особо редким – комическим. Она могла изобразить, передразнить любого, метко подмечая особенности говора, интонации, походки. Она великолепно читала басни Крылова и рассказы Зощенко. Все они участвовали в самодеятельных концертах, спектаклях на сцене клуба. И я еще помню этот гром аплодисментов в клубе, когда Шура пела «Челиту»: «Ай-я-я-яй, что за девчонка! На всё тотчас же сыщется ответ, всегда смеётся звонко!» и «Чайку»: «Ну-ка, чайка, отвечай-ка, друг ты или нет? Ты возьми-ка, отнеси-ка милому привет!». А Женя изображала в лицах героев Зощенко, и зрители хохотали до упаду. И обе они танцевали, и обе знали, что будут артистками.

Женя была особенно одержима своей мечтой. Помню, летом в село приехали цыгане, раскинули на лугу кибитки, ходили по домам, гадали на картах и по руке, выпрашивали еду, какую-то одежду, цыганята вертелись, как чертенята, плясали, подворовывали. И нашу Женьку как околдовали, целыми днями она торчала в таборе, однажды даже не пришла домой ночевать — присидела с цыганками целую ночь у костра. Мама была в ужасе, бабушку отпаивали каплями,

устроили домашнюю разборку. Главный вопрос: «Зачем тебе это было надо?» На что Женя, потупившись, отвечала, что изучала цыганские обычаи, хотела научиться плясать цыганочку с плечиками. «Научилась!?» — прикрикнула мама. И Женька тут же пошла под «ля-ля» танцевать цыганскую пляску, которая называлась «Пролётка». И, действительно, мелко дрожала плечами при неподвижной стройной шее и спине, и острые девичьи грудки ее не колыхались. Это был высший цыганский класс, и Женя его освоила. «В баню! Немедленно! — скомандовала мама, — вшей уж точно набралась!» Вечером, вымытая и отпаренная в бане Женька давала в доме цыганский концерт. Звенели цыганским весельем гитары, на которых играли Зоя и Тотик, с бумажной яркой розой в распущенных волосах, в широкой цветастой юбке, в яркой кофте с бусами, с шалью на плечах Женя пела вместе с Шурой цыганские песни, плясали с ней «Пролетку», но «с плечиками» получалось у нее одной. И даже я выскочила в круг, не в силах совладать с призывом цыганской пляски. Что поделаешь, вздыхала мама, действительно, артистка.

А Женя преподнесла очередное представление. Я видела, что они закрывались в своей комнате, шушукались, хохотали, явно что-то готовили, а чуть стемнело, из дома выскользнули Женя в цыганской одежде и Тотик в вывороченном наизнанку пиджачке, штаны подкачены до колен, на голове какой-то невообразимый картуз, и лицо в саже, в руках молочный бидон. Никто их не видел, кроме меня, а мне велели молчать. Это я умела тогда и умею до сих пор — хранить чужие секреты. Часа через два они пришли, Женя выложила на кухне заработанные припасы — хлеб, картошку, молоко. Оказывается, они ходили гадать в ближайшую деревню к бабушкиным знакомым. В своей комнате Женя рассказывала сестрам с хохотом свои приключения, и я, конечно, тут же слушала, как все было. Они с Тотиком зашли в избу со всеми цыганскими приговорками и «золотая-бриллиантовая», и «всю правду расскажу», и «вижу-вижу твою печаль, долго

не имеешь вестей от сына», и «позолоти ручку». И так как Женька знала все события, все радости и боли семьи, то одно за другим и выложила со всеми цыганскими повадками. Хозяйка ахнула – всю правду рассказала цыганка, и карты раскинула и нагадала, что от сына скоро весточку получит. Вытащила свежий каравай хлеба, налила в бидон молока. Тотик стоял ни жив, ни мертв — а ну, как узнают! «Што-то парнишка у тебя слова не вымолвит? — спросила хозяйка. «Горе у нас! — сокрушенно покачала головой «цыганка», бежали от немцев, попали под бомбежку — от испуга братишка совсем немой сделался».

Утром хозяйка прибежала к бабушке и рассказала про необыкновенную цыганку, которая знает «всю правду» и обещала, что скоро они письмо от Васи получают. У бабушки не хватило духу открыть ей правду, отнять надежду. И бабушка, в которой тоже был заложен незаурядный актерский дар, очень правдоподобно изумлялась. Через месяц они получили письмо от Васи — был ранен в плечо и в руку, лежит в госпитале, вот сестричка пишет письмо под его диктовку. Вот и не верь после этого в чудеса!

В 1943 году Женя окончила десять классов и послала запрос в театральный институт, который во время войны находился в Свердловске. И ей пришел вызов на экзамены. Помню, письмо принесли, когда они с Шурой месили ногами глину, готовили обмазку для печки. Она так и заплясала от радости, получив этот вызов. Все в доме удивились, что ей ответили. А я и сейчас удивляюсь – война, разруха, голод, а институты работали, даже театральный. Как ее ни уговаривали подождать, когда кончится война, или выбрать другую специальность — НЕТ! — она станет артисткой. И поедет сейчас, немедленно! Собрали ее в дорогу, достали деревянный сундучок, в который она положила вещички, перевязали веревкой, дали еды на дорогу, выделили денег. Как ее отпустили во время войны, одну, в такую опасную дорогу, я не знаю. Думаю, переубедить ее было невозможно, она была одержима своей идеей — стать артисткой.

Недели через две получили телеграмму. Ее приняли в театральный институт! А потом она прислала счастливое письмо, где писала, что поселили ее в общежитие, что начались занятия. В следующем письме уже были жалобы, что холодно и голодно, что учиться неинтересно, она хочет роли играть в спектаклях, а их заставляют учить скороговорки «Карл украл у Клары кораллы» и «от топота копыт пыль по полю летит» и всякую другую чепуху. Помню, бабушка сушила сухари, толкла их в ступке на крошки, и посылала Жене в посылке мешочки с крошками, не забывая сушеную свеклу, морковку, лук. Как же, наверное, болело у нее о дочери сердце! А уже зимой, когда замели метели, вечером постучались в дверь. Бабушка открыла дверь — Женя! Она вошла в дом, бросилась к печке, замерзшая, маленькая, худенькая. Отогревшись, отъевшись — заплакала, не выдержала, уехала из Свердловска! Буду, говорит, учиться после войны. Позднее, в лицах вспоминала, как она сдавала приемные экзамены. Когда я смотрю фильм «Приходите завтра», обязательно вспоминаю Женю. Наверное, и у нее что-то было от Фроси Бурлаковой. Конкурс был очень большой. Сдавали экзамены девушки из актерских семей, городские, модные, с завивкой, нарядные. И Женя тут же с курносым носом, с косичками, с деревянным сундучком вместо чемодана. Но первый тур прошла. И второй начался. Читала рассказы Зошенко, басни, показывала все, что умела. Комиссия не смогла остаться невозмутимой — смеялись. Вдруг у нее перехватило голос, закашлялась. Седая красивая артистка с королевской осанкой, которую Женя больше всего боялась, одна из членов приемной комиссии, вдруг поднялась, налила и подала ей стакан воды. И Женя поняла, что она нравится, и что ее примут. Последний вопрос был: «А плясать вы умеете?» И Женя пустилась вприсядку. Комиссия захохотала. Приняли! «Почему ты не сплясала «Пролетку» с плечиками?» — спросила Шура. «Цыганочку почти все танцевали, я не хотела быть, как все», — сказала она. Должно быть, Женя сыграла перед комис-

сий деревенскую простушку. Не вышла из образа — не так была проста. Да, наверное, и члены комиссии это поняли.

Билет на поезд из Свердловска она взяла до ближайшей станции, насколько хватило денег, потом ходила по вагонам, пряталась от проводников, в одном вагоне дала концерт, ее покормили, собрали еды, немного денег, проводник разрешил ехать дальше, только посоветовал прятаться от контролеров. Добралась... Работала в одной из деревенских школ учительницей, потом мама отправила их с Шурой в Вологду на ускоренные курсы медицинских сестер. Вернулись, работали в больнице. Шура работала медсестрой, мечтала учиться петь. Все как-то не решалась ехать куда-то поступать. После войны вместе с Женей уехали к старшей сестре Серафиме в Таджикистан. Обе работали медицинскими сестрами. Младшая, Шура, умерла раньше всех, оставив маленьких сына и дочь. Женя воспитывала ее дочь, которую называли, как и меня, Тамарой. Мальчика забрал отец в свою новую семью. Женя с возрастом стала верующей, очень религиозной. Это помогало ей жить.

Зоя в 1944 году поступила в Ленинградский технологический институт. Помню, бабушка также посылала ей посылки с толчеными сухарями. У Зои характер оказался покрепче, она училась и работала, получила диплом инженера-технолога с отличием. Направили ее работать на завод синтетического каучука в город Темиртау, дали комнату. Зоя вызвала к себе свою мать, и бабушка впервые на моей памяти уехала из нашей семьи.

* * *

Весной 1945 года все ждали объявленного конца войны. Наши были под Берлином, все понимали — скоро войне конец. И, наконец, этот торжествующий, великолепный голос Левитана! Я радовалась и победе, и тому, что в школу сегодня можно не ходить — праздник! А потом мы стали ждать отца. Он приехал в отпуск в ноябре 1945 года, когда я уже училась во втором классе — именно так, как я неосознанно

напророчила в четырехлетнем возрасте. Отец добирался от Шарьи до Павина несколько дней. Была распутица, и найти транспорт было почти невозможно. В Шарье их собралось четверо военных, которым ехать в сторону Павина. Наконец, нашли человека, который ехал до села в 25 километрах от Шарьи. Ну, что ж, поехали. Потом искали следующую оказию, доехали до промежуточной деревушки. Там пришлось заночевать. Утром искали, кто бы повез дальше – никто не соглашается – грязь по колено, говорят, надо ждать, когда подморозит. В деревне все женщины, из мужиков только мальчишка- подросток. Спутник отца начал его уговаривать доехать километров 15 до следующей деревни. Нет, упирается, не поеду, мне и дома хорошо! Тогда военный говорит, видишь — это у меня ракетница. Повезешь нас, дам стрелнуть в небо. Мальчишка поторговался – два раза стрелнуть, один раз сейчас, один раз в конце пути. Поехали! И так добирались на перекладных, пока на последнем этапе нашлась грузовая машина-полуторка. И шофер всех взял.

Отец успел позвонить из Пыщуга, мол, еду, встречайте! Приехал к вечеру, когда меня уже уложили спать, но я не спала, ждала, и вот уже заскользили по потолку световые полосы от фар. И кто-то вошел, и все закричали, и кто-то заплакал, и я стала от нетерпения прыгать на кровати, позабыв, что это строго запрещалось. Дверь в спальню открылась, и вошел человек, похожий на свои фотографии. Когда-то слышанный голос произнес: «А где тут наша барышня?!» И взял меня на руки, и крепко прижал к себе, и я вспомнила давным-давно забытое ощущение колючей мужской щеки. Это был мой папа. Он вернулся с войны!

Отпуск у отца был длинный, что-то около двух месяцев. Когда выпал снег отец иногда ходил на охоту, возвращался с добычей. Бабушка тушила в русской печи зайчатину. И это было невероятно вкусно. Каждый раз он вынимал из кармана завернутый кусок хлеба, протягивал мне и говорил: «Это тебе от зайчика!». Я уже была взрослая девочка, но краешком души все-таки верила, что, может, это правда. Хлеб съе-

дала с аппетитом. Однажды он взял меня с собой на охоту. Мы оба надели лыжи и пошли в ближайший лесок. Это было неизъяснимое счастье — идти за отцом проторенной в пушистом снегу лыжной. Зайцев мы видели два раза. Но отец не стрелял, смеялся: «Ишь, косой, какой прыткий — жить хочет!» Позднее подумала, что, вероятно, из-за меня — не хотел, чтобы я видела, как убивают.

Отец уехал в декабре, мама поехала его провожать до Шарьи, а я опять редела и просила взять меня с собой. Не взяли. Отцу определили место службы — военный госпиталь города Стрий в Западной Украине. За нами он приехал в июне, когда я окончила второй класс. Помню, учительница, Агния Павловна, в конце года читала вслух приключенческую повесть, которую с продолжениями печатала в каждом номере газета «Пионерская правда». В повести действовали героические дети, которые заметили в тайге нарушителей границы и пошли по их следу. Потом они их упустили из виду, заблудились, и вот, наконец, вышли к таежной речушке и увидели на другом ее берегу костер. Тут занятия в школе окончились, и нас распустили на каникулы. Агния Павловна сказала: «Ребята, запомните, чем закончился этот номер газеты: «Дети увидели на другом берегу горящий костер». В сентябре мы с вами продолжим чтение». Я уехала с родителями из села, так и не узнав, чем там дело кончилось, и что это был за костер. Забавно, но время от времени всю жизнь я об этом вспоминала.

Наша большая семья распалась, и это было закономерно. Двоюродный брат Тотик с матерью и тетей Мэри уехали в Ленинград. Его отец, мамин брат, Виталий Иванович, пропал без вести, и тетя Лиля торопилась в Ленинград, чтобы начать поиски мужа. Никаких сведений о нем не было нигде, но она ждала его всю жизнь. Когда она умерла, его продолжал ждать уже взрослый сын, которого я так и звала детским именем — Тотик. Помню, уже в 70-х годах я была у них в гостях в Ленинграде. Вместе с ним, его женой и дочерью мы

ездили на целый день в Петергоф, а когда вернулись, соседи по коммунальной квартире сказали, что приходил пожилой мужчина, спрашивал про их семью и про всех довоенных соседей. И Тотик буквально взвился: «Это отец приходил! Зачем, зачем я с вами поехал!» Он долго не мог прийти в себя, и все ждал повторного визита неизвестного человека. Но больше никто не приходил. Семья Ивковых уехала из Павина раньше нас, мы расстались с подругой Зиной на долгие годы. Вскоре и наша семья собрались к отъезду.

Я сидела вместе с родителями среди наших упакованных вещей в кузове грузовой машины, которая называлась полуторкой, оглядывалась на наш исчезающий вдалеке дом, на ближайший лесок, в который мы с Зиной ходили за ягодами, помню, шептала: «До свиданья березки, до свиданья, елочки!» Мне не было грустно, я не осознавала, что это навсегда. Как всякому ребенку, прошлое мне не было интересно, меня манило то, что впереди. Это сейчас пришло время, когда я оглядываюсь назад. А тогда все было впервые: паровоз, вагоны, электрический свет, который зажигается легким щелчком выключателя, водопровод, когда вода льется светлой струйкой из крана, нет никакой темной, дышащей холодом тайны колодца. И еще такая замечательная вещь есть на свете — мороженое! — сладкое колесико между двумя круглыми хрустящими вафлями. А еще на Украине есть яблоки-грушисливы-вишни-черешни! И грецкие орехи! И даже смородина — красная и черная!

Мама регулярно переписывалась с павинскими друзьями. Так года через три мы узнали, что семья Зины вернулась из Краснодара в Павино. Я вдруг неожиданно для самой себя сказала: «Мама, давай, и мы туда вернемся!» Мама улыбнулась: «Это невозможно!» А я начала плакать навзрыд. Я проплакала целый вечер, заснула в слезах, проснулась утром с тоской и продолжала проситься в Павино. У меня поднялась температура, и мама не пустила меня в школу. Что меня туда так тянуло в это Павино? Что я там забыла? Там осталось

что-то большее, чем чудеса цивилизации, чем фрукты-ягоды и даже мороженое. Это было необъяснимо и долго-долго не осознаваемо. Именно тогда, в детстве, словно что-то живое поселилось где-то посредине груди, легло в основание моей сущности, стало первопричиной побуждений к поступкам и чувствам, источником моих удач, ошибок, разочарований, оно радовалось, печалилось и мучалось совестью. Там, в Павине, началась Я.

2

Навyleт в сердце родина сквозит
Потусторонним или свежим дымом...
Валерий Михайлов

Вот с такими чувствами и воспоминаниями я поехала в Павино. С Валентином Ивановичем Поповым, который взял билет на этот же поезд, мы встретились в Москве, на Ярославском вокзале, возле камер хранения, предварительно условившись об этом в телефонном разговоре. Я узнала его по военной выправке, по дружелюбной улыбке и тотчас же прониклась к нему искренней симпатией. К сожалению, мы ехали в разных вагонах, но после посадки он зашел в мое купе, и под уютный стук колес мы поговорили. Уже вскоре после Москвы за окном начался деревянный край — деревянные дома, деревянные, хозяйственные постройки, деревянные заборы, деревянные тротуары. И к железнодорожному пути настойчиво подступали березы, осины, ели смешанного леса. На все это, мне, давнишней жительнице пустыни смотреть было особенно интересно и приятно.

Уроженец деревни Карпово Павинского района, полковник Валентин Иванович Попов, вышел в отставку с должности заместителя начальника химических войск государств-участниц Варшавского Договора. Что делать в отставке, в неожиданном бездействии человеку пытливого ума, полному физических и душевных сил? Валентин Иванович заин-

тересовался истоками своей фамилии. По семейному преданию их род пошел от попа, поэтому и такая фамилия. От кого именно? Валентин Иванович пошел в Российскую Государственную библиотеку, после долгих поисков нашел Вологодские губернские и епархиальные ведомости 1834 года. Чтение настолько захватило его, что все свое свободное время он посвящал изучению этих исторических документов.

В епархиальных ведомостях был опубликован список учащихся духовной семинарии, окончивших ее в 1840 году, в котором он нашел имя своего прапрадеда Ивана Ломакина. Узнал человек, что хотел, казалось бы, можно и остановиться. Но, как говорит нынешняя молодежь, Валентин Иванович «подсел» на это занятие, которое сродни кладоискательству, стал просто одержимым своей идеей разобраться в корнях народа, населявшего край, из которого вышел он сам. Он изучил труды историков Соловьева, Ключевского, Валишевского, разыскал в Москве архив древних актов, добился допуска к архивным документам. Когда из хранилища привезли на тележке 11 томов писцовой книги за 1626 год, он сначала обрадовался, а потом чуть не впал в отчаяние. Книги были заполнены скорописью на церковно-славянском языке. Он не пал духом, нашел методическое пособие и после упорных трудов и бессонных ночей изучил церковнославянские буквы и цифры, пользовался специальными словарями церковнославянского языка. В одной из писцовых книг были описаны 57 волостей Верхнего Поветлужья: население, дворы, названы фамилии глав семей, имена сыновей. Работал он и в архивах Великого Устюга, Вологды, Петербурга. Все затраты на поездки, естественно, были за свой счет. Так прошло 18 лет. В результате написан уникальный историко-краеведческий труд общим объемом более 300 страниц текста с приложением более 130 старинных фотографий, около ста страниц графиков и диаграмм, 35 цветных карт. Работа его заслужила прекрасные отзывы и рекомендации к печати академика РАО С. О. Шмидта и других ученых-историков.

Губернатор Костромской области В. А. Шершунов твердо обещал выделить деньги на издание, но не успел – погиб в автодорожной катастрофе. Новый губернатор, И. Слюняев, пока этой идеей не проникся. Издание книги «повисло в воздухе». А так нужна эта книга именно сейчас для самосознания и самоуважения народа, для знания им своих корней, для воспитания молодежи патриотами своего края, а, значит, своей страны...

Валентин Иванович рассказал мне то, что по своему малолетству я тогда знать не могла. Географически село Павино, как и весь этот край, расположено на водоразделе Северные Увалы. Я так понимаю, что когда юная наша планета содрогалась, исторгая из себя Уральские горы, волны земные расходились от этого места; постепенно затухая и затихая, они застыли во времени вздыбленными холмами и долинами Северных Увалов. В XIII- XVI веках эта местность была населена народом коми. Один из первых этапов заселения этих мест славянами приходится на XVI - XVII столетия. Спасаясь от польско-литовских притеснений, жители деревень центральной России, а также Галичского и Устюжского уездов тысячами бежали в глухие леса, селясь на берегах рек и речушек. В конце XVIII века наблюдается массовое заселение этих мест людьми с берегов Юга, Вятки и из Архангелогородской губернии. В середине XIX века на Южных склонах Северных Увалов разразился сильный лесной пожар, уничтоживший таёжные леса. На земли, освободившиеся от лесов в результате пожара, устремились переселенцы-земледельцы с рек Ветлуги, Вохмы, Вятки и Маломы. Местность в разные периоды была заселена коми-зырянами, коми-пермяками, черемисами (марийцами), вотьяками (удмуртами). Разноплеменность населения Ветлужского края дала несколько диалектов. Одни «чокали», другие «цокали». Это еще я помню с детства. Пришла к нам в дом женщина, попросила разрешения позвонить. Покрутила ручку телефона и сказала в трубку: «Станция, причепи ми-

личию!» А другие говорили «Вологоцкие цветоцьки». О названии села «Павино» есть два предположения. В переводе с финно-угорского языка можно выделить два корня — «пай» и «вино». Пай — ива, ветла, вино — косогор. Можно предположить, что косогор, на котором расположено село, когда-то было покрыто ивняком. Второе предположение — от имени «Пава», «Павла». Хороша, должно быть, была эта женщина!

Ночью я долго не могла уснуть, растревоженная разговором, новыми сведениями, о которых рассказал мне Валентин Иванович Попов. Невозможно не восхищаться этим человеком. То, что он сделал, смело можно назвать подвигом. За эти годы подвижнического труда он словно поднялся над временем и пространством, просматривая вглубь историческую перспективу своего народа. Что его к этому подвигло? Мы стесняемся вслух произносить это слово. Думаю, это любовь. Любовь к своему краю, к своему народу, к родине. Любовь к жизни... Собственно, это и есть побудительная причина всякого вдохновенного труда.

Наш поезд прибыл в Шарью в девять утра. Прощаемся с Валентином Ивановичем, он уезжает в Павино на рейсовом автобусе, а мне почти три часа ждать прибытия поезда из Санкт-Петербурга, на котором приезжают Зина с мужем и пятилетней внучкой. Насчет пятилетней внучки как-то тревожно — ребенок ведь, начнет капризничать, канючить, испортит все настроение... Посмотрим. Здание этой крупной станции явно дореволюционной постройки — толстые стены, большие арочные окна, арочный застекленный вход, истертая, исхоженная метлахская плитка пола. Вот сюда входили мои родители после окончания института, волновались, что это за место, куда их занесло. Ходили здесь, наверное, покупали в буфете ситро. Отсюда отец уезжал на войну, сюда возвращался осенью сорок пятого года, и каким счастьем для него было увидеть это название: «Шарья» — почти дома! Отсюда уезжала наша семья летом сорок ше-

стого года. Здравствуй, Шарья, оказывается, пришлось снова увидеть тебя!

Объявили прибытие поезда, на котором приезжают друзья. Поезд прибывает на третий путь, и я жду у лестничного спуска с переходного моста, волнуясь, узнаю ли Зину, узнает ли она меня, не виделись с девятнадцати лет, последних фотографий не посылали друг другу, как будто опасались друг друга разочаровать... Ищу глазами в спускающемся потоке людей. Нет...нет...нет... И вдруг оклик: «Тамара!» Да вот же она, Зина! Как же можно ее не узнать! Мы смотрим друг на друга несколько мгновений молча, и я улавливаю в ее лице, как в зеркале, отражение своих чувств — сначала узнавание, изумление и радость встречи, не успевшая спрятаться печаль и смирение — что поделаешь! Да, время никого не красит, нам уже за семьдесят... А не верится — ведь в это мгновение наши души окунулись в детство, радовались и ликовали, узнавая друг друга. Знакомимся с мужем. Знаю, как только его семья переехала из близлежащей деревни в село Павино, так в шестом классе Генрих влюбился в Зину сразу и на всю жизнь. Генрих окончил юридический институт, работал следователем, заместителем начальника милиции. Сейчас читает лекции на милицейских курсах. Внучка Ксюша, круглолицая со светлыми косичками, смотрит на нас с серьезным молчаливым любопытством. Она живет с родителями в Мурманске, на лето приезжает на «юг», в Кириши, к бабушке с дедушкой. Генрих находит такси, садится рядом с водителем, мы с Зиной и Ксюшей сзади. Поехали!

И полетели мы, полетели, отбрасывая километры дороги и напластования годов — а помнишь?! И говорим, говорим подробно об уже раздельном прошлом, скороговоркой о нынешнем, о детях и внуках. А день, 18 июля 2008 года, светлый, солнечный, радостный. Макушка лета! Веселый смешанный лес то подступает к дороге, то отбегает, подставляя взгляду ярко-зеленые полянки с лиловато-розовыми озерами иван-чая, заросли пушистых белых цветов. Что

за цветы? «Кажется, дурман...» — говорит Зина. Мне есть чему подивиться — дорога-то асфальтированная, ведь какая мука раньше была добираться до Шарьи! Скоро будет Ветлуга, говорит Зина. Как же, помню, как машина-полуторка, на которой наша семья с вещами уезжала из Павино, переправлялась через полноводную реку Ветлугу на пароме. Мама держала меня за руку, я понимала, чего она боится. Слышала, как взрослые говорили, что недели две назад вот такая же грузовая машина вдруг покатила с парома и упала в реку. На ней ехала в Шарью семья — офицер с женой и двое детей. Все утонули, никого не успели спасти. А офицер, говорят, всю войну прошел... так прошлое врывается в реальность неожиданно и непрошено, и то, что было прочно забытым, вдруг всплывает в памяти ярко, как будто это было вчера.

Разве это Ветлуга? Может быть, мы тогда ехали ранним летом, вскоре после половодья, но речка, мне кажется, была шире раза в три. Или я была такая маленькая, что Ветлуга показалась мне такой широкой? А вот село Пыщуг — знакомое с детства название. А вот речка с забавным названием Портомойка. Девочка Ксюша сидит между нами тихо, не капризничает, не канючит, не выражает недовольства долгой дорогой, не просит пить, писать, то есть не использует ничего из детского арсенала, чтобы обратить на себя внимание. Просто какой-то удивительный, золотой ребенок! Уже недалеко от Павина, Зина восклицает:

— Эти ели мы сажали еще в школе, посмотри, Геня, какие стали большие! Я помню, мы сюда ходили рыжиком собирать!

Действительно, дорогу окаймляли высокие стройные ели. А вот и щит с указанием «Павино». Я ничего не узнаю, растерянно смотрю по сторонам.

— Вот там больница, — говорит Зина, — а вот и деревня Бор, помнишь, мы в разлив через нее ходили в школу, не напрямик через луг, а в обход. Помнишь, там был большой овраг? Так его засыпали.

Деревню Бор помню. Деревянные, ухоженные дома, мно-

го зелени. Въезжаем в село. Позднее уже узнали, что деревня Бор теперь часть Павина и называется улицей Героя Советского Союза, А. В. Сkochилова. Помню, дорога идет наверх, на холм. Смотрю с волнением по сторонам. Все не то, не помню, не помню... Вдруг что-то толкает в сердце — вот тут должен быть клуб, бывшая церковь! А там недалеко школа! Не видно ни того, ни другого...

Еще в разговорах по телефону узнала, что примет нас в гости двоюродная сестра Генриха, Клавдия Ивановна Ларионова, которая живет в Павине вдвоем с мужем в своем доме. Генрих предварительно согласовал с сестрой наш приезд, и нас ждут. Подъезжаем к симпатичному ладному дому, глядящему на улицу в три окна. Хозяева встречают у дверей: «Здравствуйте, проходите, пожалуйста!»

В дом от двери ведет крутая, в несколько ступенек, лесенка. Поднимаешься,ходишь в прихожую, из нее две двери — одна в кухню, одна в хозяйственные помещения. В кухне я с радостью, как старую добрую знакомую вижу знаменитую русскую печь с лежанкой — этакую вальжную, занявшую половину кухни барыню, царицу русской крестьянской избы. Печь протоплена, уютно дышит живым теплом, видимо, в доме было прохладно — дождливое лето еще не прогрело его. На кухне водопровод, две раковины, газовая плита, стиральная автоматическая машина, большой обеденный стол, кровать, кресла, явно за давностью лет разжалованные из парадных в кухонные. Из кухни дверь в большой зал, из зала проход в спальню. Между этими комнатами еще одна, высокая, до потолка, печь. Обстановка в доме, скромная, все необходимое есть: диван, кресла, стол, стулья, столики, тумбочки, телевизор, в спальне две кровати, на стене в одной рамке — как принято в русских деревнях, увеличенные фотографии хозяев в молодости. Иван Павлович во время службы во флоте, в матросской форме, молодая девушка Клава, фотография погибшего в войну отца хозяина в шинели, в шапке-ушанке со звездой. На полу в зале ковровые дорожки,

в спальне — и на кухне половики. Окна небольшие. Генрих увидел мой взгляд, пояснил — на севере приняты небольшие окна, чтоб тепло лучше сохранялось. И везде — на подоконниках, на специальных подставочках в горшках комнатные растения разных сортов, почти все — цветущие, отчего в доме уютно и празднично.

Из прихожей выход в летнюю часть дома с одной спальней, с туалетом, с сеновалом. И отсюда лестница вниз в нижнее помещение, где дверь в сарайчик для козы, и вторая дверь в баню, и дверь во двор. На стенах подвешены пучки трав — наша хозяйка явно заготавливает лекарственные травы на зиму. И весь дом пропитан тонким, ненавязчивым запахом соснового дерева, сухих трав, мяты. Запах по-родственному обнял, окутал меня — упоительно пахло детством. Нас ждали, и в бане топится печь, и бак на печи полон горячей водой. Рядом стоящая ванна наполнена холодной водой, тут же алюминиевые тазы — смешивай воду и мойся. На полу бани толстые деревянные доски, между которыми вода уходит в землю, канализация по типу шамбо. Хозяева наши, извинившись, оставляют нас одних, уезжают ворошить скошенное сено. Ничего не поделаешь — летний день год кормит. А я еще с детства помню, как дорожат в деревне погожим летним днем. «Уж извините, — говорит Клава, наша ровесница, — хозяйничайте без нас. В печи скворода с жареным кроликом, вот тут хлеб, вот холодильник. Все найдете сами!»

Мы вымылись в бане, перекусили, немного передохнули, а растревоженная душа уж зовет выйти — увидеть, вспомнить, прочувствовать. Вчетвером мы выходим на центральную улицу, которая моим друзьям вспоминается отчетливей, чем мне. Вот памятник Ленину с поднятой в призыве рукой, стоит себе, никому не мешает Владимир Ильич! И правильно. Ничего нельзя забывать из прошлого — ни плохого, ни хорошего. Плохое надо помнить, чтоб не повторить прежних ошибок, а хорошее, чтоб осталось с нами, чтобы и выдумывать ничего не пришлось. Проходим мимо Комсомольского

парка со стройными высокими березами, осинами, елями. Оказывается, их сажали в 1951 году вместе со всей школой Генрих и Зина. Они восхищаются, как выросли деревья! Даже холодком по спине потянуло – вот оно овеществленное время!

Я внимательно рассматриваю павинские дома. Конечно, все они разного времени постройки и разного достатка. Есть вполне обыкновенные, классические, можно сказать, северные деревянные дома, и очень забавно и приятно увидеть на некоторых из них спутниковые тарелки-антенны. Но есть и дома новых павинских русских, красивые, как сказочные теремочки. А вот совсем старый домик, словно вросший в землю, с какой-то прогнувшийся, верандой. Тут живут люди явно небольшого достатка. Но на подоконнике стоит цветущая герань, а в окошко выглядывает милое девчоночье личико. Я фотографирую домик и проговариваю мысленно: «Вот вырастешь большая, выйдешь замуж за хорошего парня и построите себе замечательный дом! А этот все равно будешь вспоминать с радостью». Замечаем достаток, порядок и чистоту Павина. Понятно, что в селе делали, вероятно, генеральную уборку к празднику, но выглядит это все очень приятно.

Спускаемся по улице вниз — вот на месте прежнего клуба-церкви деревянный Дом Культуры, рядом памятник погибшим воинам Павинского района в Великую Отечественную войну — гипсовая, покрашенная серебрянкой фигура солдата, рядом перечислены поименно все погибшие только села Павино, их 821 человек, отдавших свою жизнь за Победу. А всего, как потом я узнала из краеведческой книги — из Павинского района было призвано 7 тысяч человек, почти треть всего населения, по переписи 1939 года в районе проживало 24500 человек. Общие потери павинцев составили более 2600 человек, то есть 37% всех мобилизованных, 1400 человек погибли в 1941-1942 годах. «Как страшно в сорок первом умирать, не зная ничего о сорок пятом...» Я

читаю на памятных досках знакомые с детства фамилии, их носили дети, с которыми я училась в первом-втором классе: Аверкиевы, Алексеевы, Большаковы, Бураковы, Дворецкие, Жуйковы, Ивковы, Коркины, Коржевы, Поповы, Фроловы... и так далее. Каждой фамилии группами по несколько человек — однофамильцы, а в каком-то колене, может быть и родственники. Сейчас в районе осталось всего лишь 27 бывших фронтовиков.

Вот портреты героев Советского Союза Павинского района. Их семь человек — все молодые, красивые. Вдруг вспомнилось, как в школе полыхнула новость — приехал к родственникам Герой Советского Союза! Пойдемте смотреть! Конечно, это был один из этих семерых, но кто именно — не знаю, тогда это мне не казалось важным. Помню, что дом этот был не так далеко от школы. Двери в дом героя почти не закрывались. Помню толпу народа. Нас, детей, пропустили вперед. Где же герой?! Да вот же он! На лавке, почти полулежа, в расслабленной позе сидел мужчина, совсем не геройского, не великанского роста, совершенно обыкновенный, в гимнастерке, но без ремня. Одна рука лежала на колене, другая как-то безвольно была опущена вниз. Глаза были полуприкрыты, словно он задремал. Теперь я понимаю, что человек был крепко выпивши. Люди приходили, в деревенской простоте стояли и смотрели молча, потом уходили, давая место другим. Все хотели поглядеть на чудо — вернувшегося живым героя. А он сидел и отдыхал — имел такое полное право! — как пахарь вернулся с поля, как охотник пришел из леса, так и солдат вернулся с войны. Мужское дело...

Рядом с памятником строится новая церковь, уже возведены стены из добротных желто-золотистых, каких-то теплых, чистых, без изъяна, бревен. Крыша с куполом и крестом, словно шапка Мономаха, еще стоит на земле, будет подниматься потом. Строящаяся церковь носит исконное свое имя Святого Георгия Победоносца. Первая деревянная церковь была построена на этом месте в 1658 году, о чем мой знако-

мый Валентин Иванович Попов узнал из документов, найденных в церковных архивах. Каменная церковь была выстроена много позднее на народные пожертвования.

После революции церковь закрыли, сделали в ней клуб, где проводились общие и праздничные собрания, концерты самодеятельности, спектакли, показывали кино. Помню, как в больнице обычно к вечеру было слышно, как тарыхтит движок, и все, кто мог, быстренько собирались и бежали в клуб — кино привезли! В войну вместе с мамой я смотрела здесь фильм «Александр Невский». И запомнила навсегда висящее на стене изречение: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стоит, и стоять будет русская земля». Помню, что сердце стеснилось величием слов, гордостью и печалью. Значит, я уже что-то тогда понимала и чувствовала.

Зина с мужем вспоминают, что клуб — церковь разрушилась, когда они еще учились в школе. Неожиданно обвалились крыша, но деликатно, по-божески, ночью, когда людей не было, никого не придавило — не ранило, не убило. Люди стали разбирать стены на кирпичи. У Генриха отец был печник, а хороший печник в северном селе профессия весьма уважаемая. И вот, помогая отцу, мальчик-подросток, добывал кирпичи, разбирая стены. Вспоминает, что работа была очень тяжелая. Старинные кирпичи были скреплены друг с другом каким-то особым раствором, отделялись друг от друга с трудом. К тому же церковные кирпичи были особые, весом каждый в пять килограммов, при их изготовлении в глину добавляли куриные яйца. Зато печи из таких намоленных кирпичей выходили теплее, уютные, добрые. Должно быть, и сейчас еще стоят в домах печи из этих кирпичей, в деревянном краю они очень ценятся.

Из села мы выходим на те самые заливные луга, что снились мне всю жизнь. Я вернулась сюда не во сне — наяву! И только сейчас по-настоящему вспомнила, какая тут высокая трава. Все правильно у Николая Рубцова: «Я буду долго гнать велосипед, в глухих лугах его остановлю». Вот что такое глухой луг — тот, где давно, может быть, годами не

косили траву, и она выросла высотой взрослому человеку по пояс, а то и по грудь. Мы идем по тропинке, и земли под ногами не видно, пружинят примятые стебли трав, в многообразную, разных оттенков зеленую ткань которых по обе стороны от тропинки вплетены желтоглазые в белых ресницах ромашки, розовые головки клеверной кашки, золотые звездочки лютиков, белоснежные зонтики тысячелистника. Над травой тучки мелкой мошкары – там, в травяных джунглях идет таинственная полноценная земная жизнь. А воздух густой, теплый, настоящий на луговых, нагретых солнцем травах — запах спелого лета, запах детства. И опять вспоминается Рубцов: «За нами шум и пыльные хвосты — Все улеглось! Одно осталось ясно — Что мир устроен грозно и прекрасно, Что легче там, где поле и цветы».

Я словно пьянею от этого густого, неизъяснимого воздуха, хочется сказать или сделать что-то особенное, только слов нет, и я вдруг неожиданно ору во весь голос сохранившуюся в памяти павинскую частушку, приплясываю и даже стараюсь выбивать на тропинке дробь:

По деревне ходитё,
Играетё и поетё,
Моё сердце беспокоитё
И спать не даетё!

Зина вдруг подхватывает:

Ты поштё меня не любишь?
Я поштё тебя люблю?
Ты поштё ко мне не ходишь?
Я поштё к тебе хожу?

И Генрих тоже не подкачал:

Павино-село —
Уж такое место! —
Этта девки хороши,
Как пшанишно тесто!

Мы хохочем от всей души и даже приплясываем. Надо же, вспомнили! Ксюша с недоверчивой улыбкой, с изумлением смотрит на двух бабушек и дедушку, которые выкомарива-

ют невесть что. Ребенок ты наш золотой, не знаешь еще, что душа человеческая всегда остается молодой! Зина рассказывает, что в старших классах, а это 1951-1953 годы, почти все мальчишки-одноклассники умели играть на гармошке, так что в любом месте, куда ходили на пикники, устраивали танцы. Больше всего ценилась так называемая курдюковская гармошка, работы знаменитого местного мастера Курдюкова. Стоила она сумасшедшие по тем временам деньги. Генрих все лето работал с отцом, помогал класть печи, и отец дал деньги на гармошку. Слух у Генриха был хороший, он легко научился играть на гармошке. Все ради нее, ради девочки-одноклассницы, моей подруги, Зины Ивковой.

Мы идем по левому краю луга мимо густых зеленых зарослей кустов и деревьев, мимо светящейся белоствольной березовой рощицы. А в нашем детстве ходили посредине луга, как раз напротив больницы тропинка выходила на переправу через Вочь, там стояла мельница, и поперек речки были положены толстые бревна – лавы. Вот сейчас попадается по дороге небольшой пруд-старица, наполненный тихой стоячей водой с распластанными плоскими листьями кувшинок. Должно быть, этот водоем остался после весеннего разлива речки Вочи. То-то, наверное, весной здесь раздолье лягушкам! Как давно я не слышала их весенних концертов! Кажется, что тут особенного? Но вот знаю, что в Новочеркасске, в речке Аксай, впадающей в Дон, нет лягушек — отравили разными гербицидами, попавшими в воды, стекающими с полей. А что за жизнь на Земле без лягушек?! Живут рядом, никого не трогают, поддерживают равновесие в природе.

Вот мостик через ложбинку, которая тянется через весь луг. И вдруг вспомнилось внезапным озарением — переходили мы эту ложбинку посредине луга с мамой летом 1942 года, возвращались из села в больницу, и я вдруг заметила, что мама плачет. «Почему ты плачешь, мама?!» «Погиб твой дядя, мой родной брат Ваня. Помнишь, до войны он нам из

Средней Азии фрукты присылал?» Как неожиданно вспомнилось...

А вот и берег Вочи. Течет реченька по песочку, проложила себе русло между холмами и взгорками, прихотливо изгибаясь, петляет возле села. Мы постояли на берегу, полюбовались отражениями деревьев в тихой воде и решили вернуться. Сами объясняем себе и друг другу, что, мол, устали с дороги, надо вернуться, завтра дойдем до больницы. На самом деле, это было очень похоже на робость, как будто душа не могла вместить так много за один раз. Завтра. Мы дойдем до больницы завтра.

Мы поворачиваем назад, и идем обратно к селу, и вдруг узнаю я силуэты этих серых деревянных домов и крыш, вот так я их видела, когда шла в школу. Конечно, это уже совсем другие дома, но — похожи!

Заходим в продуктовый магазин. Как говорится — все есть. Колбасы, копчености, сыры, печенье, хлеб, булки, мороженое разных сортов, даже молоко в пакетах. Это в селе-то!

Мы возвращаемся домой одновременно с хозяевами, накрываем общий стол, наливаем по рюмочке за встречу, за знакомство, становится весело и уютно, и разговор пошел интересный про прошлое и настоящее, про жизнь и судьбу. Я удивляюсь и радуюсь, что в Павине газ, хоть и баллонный, водопровод. Спрашиваю, откуда? Клава говорит, что из артезианской скважины. А еще не так давно носили воду из колодцев. Помню, как заглядывали мы с Зиной в дышащую холодом глубь колодца, как кричали туда: «Эй, кто там живет?!» Как гулко отзывался эхом колодец! И мы, объятые непонятным страхом, убегали прочь. Взрослые тревожились, отгоняли нас с Зиной от сруба. Спрашиваю:

— А у вас есть свой колодец?

— Нет у нас колодца. В свое время думали выкопать. Копали-копали до глубины в 15 метров. Нет воды! Ну, думаем, еще немного и вода появится... Опустил меня муж вниз, сам наверху караулит. Только я опустилась, и вдруг стало

мне нечем дышать, понять ничего не могу, ничем не пахнет, а задыхаюсь, голова кружится. Кричу ему — подымай! Вытащил меня, еле отдышалась. Так и засыпали землей — нет воды у нас на участке.

Думается, это был газ, радон. Живем мы на тонкой верхней корочке земли между двумя тайнами — космосом и глубиной Земли, и вглубь ее заглянуть, пожалуй, труднее, чем в небо над головой.

Удивляюсь, что на участке растут фруктовые деревья: яблони, сливы, кусты смородины, садовой малины, клубника на грядках, в теплицах огурцы и помидоры. Раньше о яблонях и помыслить было невозможно. Подумать только — в Павине фруктовые деревья!

Я прислушиваюсь к говору хозяев, хочу услышать знакомый с детства павинский диалект. Да, они окают, но говорят грамотным, усредненным даже, русским языком, и только с замиранием сердца ловлю эти родные с детства интонации, этот распев, растягивание к окончанию фразы: «Дак ведь климат-то у нас меня-а-тца-а!..» Да, климат везде меняется, значит, и здесь стало теплее, да и плодовые сорта продвигаются все дальше на Север.

Клава и Генрих вспоминают своего деда, Семена Московкина. Он был богатый работающий крестьянин, а прадед держал в селе лавку. Домов у них было несколько и даже один двухэтажный. Когда стали организовываться колхозы, семью деда раскулачили, его самого выслали, а жена и дети сбежали в лес. Все лето и осень они жили в землянке, а зимой вынуждены были прийти в село к родственникам и жили у них в бане. А в двухэтажном доме сделали школу. Внуки купца и дети кулака потом работали уже в колхозе, и — вот ведь порода кулацкая! — работали так, что все время были в передовиках. Клава говорит, у ее матери столько было почетных грамот, что ими были завешаны все стены в избе. И детям внушала Федосья Семеновна: «Работайте хорошо, не позорьте меня!». Сама-то за день выкашивала гектар луго-

вой травы. Работа! – в ней была ее гордость, ее самоутверждение, как личности. А жили бедно. Сама Клава окончила только четыре класса школы, больше не смогла учиться. В детстве она серьезно повредила глаз веткой, стала плохо им видеть, а при напряжении от чтения начинались сильные головные боли. Да и школа была далеко – за тридцать километров. Так и не пришлось продолжить учение.

Ее муж, Иван Павлович, окончил только два класса, работал в колхозе, служил на флоте. После службы женился на Клаве, работал в колхозе трактористом. Кто-то читал, кто-то не по книгам знает, как тяжел крестьянский, колхозный труд! Если уж называть вещи своими именами – это было крепостное право. Колхозники не имели паспортов, не могли изменить свою судьбу, никуда не могли уехать из деревни. Сколько ни работай — из бедности не вылезти. На сенокосе от зари до зари платили им за день дореформенный рубль, то есть 10 копеек! Только в 1962 году, когда Хрущев дал колхозниками паспорта, они почувствовали себя людьми. Но и тогда всеми силами людей пытались удержать в колхозах. Правдами и неправдами, с кровью, мясом, слезами в 1962 году Клава с мужем выдрались из колхоза, переехали в Павино. Иван Павлович, имевший способности к любой технике, стал работать на узле связи, а Клава устроилась дезинфектором в санэпидстанцию. То-то нашла себе «теплое» местечко! Проработала она там 22 года. Тоже заслужила и уважение людей, и всякие грамоты. Плохо работать они оба с мужем просто не умеют. И хоть было тоже и нелегко, и просто вредно, но появился у них нормированный рабочий день, небольшая, но определенная зарплата, трудовой отпуск. Это ли не счастье для трудового человека?

Беседуем «за жизнь», расспрашиваем хозяев, как дела в Павине, сохранились ли еще колхозы. Колхозы есть, но мало, некому работать на земле, молодежь старается уехать, устроиться в городе, но, бывает, и возвращаются. Это, конечно, обнадеживает. Исчезли многие деревни вокруг Павино,

молодежь разъехалась, пожилые люди переехали в Павино. Свои пай в колхозе вынуждены были продать. Мало кто в состоянии обрабатывать свою землю. Продают.

— Где работают люди?

— Да вот на лесопилке, у предпринимателей.

— Кто самый известный предприниматель?

— Курбанов его фамилия.

— Не русский?

— Да нет наш, павинский, а фамилия от отца. Воспитывался он в Павино у дедушки с бабушкой, школу здесь окончил. А начинал свое дело с мелочей, со «сниккерсов» можно сказать. А теперь он понимает, что лес скоро вырубят, надо другое дело заводить. Вот купил породистых коров, по-европейски обустроил ферму, свой маслозавод у него, свои магазины, столовая, кафе. Молоко с его фермы продается в магазине по 15 рублей литр, дешевле будет, чем в пакетах. Жена ему помогает, тоже наша, павинская.

Они говорят это с уважением. Трудовой человек всегда уважает других за труд. Приусадебный участок у наших хозяев — загляденье! Возле дома цветы, розы, лилии, еще какие-то — и названия не знаю, но красота! Высокие кусты цветущей картошки полыхают здоровой яркой зеленью. Земля в Павино — серо-бежевый суглинок, а на участке практически чернозем, и чувствуется, что каждая горсточка земли через руки пропущена, обласкана, да не по одному разу. И ни одного сорняка! Хоть премию объявляй за такую находку, и это в краю, где частые дожди, где всякая зелень, как в сказке буквально «прет» из-под земли. На участке четыре пчелиных улья. В хозяйстве коза Дашка, да двадцать пять кроликов. Семья пенсионеров обеспечивает свою продовольственную безопасность самостоятельно. И в доме так хорошо, так ладно, что душа радуется.

Утром следующего дня к хозяевам приехали дети, старшая дочь, Шура, из Костромы и младшая, Валя, из Шарьи. Приехали на своей машине. За рулем зять Гриша. С ними

же девочка-подросток, Валина и Гришина дочка, четырнадцатилетняя светло-русая сероглазая Катя. Бывает, что имя как-то не идет человеку, а уж Катинo имя как по специальному заказу — «выходила на берег Катюша». Держится Катя скромно, но с достоинством, спинка прямая, плечики ровные, шейка стройная, длинная. Занимается Катя легкой атлетикой и у нее обещающие успехи в этом виде спорта. Она тут же с гордостью рассказывает, что старший брат, Сережа — студент, легкоатлет, и его невеста Наташа тоже. Вот они завтра приедут с командой Шарьи принять участие в эстафете на сельском стадионе в честь юбилея Павино.

* * *

Мы собираемся пойти в больницу, до которой вчера дойти не хватило духу. Катя просится с нами, чтобы искупаться в речке. Шура и Валя едут с родителями на сенокос, чтобы помочь сгрести и сметать сено в копну и привезти домой.

А мы снова выходим на луг, вступаем в зеленое море травы, дышим этим невероятным воздухом, которым награждать бы людей за особые заслуги. На этот раз мы доходим до подвесного моста через Вочь, который немного ниже по течению, чем прежние из моего детства бревна-лавы через речку. Остановившись посредине моста, Зина говорит:

— Смотри там, налево — во-он наш камешник. Узнаешь?

Я волнуясь, не узнаю, не видно желтого песочка, все в зелени. Мы перешли подвесной мост. Я не узнаю берега, он весь зарос кустами и деревьями. Мы идем по берегу реки к камешнику, но никакой удобной к нему тропинки, по которой мы бегали в детстве, и в помине нет. Почему? Зина говорит, что раньше здесь траву косили, вырубали кусты, а если этого не делать — все очень быстро дичает. Северные джунгли, ничего не поделаешь. Мы добираемся до камешника, спускаемся к речке. Даже песчаный, каменистый бережок весь зарос травой. Стало быть, я уже не найду чертов палец! Мы надеваем купальники, заходим в воду. Под ногами песок, тины немного. И уже в воде я окончательно узнаю это место. Вот

же островок! Только белых лилий там уже нет. А вот слева так же растут желтые кувшинки. Зашли поглубже, поплыли. Здравствуй речка нашего детства! Омой нас светлой своей водичкой, забери с собой все наши болезни и печали... В рот попадает вода — я узнаю ее пресно-сладковатый вкус. Катя только учится плавать, побаивается. Я стою в воде по шею — плыви, Катя, ко мне, не бойся! Когда-то мы с Зиной здесь научились плавать. Поднимая тучу брызг, плывет ко мне Катя, а потом обратно. Ксюша под наблюдением бабушки плещется у бережка. Нам хочется еще разок проплыть, мы с Зиной еще раз возвращаемся на глубину. Как замечательно, как здорово! Вода теплая, ласковая. Не хочется вылезать, но надо. Останавливаюсь в воде у берега, и тут же, мгновенно мои ноги окружают десятки пескариков, чувствительно тычутся в ноги носиками, щекочут, так же мгновенно исчезают, когда я пытаюсь зачерпнуть их в ладони. Все как тогда. Даже, откуда ни возьмись, налетели оводы, слепни — кусаются весьма чувствительно. А вот это, я напрочь забыла. Пескариков помню, а оводов забыла. Все правильно — помнится только хорошее. Наклоняюсь и у самого бережка вынимаю из воды белые камешки. Все как в детстве. Это кварц. Беру несколько камешков себе на память. Я все вспомнила. Здравствуй, Вочь! Здравствуй, камешник! Здравствуй, далекое детство!

Переодевшись, поднимаемся наверх, идем по неприметной тропинке, вокруг высокая трава, кусты. Вот соблазнительно краснеют на кусте почти забытые мною, ядовитые волчьи ягоды. Есть их нельзя, а сфотографировать — непременно! То место, где была дорога, где мы катались с угора на санках не узнать — все заросло деревьями. Выходим к дому, который построили родители Зины после возвращения в Павино. Потом, при отъезде продали дом родителям Генриха. Так что он у обоих вызывает волнение — вот тут была моя комната! А это окно кухни! Видим ухоженный огород — в доме живут люди. Я фотографирую Зину и Генриха на фоне их дома. Идем дальше. Зина спрашивает:

— Ты помнишь маленькие елочки, где мы с тобой играли в квартиры, в дочки-матери?

— Да, конечно.

— Смотри — вот они!

Могучие ели взметнулись ввысь, кажется, скоро достанут до неба. Вот так вот! А были нежные, маленькие елочки-младенцы.

Мы выходим на территорию больницы. Я уже знаю, что наш бывший дом разобрали где-то в начале восьмидесятых. Но дом, где жила Зина с матерью, уцелел, хотя и перестроен. Вон там, на чердаке мы с Зиной пробовали научиться курить. Достали где-то табаку, скрутили козьи ножки, прикурили от зажженной спички. Генрих с изумленным упреком произносит:

— Ну, вы и придумали, на чердаке курить! А вдруг бы пожар?!

Обошлось. Наверное, Бог бережет неразумных и пьяных. Мы были неразумными. А курить нам не понравилось — невкусно! Только закашлялись. Ориентируясь на этот уцелевший дом, определяем месторасположение других. Вон там были хозяйственные постройки. А вот сарай... Что-то знакомое... Да, это тот самый сарай, уцелел с тех пор, недалеко от него была усыпальница. Да, в этот самый сарай загнали заболевшего бешенством Карая... А колодца нашего нет. Засыпали. И больница на другом месте и не деревянная, а из белых силикатных кирпичей. На месте нашего дома мощные деревья, кусты, крапива. Вот тут он стоял. Вот тут мы все жили, вот тут был огород. В душе моей печаль и нежность — вернулась! Я срываю на память с дерева, которое выросло на месте нашего дома, ветку. Такой уж я сентиментальный человек...

Вечером читаем список мероприятий на завтрашний, юбилейный день 20 июля. Тут и освящение храма Георгия Победоносца и спортивные соревнования на стадионе, и праздничное шествие, и торжественное открытие фестиваля «Мы с Ветлуги реки», концертная программа, ярмарка, кон-

курсная программа «Играй гармонь», вечером дискотека и салют... Нет, везде нам не успеть!

Утром приехали еще гости, внук хозяев, сын Вали и Гриши, студент Сережа, с ним его девушка Наташа. Как уже рассказала Катя, они участвуют в эстафете на стадионе в команде Шарьи. Оба они высокие, стройные, ладные, красивые, как молодые греческие боги. Ни разу я не уловила их хотя бы немного заинтересованного взгляда на нас, приезжих — внимание их замкнуто на себя и друг на друга. Зачем им какие-то неизвестные пожилые люди, какой-то ребенок? Они празднуют свою юность! В предвкушении предстоящего соревновательного бега их тела натянуты, как струна, их души собраны в концентрированный пучок воли, веры в победу. Их ноги не хотят быть в покое, пружинят, переминаются, пробуя силу и упругость мышц. Я понимаю их внутреннее состояние. Я тоже еще помню это напряжение души и тела перед соревнованием и хлопком стартового пистолета, и после, когда твое тело стрелой, пущенной с тетивы, рвется к победе, и вот уже ты вырываешься вперед, сначала чуть-чуть, на полкорпуса! И вот уже опережаешь всех, и принимаешь на себя вожделенную ленточку! И руки вверх в радости и приветствии миру, и в крови ликование победы, и молодость твоя звенит чистым серебром. И несомненная уверенность, что так будет всегда, и эта радость никогда не кончится! Да, я все это помню, и, понимая этих ребят, смотрю на них с нежностью и любованием.

Как прекрасное видение ребята исчезли по своим делам, а мы собираемся на праздник. Появляется Клава, в элегантном брючном костюме — вот так вот, знай наших, павинских! Мы выходим на центральную улицу и вливаемся в людской поток, текущий в сторону парка Победы. Идем и мы, подчиняясь общему неспешному ритму. И вот мы в Парке Победы. Как описать этот праздник?! Летнее праздничное солнце, яркая пышная зелень деревьев и кустов, торговые ряды ярмарки с радостно раскрашенными свистульками из глины,

изделия из дерева, лыка, бересты, украшения, книги, плетеные ивовые корзины, корзинки, корзиночки и плетеные же кресла — глаза разбегаются, все бы купил! На прилавках всякие вкусности и сладости, и разные там конфетки-бараночки. Дымят трубами огромные самовары — пожалуй-те чаю! И шашлычный дымок! И пиво! Продаются сувенирные флажки с гербом Павинского муниципального района — поле, разделенное по вертикали на две половины, голубую и зеленую, а посередине изображение бело-серого глухаря с желтыми ногами и клювом, в котором ярко горит красная гроздь рябины. Замечательный герб! Вот выставка продажа картин местных художников, вот крестьянский ткацкий станок и женщина показывает, как ткут половики. И ряды скамеек из свежеструганных досок возле сцены, где проходит выступление участников фестиваля «Мы с Ветлуги-реки». И на сцене пляски, танцы, кадрили, песни, театрализованные представления. Голова кружится — все не упомнишь, все не перечислишь. А вот и мой знакомый! Валентин Иванович Попов торжественно вручает главе Павинской администрации Н. А. Боброву «Свидетельство о рождении» — выкопировку из старинного документа об освящении Георгиевской церкви в красивой рамочке под стеклом. И торжественные присвоения звания почетных граждан Павино и Павинского района, и награждение грамотами за разные заслуги. Наградили грамотой и Вадима Борисовича Курбанова. В 2007 году он признан лучшим предпринимателем Костромской области. С интересом смотрю — скромный молодой человек совершенно русской внешности. Растворила в себе, поглотила материнская русская кровь отцовскую, азербайджанскую. И опять песни и танцы приглашенных многочисленных коллективов из других районов, даже из соседней республики Мари-Эл и павинских самодеятельных кружков. Да так весело, так задорно!

В это время в Комсомольском парке тоже дым коромыслом — зональный фестиваль «Играй гармонь!». Просто хоть

разорвись, везде не успеешь! Едва успели захватить несколько выступлений – лихо! И там тоже прямо на свежем воздухе столы расставлены, тут тебе и шашлыки, и чебуреки и всякие выпивки-закуски. Народ веселится, но сильно пьяных увидеть не пришлось. Туда-сюда ходят, ездят, «зыркают» милицейский наряды – не забалуешь! Надо признать, что организация праздника просто великолепная. Молодцы! Слышала, как местные женщины, покачивая головами, говорили: «Ну и ну! Столько-то народу Павино еще не видало!» А я смотрю вокруг — какие хорошие, спокойные, достойные у павинцев лица.

После обеда Зина созванивается со своей павинской подругой, Светланой Фроловой. Вместе учились в институте, не виделись около полувека. После телефонных охов и ахов они договорились встретиться вечером, возле дискотеки, объясняют друг другу в чем будут одеты — вдруг не узнают друг друга через столько лет.. Фролова – чисто павинская фамилия. И сразу поток ассоциаций... Известный русский писатель Леонид Фролов учился в павинской школе, поэт Владимир Костров из близкой Вохмы... А маршал Конев из недалекого города Никольска.

К вечеру мы идем на новую рыночную площадь — там опять концерт и дискотека. Люди пожилые и постарше плотным кольцом окружили асфальтированную площадку, на которой танцуют молодые и молодежавые. На сцене выступления самодеятельных певцов, без перерывов звучат танцевальные мелодии. И «музыка на-а-с связала, тайною на-а-ашей стала!» и «бухгалтер, милый мой бухгалтер!..» Вот тут я услышала песню о деревне, с припевом: «Приснись мне, приснись, деревенское детство, и лучшего я не хочу ничего!..» Сказали, что это поет Владимир Кузнецов, знаменитый гармонист из «золотой десятки» гармонистов России, друг покойного Заволокина. И сам он родом из этого края, из Шаймы. Значит, и ему тоже снится деревенское детство...

Зина вдруг бросается к моложавой светловолосой женщине: «Света!» Они обнимаются, разговаривают, я стою рядом, прислушиваюсь. Зина говорит, вот со мной подруга детства Тамара. Я вижу пристальный вопросительный взгляд женщины и поясняю:

— Я в Павине тоже жила, окончила два класса в этой школе. Училась у Агнии Павловны Дворецкой...

— Так и я училась у Агнии Павловны! А как ваша фамилия?

— Воскресенская.

— Дочка нашего врача?!

— Да...

— Так мы вместе учились в одном классе! То-то я смотрю, лицо показалось знакомым! Мой отец до конца жизни вашу маму вспоминал с благодарностью! Она вылечила его от тяжелой болезни.

Мы в ошеломлении начинаем вспоминать, кто с кем сидел, какие были тетради, как сами линовали в косую линию листы самодельных тетрадей для чистописания. А все ж таки почерк у всех неплохой получился. Научила нас Агния Павловна! Вспоминаем, как отец Светы прислал посылку из Австрии, а в ней настоящие тетради, и мы в них писали только контрольные работы. Света, как и моя подруга, Зина, окончила Ленинградский педагогический институт им. Герцена. Света до сих пор работает в школе. Говорит, наше поколение уйдет, не знаем, кто будет учить детей... Я неожиданно для себя говорю:

— А я была в мальчика влюблена. Кажется, его звали Витя Коржев... Какая у него судьба?

— Нет уже Виталия Коржева. Не так давно ушел из жизни. Окончил МГУ, филологический факультет, сначала преподавал лагерь в Барнаульском мединституте, потом работал в журнале «Сибирские огни», был литературоведом, литературным критиком. Издал две книги...

Оказывается, нет уже на земле замечательного, ярко-

го, блестящего клоуна с новогодней елки. А в памяти моей остался... Мы расходимся уже в темноте, Зина и Клава приглашают назавтра Свету в гости к себе домой. А когда совсем стемнело, полыхнул фейерверк. В темном небе расцветали огненные астры, рассыпались разноцветными искрами, гасли и вспыхивали снова, вызывая общее «А-а-х!» всего села. Генрих все повторял изумленно и радостно: «Зина, ты подумай — в нашем Павине такой фейерверк!»

Утро последнего дня выдалось каким-то неуверенным, колеблющимся — то улыбнется проглянувшим солнышком, то нахмурится набежавшей тучкой, слегка сыпанет скорым дождичком. И напряженность какая-то в воздухе чувствуется, словно где-то копится сильное раздражение. Что-то будет... Уезжают Шура и Валя с семьей. Завтра утром и мы уезжаем в Шарью, и там расстаемся с Зиной. Но пока впереди длинный, летний день.

Я решила зайти в редакцию районной газеты «Северный луч», ранее называвшуюся «Колхозный клич», чтобы попросить несколько номеров газеты. Знаю, что только так можно почувствовать наиболее полное биение современной жизни, разглядеть местные горизонты. Захожу в редакцию. Через открытые в коридор двери комнат вижу сидящих за компьютерами людей. Понимаю, в редакции «напряженка», торопятся дать в номер праздничные репортажи. Отмечаю — компьютерная верстка. Отлично! Кабинет главного редактора закрыт — сказали, в отпуске. Представляюсь ответственному секретарю, Александру Петровичу Кокоулину, сразу чувствую расположение коллеги. Коротко рассказала, кто я такая, почему приехала на праздник. Александр Петрович на минуту выходит из комнаты, возвратившись, передает с десятков последних номеров газет. Для меня это бесценный подарок.

Выхожу на улицу, усаживаюсь на скамейке и нетерпеливо листаю газеты. Сразу вижу объявление: «За огородными

делами и другими летними хлопотами не забудьте, пожалуйста, оформить подписку на «Северный луч». И это так как-то по-домашнему, по-свойски, что вызывает улыбку. Номер от 10 июня, а 12 июня — День России, и в этот день в Павино отмечается День села. Что там дальше? При молодежном центре создан экологический отряд, старшие школьники в июне-июле приведут в порядок парки и скверы села, помогают ветеранам. Так... молодая уроженка Павино, Елена Стельмаченко, вернулась с мужем в родное село и открыла магазин «Обувь и одежда». Одна молодая семья строит свой дом. Молодцы! Перед началом каникул в селе прошел фестиваль одаренных школьников района. Замечательно! А вот знаковое сообщение в тексте заметки — в Павино до перестройки было личных коров до 150, сейчас только около двадцати. Хорошо это или плохо? Может быть, и невыгодно сейчас сельчанину держать свою корову, молоко дороже обходится, чем со специализированной фермы? 1 июня на стадионе между детскими садами района прошли соревнования «Старты надежд».

Смотрим дальше. В редакции газеты открыта общественная приемная губернатора Костромской области И.Н. Слюняева. Людям окажут консультативную помощь, помогут составить, оформить и направить в адрес губернатора заявление, обращение или жалобу. Специалисты констатируют стабилизацию поголовья крупного рогатого скота и увеличение надоев молока за счет племенной работы, кормовой базы и внедрения передовых технологий. Ну, прекрасно! Упомянуты местные предприниматели: Курбанов, Ивков, Фролов — дела их на подъеме, они вкладывают деньги в родное село, дают людям рабочие места. Это хороший знак! Пополнилась книгами для детей и взрослых сельская библиотека. Проведен смотр-конкурс по благоустройству села, награждены образцовые домовладельцы, учреждения, цветоводы-любители, хозяева лучших придомовых цветников. Успешно прошли выпускные экзамены в школе искусств. Ага! Подростки ху-

лиганят, переворачивают урны, отрывают доски в павильонах рынка, пишут неподобающие надписи. Ай-я-яй! Нехорошо! Зато коллектив любительской радиостанции принимает участие в молодежных соревнованиях по радиосвязи на коротких волнах. Это похвально! Прошло заседание административной комиссии, где обсуждалось содержание собак, уборка придомовых территорий и нарушение спокойствия граждан. Нарушителям определен штраф в 300 рублей. Прошел День поля и соревнование землепашцев, идет заготовка кормов на зиму. Две выпускницы школы искусств получили приглашение на международный пленэр в Париж. Не слабо! Так... А что продается-покупается?.. Автомобиль Ваз, КамАЗ-самосвал, трактор ДТ-75, запчасти для импортных и отечественных автомобилей на заказ, ткани и швейные изделия из Иваново, всевозможные плиты, панели под кафель, ламинированные полы, куры-молодки. А кто требуется на постоянную работу? Водители лесовоза «Урал», бульдозерист, машинист-грейдерист К-700. И приписка: «Полный соцпакет. Зарплата сдельная». А также требуются экономист-юрист, механик, работники в животноводство, разнорабочие. Жилье предоставляется.

И, конечно, очерки о достойных людях, поздравления с юбилеями, некрологи и соболезнования. Как говорится, «и жизнь, и слезы, и любовь...» Газета мне понравилась, чувствуется в ее материалах и душа, и профессионализм. Но вообще задумаешься... Вчетверо сократилось население района с довоенных лет. В селе около 3 тысяч жителей и в районе столько же. Всего около 6 тысяч. А было до войны 24 тысячи... Сократились и площади посевов. Но это неправда, что сельская Россия чахнет, что люди спиваются, что работать негде. Село живет и выживает. По другому, чем прежде, но выживает. На празднике посмотрела – все современно, модно даже одеты, лица такие хорошие, люди приветливые. Молодежь, говорят, уезжает. А что хорошего в этих городах — чад, смог, суета. Вот посмотрела проездом на Москву — как муравейник, в который плеснули кипятком. Все спешат,

все торопятся. На улицах автомобильные пробки. Дышать нечем. И хочется верить — произойдет перелом, обозначится критическая точка и вернется молодежь в село. Как когда-то в старину пойдет новое заселение этих земель. Газ, вода, телевизор, до Шарьи по хорошей дороге два-три часа езды, а там 12 часов на поезде и Москва. И дети будут расти на природе, дышать чистым воздухом... Эх, была бы я молодая... Размечталась!..

А теперь в музей! Выйдя на центральную улицу, немного растерялась, где-то должен быть музей, а никак не сориентируюсь. И прохожих нет, спросить не у кого. Захожу в магазин «Одежда и обувь». Продавец, милая молодая женщина, наверное, та самая, что вернулась в родное село, Елена, вышла со мной на улицу, показала направление, дала ориентиры. Оказалось — рукой подать.

В любой музей я вхожу с волнением, ведь это своеобразная служба Времени! Время нельзя увидеть, услышать, трудно осознать, трудно с ним смириться, и только в музее можно увидеть его материальные следы. Симпатичная, темноволосяя, темноглазая молодая женщина, заведующая музеем, представилась просто Мариной и, взяв с меня символическую плату в десять рублей, повела меня осматривать экспозиции музея. Я спросила: «Можно фотографировать?» И она доброжелательно улыбнулась: «Пожалуйста!» Не дошла еще сюда жлобская мода за все брать деньги.

Рассматриваю экспонаты музея. Понимаю, что все это собрано с пониманием и любовью, хранится заботливо и бережно, смотрится с волнением и нежностью. Вот старинные фотографии дьякона Н. И. Ломакина с дочерью, его жены. Это, должно быть, предки моего знакомого В. И. Попова. Вот вышивки — «крестьянское узорочье», старинный ткацкий станок. А вот знакомые мне еще с детства предметы домашнего обихода: плетеные из лыка пестери (заплечные корзины), медные самовары, домашняя утварь из дерева и глины, деревянный валеk и рубель для глаженья белья, ке-

росиновые лампы, старинные бутылки, решето, коромысло, долбленая бочка. Тут же старинный буфет, старинные стулья, зингеровская ручная машинка (точно такую моя бабушка получила в приданое и еще шила мне на ней наряды), патефон, деревянная кровать с кружевными подзорами, знаменитые курдюковские гармошки, домотканые половики, деревянный диван, расписанный цветами, разнообразные колокольцы, крестьянские обереги, картины местных художников. Я радостно щелкаю фотоаппаратом — то-то будет у меня память!

После осмотра заходим к Марине в кабинет, и я рассказываю ей о себе и о своих родителях. Показываю фотографию 1936 года молодых матери и отца, когда он приехал в Павинскую больницу на работу. Спрашиваю, нужна ли она музею? «Конечно!» — горячо отзывается Марина. Передаю еще фотографию делегатов Павинского района на ВДНХ в 1940 году. Там среди всех моя молодая, красивая мама — врач районной больницы. Передаю коллективную фотографию медработников Павинской больницы в 1945 году. Там сидят рядышком моя и Зинина мамы. В кабинете Марины высокая большая печь с котлом. Тоже топится дровами, а от нее разводка в трубах — горячей водой греются батареи в комнатах музея. Мы с Мариной разговорились.

— Мариночка, вы местная, павинская?

— Да, родители мои отсюда родом, но мы не так давно вернулись из Крыма. Родители туда уехали после войны, хотели поближе к теплу. А недавно мы все оттуда вернулись в Павино.

— Почему?

— Татары предупредили, мол, или уезжайте сами, добром, или побежите, в чем стояли. Мы подумали-подумали и вернулись. Здесь я и замуж вышла. Одну павинскую фамилию сменила на другую. Была Мелентьева, стала Ивкова. Сначала трудно было из-за смены климата, теперь привыкла.

— Мариночка, но ведь вы даже похожи на татарку!

— Да, похожа. Но родители мои коренные, павинские. Отец мой такой темноволосый и смуглый.

Да, я читала, что русский человек — смешанный человек, много в нем слилось разной крови, прежде чем сложилась нация. Прощаюсь с Мариной, иду, как давно хотелось в церковь Серафима Саровского. По дороге в парк Победы видела этот скромный, деревянный храм. Захожу, здороваюсь с женщинами-служительницами, а они говорят: «Ой, а мы собрались уходить!». Объясняю: «Я ненадолго, только свечки поставлю». И опять в ответ слышу благожелательное: «Пожалуйста, пожалуйста, не торопитесь!» Какие, однако, здесь люди приветливые! И чувствую, как хорошо, благостно, тепло и ласково душе в этом простом храме. Пахнет чистотой, деревом, медовыми восковыми свечами.

Покупаю и я свечи. Сначала, как всегда, поставлю за упокой. Подхожу к нужному месту и чувствую, как наполняется сердце светлой печалью, а глаза слезами, как будто, вот сейчас, сию минуту, они, мои родные, все, кто жил в нашем доме, и кого уже нет, видят меня и рады мне. Как будто я сюда ехала ради этого мгновение моего свидания с ними. И я повторяю слова, чтобы Господь простил их прегрешения вольные и невольные и взял их в Царствие Небесное. Нелегко и несправедливо они жили на этом свете, Господи!.. И мне кажется, что Святой Серафим Саровский и Николай Чудотворец смотрят на меня с икон по-доброму и с пониманием.

Подхожу и ставлю свечки о здравии всей своей семьи и всей семьи Зины с детьми и внуками, поименно. Дай, Господи, всем здоровья и осмысленности своего бытия... Спрашиваю, можно ли на память сфотографировать? Женщины опять говорят: «Можно-можно, фотографируйте!» Что за люди живут в этом моем родном Павине! Невольно вспоминается, как в одном, городском, только что восстановленном, великолепном храме на меня буквально набросилась служительница: «Без батюшкиного благословения нельзя!» А на вопрос, где батюшка, с нескрываемым злорадством сказала: «А нету батюшки, ушел!» Помню, померкло все великолепие храма, и недоуменная обида сбила настроение. Господи, прости ее, а мне помоги забыть об этом.

Во второй половине дня, когда пришла моя одноклассница Света и еще одна женщина, вдова одноклассника Генриха и Зины, все вместе с хозяевами сели за стол. Так давно не виделись друг с другом даже Зина и Света, вместе учившиеся в институте, что никак точки опоры не нащупывалось, от чего начинать воспоминания и немножко бестолково, с краешку пробовали прошедшее время — а где тот, а как эта, а помнишь? А я уж и вовсе молчу, только слушаю, изредка про-сверкивают знакомые имена-фамилии. Сфотографировались на память. И по рюмочке выпили, и по второй — за встречу! И, наконец, ушло невольное смущение, радость застолья объединила всех, и разговор пошел общий, всем интересный и про прежнюю, и про теперешнюю жизнь. Вспомнили вдруг почему-то медведей. Край глухой был — медвежий угол в буквальном смысле. Генрих вспомнил, как собирал малину, вдруг слышит, кто-то за кустами так аппетитно, смачно чавкает. Выглянул — это медведь передними лапами ветки малиновые подтягивает, а пастью ягоды обирает. «Как я рванул бежать — не помню, как из леса выскочил». Зина вспомнила, когда работала в деревне учительницей, в сумерках шла пешком по дороге, и вдруг на дорогу вышел медвежонок — как она дунула прочь от этого места! Медвежонок встретит опаснее всего, рядом может быть медведица, а уж она нападает беспощадно — защищает медвежонок. Клава с Иваном Павловичем однажды шли на сенокос, а к дороге медведь здоровый вышел, к березе прислонился спиной и стоит на задних лапах, на них смотрит. Муж не растерялся, как заорет на него: «А ну, пошел вон отсюда, такой, сякой, этакий!» Медведь вдруг развернулся и потрусил прочь в глубину леса.

Все смеются, вспоминают разные истории, говорят о детях, о внуках. Я поглядываю на хозяев, знаю их всего пять дней, а, кажется, знакомы давно. Какие это удивительные, от природы интеллигентные люди, какое спокойное чувство собственного достоинства, какое искреннее, ненавязчивое

гостеприимство! Как хорошо и по делу они говорят, как умеют слушать другого человека! Какая замечательная, трудолюбивая, дружная, непьющая семья. Настоящие русские люди!

Вдруг как-то неожиданно свет за окном померк, и ахнуло! Это зазмеилась ветвистыми трещинами-молниями небесная чаша, раскололась и грохнула. И еще раз, и еще! Женщины побежали по дому с проверкой – выключить везде свет, вытащить все вилки из розеток, отсоединить телевизор, настольную лампу. Дом деревянный, ударит молния — далеко ли до беды?! И такой жажнул ливень, как прорвало, не нами сказано, да лучше и не скажешь — как из ведра! Хорошо, когда есть надежный дом, теплый уютный, чистый, и стол накрыт, и друзья за столом. И непогода на улице этот уют и благополучие только оттеняет и подчеркивает. Минут через сорок за окном стало стихать, и молнии сверкали редко и не так яростно, и гром уже не грохотал, а издали невнятно проборматывал что-то ворчливое, но не злое. Наши гости засобирались домой, пора-пора, уж и так засиделись, и дождик вон прошел. Обменялись со Светой адресами, телефонами, обнялись сердечно на прощанье. Понимали, вряд ли удастся еще свидеться, и так уж диво дивное — встретились одноклассницы через 62 года. Клава и Зина ладно и дружно убрали со стола, мыли и ставили на место посуду, Генрих с Иваном Павловичем вели какие-то хозяйственные разговоры. Ксюша подошла к Зине:

- Бабушка, пойдем, погуляем!
- Подожди, Ксюша, видишь, мы делом заняты.
- Дедушка, пойдем на улицу?
- Сейчас, Ксюша, подожди немного

Золотой ребенок молча сел рядом со мной на диванчик. А чего это я сижу?! Гостеванье-то павинское к концу подходит, надо пойти надышаться воздухом, наглядеться на село. Пойдем, Ксюша, со мной погуляем! Ксюша спокойно встала, не выразила телячьей радости, а тихо и достойно начала со-

бираться. Мы надели легкие курточки и вышли. Я даже не сразу поняла, что это такое творится вокруг. А вокруг творилась тишина, как будто отгрохотавший гром выбрал весь положенный в этот день шум и грохот, даже птицы не щебетали. Тишина заполняла и умиротворяла пространство во все стороны света от земли до неба, объяла все — дома, проулки, серые влажные дощатые заборы, деревья, и кусты, обласкала каждую травинку, угнездилась, кажется, даже между хвоинками стройной, вытянувшейся на одной ножке, как балерина, лиственницы. Мы вышли из палисадника на середину улицы и увидели — на востоке, над селом, в полнеба сияла одна половинка радуги; верхушка разноцветной дуги ее терялась в забытых грозой дымно-сероватых клочковатых облаках, разреженных голубыми проталинами чистого неба

— Смотри, Ксюша — радуга! Видишь, у нее семь цветов. Чтобы легче запомнить их чередование есть такая присказка: каждый охотник желает знать, где сидит фазан. То есть: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый — из этих цветов состоит радуга. Будут спрашивать на уроке физики.

Ксюша заулыбалась, закивала — красиво! Вряд ли запомнила — мала еще, да и радуга ей, живущей под северным сиянием, вероятно, не в диковинку, не то, что мне, жительнице пустыни — нечаянное чудо раз в десятилетие. Мы шли потихоньку к окраине села по совершенно безлюдной улице, наполненной тишиной, мягким предвечерним светом и влажным, очищенным грозой воздухом. В разрывах между домами на западе видно как заходит — вот, уже совсем зашло! — солнце. Чистая перламутровая голубизна неба у самого горизонта подсвечена ярко розовым сиянием, бережно, нежно разбавленным ввысь. Я вспомнила роскошные мангышлакские закаты, когда полыхающее алым светом раскаленное солнце опускается в синее море. Везде своя прелесть. Там — сочная живопись маслом, здесь — нежнейшая акварель...

Мы вышли с Ксюшей на край села. Внизу расстилалась вдаль ложбина, ограниченная темнеющей полосой леса, пра-

вее, на угоре — другая деревня, наверное, не менее древняя, чем Павино... Как не благоговеть мне пред этим местом на земле — здесь начинала расти, лепиться, вызревать моя человечья, женская, русская душа. Слова-то, оказывается, какие правильные — российская глубинка. Как глубина не скудеющего колодца, из которого Россия веками щедро черпала свою душу, плоть и кровь — своих поэтов и писателей, своих работников, инженеров и ученых, своих солдат и маршалов. Не хочется верить, что идет обмеление этой глубины. Это опасно. Тогда, сколько ни копай, ни черпай — вместо живой воды — только смертная удушающая пустота. Страшно об этом думать.

Мы стояли с Ксюшей тихо. Она, наследница исконной павинской крови Московкиных и Ивковых, смотрела во все глаза, молча и вдумчиво, и я не могла предугадать, запомнится ли ей что-то из этих дней, луга ли, речка ли, радуга или это наше тихое стояние на краю села. Было хорошо и благостно, как недавним утром в храме. А ведь это тоже храм под открытым небом, и силы небесные, как благословение, распростерли радугу над селом. Господи! Спаси и сохрани его земли и воды, леса и травы, зверей и птиц, всех его Аверкиевых, Дворецких, Жуйковых, Ивковых, Коркиных, Коржевых, Курбановых, Ларионовых, Поповых, Фроловых, и так далее, и так далее... И нас с Ксюшей тоже...

*Павино — Актау.
2008 год*

«Собор души твоей...»

*Посвящается светлой памяти
Людмилы Моисеевн Крамаренко...*

В ноябре 1964 года Людмила Моисеевна Крамаренко, приехала на полуостров Мангышлак, в город Шевченко, теперь он носит название Актау. Был уже поздний вечер, и

первое, что она увидела еще издали — дом, со светящимися окнами и цепочками галерейных огней, словно огромный четырехпалубный корабль, плывущий во тьме и в туманной мгле. Молодой инженер-строитель, она попала в то место, где была нужна. Город строился. Можно сказать, что и город, и свою новую жизнь здесь строили все: и учителя, и продавцы, и почтальоны, и врачи, и журналисты, и даже школьники. Все знали, зачем они здесь, и что им нужно делать. Помимо обычных будней, жизнь каждого имела особенный, высокий смысл. Город был, что называется, на вдохе — все были молоды, полны энергии и энтузиазма.

Людмила Моисеевна работала сначала в СМУ-1, потом в Прикаспийском управлении строительства, в проектной группе технического отдела. Про городские дома, производственные строительные конструкции она знала много. Почти все. Есть такие люди — хорошо работают на своем месте. На них можно положиться. Поэтому, зачем их куда-то продвигать по должности, кого поставить на их место? Кто их воз потянет? Нет, работают, и пусть работают. Так что какой-либо большой должностной карьеры она не сделала и даже отказывалась, когда ей предлагали работу с повышением в других отделах. Ей нравилась проектная работа. Старший инженер. Кто работал, тот знает — хорошим старшим инженером быть не так просто. В своих кругах ее фамилия превратилась в Имя. Знали, что не подведет, что рассчитает все скрупулезно, ее профессиональной добросовестности можно было доверять безоголочно. Разве мы мало знаем таких людей? Их внутренний, профессиональный и личностный рост чувствует каждый, кто с ними общается, потому что в глубине души, мы все знаем друг другу истинную цену, и обмануть просто высокой должностью никого невозможно.

Я познакомилась с ней вскоре после своего приезда в город в 1969 году, когда по роду работы вошла в круг проектировщиков всех специальностей. И сразу почувствовала ее особенность, ее отличие от всех. Да, молода, стройна, хо-

роша, но что-то в ней было важнее внешней привлекательности, какая-то внутренняя глубина, что притягивало внимание людей — одних привлекало, других отталкивало. По любому поводу у нее было что сказать — емко, оригинально, иногда резковато или иронично, как того стоил предмет разговора.

Ей недостаточно было своих профессиональных знаний, ее ум и память были, как губка, жадно впитывающая все интересное. А интересным для нее было все. Она много и жадно читала поэзию, прозу, книги по архитектуре, истории, философии, языкознанию, живописи. Бывало, что она экономила на еде, отказывалась из тех же соображений от какой-либо модной вещи, но никогда от книги. Книгами и журналами заполнены у нее дома полки от пола до потолка, она жила словно в книжном шкафу, и нет среди них непрочитанной ею строчки. Она могла восхититься глубокой философской мыслью, поэтической строчкой, позвонить друзьям и говорить, говорить, ассоциативно связывая, например, судьбы людей древности и события вчерашнего дня. В разговоре мысль ее ветвилась свободно и причудливо, как дерево в поле — куда хочу, туда и расту, ей было комфортно в многомерном пространстве знания и интеллекта.

Она самостоятельно изучала искусствоведение, книжную графику, собирала экслибрисы, шлифовала камни, восхищалась фресками и мечтала быть реставратором. Любой город, в который она попадала, открывал ей свои сокровища — не только музеи и галереи, но свои живописные уголки — переулки, арки, решетки, плиты тротуара, цветы на клумбах и на обочинах. И все это доверчиво и щедро, как человеку, который умеет не только смотреть — но видеть. Она могла восхититься необыкновенным камешком под ногами, причудливым корешком, брошенной фитюлечкой — пуговичкой, стеклышком. А уж Каспийское море, в любом его настроении — и ласковое, как шелк, и злобное, как дикий зверь, со своими закатами, игрой красок, — любовь ее и восторг.

Человек незаурядный и яркий, она была одарена особенным талантом восприятия красоты мира, и своими открытиями ей хотелось поделиться со всеми. Ее нежные легкие акварели рождались спонтанно, пока не остыло желание оставить увиденное в памяти — скорее, скорее! — пока не завяли цветы, пока не съедены ягоды, пока овощи сохраняют свой цвет и блеск. Поэтому кажется, что ей удавалось написать не просто цветы и листья, фрукты и овощи, а саму их глубинную сущность. Наверное, можно сказать — их душу, а одновременно выразить и свою. Ибо художник — творец и его творения не только неразрывно связаны, но дополняют и объясняют друг друга. И ее акварели воспринимались всегда, как доверенная нам её личная, женская, человеческая тайна.

Людмила Моисеевна последние годы жила в том самом галерейном доме, похожем на корабль, который она увидела в городе первым. С ней были ее книги, ее друзья, ее город. Анна Ахматова писала о Петербурге: «Я с тобою неразлучима, тень моя на стенах твоих». Думается, очень многие имеют право так сказать о себе и о нашем городе. А уж Людмила Моисеевна и подавно — столько трудов, столько души вложено ею в любимый город, вся взрослая, сознательная жизнь ее прошла здесь. Она относилась к нему, как к живому, родному существу — радовалась благоустройству, страдала от того, что наши дома запущены, что разрушены сети. Звонила мне по телефону и буквально плакала, что вот шашлычники опять срубили живое дерево, а под другим зажгли огромную кучу мусора, что дереву больно, и что оно погибает, что ставят глухие высокие заборы, какие-то загородки, нарушают архитектурный облик города. Ведь и международную премию имени Патрика Аберкромби архитекторы и строители получили за свободную его планировку, за открытость, дающую возможность продувания морским воздухом! Все — правда. И дома наши перестали делать честь городу, и сети прогнили, и деревья погибают, и заборы так странно и

неудобно торчат, мешая проезду и проходу. И все-таки, разговаривая, мы обе понимали, что города нашей молодости не будет уже никогда, но тот, что сейчас — снова на подъеме, на вдохе: и деревья сажают, и лужайки зеленеют, и дома новые строят, и молодость смеется на улицах и радуется жизни.

Она принимала участие в ликвидации Чернобыльской аварии, и в одну из скорбных годовщин, собираясь написать очерк, я попросила ее рассказать мне, как это было. Она ответила, что не любит об этом вспоминать и говорить. Я спросила:

— Ты считаешь, что можно и нужно об этом молчать?

— Конечно, надо помнить и помянуть. Но почему я? Об этом столько писали, и все-таки рассказать о Чернобыле все, наверное, не сможет никто и никогда.

— Ты вела дневники. Пусть это будут мелочи. Но жизнь состоит из мелочей, иногда какая-то деталь открывает больше уму и сердцу, чем толстая, занудная книга. Как ты попала в Чернобыль?

— Набирали очередную шевченковскую команду. Пришли к нам в отдел: «Нужен инженер-проектировщик. Украинцы есть?» Это была немного просьба, немного приказ. Украинкой была одна я. «А когда нужно выезжать?» «Вчера!». Я проходила медицинскую комиссию накануне, по другому поводу. Пригодилось.

Раньше это называлось — по зову сердца. Было и это. Кто-то ехал по приказу. Некоторые считают, что люди ехали туда подзаработать. Людмила Моисеевна не брала во внимание оплату, и не спрашивала об этом, и я ей верю. И все-таки, зная ее, усматриваю еще одну причину, о которой, может быть, она сама не догадывалась. Сказалась ее жадность к жизни, к новым впечатлениям, желание соучаствовать, ведь и страна, и наш город были уже, к сожалению, на выдохе. Город построили, прежние энтузиасты постарели, обросли жирком, обзавелись коврами и мебелью, важное начальство ездило на черных «Волгах» — не подступиться. Обветшало

чувство, так необходимое любому сообществу людей, будь то семья, предприятие, город, или страна. Это чувство называется — «Мы — вместе». Казалось, жизнь теряет главный смысл. Мы и теперь отчаянно нуждаемся в этом чувстве, ибо горестное — «Каждый сам по себе» и бесплодно, и просто опасно.

*Мы приняли вместо таблеток от страха
Свою сопричастность — мы все заодно.*

А. Мирошников

Людмила Моисеевна вспоминала...

Поселили нас в деревне Иванково, это в 60 км от Чернобыля, вставали мы в 6 утра и ехали на работу в Чернобыль, там и завтракали. Наш техотдел располагался в здании бывшей автостанции. Работы у нас было — не продохнуть. После взрыва четвертого блока на крыши всех зданий станции набросало радиоактивные обломки, и все крыши были радиоактивные. Их нужно было убрать, сделать чистую кровлю. Это называется — чистить. Как это выглядело? Можно ли представить последствия атомного, космического удара — гигантское, безумное крошево из вывороченных труб, вздыбленной земли, бетона, металла, разбомбленной кладки, технологических труб огромного диаметра? Станция словно огромный муравейник, и снизу кажется, что крошечные, одетые в черное, человеческие фигурки, как муравьи, ползают, суетятся, работают. Все они молодые мужчины — цвет поколения, в большинстве солдатики со всех концов страны — из Сибири, Средней Азии, ростовские ребята, украинские. И всем им необходимы душевые, столовые, спальни, летний кинотеатр. Им нужно помыться, переодеться, поесть, поспать, как-то провести досуг. Поэтому срочно приходилось делать бесконечные перепланировки — быстро, быстро, еще быстрее!

Проектировщикам приходилось ходить и на четвертый блок. Помню, надо было запроектировать пожарную лестни-

цу до 72 отметки. Исходного проекта не было, и неизвестно, есть ли в стене закладные для крепления. Если закладных нет, надо проектировать и делать, а работать придется людям на весу, в люльках. Чтобы это выяснить, нужно обследовать стену. Но эта стена была еще не отмыта, то есть радиоактивна. Никто из мужчин не захотел туда подниматься — страшно! И не столько из-за высоты, а потому что подниматься нужно к стене лицом. Понятно, чем мужчины рискуют. Мне же надо проектировать — вот я и полезла. Сначала было более-менее удобно, а на самый верх пришлось лезть по скобам на стене. Наверное, снизу я казалась таким же муравьишкой. Главное, знала — только вниз не смотреть. И не смотрела. Закладные, к счастью, были, все легче будет людям лестницу мою устанавливать.

Крыше каждого здания станции давали женские имена — для простоты и удобства. Шутили мужики: «Мне сегодня на Дашу. Или на Машу». И каждому свое задание нужно успеть выполнить за несколько минут, чтобы не набрать лишнюю дозу радиации.

Однажды нужно было попасть в машинный зал четвертого блока, внутрь саркофага. Планировалось вытаскивать оборудование через кровлю, и моя задача была наметить оси ферм для их раскрытия. И мы туда пошли — семь человек, у каждого своя задача. Мы с фонариками ползли в темноте на брюхе по техническим каналам, под какими-то трубопроводами, по подземным переходам, по технологическим, вентиляционным ходам. Добрались. Тишина космическая, звенящая, знаем, что мы под огромной толщей бетона, слышно, как бьется и собственное сердце — у самого горла, и сердце другого человека. Наверное, так чувствовали себя археологи в гробнице Тутанхамона. Только каждая эпоха хоронит свое. Оборудование стоит уникальнейшее, красивое, в разные цвета покрашенное. Скорее, как можно скорее нужно пересчитать фермы и вон отсюда! Пробыли мы там минут семь. Вот там я и хватанула основную дозу, даже не пошла на контроль, чтобы не расстраиваться.

В перерыв все шли в столовую. И никто не лез без очереди. Все проходили дозиметрический контроль одинаково — и рядовой работник, и начальник стройки. Естественная демократичность — все делают одно дело. И одеты все одинаково, в рабочие робы — ни галстуков, ни шевелюр. Стоят все друг за другом, стриженные, и только лица у всех разные. И сразу видно, кто есть кто. В основном были нормальные, хорошие лица, но попадались и рыла. Были ведь и такие, что на беде наживаются. Например, белье нам меняли часто, и сначала было прекрасное льняное белье с вышивками даже — страна присылала и еду, и одежду — все лучшее. А потом оно исчезло, и стали выдавать стираную-перестираную рвань. Хозяйственник форму зажимал — не допросишься поменять. Слухи ходили, что много добра списали из стратегических запасов. Поди-ка, проверь, уничтожили или нет. А были просто герои. Может, если бы не Чернобыль, и сам человек не узнал бы, чего он стоит. На большой риск шли, в такие места — безумство храбрых! Потому что — НАДО. Жертвенность — природное качество человека.

Однажды обмеряла площадку под летний кинотеатр, а посредине три могучих дерева — груши. Я и говорю прорабу, что буду делать проект только при условии, если вы не срубите груши. А он мне ответил: «Я сам из Навои. Я ни за что их не срублю, обещаю».

Явление такое было — выброс. Это когда специально из саркофага выпускали скопившиеся под бетоном газы, пар. Там ведь, в глубине этот процесс атомный шел. И когда был этот выброс, все его чувствовали. Наваливалась такая усталость, тошнота, кажется, что не хватает сил веки поднять. У нас начальник техотдела был — молодой тридцатилетний мужчина. Смотрю, а у него ручка падает, пальцы от слабости ее не держат. Одна медсестра рассказывала, как после аварии детей вывозили. В автобусах сделали нары. И детишек клали на них, как ботву картофельную, вялую, под солнцем полежавшую — головку не держат, ручки, ножки свисают. Вот что такое радиация...

А техники всякой нагнали — я таких механизмов никогда не видела. Например, чудо такое — похожий на огромного желтого богомола кран подъемный. Издали кажется — тоненький, хрупкий. А подъедешь поближе — гусеницы в рост человека, противовес — 80 тонн. Подавал на 72 отметку материалы, конструкции. Вертолеты, бульдозеры, трактора — кабины свинцом обшиты. Мощь — впечатляющая. А однажды в мае пошла по улице, вышла к реке Припяти. Изгиб берега такой красивый, такой берег высокий. Вокруг море одуванчиков — и тишина. Вот эта тишина была так странна, неестественна — ни щебета птиц, ни стрекота кузнечиков — мороз по коже... Деревни безмолвные и безлюдные, как муляжи — ни собаки, ни кошки, ни курицы. А по шоссе вдруг пошли странные тупорылые, танкообразные, немыслимой мощи бронированные машины. И управляют ими какие-то роботы в респираторах. И показалось, что я на другой планете, не на Земле. Марсианские хроники...

Травы, росы, воздух — все враждебно!

В. Шовкошитный

Как быстро ветшают дома без человека — калитки распахнуты, стены перекособолены! Смотреть жутко, словно бы жилье человеческое, — наличники на окнах, засохшая герань на подоконниках, занавески, — а нет никого. В палисадниках цветы цветут необыкновенные, но все бурьяном заросло. Тюльпаны с детскую голову, лепестки у них с ладонь. Сирень безумствует, через штакетник лиловой и белой пеной перехлестывает, благоухает.

Бабуля сидит на автобусной станции. Приезжала дом свой проведать и тихо так: «Ридна хата... домой прыхала... Упала... Так плакала, так плакала... Каждую притолоку потрогала. Муж строил. Загнали нас в дома на болоте. Кругом мокро. Сын умер. Муж упал и умер. А я одна осталась. Кому мы нужны...» Скрюченные артритом пальцы. Блеклые выплканые глаза. Безысходность...

Урожай выдался просто дикий. Клубника величиной с гусиное яйцо. Черешня гроздьями, размером со сливу. Есть нельзя. Зашла в палисадник, все-таки сорвала ягоду. Дом пустой, палисадник пустой, а словно смотрит кто-то — ты зачем зашла на чужое подворье?... Ознобом охватывает. Здесь люди жили, любили, дети росли. Варенья-соленья в погребе. Книжки разбросаны во дворе.

Ехали в автобусе из Иванкова. По обочинам лес сосновый, светлый. И вдруг, клином, «свиньей», как в древнем военном походе идут к дороге домашние белые свиньи. Но уже одичавшие, сбившиеся в стаю, чтоб выжить. А впереди мощный кабан — вожак. Перезимовали...

Разговорила с одним военным — впечатления рассказываю — ужас, мол, какой! А он говорит: «Это что! Вот мы в прошлом году отстреливали домашних животных — это кошмар. Идешь по лесу, а тебе навстречу бежит корова, радуется — человека встретила. Вымя у нее от молока расперло, в крови. В глазах мука, мычит, как плачет. А ты ей пулю в голову между этих коровьих глаз... Врагу не пожелаю».

Когда открыли столовую, вдруг появились собаки — благородные колли, овчарки. Прибежала такса — обнюхивает людей. Протягивают им люди еду — не берут. У меня с руки брали, когда я в обычной одежде, если в защитной форме — никогда. Помнят, кто их отстреливал.

На улицах можно ходить только по тротуару — там провели дезактивацию. А рядом предупреждения — на обочину направо, налево не ступать, с тротуара не сходить. Болонка бегала возле нас по тротуару, ко всем приставала. Потом выскочила на газон, попрыгала там. И вдруг ноги у нее отказали, как будто стали тряпичные, и тело не держат. Завалилась набок собачка. Смотрит растерянно, словно спрашивает: «Что со мной? Что же это со мной?!». Хочет на ножки встать и падает. Глаза закатились. Вот и все — побегала по травке...

Видела, как хоронят деревья. Дорога на Чернобыль вся обсажена соснами — большие деревья, лет по десять. По-

гибли сосны — стоят мертвые и опасные. И увезти их нельзя, и сжечь нельзя. И вот едет какая-то немислимая техника. Впереди машина траншею роет. А за ней другая, с механической, суставчатой рукой. И управляет этой машиной какая-то кукла свинцовая — в комбинезоне, в маске. И захватывает эта рука ствол, выдергивает дерево из земли, поворачивает его горизонтально и укладывает в траншею. А сзади еще машина — землёй засыпает.

Сосны в лесу, в зоне тоже стоят рыжие, безжизненные. А березы зазеленели. Листьями шелестят, что-то лепечут. Что они про нас говорят друг другу?...

После её отъезда из Чернобыля оказалось, что с ним она не расстанется больше никогда. Чернобыль пометил всех и ей напомнил о себе очень скоро. Дальнейшая схема жизни известна многим чернобыльцам: врач — диагноз — шок — страх — депрессия — операции — мучительное лечение. Мужество борьбы за жизнь более 20 лет. После больницы она вышла на работу. Казалось, что еще может случиться? Случилось. Перестройка. Развал жизни. На что можно опереться? Оказывается, на помощь, которую слабая, больная женщина может оказать другим.

В молодом городе Шевченко, построенном в буквальном смысле слова на пустом месте, никогда не было ни церкви, ни мечети. А святое место в городе — памятник Ленину. Возле него принимали детей в пионеры, проходили праздничные демонстрации, фотографировались молодожены. После перестройки, развала государства, люди искали, на что опереться растерянной душе. Что ж далеко искать — у каждого человека была в памяти невостребованная вера предков. Сначала на квартирах стали собираться люди, разговаривали о Боге, о христианстве, читали Новый завет, многие умели молиться, другие учились этому. Так в городе была основана и официально зарегистрирована община православных хри-

стиан, в помощь которой был прислан из Уральской епархии священнослужитель, отец Гавриил. Община решила построить в городе православную церковь. Все понимали — прежде всего, нужен проект храма.

Обратились за помощью: «Людмила Моисеевна, помогите! Нужна церковь». Она сомневалась в своих силах. Была крещена, а верующей не была. Как все мы, советские. Но понятия о правилах жизни — что дозволено, а что никак нельзя делать, даже если никто не узнает — были христианские. Это впиталось с молоком матери, с бабушкиной любовью. В детстве, в родной Диканьке, потихоньку бегали с подружками в старинную церковь, ту самую, в которой мать Гоголя молилась о даровании ей сына. Девочки замирали перед образами, смотрели и слушали. Это не забылось, жило в душе, ждало своего часа.

Отец Гавриил долго с ней беседовал, искал готовность возвращения к вере. И сказал ей: «Собор души твоей сейчас только часовенка, но ты способна на большее. Ты дочь Моисея — это хорошо, это благостно». Первая, временная церковь была сделана из сборно-щитовой солдатской казармы, подаренной общине Прикаспийским управлением строительства. Все чертежи перепланировки выполнены Людмилой Моисеевной Крамаренко. Вот когда пригодился особенный черныбыльский опыт работы. Бог знает, как нас вести по жизни. Церковь открылась в 1991 году, на Пасху, редкостно совпавшей с Благовещеньем. Но у верующих была мечта — построить каменную церковь. Средства для нее собирали всем миром, все в одну копилку: грошики неимущих, пожертвования состоятельных людей и организаций, весомая поддержка городского и областного акиматов. Отец Гавриил и не сомневался — проект сделает Людмила Моисеевна, благословил ее. Значит, не зря всю жизнь интересовалась она зодчеством, ходила в храмы Владимира, Ярославля, восхищалась церковью Покрова на Нерли — все врезалось в память — и гармоничная соразмерность облика, и внутренняя

отделка. Храм вставал в воображении, прекрасный и величественный. Но наши желания и возможности почти всегда не совпадают. Средства на строительство были скромные. Пришлось строить по деньгам – из тех материалов, что были и теми людьми, что Бог послал.

Каменный храм в Шевченко - Актау, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, был освящен и открыт 3 декабря 2000 года. Она делала проект одна. Сотни чертежей, кипы расчетов. И даже неудобно говорить, как само собой разумеющееся, что все это бесплатно. За свою работу она была награждена «Грамотой в Благословение за усердные труды во славу Святой Церкви», подписанную Владыкой Уральским и Гурьевским, архиепископом Антонием. Как положено по канонам каждый день в церкви возносятся молитвы обо всех «строителях, благоукрашителях и жертвователях святого храма сего», а по праздникам они указываются в молитвах поименно. Одно из первых — её имя.

Людмила Моисеевна Крамаренко скончалась 18 июня 2007 года.

Для чего человеку дана жизнь? Зачем он трудится, радуется, печалится, ошибается, страдает, падает и поднимается? Не может же быть, чтобы только для того, чтобы есть, пить и оставить потомство. Наверное, прав отец Гавриил, сказавший слова: «Собор души твоей...». И всей своей жизнью человек любой национальности, любой веры строит свою душу, свой храм. И это строительство продолжается всю нашу жизнь.

Это я — Вадик!..

Эта история началась несколько лет тому назад. В двухкомнатной квартире, на первом этаже галерейного дома жила-поживала семья: отец и мать, возрастом во второй половине пятого десятка, сын — молодой человек, почтенная кошка Машка пятнадцати лет и её отпрыск — кот Ти-

хон Верещагин, получивший такое прозвище из-за весьма драматических обстоятельств своей кошачьей жизни. Кошка Машка окотилась последний раз единственным котёночком и не смогла его выкормить — не было молока, а люди не сразу это поняли. Котёнок еле слышно попискивал, и кто-то сказал: «Смотри-ка, тихий какой, назовём его Тихоном». А потом хозяйка, Надежда Николаевна, обратила внимание, что котёнок лежит и не шевелится. Дотронулась до него, а он уж холодный. Она схватила его в руки, давай отогревать, массировать потихоньку, котёнок и ожил. Тогда сделали соску и стали его отпаивать тёплым молочком. Котёнок рос игривым, весёлым, и голос прорезался, да такой сильный, резкий — не мяукает, а верещит. Так и прозвали — Тихон Верещагин.

Жили, как все в те годы — то кому-то зарплату задержали, то вовсе не выдали, то угроза сокращения над кем-то висит. Проблемы... Как у всех. Главное — вместе. Семья. Полный комплект.

Жили они в этой квартире с 1978 года, все соседи на галерее знакомые, все про всех всё знают — кто как живёт и чем дышит. На этой же галерее в одной квартире жил весьма неблагополучный — во всех смыслах этого слова! — мужчина, и женщины к нему приходили в гости тоже такие же. А в последнее время зачастила одна, с восьмилетним сыном. Сама в квартиру к дружку зайдёт, дверь закроют, а мальчик по галерее слоняется или на ступеньках сидит — грязный, шелудивый, голодный — как подвальный котёнок.

У людей сердце не камень, стали его потихоньку подкармливать. Надежда Николаевна тоже, как увидит мальчика, обязательно сунет то конфетку, то печенье, то яблочко. Даст гостинец, пройдёт мимо, а на душе тоска невыносимая — что ж это за мать такая-сякая!

Город у нас небольшой, за какую ниточку ни потянешь — до узелка доберёшься. Кто про кого чего-то узнать захочет — обязательно узнает. Так и узнали соседи, что эта молодая

женщина жила в соседнем микрорайоне, что квартиру у неё отобрали за долги, что скитается она по знакомым, пьёт и подворовывает. А сын живёт у бабушки — здесь, недалеко, через два дома, в школу ходит, окончил первый класс. И эта бабушка тоже пьёт. А мужей у этих женщин нет, кто ж таких жён терпеть будет?! Это женщины с пьющими мужьями бьются-колотятся, бывает, что и вытаскивают из беды. Алкоголизм — болезнь трудноизлечимая, и в одиночку с ней не справиться. Горе горькое, всенародное, можно сказать.

И не верится даже, что эта женщина была когда-то отличницей, пионеркой, председателем совета дружины — три красных полоски на рукаве, белый бант в волосах и голос звонкий — ра-а-вняйсь... смирно! — и замрут, повинуясь ей красногалстучные ряды. Неужели это было в её жизни? А мать — жена офицера, работница торговли, такая была дама козырная, а теперь кто? Болезнь это страшная, что тут судить, и не такие ломаются — талантливые, красивые, знаменитые...

Однажды вернулась Надежда Николаевна с рынка, а на кухне сидит этот мальчик и макароны по-флотски наворачивает. Муж ему в тарелку добавку подкладывает, компот наливает, и глаза у мужа — то ли вот-вот заплачет, то ли ругаться начнёт, а может то и другое вместе. Только и спросила: «Руки-то мыли?»

Наелся, спасибо сказал. Пузочко — как арбуз проглотил. Пошёл по галерее. Смотрела ему вслед Надежда Николаевна и такая снова печаль-тоска! Свойство у неё такое в характере — не умеет чужую беду от души отпихнуть. Никогда лишний раз ветку с дерева не сломит, торопливый муравьиный ручеек на земле не затопчет — перешагнёт, кусок хлеба не выбросит — птицам раскрошит. Не одна она, конечно, такая, у многих людей это есть, хотя и в разной степени. И хорошо, что есть, а то совсем бы пропали. Другие люди к такому человеку тянутся, кошки им об ноги трутся, мурлычут, и собаки их не кусают. И муж с сыном ей под стать — порода! Вот мальчик и потянулся к ним, как к тёплой печке с мороза.

На следующий день — стук в дверь, слабенький такой. «Кто там? — спросила Надежда Николаевна. «Это я — Вадик!»... «Ну что ж, Вадик, заходи, давай руки мыть, садись обедать...» Да какие там руки! Взяться за него страшно — такой грязный. Пойдём-ка, друг, в ванную. Хорошо, вода шла в этот день. Напустила тёплой воды, посадила в ванну, голову вымыли, давай мочалкой тельце оттирать. А под пальцами-то позвонки вылезают, лопатки, рёбрышки, косточки — тоненькие, как у воробышка. Чистой водичкой окатывала, поливала-приговаривала: «Ой, с гуся вода, а с Вадюшки худоба!» Засмеялся... Эх, ты, детёныш человеческий...

В полотенце махровое завернула, вытерла тельце, рубашку сына надела, голубенькую — как девочка в платьице! — за стол усадила обедать. Посмотрели на него с мужем и ахнули: отмыли мальчишку, а он, оказывается, на их сына похож — голубоглазый, светленький! — как младший братишка.

Потом бросила его одежку в тазик с водой, порошком засыпала — почернела вода. Летом всё сохнет быстро. Высохли его вещички, погладила, передела — хорош мальчик, только на ноги смотреть страшно — кеды рваные, подошвы протёртые, пальцы торчат. За руку взяла, пошли на базарчик, купили тапочки китайские, чёрненькие, со шнурочками, а кеды в урну бросили. И такой он стал счастливый — идёт-идёт, встанет — и на тапочки любит.

И так через день да каждый день: «Это я — Вадик!...» Покормят его, вымоют. Соседи узнали, сослуживцы, стали одежду приносить, у кого чего осталось от детей.

Брали его с собой на море. Наберут с собой еды, квасу нальют из холодильника, часто приходилось и мыло с собой брать — все помнят, как в те годы у нас в городе с водой было плохо. Так что и сами морской водой помоются и Вадика искупают. Поплавают, сядут на берегу в кружок перекусить, пространство замкнут — семья! И Вадик тоже, как член семьи.

Плавать его учили — вот так ручками, вот так ножками! Показывали: «Посмотри, Вадик, как красиво — солнце в

море садится!» Посмотрит, и правда — красиво! А если из воды выходить не хочет, беспокоятся, кричат: «Вадик, а ну, вылезай, губы стали синие, вылезай немедленно, кому говорят!» Знал бы кто, какие это сладкие для него слова — беспокоятся о нём, кому-то он нужен...

С моря возвращаются, сунет одну ручонку ей, другую мужу и бормочет что-то под нос. Прислушались, а он нараспев: «У меня мама есть, у меня папа есть!»... Вот теперь он понял, для чего у него две руки: одну папе, а другую — маме. Хорошо!

Как-то бабушка, трезвая, пришла познакомиться. Захотела узнать, к кому это внук в гости ходит. Познакомились, чаем напоили. Бабушка общение одобрила.

Осень настала, пошёл Вадик в школу. И опять, то уроки прибежит делать, то телевизор посмотреть. И каждый раз Надежда Николаевна его и покормит, и выкупает, одежду в порядок приведёт. Возмущается про себя: «Ну что за мать, что за бабушка!»

Дни побежали, месяцы, события в жизни то приятные, то печальные. Приятные — на работе то мешок муки дадут, то сахару. А из печальных — умерла кошка Машка, старая была, заболела чумкой — и нет кошки. Жалел её Вадик, плакал.

И вдруг известие — умерла Вадикова мать, молодая женщина, 38 лет. Медицинский диагноз — алкогольное отравление, а в народе говорят — опилась. Осталась у Вадика одна бабушка. Плакал Вадик, переживал, хоть и давно с ней не жил, всё-таки мать. Однажды Надежда Николаевна у него в тетрадке листок нашла, а там несколько раз написано: «Почему люди умирают?» Что тут скажешь... Никому этого не понять, а уж десятилетнему человеку и подавно.

Оформила бабушка опеку. Ну а кому ж ещё оформлять — бабушка родная. Оформила она бумаги и запила пуще прежнего, и причина есть — дочь потеряла.

А Вадик уж совсем в дом к Надежде Николаевне жить перешёл. Место ему выделили, где уроки учить, где спать. В свободную минуту сядут на диване, смотрят телевизор. Вадик обязательно между Надеждой Николаевной и мужем её, Петром Ивановичем. Голову ей на плечо положит, прижмётся — хорошо всем, уютно, на душе спокойно.

Опекунша-бабушка пенсию за Вадика получает, ну, пусть получает, очень она бедная, а они уж как-то вместе прокормятся.

И тут произошло ещё прибавление семейства. Кошка прибилась, худая, страшная, как смертный грех. Шла мимо неё Надежда Николаевна, бросила ей кусочек хлеба. Проглотила хлеб кошка и за ней увязалась, в дверь пролезла. Ну, куда её брать, есть же свой кот!. Некуда-некуда, прости, кошка, за шиворот её и за дверь. А не тут-то было! Только дверь открывают, кошка уж караулит, шмыгнет в квартиру, спрячется — не выгонишь. Ну что поделаешь, живи, Муська!

Так прошло ещё два года. Подоспел Новый год, а с ним и ёлка у областного акима для детей-сирот. Двенадцатилетнего Вадика на неё пригласили, билет в школу принесли.

Счастливый и нарядный пошёл он на ёлку, подарки получил, потом всех детей на праздничный обед в кафе увезли. А потом на машине всех по домам развозили. Вадика и привезли, где прописан — к бабушке. Сопровождающая женщина оказалась очень ответственной. Мальчика до квартиры довела и в дверь постучала, чтоб из рук в руки ребёнка передать. А дверь никто не открывает. Она сильней постучала, потом стала кулаком бить-колотить. Слышно кто-то в квартире шарохаётся, матом ругается, дверь никак не найдёт. Наконец, дверь открылась, и такое чудо-юдо пьяное, грязное, сквернословящее появилось, что бедная женщина схватила Вадика за руку и бежать.

— Неужели ты здесь живёшь? — спросила, оглядев его, чистенького и нарядного.

— Нет, я у тёти Нади живу и у дяди Пети.

— А кто такая тётя Надя?

— Тётя Надя — это тётя Надя...

Отвела к тёте Наде.

Так и прорезался в высших детских инстанциях вопрос — с этим ребёнком надо что-то делать. А именно — бабушку лишить опекуна, а мальчика в детский дом. При чём тут какая-то тётя Надя, у которой нет никаких на него прав, никаких бумаг с печатью? А вдруг с ребёнком что случится, кто будет отвечать? И кто такая эта самая, непонятно кто тётя Надя? Завертелась машина.

Через некоторое время позвонили в школу учительнице. Приведите, говорят, мальчика в детский приёмник-распределитель, будем решать его судьбу. Нет, говорит учительница, не поведу, он у хороших людей живёт, учиться стал лучше, зачем ему детский дом? Ах, так?! Позвонили директору школы, объяснили. Директор рассудил — и правда, вдруг с мальчиком что случится, кто будет отвечать? И кто такая эта самая Надежда Николаевна? Секретарша и отвела мальчика, куда требовали.

Вечером дома ждут-пождут — не идёт Вадик. Что такое?! Забеспокоились. Позвонили учительнице — та всё и рассказала. У всех руки опустились. Позвонила на следующий день Надежда Николаевна детскому начальству. А вы ему кто? Вот и оформляйте документы и берите его на здоровье, растите его, отвечайте за него. Испокон веков так было — на всё нужна бумага. Ну, подумаешь, поили-кормили, мыли-стирали, лечили-ласкали просто так, без бумаг. Не положено...

Пригорюнились они, сели все втроём, посмотрели расклад своей жизни. А расклад получился не очень весёлый Надежде Николаевне с мужем уже за пятьдесят, Петра Ивановича недавно на работе сократили, заболел даже с горя — работы нет и для пенсии ещё молод. У сына Серёжи тоже постоянной работы нет, то в одном месте подработает, то в другом. Постоянная работа только у Надежды Николаевны,

инженер она и на хорошем счету, но зарплата совсем небольшая по нынешним временам. Понятно, когда бездетные молодые люди усыновляют малыша, когда богатые люди из благотворительности берут детей на воспитание. Но у них — ни молодости, ни богатства. Что они могут дать Вадике, успеют ли поднять его, на ноги поставить? А вдруг с ними что случится, что будет с мальчиком?

Наверное — это судьба. Пусть определяют Вадика в детский дом. Решили. И тоска с ними, в глаза друг другу смотреть не могут.

Позвонили, чтоб узнать Вадикову судьбу. Ответили им, что определили его в семейный детский дом... Ну вот, хорошо, что в семейный. Про них в газете писали, что люди они хорошие. Надо портфель с учебниками отнести, да вещички его. Настирала Надежда Николаевна, нагладила, собрала вещи, пошла в этот семейный дом.

Встретили её хорошо, вещи взяли, только с Вадиком поговорить не пришлось, дали ей понять — кто ты ему такая, чтоб с ним разговаривать, у него теперь другая семья, другая судьба, тебя не касается. Пошла она домой.

А через несколько дней — звонок. Вадик один дома остался и догадался по телефону позвонить: «Тётя Надя, — говорит, — тётя Надечка!» — и плачет, сказать ничего не может. И она плачет.

Нет на свете человека бесправней, чем ребёнок. Кто его слушает? Взрослые знают, что тебе нужно, и что для тебя полезно.

Не так уж и плохо, наверное, было в детском доме, да это был не его дом. А что такое Дом? Это не только крыша над головой и еда. Дом — это, где ты единственный и неповторимый, где тебя любят, мораль читают, могут и шлепка дать. Там на дверном косяке отметка о твоём росте: «Какой ты большой вырос!», там, в кухне, на клеёнке пятнышко, похожее на зайца, там, на столе царапина, которую ты нечаянно сделал ножом,

там люди, которых ты считаешь отцом, матерью и братом. Там лучшие кошки на свете, про которых ты писал школьное сочинение. Как может ребёнок защитить себя?

Вадик перестал есть. Он лежал и плакал, и ничего с этим нельзя было поделать. И тогда их всех вызвали в судьбоносное место, и сказали: «Давайте решать». Вадик обнял тётю Надю и дядю Петю и сказал: «Возьмите меня к себе...», — и уже плакать не мог — слёз, наверное, не было.

Побежала Надежда Николаевна документы оформлять, справки доставать, по врачам ходить — здорова ли? И все, когда узнавали, зачем ей справки нужны, в лицо ей смотрели, молчали и головой качали, должно быть, поступок этот примеряли на себя, да мало кому он впору.

Вернулся Вадик домой — что тут было! Он кричал, прыгал, кидался всех обнимать, включая кошек, всю мебель в доме переглядел, все вещи перетрогал — здоровался!

А ещё через год погибла его бабушка — упала с лоджии и разбилась. Все соседи собрали деньги на похороны, Надежда Николаевна гроб оплатила — считай, родственница! — и похоронили эту несчастную, надоевшую всем алкоголичку, хулиганку и матершинницу по-человечески, как положено. Такое это великое таинство — смерть, что люди, слава Богу, испытывают к ней уважение.

Бегала опять Надежда Николаевна, собирала справки, оформила на Вадика бабушкину квартиру, чтоб у него, как вырастет, была своя крыша над головой.

Вот уже 14 лет исполнилось Вадиду, как всегда, отметили праздник, по-семейному. Как говорится, всё хорошо, что хорошо кончается. Да разве кончается когда-нибудь тревога и забота матери о своём сыне?

Четырнадцать лет — такой возраст, что нужно за подростком глаз да глаз. Проследить необходимо, чтоб с кем не надо не водился, чтоб уроки учил. Вот только что хорошистом был, а вдруг тройки пошли в дневнике корячиться... Книжки не

очень-то любят читать. Да все сейчас жалуются, что нынешние дети книжками не интересуются. Взрослеет мальчик, нужно одевать поприличней, помодней. Всё необходимое у него есть. Да ведь ребёнку хочется лишнего. Спасибо, власти городские немножко помогают, вот зимой куртку подарили пуховую и тёплые ботинки, и ещё лёгкую куртку, и на ёлку приглашали.

Растёт парень, как на дрожжах, рост уже 170 сантиметров, а нога 42 размер. Телом большой, а умом и душой — ребёнок. Пенсию недавно добавили, было 2900 тенге, а стало 3100. И аппетит отменный, бабушка деревенская говорила — «самый жор». Вот «Сегу» просит купить, приставку к телевизору, а стоит она 3,5 тысячи, так жалко мальчишку огорчать, но нет, Вадик, у нас таких денег. Попросил у знакомого мальчишки эту «Сегу, принёс домой, а у них телевизор старый, чёрно-белый, ещё советский, «Сегу»-то и подключать некуда.

Рожки растут, как у телёночка, бодаться начинает: «Почему ты меня, тётя Надя гулять не пускаешь, я уроки успею выучить! Я на тебя в комиссию по правам человека пожалуюсь!» Вот так-то — и смех, и грех. Как все мальчишки, вещи разбрасывает, носки снимет и под стул бросит. Внушает она ему: «Вадик, научись стирать свои трусики, носочки, ведь ты один на свете, никого у тебя нет...» Он глаза удивлённые поднял: «Как это нет, тётя Надя, а ты? А дядя Петя? А брат Серёжа?» Ну что тут скажешь? Как все дети, он думает, что всё вокруг вечно и неизменно. А жизнь непредсказуема и жестока.

Вот побушевал Вадик, что гулять не пустила, сидит, пишет что-то в тетради, а левой рукой Муську гладит. Муська следит загоревшимися глазами, как танцует ручка по бумаге, не выдерживает — цап-цап лапкой. Вадик легонько шлёпает кошку — нельзя! — и опять пишет. В соседней комнате отец телевизор смотрит. Серёжа в кухне удочки перебирает — как потеплеет, пойдут они с Вадиком на рыбалку. Трое мужчин в доме, и о них душа её болит, и за них она в ответе, а за Ва-

дика, кажется, больше всех. Сил бы только хватило. Хватило бы только сил...

Вот так и живут в двухкомнатной квартире, на первом этаже галерейного дома: отец и мать, возрастом в первой половине шестого десятка, сыновья Серёжа и Вадик, кот Тихон Верещагин и кошка Муська. Семья... Полный комплект.

Матерь Божия, Царица Небесная, спаси всех и сохрани...

г. Актау. 2001 год

Народный театр

Народный театр — ровесник города, он родился в том же 1963 году и существовал до 2000 года. И его историю не отделить от истории города. Каждый год был насыщен событиями — репетициями, спектаклями, устройством праздников, радостями и печалью человеческой жизни. Каждый отдельный год тянулся медленно, а все вместе пролетели быстро. И в них вместились и время приобретений, и время потерь. Он был такой же достопримечательностью нашего города, как маяк на крыше высотного дома. Иногда его не замечаешь, но все знают, что он есть. И если можно точно подсчитать, сколько за эти годы построено в городе домов, сколько добыто нефти, выпущено удобрений, то как измерить вклад театра в жизнь нашего города? Кто сочтёт микроны добра и человечности, золотники радости и счастья, способствующие кристаллизации человеческой души? По прошествии стольких лет сделаем попытку хоть в малой мере представить себе жизнь театра за эти годы.

«Дама в красном»

Современный театр — это прежде всего режиссёр. Казалось бы, драматург написал пьесу, актёры знают текст — пусть и говорят его, как умеют! Но в том-то и дело, что только режиссёр знает общий замысел и ему следует, ведь в одно

и то же слово можно вложить интонацией разный смысл. Можно сказать: «Я тебя ненавижу!» — и услышать: «Люблю!», можно сказать: «Убью!» — и понять: «Жить без тебя не могу!». Так классический лодырь школьной программы Илюша Обломов может оказаться замечательным человеком с тонкой ранимой душой. А слова они и те же. Режиссёр — это что-то вроде увеличительного стекла, собирающего энергию в единый пучок и зажигающий пламя истины.

В 1998 году я ближе познакомилась и с театром, и с его почти бессменным режиссёром Аллой Васильевной Свитневой. Я ходила на спектакли, репетиции, беседовала с режиссёром, с актёрами, со зрителями.

Помню спектакль в Малом зале ДК им. Абая «Суда напрасно не чини». Это было скудноватое материально и счастливое новыми надеждами время, когда прорвалось к нам прежде недоступное: замалчиваемые поэты, опальные писатели, обнажались тайные пружины событий прошедших времён. И в нашем городе — в самую точку, в яблочко, появился спектакль-фантазия — попытка отражения души и судьбы Марины Цветаевой. Ещё не оправившись от простуды, я сидела в затаившем дыхание зрительном зале, слушала звенящую струну голоса Светланы Лозовой и вдруг закашлялась. Я встала и, по возможности, тихо вышла из зала. В проёме двери стояла режиссёр театра Алла Васильевна Свитнева. Мы не были знакомы, но я, конечно, давно её знала.

Ещё в семидесятых годах, увидев красивую энергичную женщину, спросила у знакомых: «Кто это?» И мне сказали: «Свитнева!» — с непередаваемой интонацией уважения, некоторой робости, чуть-чуть приправленной завистью. А женщин не просто шла — она летела, как стрела, пущенная в цель, несла не себя и свою красоту, а Нечто Важное в Нужное Место. Дело у неё было спешное и значительное. И сколько бы раз потом я ни встречала её, она никогда не казалась беспечно фланирующей, а шла с делом и по делу.

А в тот раз, встав у двери, не решаясь войти в зал, я слу-

шала голоса актёров, невольно глядя в лицо режиссёра. Она ни на кого не обращала внимания, вслушивалась в слова, доносящиеся со сцены, и губы её шевелились в лад со звучащим стихом, и страстное подвижное лицо её выражало то ярость, то проблеск одобрительной улыбки, то боль, то злость. Спектакль проходил через её сердце и доставлял ей и муку, и радость. Чаще муку, потому что всегда есть зазор между замыслом и воплощением. А хочется идеального совпадения.

Но вот спектакль закончился, зал зашумел, вскипел аплодисментами, её лицо вспыхнуло обаятельной улыбкой, и, элегантная, эффектная, раскинув руки в готовности обнять всех — и актёров, и зрителей, она пошла в зал, к сцене. И не верилось, что только что её трясло от нервного напряжения.

Сейчас мы серьёзно стали относиться к постулатам астрологии. Алла Васильевна Свитнева рождена под созвездием Рака в год Дракона. И впечатлительность, эмоциональность, преданность друзьям Рака ей приходится сочетать с властью и тиранией Дракона. Ничего не поделаешь — Знак Судьбы.

Есть такое понятие — одержимость. Алла Васильевна говорит об этом просто и ёмко: «Я была пришиблена театром». Она уже не помнит, как это начиналось — со школьных ли детских утренников, где бойкой девочке доверяли главные роли, с балетной ли школы, с выступлением перед солдатами в госпиталях? А, может быть, сыграли свою роль радиопостановки и музыка, льющаяся из чёрной тарелки репродуктора. С детства она была хрупкого здоровья, и частые болезни понуждали к чтению, а, следовательно, к развитию воображения, к мечтам и фантазиям. Уже тогда она чувствовала, что театр — это её судьба. Запахи, звуки, краски театра, костюмы, таинственное закулисье, высмотренные в щёлочку занавеса нарядные зрители — всё вызывало волнение, интерес. Она хотела быть в театре всем — актёром, режиссёром, гримёром, костюмером. Она хотела знать о театре всё. Пошли годы учёбы...

Хочешь — не хочешь, брак ставит жизнь женщины в особенно жёсткие рамки, диктует свои правила — куда иглока, туда и нитка. А «иглолка» — военный инженер-строитель Александр Свитнев требовался во многих местах. Строительство городов, как известно, начинается не с театра, и дипломированному режиссёру Алле Васильевне Свитневой каждый раз приходилось начинать с нуля. Когда муж в 1963 году получил назначение в таинственный Гурье-20, она долго и пристрастием допрашивала его друзей-коллег, приехавших с Мангышлака в отпуск, есть ли там театр.

— Да! Конечно, есть! — уверяли они, — даже два театра! Как же можно без театра?! — ввали, что называется, на голубом глазу.

Ей было двадцать три года, и она поверила. Шок, который она испытала при первом знакомстве с городом, она помнит всю жизнь. Что было делать молодой, талантливой красавице-актрисе (очевидцы рассказывают, что город дрогнул — и мужчины, и женщины ходили специально на неё смотреть — румяную, горластую и глазастую), что было делать ей в этом тупике, в этом дальнем, пыльном кармане необъятной страны? Работать, конечно. Делать то, что умела, что хотелось, чему учили — создавать театр.

И вот уже красочное объявление — «Всем-Всем-Всем!» и, конечно же, «сарафанное радио» — земля слухом полнилась. Пошли люди в клуб после работы, тяжкой и пыльной, туда, на огонёк — где радость, талант, молодость, надежды. Где все единомышленники, и все любят всех, где ночные, (когда свободен от показов фильмов клуб), без усталости репетиции и первый спектакль, с которого ведётся счёт — «Барабанщица» А. Салынского — самая модная пьеса тех времён, которую ставили лучшие театры страны.

В клубе только 176 мест, а желающих во много раз больше, и зрители сидят на полу, в проходах, теснятся у стен. И конечно же, пошли праздничные вечера, капустники, КВНы, театральные представления, и во главе всего она — малень-

кая, худенькая, стройная женщина, кажущаяся такой хрупкой, но такая волевая и сильная. Темперамент её на точке кипения, и тех, кто стоит слишком близко, словно ошпаривает кипятком.

Она делает своё дело, делает его честно — на пределе всех своих возможностей и своего таланта и требует этого от других. И кто-то не выдерживает и уходит, а кто-то остаётся надолго. Дело, которому она служит, придаёт ей сил. Легендарный Рубен Арамаисович Григорян с удовольствием ходил смотреть КВН и энергичную маленькую женщину уважительно называл «Дама в красном».

Это всё о ней: «Дама в красном», она же «Железный Феликс», она же «Мудрая змея», она же «Мадам Брехт плюс Елена Вайгель», она же «Ненормальная баба». Последнее прозвище она заслужила на планёрках у заместителя по строительству, где яростно вмешивалась в обсуждение проекта Дворца им. Абая. Что ж, в каждой шутке, есть доля шутки.

Аллу Васильевну приглашали работать в профессиональные театры, Вероятно, ей было бы легче с профессиональными актёрами, со стабильной труппой. Профессиональный театр открыл бы в её судьбе новые горизонты, дальние перспективы, С её талантом, энергией, упорством она шагнула бы дальше, как режиссёр, известность была бы шире, награды весомей. Но для этого надо было уезжать из Шевченко. А семья, дети?. А работа мужа? Она выбрала мужа и семью. Муж говорил ей: «Профессиональный театр — это хорошо. Хорошо для тебя. Но скольким простым людям ты помогла раскрыться, расширить кругозор, преодолеть робость, зажатость, почувствовать себя творцом, личностью!..» Зная, что идёт репетиция, лёжа на больничной койке, он говорил: «Иди-иди, а то без тебя твой театр завалится!» И в этой шутке — главная правда её жизни.

Алла Васильевна Свитнева — лауреат областных, республиканских, всесоюзных смотров, конкурсов, фестивалей, она награждена медалями «За доблестный труд» и «Ветеран труда», Почётный гражданин города Шевченко-Актау. Чтобы чуть за-

тушевать пафос этих строк, перефразируем Викторию Токареву: «Театр — это был её лес, и она работала в нём медведем».

Актёрское братство

Да, актёры — глина в руках режиссера, но глина божественная, не всякая годится, не всякая выдерживает обработку — мучительный замес репетиций и, наконец, обжиг на жестоком огне публичности. И потом, всякая глина имеет своё сопротивление, свою меру пластичности и заставляет мастера учитывать эти человеческие качества каждого.

Во все времена актёры считались людьми особенными, и отношение к ним было соответственным. В древней Греции их обожествляли, они пользовались уважением и поклонением народа, были жрецами и дипломатами. На Руси скоморохов причисляли к еретикам, их ремесло считалось богопротивным, а какие-нибудь сто лет назад актёров хоронили не в освящённой земле, а за оградой кладбища.

Актёры Народного театра в городе Шевченко были тоже людьми особенными, можно сказать реликтовыми. Они работали на одном энтузиазме, в прямом и переносном смысле «из любви к искусству».

Автору этих строк в своё время удалось встретиться с актрисой, сыгравшей главную роль в том самом первом, легендарном спектакле — роль Нилы Снежко в пьесе А. Салынского «Барабанщица», Людмилой Тарариной. Встреча состоялась в 1998 году. Я ожидала увидеть пожилую, угасшую женщину (со дня того спектакля прошло тридцать пять лет) и ахнула, когда она передо мной предстала моложавой, красивой, полной энергии. Кстати все актрисы театра непонятным образом выглядят на 10-15 лет моложе самих себя. Ах, уж эти актрисы! Ничто их не берёт! Постучим по дереву, чтоб не сглазить!

Гидрогеолог Людмила Тарарина была особенно рада приезде режиссёра. Она знала эту пьесу и всегда мечтала о роли

барабанщицы. Людмила работала в 20-ти километрах от города в посёлке буровиков и на репетиции добиралась на попутных машинах, а иногда и пешком, а её начальник говорил ей: «Работаешь ты, Людмила, хорошо, добросовестно, но работа для тебя — муж, а театр — любовник!» С такой страстью, радостью, счастьем она рвалась на репетиции и спектакли. К слову сказать, Людмила Тарарина была первым телевизионным диктором в Шевченко.

Когда я спросила Аллу Васильевну, кто ей помнится больше всех, она набрала в лёгкие воздух и начала перечислять: «Ну, конечно, Тарарина Людмила... Ох, Анна Николаевна Алтайская, Александр Кондратьев, Люда Несмеянова, Рая Мухина, Эля Мерзлякова...» Алла Васильевна перечисляла имена, и лицо её озарялось улыбкой, чувствовалось, что каждое имя — родное, что с каждым связано что-то особенное. Всегда сложно было добиться стабильной труппы, а в 1998 году уезжали и актёры, и зрители... И вздохнула: «Аня Евдокименко». Вся труппа не могла забыть эту талантливую девушку, уехавшую с родителями в Москву. Представим себе печаль и затруднения художника, у которого отняли одну из красок, и, рисуя картину, нужно обойтись без этого цвета. Да ведь и не одна краска потеряна. И выбор пьес ориентировался на оставшихся актёров.

Помню, я напросилась к Алле Васильевне на репетицию. Сомневалась, разрешит ли смотреть постороннему человеку изнанку спектакля, — там, где нитки, швы, узлы и петли. Разрешила.

На репетиции увидела предельно сосредоточенных людей. Режиссёр свирепствовала, раз за разом добиваясь своего. Что-то не ладилось со светом, со звуком. Она командовала всем, металась, как тигрица, вскакивала на сцену, показывала как нужно вести роль. Гневные, раздражительные, язвительные, может, и несправедливые слова воспринимались, как удары бича. Судя по всему, актёры не обижались, хотя, наверное, расстраивались. Но я видела — она добивалась, чего хотела.

Человек взрывной, она хотела выбить актёра из благодушного настроения, разозлить его, и она кричит: «Что ты холодный, как собачий нос?!» Мне кажется, я поняла — режиссёр хочет разбить жёсткую привычную форму актёра — ведь мы все играем в жизни самих себя, создавая внутри себя собственный образ. Она же хочет высвободить психологическую плазму личности и заставить её принять другую форму — образ персонажа. Мне кажется, она тоже играет роль строгого сурового режиссёра. И удачно.

Алла Васильевна ненавидит слово самодеятельность. Работая профессионально, как режиссёр, она требует того же от актёров. Не все выдерживают. Это очень трудно, но и радостно. Самое большое, что она может сказать актёру: «Да, сегодня что-то было...» Зато она не скупится на похвалу своим актёрам перед зрителями. Наслушалась таких дифирамбов и я.

Наряду со взрослыми актёрами, оказывается, подрастает «подшёрсток». Однажды, придя немного раньше, я случайно попала на занятия подготовительной, подростковой группы театра. «Можно войти?» — спросила я, открывая дверь. У стены сидели мальчики и девочки лет 15-16-ти. Они смотрели на меня, улыбаясь, и вдруг заплодировали. Это было так неожиданно, так смешно, так радостно! Я прослушала это занятие и почувствовала, что такого удовольствия не получала давно. И что мы всё ругаем современную молодёжь?! Смотреть на юных актёров было одно удовольствие — у них были такие хорошие светлые лица!

Алла Васильевна и тут никому не давала спуска, здесь шла зверская подготовительная работа, жесточайший актёрский тренинг. Ребята делали мимические упражнения, дыхательную гимнастику, отрабатывали дикцию. Будь моя воля, я ввела бы такие занятия в обязательную программу школы. Режиссёр сидела на стуле напротив ребят, и от неё шла такая энергия, что казалось — выключи свет и в темноте будет видно, как от неё сыплются искры.

—Так, — говорит она, — зарядились на тётку Федосью!

И ребята застрочили быстро и чётко:

— Тётка Федосья, красила колосья, на берёзе листья, на рябине кисти!

И всё быстрее и быстрее. Кто-то не выдерживается, сбивается — общий смех.

— Слабо у вас, ребята обстоит дело с тёткой Федосьей! — говорит режиссёр.

В это время зашла опоздавшая девочка.

— Ты почему опять без шарфа?! — напустилась на неё Алла Васильевна, и тут же другой девочке: — А тыними тёплую кофточку, запотеешь!

И снова за работу, снова скороговорка: «Цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла!» А она: « Кричите громче, орите — это же именно ваша цапля сдохла! Они кричат, радуются, я смеюсь, и так хорошо, что душа отгаивает. Кстати, знакомые Аллы Васильевны иногда приходят на репетиции просто так — погреться у этого огня.

Свитнева гордится своими актёрами и любит рассказывать, что когда в город приезжали на гастроли профессиональные театры, они, зная наш театр, не брали с собой масовку и актёров на эпизодические роли — приглашали наших.

— И наши их переигрывали! — торжествует Алла Васильевна.

А когда в городе снимали фильмы, «наши» тоже участвовали, и киноактёры изумлялись такому высокому уровню их подготовки — играют, танцуют, поют, сражаются на шпагах.

Когда в 1986 году в Шевченко снималась передача «А ну-ка, девушки!», для большого литературного конкурса телевизионная группа из Москвы хотела привезти известных актёров. Руководство города и области настояло на артистах Народного театра. После нескольких репетиций стороны пришли к взаимному согласию. После показа передачи по Центральному телевидению посыпались письма от актёров

со всей страны с просьбой принять их на работу в театр. Алла Васильевна отвечала, что театр — народный, и денег актёрам не платят. Не верили. Обижались.

Алла Васильевна знает про своих актёров почти всё — их радости, заботы, печали. Она опекает их, помогает, как и чем может. В прежние времена, ради своих актёров она входила в начальственные кабинеты, добивалась, квартиры ли, лекарств ли направления на лечение в клиники Москвы. Про неё говорили: «Она тербит начальство, как гусей». А уж свадьбы, крестины, юбилеи — это всё праздновалось в театре вместе, сочинялись, разыгрывались сценарии, песни, стихи.

Взрослым актёрам и юным я задавала наивные вопросы: «Что для вас театр, почему вы сюда ходите?» И сама размышляла вслух: «Жажда творческого самовыражения? Желание примерить на себя чужую жизнь? Стремление раздвинуть границы собственной личности?» Они согласно кивали головой и прибавляли что-то своё. Девушки из подготовительной группы хотят преодолеть застенчивость, нерешительность. Расширить кругозор, отогреться душой (!). Кто-то хочет написать пьесу (дай Бог удачи), юноши сказали просто и лаконично: «Интересно!»

Для взрослых актёров — это значительная, и, может быть, лучшая часть жизни. Об этом говорили и помощник режиссёра Константин Степанов, и «пожизненно приговорённая к театру» Светлана Крутик-Лозовая (в театре ещё со школьных лет, с первого до последнего спектакля), и щедро одарённый Владимир Ворошилов (бард — поэт и композитор), а также изящная Ирина Кириченко, серьёзная и вдумчивая Алла Майорова, ироничный Сергей Кузнецов, актриса тёплого лирического дара Лариса Науменко. Искусство стало их второй профессией. Преодолевая недомога-ния, депрессию, безденежье, неустройство жизни, они идут в театр на репетиции и спектакли. Они делают своё дело, и дело держит их на плаву. Светлана Лозовая выразила это в шутливых стихах:

Мы не просто подруги,
Мы не просто друзья.
Мы — актёрское братство,
Ненормальных семья.

Что тут скажешь — ни убавить, ни прибавить.

Труды, творения

Премьер за 35 лет было около двухсот, и каждый спектакль играли не менее десятка раз. А были ещё театрализованные представления, праздники, карнавалы. И каждый раз, — подумать, только! — каждый раз для режиссёра нет ни дня, ни ночи, ни сна, ни отдыха, ни мужа, ни детей, нет болезней и недугований, нет друзей и знакомых, есть только ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СПЕКТАКЛЬ, и ему подчиняется жизнь. И ему она служит беззаветно, преданно и заставляет служить всех к этому причастных, невзирая на возраст и положение в обществе, всеми доступными средствами — и мытьём, и катаньем, и лаской, и таской.

Вопрос из бородатого анекдота — «кто главнее в театре — актёр или монтёр?» — не имеет смысла. Все — главные, все — единственные и неповторимые: прима и дебютант массовки, машинист сцены и осветитель. И все живые нити действия нужно связать в клубок и крепко держать его в руках.

А накладки бывали непредсказуемые, проблемы — уму непостижимые. Начиная с той, перед премьерой «Барабанщица». По ходу пьесы героиня Людмила Тарариной в коротенькой эстрадной юбочке вскакивает на стол и начинает на нём отплясывать. Её партнёр и весь зал видит, какие соблазнительные у неё ножки. На стадии репетиций прослышал про это первый отдел. И конечно: «Низзя-а-а подвергать нравственность советских людей такому суровому испытанию». Что делать, ну, что делать?! И актёрский коллектив пишет в первый отдел заявление (!) с просьбой разрешить

героине не с голыми ногами, а в прозрачных чулках поплясать на столе. Так сцена решена у автора, так ставят в лучших театрах страны. И первый отдел, досадливо побряхтев, разрешает, оговаривая: «Не более трёх минут!»

Однажды во время спектакля «Васса Железнова» загорелась крыша зимнего клуба. Актёры и зрители ни о чём не подозревали, а, между тем, снаружи крышу тушили пожарники. Начальник пожарной команды решил подстраховаться, полить водой потолок клуба изнутри и прибежал за кулисы. Шли последние минуты спектакля, умирала Васса Железнова, родственнички крали деньги. Алла Васильевнадохнула пламенем на пожарника и сказала: «Через мой труп!..». Лихой пожарник понял, что трупом, скорее всего, будет он, и ретировался. Спектакль закончился, прошумели аплодисменты, и только тогда пожарные окатили водой потолок сцены.

Однажды осветитель сломал ногу. Спектакль «Заключённый 2-й авеню» мог не состояться. Но состоялся. Осветитель Игорь Иванов работал со сломанной ногой. Он понимал, что монтёр в театре тоже главный человек.

Театральный спектакль нельзя сравнить с кинофильмом. Здесь нет возможности на десятка дублей выбрать лучший, потом смонтировать куски, и получить фильм на высшем накале мастерства Любопытно, почему в таком случае получаются слабые фильмы? В театре актёры создают единственно возможный рисунок образа и каждый раз при повторе он отличается от того, что был прошлый раз — чуть другое настроение, другая интонация. Спектакль вызревает от постановки к постановке, «обкатывается», как говорят в театральной среде.

Но есть у театра и преимущество перед фильмом — живое слово живого человека перед живыми людьми, вот сейчас, сию минуту. И это ни с чем нельзя сравнить. Зрители — вот необходимая и важнейшая часть спектакля, которые даже не подозревают, как важна их реакция для успеха спек-

такля. Бывает, спектакль начинается вяло и холодновато с обеих сторон, но вот слово ли, интонация, всплеск искренности со сцены, словно проскочила искра, и вот уже зажглось и пошло ЭТО — неуловимое и волнующее — со сцены в зал и единым вздохом, тишиной ли, всплеском аплодисментов, усиленное ЭТО вернулось обратно актёру. Возможно, это обмен биополями — поддержка соседа слева и справа, и общий смех, и общий вздох. И вот уже вдохновлённый актёр чувствует кураж, и ваша душа — инструмент в его руках, но и он тоже ваш, в вашей власти заставить его играть на пределе своих возможностей. Так актёры и говорят: «Сегодня был хороший зритель», или: «сегодня зритель тяжёлый».

Вспоминаются разные спектакли театра. Спектакль по пьесе Радзинского «Я стою у ресторана, замуж поздно, сдохнуть рано» для актёров жестокое испытание на мастерство. Светлана Лозовая и Олег Стебловский это испытание выдержали с блеском. Словно сквозь время натянутой струной звучит беззащитный голос женского страдания — голос Светланы Лозовой. Зачем же в самом деле он пришёл к ней среди ночи? Не за спортивными же брюками и кроссовками в самом деле! Это трагедия двух людей, которым и вместе тесно и врозь — хоть брось, хоть с собой кончай, хоть убей. Ставил театр и философскую притчу «Кладбищенский ангел», где трио — любовный треугольник — Светлана Лозовая, Владимир Ворошилов, Сергей Болгов играли слаженно и вдохновенно. А авторские песни — зонги, акцентировали ключевые моменты действия. Зал слушал на одном дыхании, боясь пропустить хоть одно слово. Хохотали зрители на комедийном спектакле «Половики и валенки», где выясняют отношения тёща и свекровь — спорят, ненавидят и жалеют друг друга. Ставил театр и американскую пьесу Н. Саймона «Заклочённый 2-й авеню», где узнаваемые проблемы человеческих отношений. Помнится бенефис барда, поэта, актёра Владимира Ворошилова, когда зрители увидели капустник-коллаж из ролей и песен бенефицианта, где свита — все актёры театра с увлечением играли короля.

Вспоминается премьера спектакля, поставленного труппой Народного театра по повести автора этих строк «Поздние яблоки» в марте 2000 года. Как писали газеты: «Режиссёру-постановщику Алле Свитневой удалось найти своё самобытное прочтение драматической истории любви героев повести, сохранив при этом очевидную связь с литературным первоисточником». Спектакль имел успех.

Да, спектакли — не фильмы. Их не сохранишь, они не отливаются в окончательную жёсткую форму. О них можно только вспоминать, а пересказать спектакль невозможно. Лишь два спектакля театра «Именем революции» М. Шатрова и «Панфиловцы» И. Назарова сняты на киноплёнку и были сданы в Москву в музей Минсредмаша. Но сохранился ли сам музей?

В 2000 году Алла Васильевна Свитнева уехала в Саратов, где живут две её дочери. Театр осиротел и распался на две труппы. При КДК им Абая образовался театр «Гвоздь» под руководством Марины Федоренко с новой режиссёрской концепцией. Театр имеет заслуженный успех у зрителей. Светлана Лозовая стала руководителем и режиссёром другого любительского театра — «САНТ». Большая часть труппы Народного театра ушла вместе с ней практически в никуда, без костюмов, декораций и прочего театрального реквизита. Они ушли лишь с багажом сложившихся традиций и навыков драматической школы режиссёра Аллы Васильевны Свитневой. И не пропали. Сейчас, в 2011 году, когда пишутся эти строки, театру «САНТ» (Содружество актёров Народного театра) уже 10 лет. Он пользуется среди горожан известностью и с успехом ставит интересные и посещаемые зрителями спектакли.

Пожелаем всем творческих успехов, замечательных спектаклей.

Ах, Наталья!...

Вам не приходилось видеть Наталью Романову, директора галереи современного искусства «Ковчег» в городе Актау на открытии очередной выставки? Нет? Не приходилось?

Непреренно, непременно стоит посмотреть и выставку, и Наталью – тонкую - звонкую, ломкую - хрупкую, - ах нет, не хрупкую! – гибкую, гнется она, а не ломается! Неуловима ее улыбка, ее женская суть, как солнечный блик на воде – вот, кажется, попался в ладони, в пригоршни – но нет! – ушла Наталья, утекла вниманием, хоть и стоит рядом, а улыбка, взгляд – уже кому-то другому, потому что надо видеть всех, кому-то кивнуть, к кому-то подойти, сказать что-то значительное, особенное для каждого, милое и ласковое. И голос, голос – какое голубиное воркование, какие ласкающие слух обертоны, достающие до самой сердцевины вашей сущности и задевающие такие струны, что если она этим ангельским голосом попросит об одолжении, то вы не найдете никакой, ну просто ни малейшей возможности отказать ей. А волосы – светлые, длинные, небрежны в меру и со вкусом, и платье на ней каждый раз новое, вот сегодня – то вспыхивает алым, то бликует серебром... И откуда только она берет эти наряды?...

Посмотришь на нее и подумаешь: - Ах, баловень Судьбы! Везет же людям! Как эта женщина умеет жить играючи – легко и счастливо! И хочется подойти поближе, взглядеться пристальнее и узнать, где это учат на директоров галерей современного искусства, и как стать любимой женой, обожае-

мой матерью, деловой женщиной, и как это в одном человеке все совмещается?

Раскинем же карты, погадаем на червонную Даму, Наталью Романову, что-то увидим, о чем-то догадаемся, что-то домыслим – что есть, что было, что будет и чем сердце успокоится.

И что же есть? А есть галерея «Ковчег». Даже не верится, что она существует только четыре года – так она вписалась в жизнь нашего города, так сделалась известна, так оказалась необходима.

Галерея открылась в декабре 1997 года на Рождество, рождественской же выставкой, и с тех пор изумляет горожан напряженностью интеллектуального поля, неформальностью, непредсказуемостью дел, именующихся в бюрократическом словаре мероприятиями, и уже обрела своих поклонников, помощников и завсегдатаев.

Многое осталось в памяти – и юбилейный вечер Владимира Высоцкого, когда заполненный людьми зал был как одно существо, объятые благодарностью и светлой памятью, и празднование Дня Святого Валентина с выставкой ню «Ты прекрасна, возлюбленная моя!», и конкурс художников, посвященный юбилею города и персональные выставки, и поэтические вечера, и презентации стихотворных сборников. И потянулись разные люди в «Ковчег» со своими проблемами, интересами, мыслями.

Так пришел Задумчивый и принес причудливо сверкающий сложный многогранник и сказал: - Это Модель Мира. А что? Может и в самом деле модель... И пришла Восторженная, влюбилась в картину и стала ходить к ней на свидание, радуясь, что картину еще не продали и отчаиваясь, что когда-нибудь ее купят.

Находившегося в городе по делам посла Индонезии привезли в «Ковчег» показать выставку Елены Григорьян «Анпо Domini». И посол, поломав протокол, задержался на выставке и пожелал познакомиться с художницей и другими ее работами, и работами ее мужа Владимира Григорьяна, долго

смотрел их, беседовал с авторами и приобрел несколько картин для своей коллекции.

Работает в «Ковчеге» детская студия изобразительного искусства, и дети с увлечением учатся разговаривать на языке красок. Серьезные женщины внимательно слушают лекции школы выживания. Что ж, женщины понимают в этом толк. И много других дел у «Ковчеха», все не перечислить.

А что же было? Как появился этот «Ковчег»? И где была Наталья Романова, и как она жила, и что делала?

В начале, конечно же, было Слово. Художники Актау, друзья и единомышленники, давно вынашивали эту идею, говорили часто, мол, «хорошо бы!» да «надо бы!». Идея носилась в воздухе, будоражила умы, манила перспективами, пугала трудностями, потихоньку «овладевая массами», а когда областной выставочный зал закрылся на ремонт, стала просто ломиться в двери.

Художники – люди творческие, мечтательные, нужен был волевой, деловой человек, который организовал бы всех на превращение бесплотной идеи в реальность.

Домохозяйка поневоле Наталья Романова, имея слабое от природы сердце, сидела дома и принимала таблетки. Наталья была в том прекрасном «чуть за сорок» женском возрасте, когда дети уже выросли, а внуков еще нет и наконец-то можно осмотреться вокруг себя. Картина «вокруг себя» была не очень радостная – старая жизнь обрушилась, завалив многих своими обломками, в том числе и семью Натальи – сама она была уволена из за ликвидации организации, мужу не платили зарплату, у детей были трудности с работой, и можно было под этими обломками зачахнуть, досадливо и громко сетуя, а можно попытаться выкарабкаться и вытащить других.

Наталья почти физически ощущала бег Времени, слышала его зов, его настойчивое поучение – «тик-так, тик-так!» – делайте, делайте что-нибудь, делайте, найдите себя и свое дело, свое место в этой новой жизни, вылезайте из под обломков, а то можно опоздать - «тик-так, тик-так!». И этот зов тревожил ее и мучил, и не давал спать. А время все тикало,

все подгоняло - «тик-так, тик-так!» - не найдешь себя, отстанешь, жизнь выкинет тебя на обочину, скучно тебе станет и на других смотреть завидно будет - «тик-так, тик-так!» - торопись!

Теперь мы очень внимательно относимся к гороскопам. Наталья Романова родилась под созвездием Скорпиона в год Обезьяны, в час Дракона. Из великого множества свойств этой гремучей смеси обратим внимание на любопытство, ум, решительность, фонтанирующий авантюризм, умение видеть цель, стать стрелой в нее летящей и главное – созидательную энергию.

С детства это проявлялось в том, что она искала себе дело и доводила его до конца. Мать, учительница начальных классов, еще маленькую брала ее в школу на уроки и в загородные походы с классом. Наталья рано научилась читать, и в книгах открывался новый мир, зашифрованный в буквах, а в походах – другой, скрытый за горизонтом. Она много читала, бессознательно и жадно заполняя свои жизненные баки горючим человеческого ума и опыта, и стала тем, кого называют «книжным алкоголиком». Когда закончила школу, решила превратить свой «порок» в профессию – поступила на библиотечный факультет Чимкентского института культуры.

Вернувшись после окончания института в Актау, получила то, что хотела – работу в библиотеке, много книг, много читателей, много разговоров о прочитанном. Познакомилась с одержимыми туристами и тоже получила то, к чему имела склонность – идти к конечной цели через трудности.

А что же не книжная, живая жизнь? Любовь? Семья?

Эта сторона жизни приоткрылась мне нечаянно и немного неловко. Увидев ее взрослых детей и их удивительное сходство с отцом, я пошутила:

— Наталья, при чем здесь ты? По-моему твой муж просто отпочковался!

Она засмеялась искренне и как всегда чуть кокетливо: — Ни при чем!

А позднее я узнала, что в изначальном, биологическом

смысле она ни при чем – их родила другая женщина.

В свои двадцать три года она встретила и полюбила мужчину с двумя детьми и согласилась выйти за него замуж.

Родители, родственники, знакомые были в шоке: - С ума сошла! Она твердо сказала: - Или за него, или ни за кого!

Мать говорила: - Подумай! Ты готовишься стать мачехой!...

Мачеха – слово жесткое, понятие – жестокое, самой страшно. Но ведь имя тоже определяет судьбу. Имя ее – «Наталья» от латинского natalis – родная. Значит, она станет им родной. Конечно, она не представляла, за что взялась: дети, девочка и мальчик, семи и шести лет, уже не поперек – вдоль лавки лежали. Все, кто растил детей, знают, что это такое. Все знают, что для женщины «здравствуйте, дети!» означает – «прощай карьера!». Пришлось уйти из центральной библиотеки и устроиться библиотекарем в военную часть на половину рабочего дня. И конечно – детские болезни, капризы, двойки, родительские собрания, подростковые проблемы. Она не отступилась, превратила порыв мгновения в поступок жизни.

Семья без матери – как недостроенный дом – и холодно и дует. Она пришла и законопатила щели терпением, застеклила окна пониманием, утеплела стены добротой и прощением, и дом их покрытый радостью стоит уже более двадцати лет и устойчив при любом «жизнетрясении».

Можно много говорить об этом громких слов, но истина открывается в мелочах. Когда я пришла к ним домой, в вазе стояли чуть привядшие роскошные алые розы.

— У кого-то был день рожденья? – спросила я.

— Нет, это Денис, сын, на днях принес.

— Просто так принес?

— Да. Захотелось - и принес.

Многие ли сыновья приносят матери цветы «просто так»?

Я встретила с Василисой, ее дочерью, после работы.

— Ты, наверное, проголодалась? Ужинай... — сказала я, понимая молодой аппетит.

— Нет, я маму подожду. Я люблю с мамой ужинать, обо всем с ней поговорим...

Вот и вся истина.

Наталья, не имея специального образования, всегда проявляла вкус и художественное чутье. С художниками она дружила, про идею слышала. Робкая мысль «а что если...» однажды посетила ее и сначала испугала. Наталья мысль отогнала, но она вернулась снова, притащив за собой и другие – «а кто?», «а с кем?», «а деньги?» и уже думалось дальше, о возможности совмещения гармонии и алгебры, души и коммерции. Художники собрали собрание и – словно спичку поднесли! – взорвались, зажглись общим делом! Взяли в аренду пустующее крыло детского садика, и закипела работа: визжала пила, стучали молотки, работали все вместе, с друзьями, чадами и домочадцами: штукатурили, красили, клеили обои — обустраивали галерею, которую единодушно называли «Ковчегом». Это надо было видеть. Я видела. Впечатляет.

Как-то незаметно получилось, что лидером стала Наталья. Конечно, одна она ничего бы не сделала, но она была как линза, собирающая лучи. И тут выявилось ее самое главное и важное свойство – умение строить отношения с людьми: с художниками, партнерами, спонсорами, администрацией, прессой и телевидением. И главное тут – интуиция, качество наиболее присущее женщинам. А Наталья и есть истинная женщина, все в ней есть и все в равновесии – лукавство и искренность, серьезность и легкомыслие, милосердие и жесткость, непредсказуемость мгновения и выверенность основной линии жизни. Иногда она кажется слабой – так и просится под крыло, а иногда понимаешь – на ее плечо можно опереться. Как каждая женщина она вращает вокруг себя свою Вселенную. Кто-то ее любит, кто-то не любит, но редко кто к ней равнодушен. Она вызывает к себе сильные чувства. Она делает Дело, а Дело делает ее – шлифует, обкатывает, оббивает лишнее, ему, Делу, мешающее. Она не представляла, за что взялась и по ее ли это силам, но бросить уже не может. Дело свое она любит и, похоже, любовь эта взаимна. Кстати, о таблетках она забывает – некогда. Выход на сце-

ну таких волевых и энергичных женщин – явление современной жизни типичное и знаковое. Астрологи уверяют, что наступает эпоха Водолея и Эра Женщин. Может быть, мы видим ее начало.

Галерея «Ковчег», к сожалению, не приносит больших доходов, и даже средних. Скажем так – не дает пропасть. И вызвано это не только новизной дела, неопытностью устроителей, но и общим материальным уровнем общества. Люди в первую очередь купят еду, одежду, а потом картину или книгу. Но все понимают, что душа тоже требует пищи, ее тоже нужно кормить и об этом говорит уже сам факт, что галерея «Ковчег» появилась и существует.

У Натальи много идей, планов. Так она мечтает создать в городе Актау лагерь художников. Природа Мангышлака уникальна – сурова и прекрасна. Здесь и Каспийское море с его изменчивостью красок и сумасшедшими по красоте закатами, и философские дали степей, и бисквитно-ломкие, розово-желтые горы Актау, и оглаженные временем черные вершины Каратау, древние некрополи, подземные мечети, дивные ущелья, заросшие мятой и боярышником, с чистейшими ручьями холодной и сладкой воды. Да что говорить, лучше один раз увидеть. Наталья верит, что это и нужно, и возможно. И это будет...

А чем же сердце успокоится? А сердце – живое, человеческое, женское сердце! – не успокоится никогда. И это прекрасно...

P.S. А все-таки, где же Наталья берет свои красивые наряды? Да шьет она их! Сама шьет – что-то берет из журналов, что-то сама придумывает. И быстро так, быстро! – ножницами «вжик-вжик», иголкой «ширк-ширк», машинкой «дрр-дрр», полночи не поспит и уже готово что-то, то ли экстравагантное и балахонистое, то ли элегантное и облегающее, но непременно отмеченное индивидуальностью и вкусом. И вот уже в новом наряде вертится перед зеркалом, и смеется, и кокетничает сама с собой...

Ах, Наталья!...

Г. Актау, 2000 год

У незнакомого посёлка...

Судьбы народов России и Казахстана связаны так крепко, так причудливо переплетены, так много было у нас общей беды и общей радости, что память об этом будет долгие годы объединять нас и служить залогом дружбы и взаимного уважения. Великая Отечественная война вписала в историю каждой семьи бывшего Советского Союза свою незабываемую страницу. Чаще всего это страница трагическая, и боль тех давних дней живёт в памяти поколений, тревожит, как незаживающая рана. Так случилось и с казахской семьёй Танатовых-Кудайбергеновых.

В предпраздничные майские дни 2004 года Турсун Толешовна Танатова-Кудайбергенова, жительница Актюбинска, врач на пенсии, вместе со своим сыном, известным в Актау врачом, Маратом Капаевичем Кудайбергеновым ехала в Россию, на могилу своего отца, командира Красной Армии, Толеша Танатова, которого она никогда в своей жизни не видела. И он её никогда не видел, свою единственную дочь — не ласкал, не баловал, не журил за проказы, не носил на руках, не подбрасывал к потолку, не сидел у её кровати, когда болела, не гордился её успехами, не выдавал замуж, не радовался внукам... Только и успел узнать, что она родилась 27 августа 1942 года, а 31 декабря 1942 года он погиб. И о том, когда, как он погиб и где похоронен, она узнала недавно, через 61 год.

Вот она и случилась, наконец, эта дорога, о которой она мечтала всю свою жизнь, которую искала, верила, что найдёт, иногда падала духом, смирялась с неизбежным и снова надеялась. Она смотрела в окно вагона, и всё ей казалось исполненным особенного значения, ведь эта дорога замыкает разорванную цепь поколений её семьи. Они ехали в Калмыкию, в неведомое село Вознесенка, о котором никогда прежде и не слышали, а память возвращала её в прошлое, в родной город Аральск, где прошло её детство, и откуда отец ушёл на фронт.

Когда началась война, Толеш Танатов был председателем горисполкома Аральска, и его не брали на фронт — броня его должности была неуязвима. Он был прирождённым организатором, и хозяйство города, его снабжение, отопление, освещение, бесперебойная работа всех организаций и служб нуждалась в таком руководителе. Работы было невпроворот — с раннего утра до позднего вечера.

Уже в первые месяцы войны, в город стали приходиться похоронки, в одно мгновение оставляя безутешными матерей, делая жён вдовами, а детей сиротами. Среди погибших были и его личные друзья. Он приходил в осиротевшие дома, говорил утешающие слова, старался помочь, но глубинное чувство, которое называется совестью, жгло его и мучило. Крепкий тридцатипятилетний мужчина, он стыдился людей и самого себя. И пришёл к секретарю райкома с заявлением о том, что добровольно уходит на фронт. Секретарь отговаривал его, приводил всякие доводы, в том числе и тот, что жена его ждёт ребёнка, но у Толеша был свой довод: «Я не могу смотреть в глаза вдовам моих друзей». Он считал, что на фронте принесёт больше пользы, ведь военный опыт у него был.

Круглый сирота с детских лет, он заботился о своём младшем брате и сестрёнке, в четырнадцать лет пас красноармейских лошадей, доил кобылиц, приносил

домой молоко, и тем кормились и выжили. Потом сам стал красноармейцем, вступил в партию, учился. Со временем проявились его организаторские способности, он был начальником морского порта в Аральске, затем председателем горисполкома. Женился, и всю жизнь помогал своим родным и родственникам своей жены – сначала не умереть с голоду, потом учиться, встать на ноги. Помогал своим друзьям, соседям, горожанам. Это было его призвание – помогать людям. Он создал интернат для детей-сирот и поместил его в своём большом доме, положенном ему по статусу. У них с женой родились двое сыновей, которых по обычаю тех лет называли Совет и Маркс. Оба мальчика умерли в детстве от кори. И вот теперь жена снова ждала ребёнка. Он сказал ей: «Дай ребёнку имя Турсун». Смысловой перевод этого имени на русский означает – «Живи!»

Из армии он прислал несколько писем и фотографию. Был командиром, служил в пехоте. Зимой 1943 года его жена Бибизада Танатова получила извещение, что её муж пропал без вести. И в этом известии была некоторая недоговоренность, опасная для тех лет, мол, неизвестно, где он и что делает. И была тайная надежда — а вдруг жив и вернётся? Жёны и матери по всей стране, получавшие такие извещения, всю войну и долгие годы после войны ждали знакомых шагов и стука в дверь. Уже в конце пятидесятых в город приехал из Кзыл-Орды инвалид, без ноги, разыскал мать и дочь и рассказал, что осенью сорок второго года он встретил Толеша, когда его часть должна была переправляться через Волгу. Земляки, казахи, они разговорились, и Толеш просил его, если тот раньше попадёт домой разыскать его жену и дочь, помочь им. Если он погибнет, то просил сказать жене, если встретится ей хороший человек, пусть выходит замуж, а дочь отдаст брату Толеша. Может быть, что-то чувствовал. Выглядел усталым, пожаловался на ноги. Сняли сапоги, а на ногах у него кровавые мозоли! Земляк перебинтовал ему ноги, расставаясь, пообещал исполнить поручение, если сам останется жив.

Всю свою жизнь, особенно в детстве, Турсун болезненно ощущала отсутствие отца, но таила от всех свои чувства. Люди так хорошо вспоминали Толеша Танатова, что она стала гордиться отцом. Ей казалось, что он где-то рядом, всё видит, знает и оценивает её слова и поступки. Она была похожа на отца, и мать часто говорила ей: «Ой, дочка, ты сейчас головой покачала, как отец! Ты любишь ту же еду, что любил отец!» Её радовала это. Она ощущала большую ответственность за свою учёбу, за свою жизнь. Он оставил ей в наследство свои гены — ум, характер, волю и желание помогать другим. И это качество толкнуло её в профессию. Она поступила в Актюбинский медицинский институт. Студенчество было нелёгким — жила в общежитии на одну стипендию, но отцовское упорство не покидало её никогда. После окончания института, уже с мужем, тоже врачом, они вернулись в Аральск. Она рвалась к матери и безотчётно к отцу. Как будто он ждал её там, дома, и мог гордиться тем, что она стала врачом. И так было всегда. Она сверяла с ним свою жизнь, как с эталоном.

Она искала отца. Специально ездила в Москву, обращалась в Центральный архив Советской Армии. Оставила запрос. И ещё писала, писала, писала... Но ответов либо не было, либо они были отрицательными. Пропал без вести... Были ведь сотни тысяч таких запросов — и никаких компьютеров, только бесконечные папки с ломкими бумажками и архивисты, не успевающие справляться со своим делом.

А жизнь шла своим чередом, а в ней обычные заботы и события — работа, рождение детей. Так и не дождавшись ни мужа, ни весточки о нём, ушла из жизни мать Турсун Толешовны. Младшая сестра матери, Бибигуль, учительница, в своё время получила образование благодаря своему зятю Толешу. Её муж работал в военкомате. И вот через военкомат они всё посылали и посылали запросы. Стучали в разные двери. И через десятилетия показался кончик ниточки, за

которую надо потянуть. Уже тяжелобольная тётя оставила Турсун Толешовне письмо — ищи могилу отца возле села Вознесеновка в Калмыкии. Турсун Толешовна писала в Вознесеновку несколько раз. Сначала ответа долго не было, а около года назад пришло письмо, подписанное главой администрации, где сообщалось, что в селе находится мемориальный комплекс, и на плите выбито имя её отца — Толеша Танатова. Её приглашали приехать в село на празднование дня Победы.

И вот они с сыном ехали в неведомое, незнакомое село. Ехали и не знали, как их встретят, ведь прошло более шестидесяти лет со дня гибели красноармейцев. Нужны ли кому их родственники? Кому там расскажет она свою печаль, своё желание, длиной в жизнь, припасть к могиле отца и выплакаться? Столько лет прошло!

Но уже в Аксарайске российские пограничники, увидев письмо-приглашение на мемориальный комплекс, вскинули руку под козырёк, а таможенники пропустили без очереди и без досмотра: «Добро пожаловать!». Это показалось добрым знаком. Был канун праздника — 8 мая. Встретивший их астраханский знакомый повёз их на машине в Элисту. По дороге они остановились пообедать в придорожном кафе и спросили у хозяина, далеко ли до Вознесеновки. «Да вот же она, почти рядом! Свернёте с шоссе на боковую дорогу, подниметесь на холм, а там увидите село. Это и будет Вознесеновка!» И это тоже было добрым знаком. Они свернули на Вознесеновку.

Главу администрации, Петра Архиповича Свинарёва, они нашли дома, куда он приехал обедать. Услышав, кто они такие, он искренне обрадовался: «Дорогие мои! Что же вы не дали телеграмму? Мы бы вас встретили, как положено!» Тут же сел с ними в машину, и они поехали в администрацию, в школу, в музей, и там их встретили, как родных. Им рассказывали, как всё было более шестидесяти

лет назад, когда наши выбивали фашистов из Вознесенки, и что тридцать три года спустя, когда всех павших воинов перезахоронили в братской могиле и поставили общий памятник в центре села. В музее они с волнением смотрели экспонаты, которые нашли следопыты: ложки, лопатки, патроны, фотографии перезахоронения.

Познакомились с очевидцем боя село А. А. Емельяновым, тогда, четырнадцатилетним мальчишкой, а теперь ему было уже 75 лет. Он видел бой, спрятавшись с ребятами на сеновале, и помогал хоронить Толеша Танатовича и ещё двоих бойцов. Подробностей этот старый человек уже не помнил, но сказал, что эти трое погибли в одном километре от села, что красноармейцы наступали, они стреляли из пулемёта и автоматов. А противник отбивался из миномётов. После боя, 29 человек наших нашли убитыми в самом селе и троих в одном километре от села. Этих троих нашла русская женщина, жительница села. Она и несколько мальчишек похоронили их в воронке от бомбы, положили под головы шапки, закрыли им глаза, укрыли сверху шинелями и насыпали холмик. Помнили, что один из бойцов был азиатской внешности, подумали, что калмык. Очевидец вспоминает, что женщина очень плакала и причитала: «Такие молодые, такие красивые!» Документы не искали, торопились похоронить. Война... Святое дело – предать земле погибших. Женщина тридцать лет следила за могилой, о которой до поры до времени и не вспоминали в послевоенные годы. А в 1975 году к 30-летию Победы решили всех погибших в том бою перезахоронить в центре села. И тогда эта женщины напомнила о трёх красноармейцах, похороненных за селом. Останки каждого из них положили в отдельный гроб. Пётр Архипович Свиначев тогда был следопытом, они тоже писали в архивы и со временем узнали, что один из погибших был казах, а не калмык. И имя его — Толеш Танатов. На месте прежнего захоронения посадили дерево в

память о погибших. Сейчас это высокий красивый карагач. А женщина, хоронившая их в войну, через 33 года снова горько плакала, как будто это было вчера, приговаривая: «Такие молодые, такие красивые!» Сейчас и её уже нет в живых. В растерянности от всех событий встречи, они не записали её имя. В братской могиле похоронено 32 красноармейца, известны имена только шестерых.

Турсун Толешовна с сыном уехали в Элисту, остановились в гостинице, отдохнули. Их оставляли в селе, но они не хотели никого стеснять. На следующий день, 9 мая, они приехали в Вознесенку заранее. В 10 утра началось торжественное шествие людей от сельсовета к мемориальному комплексу. Казалось, там было всё село. Несли венки, красивые садовые цветы и трогательные букеты полевых цветов. И был митинг, и речи, и не было женщины, которая бы не прослезилась, особенно горько плакала молодая учительница, внучка женщины, похоронившей троих бойцов. И не было мужчины, который остался бы равнодушным. А потом была минута молчания, и слышно было только, как ветер шелестит, перебирая цветы на мемориале, да высоко в небе заливается жаворонок. Дочь и внук Толеша Танатова опустили на колени у его могилы и положили на неё горсточку родной казахстанской земли. Наконец-то, наконец, они его нашли. У тебя достойная дочь, Толеш Танатов, двое внуков и внучка — и все они врачи. И у тебя уже пятеро правнуков, и все они обязательно вырастут честными, достойными людьми, как их прадед, мужчина и воин. Одна женщина сказала Турсун Толешовне: «Как радуется сейчас душа вашего отца!» — и обе они посмотрели на небо. Там, высоко-высоко, словно привязанный на ниточке трепетал и звенел песней жаворонок.

Они побывали у памятного дерева, на том месте, где погиб Толеш, и его дочь и внук, впитали глазами и душой то, что видел он последний раз в жизни — широкую степь, полого

вздымающийся холм, домики на окраине села. Только тогда, в этот последний день 1942 года всё было покрыто снегом, а сейчас вокруг было радостно, ярко, и мощное дерево вздымало высоко свои ветви, как негасимый зелёный факел жизни.

А потом состоялся концерт, где дети и взрослые пели песни военных лет. Было чаепитие в их честь, и их приглашали приехать на следующий год на празднование юбилея Победы и просто так, в гости. Ведь для всех жителей Вознесеновки они теперь родные люди. А живут в селе около двух тысяч человек: русские, калмыки, чеченцы, дагестанцы. Две семьи, переехавшие из Казахстана засыпали их вопросами, как там, у вас-у нас в Казахстане.

Они подарили музею фотографию Толеша Танатова и казахское войлочное панно. Уезжали благодарные и счастливые, плакали и улыбались. Древние греки называли это «катарсис» — очищение души через потрясение, радость через страдание. Они это пережили.

По пути домой, на одном из полустанков, Турсун Толешовна вышла из вагона поразмять ноги; она погуляла, подышала, потом подняла голову и посмотрела в небо. Там, высоко-высоко, словно привязанный на ниточке, трепетал и заливался песней жаворонок. Конечно, это был совсем другой жаворонок. Но ей хотелось думать, что тот же самый.

СОДЕРЖАНИЕ

Повесть

Шиповник цветет... ..	3
Поздние яблоки	51

Рассказы

Неделя в Париже, неделя в Москве... ..	117
Когда идет снег... ..	138
Сиреневый туман	146

Очерки

Хороша страна Швейцария... ..	155
Путешествие в Москву и Петербург	206
В поисках точки опоры	228
Та самая Америка... ..	247
Та самая Россия... ..	307
«Собор души твоей...»	371
Это я — Вадик!.. ..	383
Ах, Наталья!... ..	407
У незнакомого посёлка... ..	414

ТАМАРА ПАВЛЕНКО

Шиповник цветет...

(повести, очерки, рассказы)

Редактор: Жумалиева Б.

Дизайн обложки: Мейрбеков Е.К.

Верстка: Мейрбеков Е. К.

Подписано к печати: 16.03.2017 г.
Формат 84x108 $\frac{1}{32}$ Печать офсетная.
Шрифт: Times New Roman
Усп.п.л. 22.26 Тираж 5000
Заказ № 882

ТОО Издательство «Асыл сөз»
г. Алматы, пр. Абая, 143
e-mail: asulsoz@mail.ru

ISBN 978-601-80552-9-4

9 786018 055294

Тамара Павленко

Они вошли под кроны деревьев и оказались объаты острой, влажной, горьковатой свежестью осеннего леса с запахом хвои и опавших листьев. И это место казалось сейчас единственно возможным, где им назначено встретиться после долгой разлуки. Они молча обнялись и стояли тихо, вдыхая неизъяснимый, немножко даже грибной – аромат леса и узнаваемый запах друг друга...

Республика Казахстан,
050009, г. Алматы, пр. Абая, 143